

Андрей Некрасов

Приключения капитана Врунгеля

комментарии
Ильи Бернштейна,
Романа Лейбова,
Олега Лекманова;
иллюстрации
Кирилла Чёлушкина

руслит

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XX ВЕКА

Андрей Некрасов Приключения капитана Врунгеля руслит

руслит

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XX ВЕКА

Название серии отсылает к академическим «Литпамятникам», вот уже скоро семьдесят лет знакомящим русскоязычного читателя с классикой мировой литературы в самой рафинированной издательской подаче: лучшие тексты, лучшие переводы, фундаментальные сопроводительные статьи и комментарии. Мы равняемся по «Литпамятникам», но с двумя оговорками:

а) публикуем только русскую прозу двадцатого века;

б) чтобы максимально расширить круг наших читателей, стараемся «разъяснять» тексты, дополнять их важными для понимания текста сведениями в менее «академической» манере – со множеством иллюстраций, интересных «контекстных» историй, привлекая для этого специалистов из смежных (иногда и не очень) с литературоведением областей. При этом в комментаторской работе мы опираемся только на подлинные архивные материалы, мемуары и письма современников.

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».

Повесть Андрея Некрасова (1907–1987) «Приключения капитана Врунгеля» неоднократно переписывалась автором – менялись его личные обстоятельства, политический климат в СССР и в окружающем мире. Первоначальная версия, выходившая в 1937 году в журнале «Пионер», предвосхищала столь актуальный сегодня «графический роман»: практически полосные иллюстрации Константина Ротова сопровождались обширными подписями Некрасова. В 1939 году повесть впервые вышла отдельной книгой, и хотя в ней по-прежнему были работы Ротова, но роли поменялись – теперь главное место занимала литература. Рассказ о кругосветном плавании яхты «Беда» был не только острым и остросюжетным, не только вобрал в себя обширный моряцкий фольклор, но и сатирически описывал политическую карту мира конца 1930-х годов – с германскими нацистами, испанскими франкистами, фалангистами Муссолини и японскими милитаристами. Следующая версия книги появилась в 1958 году, и теперь на просторах морей «шкодили» (по выражению Христофора Бонифатьевича Врунгеля) чанкайшисты.

Все эти реалии и обозначающие их слова вряд ли понятны сегодняшнему читателю. Поэтому книга снабжена обширным – 150-страничным – научным аппаратом, объясняющим (и показывающим – комментарии проиллюстрированы фотографиями, плакатами, карикатурами), каким видели окружающий мир первые читатели книги.

Составление и оформление серии Илья Бернштейн

© ИП Бернштейн И.Э., 2017

© К. Чёлушкин, иллюстрации, 2017

© М. Свердлов, статья, 2017

© Г. Ельшевская, статья, 2017

© М. Терещенко, статья, 2017

© О. Лекманов, статья, комментарии, 2017

© Р. Лейбов, статья, комментарии, 2017

© И. Бернштейн, дизайн, составление серии, статья, комментарии, 2017

Андрей Некрасов

Приключения
капитана Врунгеля

комментарии
Ильи Бернштейна,
Романа Лейбова;
Олега Лекманова

иллюстрации
Кирилла Чёлушкина

Издательский проект «А и Б»
2017

*глава I, в которой автор знакомит читателя
с героем и в которой нет ничего необычайного*

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

– Навигация, – сказал он на первом уроке, – это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация, – добавил он напоследок, – наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель – не иначе, как старый морской волк на покое. Навигацию он знал блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избородил все моря и океаны.

Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор, в отличие от прочих навигаторов, сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приводили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачёсывал с затылка на лоб, носил пенсне на чёрном шнурке без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

– Ну, что вы! Не время сейчас, – возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что, в отличие от прочих навигаторов, Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрёл свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно не посчастливилось услышать от самого Врунгеля рассказ о его необычайно смелом кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае калоши, промочил ноги, простудился и слёг в постель. А время стояло горячее: весна, зачёты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.

Я отправился. Без труда нашёл квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... ошеломился от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые, растрёпанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он и действительно покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Врунгелем в специальной стойке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант. Небрежно брошенный свёрток карт наполовину закрывал сушёный акулий плавник. На полу вместо ковра распласталась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками ржавой цепи, на стене висел кривой меч, а рядом с ним – зверобойный гарпун. Было ещё что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.

– Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич, – произнёс он громовым басом, протягивая мне руку. – Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

– Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчёт тетрадок... ребята прислали... – начал было я.

– Виноват, – перебил он меня, – виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Стар стал, ничего не поделаешь... Да... так, говорите, за тетрадями? – переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столом.

Наконец он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

– Вот, извольте, – сказал он, предварительно громко, со вкусом, чихнув, – у всех «отлично»... Да-с, «отлично»! Поздравляю! С полным знанием науки кораблевождения пойдёте бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждёт вас впереди! Тропики, полюса, плавание по дуге большого круга... – прибавил он мечтательно. – Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не поплавал.

– А вы разве плавали? – не подумав, воскликнул я.

– А как же! – обиделся Врунгель. – Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение, – добавил он, помолчав. – Многое, так сказать, предстаёт теперь в ином свете, но всё же, знаете, оглянешься вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятного и поучительного в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте...

С этими словами Христофор Бонифатьевич пододвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как на кресло, а Врунгель стал рассказывать.

глава II, в которой капитан Врунгель рассказывает о том, как его старший помощник Лом изучал английский язык, и о некоторых частных случаях практики судовождения

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной – и тряхнул. Так тряхнул, что по всему миру пыль пошла!... Да-с. Вам, простите, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнём по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так, чтобы вовсе мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воробей, на хорошем счёту, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил: пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка – пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашел. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили.

Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением её в два счёта привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль на два фута, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта – игрушечка! Сорок футов по палубе. Как, говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

Успех, подобного предприятия, как вы знаете, во многом зависит от личного состава экспедиции. Поэтому я особенно тщательно выбирал своего спутника – единственного помощника и товарища в этом долгом и трудном пути. И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос – как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всём том отличное знание дела, поразительная скром-

ность – словом, всё, что требуется первоклассному моряку. Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьёзный: полное незнание иностранных языков. Это, конечно, важный порок, но это не остановило меня. Я взвесил положение, рассудил, подумал, прикинул и приказал Лому в срочном порядке овладеть английской разговорной речью. И, знаете, Лом овладел. Не без трудностей, но овладел за три недели.

Для этой цели я избрал особый, дотоле неизвестный метод преподавания: я пригласил для моего старшего помощника двух преподавателей. При этом один обучал его с начала, с азбуки, а другой с конца. И, представьте, с азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно с произношением. Дни и ночи напролёт мой старший помощник Лом разучивал трудные английские буквы. И, знаете, не обошлось без неприятностей. Вот так однажды он сидел за столом, изучая девятую букву английского алфавита – «ай».

– Ай... ай... ай... – твердил он на все лады, всё громче и громче.

Соседка услышала, заглянула, видит: здоровый детина сидит, кричит «ай!». Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скорую помощь». Приехали. Накинули на парня смирительную рубашку, и я с трудом на другой день вызволил его из лечебницы. Впрочем, кончилось всё благополучно: ровно через три недели мой старший помощник Лом донёс мне рапортом, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот, наконец, долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. Сенсация, так сказать. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных загрохотали берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль и скомандовал:

– Поднять паруса, отдать носовой, руль на правую!

Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит. Отдали кормовой конец – всё равно стоит. Ну, вижу – нужно принимать решительные меры. А тут как раз буксир шёл мимо. Я схватил рупор, кричу:

– Эй, на буксире! Прими конец, чёрт побирай!

Буксир потянул, пытит, мылит воду за кормой, только что на дыбы не встаёт, а яхта – ни с места... Что за притча?

Вдруг что-то ухнуло, яхта накренилась, я на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, смотрю – конфигурация берегов резко из-

менилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же плавают будка с мороженым, верхом на ней сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.

А под бортом у нас целый зелёный остров. Я посмотрел – и всё понял: плотники недоглядели, поставили свежий лес. И, представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла. А я ещё удивлялся: откуда такие красивые кустики на берегу? Да. А яхта построена крепко, буксир добрый, канат прочный. Как дёрнули, так полберега и отнесло вместе с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, всё кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, понятно, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форсмажор» – непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь – рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признаться, изрядно, вымокли, замерзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звёзды высыпали на небе, на судах бьют полночную склянку. Я отпустил Лома спать, а сам остался на вахте. Стою, размышляю о трудностях и прелестях предстоящего похода. И так это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сутки хода потерял с этой аварией – я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля – то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был – Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» – перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назовите своё судно «Корыто» – оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернётся где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имён, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля! Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнём горели. За полмили можно было прочесть: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль, порт ещё не проснулся, после бессонной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу: пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и – хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок. Но все мы люди, все человеки, как говорится, и каждому, знаете, приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...»

Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чём разговор. Хватаю другую газету, третью... Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посередине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Беда», на которой он отправляется...»

Тогда я всё понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы – «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделать уже ничего невозможно: у газетчиков длинные языки. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».

Но долго горевать не пришлось. С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лома и стал поднимать якорь.

И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как на зло, кричали:

– Эй, на «Беде», счастливого плавания!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Беде» и пошли.

Вышли в море. Я ещё не успел оправиться от огорчения. И всё-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете, ещё древние греки говаривали, что море все невзгоды смывает с души человека.

Идём. Тишина, только волны шелестят вдоль бортов, мачта поскрипывает, а берег уходит, тает за кормой. Погода свежеет, беляч-

ки пошли по волнам, откуда-то прилетели буревестники, ветерок стал крепчать. Работает, свистит в снастях настоящий морской, солёный ветер. Вот и последний маяк остался позади, берегов как не бывало, только море кругом; куда ни взглянешь – везде море.

Я проложил курс, сдал командование Лому, постоял ещё минутку на палубе и пошёл вниз, в каюту – вздремнуть часок-другой перед вахтой. Недаром у нас, у моряков, говорится: «Не выспаться всегда успеешь».

Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лёг на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаюсь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперёд... и в глазах у меня потемнело.

На первый взгляд – ничего, конечно, особенного: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но впереди, прямо перед носом «Беды», – едва заметная, как серая ниточка, встаёт над горизонтом полоска берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагается быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразие. Стыд и позор для вас! Я был потрясён, возмущён и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать – так заедешь, что и не выберешься, – особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вышло, но тут, к счастью, всё объяснилось. Лома выдал нос. Мой старший помощник всё время сворачивал нос налево, жадно втягивал воздух и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я всё понял: в моей каюте, по левому борту, осталась незакупоренная бутылка прекрасного рому. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так – значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой. Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенёс бутылку на правый борт. Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатило туда же, а два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку впереди, у мачты, и Лом больше не сбивался с курса. Он

вёл «Беду», как по ниточке, и только один раз особенно жадно втянул воздух и спросил:

– А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов? Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Вот таким образом и началось наше дальнейшее плавание.

*глава III. О том, как техника и находчивость
могут возместить недостаток храбрости, и о том,
как в плавании надо использовать все обстоятельства,
вплоть до личного недомогания*

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А «плавание»? Плавание – это стремление вперёд, движение, иными словами.

Значит, так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И всё же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чём тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетельствами которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас превратная судьба мореплавателя.

Но в море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер главным образом.

А что вы можете пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простои на мелях... Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествя, и в нашем походе их было немало, но в основном про воду, про ветер, про туманы и мели много не расскажешь.

Рассказать-то, положим, можно бы. Рассказать есть что: бывают, допустим, смерчи, тайфуны, жемчужные отмели – мало ли что! Всё это поразительно интересно. Ну, рыбы там, корабли, спруты – тоже и об этом можно рассказать. Да вот беда: столько уж об этом порас-

сказано, что не успеете вы рот раскрыть – все ваши слушатели сразу разбегутся, как караси от акулы.

Другое дело – заходы, новые берега, так сказать. Там, знаете, есть на что посмотреть, есть чему удивиться. Да-с. Недаром говорят: «Что город, то норов».

Вот поэтому такой моряк, как я, любознательный и не связанный коммерческими интересами, старается всячески разнообразить своё плавание заходами в чужие страны. И в этом отношении плавание на маленькой яхте представляет бесчисленные преимущества.

А как же, знаете! Встали вы, допустим, на вахту, склонились над картой. Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам не велит? Руль на борт... и вот уже входной маяк на горизонте! Вот так-то!

Да-с. Мы шли с попутным ветром, туман лежал над морем, и «Беда» бесшумно, как призрак, мило за милей глотала пространство. Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак... Я не мог нарадоваться на ходовые качества яхты. И вот на пятые сутки, на рассвете, туман рассеялся, и по правому борту у нас открылись берега Норвегии.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я скомандовал:

– Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде.

Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры, другими словами, – это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутанные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мохом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

– А что, Лом, – предложил я, – не сойти ли нам погулять до обеда?

– Есть погулять до обеда! – гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Беда... беда... беда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударение не там, но всё же, знаете, приятно и удивительно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиордах... Да одно ли эхо!

Там, батенька, сказочные места и сказочные бывают происшествия. Вы послушайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошёл переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я уже совсем готов, шнурую ботинки – вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встревоженный, вскакиваю, пулей вылетаю на палубу, и глазам моим представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

Я понял, что сам виноват: не учёл особенностей грунта, а главное – прилив прозевал. Якорь зацепился, держится, как влитой, а вода подпирает. И цепь потравить невозможно: весь нос в воде, поди-ка ныряй к брашпилю. Куда там!

Едва мы успели задраить наглухо вход в каюту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Ну и пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь. Спаслись на корме. Так там и пересидели до вечера, пока вода начала спадать. Вот так.

А вечером, умудрённый опытом, я ввёл судно в узкий пролив и причалил к берегу. Так-то, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, зажгли огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

– Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

Я спросонья не сразу и понял, о чём он говорит.

– То есть как это «за отсутствием»? – спрашиваю. – Куда же она девалась?

– Ушла с отливом, – рапортует Лом. – Судно заклинилось между скалами и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Вышел я, вижу – та же песня да на новый лад. То прилив нас попутал, теперь отлив шутки шутит. То, что принял я за проливчик, оказалось ущельем. К утру вода сошла, и мы встали на твёрдый грунт, как в сухом доке. Под килем – пропасть в сорок футов, выбраться нет никакой возможности. Куда там выбраться! Одно остаётся – сидеть, ждать погоды, прилива, вернее сказать.

Но я не привык тратить время по-пустому. Осмотрел яхту со всех сторон, бросил за борт шторм-трап, взял топор, рубанок, кисть. Запод-

лицо обтесал борта в тех местах, где остались сучья, покрасил. А когда вода пошла на прибыль, Лом закинул с кормы удочку и наловил рыбы на уху. Так что, видите, даже такое неприятное обстоятельство, если с умом взяться, можно обернуть на пользу делу, так сказать.

После всех этих событий благоразумие подсказывало покинуть этот предательский фиорд. Кто же его знает, какие он ещё готовит сюрпризы? Но я человек, как вы знаете, смелый, настойчивый, даже несколько упрямый, если хотите, и не привык отказываться от принятых решений.

Так и в тот раз: решил гулять – значит, гулять. И как только «Беда» встала на воду, я перевёл её на новое, безопасное место. Вытравил цепь подлиннее, и мы отправились.

Идём между скалами по тропинке, и чем дальше идём, тем поразительнее окружающая природа. На деревьях белки, птички какие-то: «чик-чирик», а под ногами сухие сучья трещат, и кажется: сейчас выйдет медведь и заревёт... Тут же ягоды, земляника. Я, знаете, нигде не видел такой земляники. Крупная, с орех! Ну, мы увлеклись, углубились в лес, забыли совсем про обед, а когда спохватились, смотрим – поздно. Уже солнце склонилось, тянет прохладой. И куда идти, неизвестно. Кругом лес. Куда ни помотришь, везде ягоды, ягоды, одни ягоды...

Спустились вниз, к фиорду, видим – не тот фиорд. А время уже к ночи. Делать нечего, развели костёр, ночь кое-как прошла, а утром полезли на гору. Может быть, думаем, оттуда, сверху, увидим «Беду».

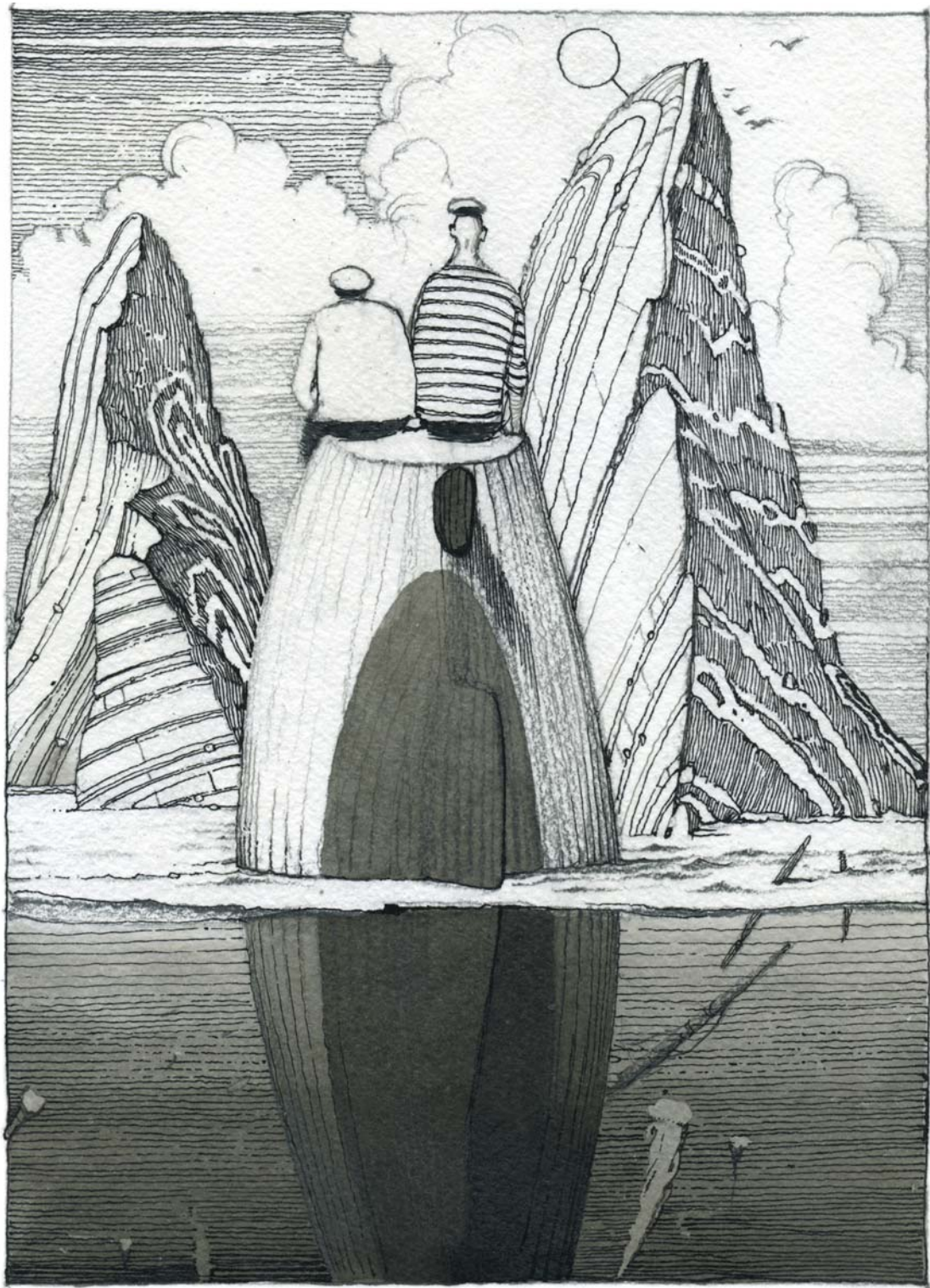
Лезем в гору, нелегко при моей комплекции, но лезем, подкрепляемся земляникой. Вдруг слышим сзади какой-то шум. Не то ветер, не то водопад, трещит что-то всё громче, и как будто пахнет дымком.

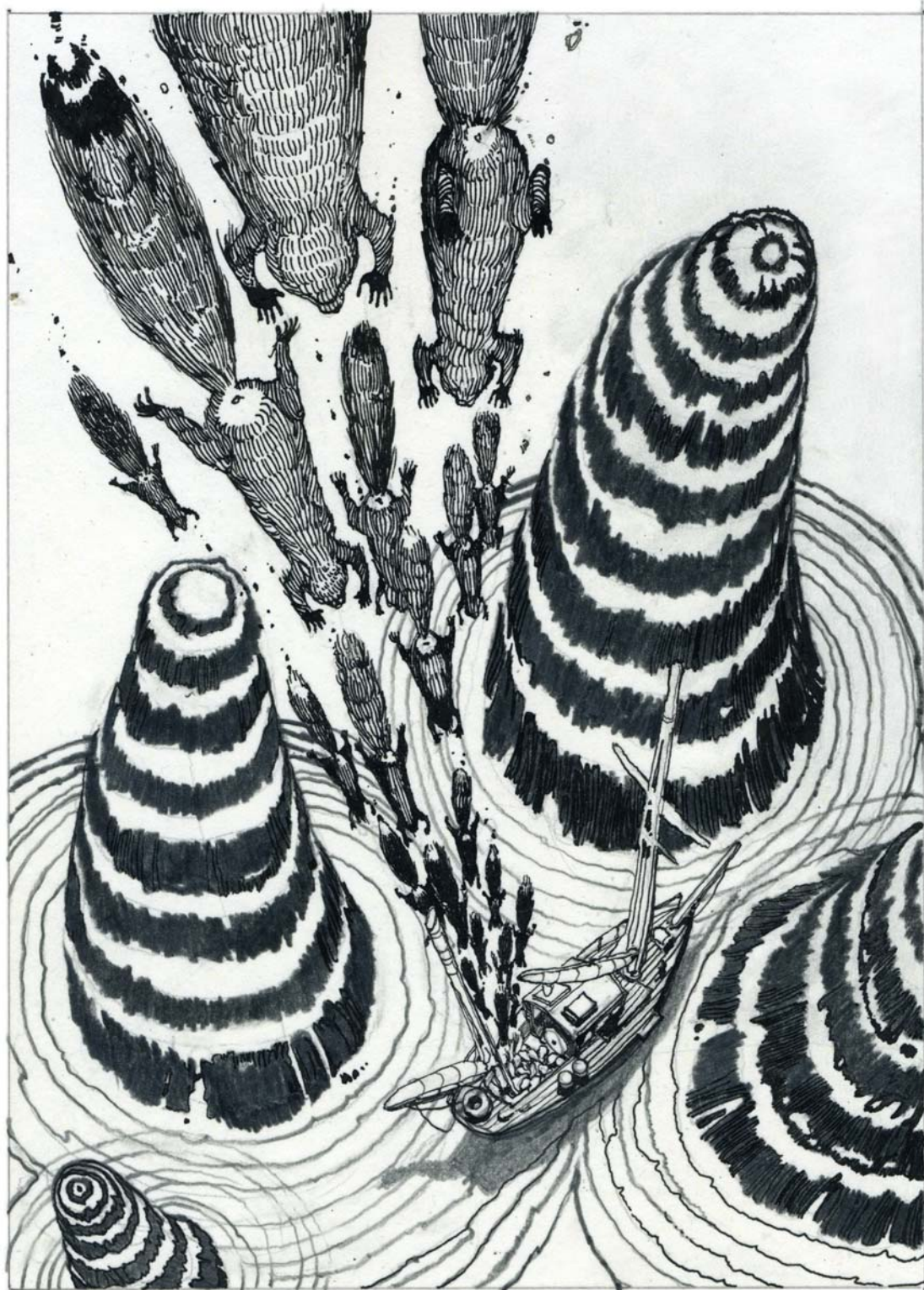
Я обернулся, гляжу – так и есть: огонь! Обступает со всех сторон, стеной идёт за нами. Тут уж, знаете, не до ягод.

Белки побросали гнезда, прыгают с ветки на ветку, всё выше по склону. Птицы поднялись, кричат. Шум, паника...

Я не привык бегать от опасности, но тут, делать нечего, надо спастись. И полным ходом за белками, на вершину скалы, – больше некуда.

Вылезли, отдышались, осмотрелись кругом. Положение, доложу вам, безвыходное: с трёх сторон огонь, с четвёртой – крутая скала... Я посмотрел вниз – высоко, даже дух захватило. Картинка, в общем, безрадостная, и единственное отрадное пятно на этом мрачном го-

ризонте – наша «Беда»-красавица. Стоит как раз под нами, чуть качается на волне и мачтой, как пальчиком, манит к себе на палубу.

А огонь всё ближе. Белок кругом видимо-невидимо. Осмелели. У других, знаете, хвосты в огне пообгорели, так те особенно храбрые, нахальные, проще сказать: лезут прямо на нас, толкаются, нажимают, того и гляди, спихнут в огонь. Вот оно как костры разводить!

Лом в отчаянии. Белки тоже в отчаянии. Признаться, и мне не сладко, но я не подаю виду, креплюсь – капитан не должен поддаваться унынию. А как же!

Вдруг смотрю – одна белка нацелилась, хвост распушила и прыг прямо на «Беду», на палубу. За ней другая, третья и, гляжу, – как горох, посыпались. В пять минут у нас на скале стало чисто.

А мы что, хуже белок, что ли? Я решил тоже прыгать. Ну, искупаемся в крайнем случае. Подумаешь, велика важность! Это даже полезно перед завтраком – искупаться. А у меня так: решено – значит, сделано.

– Старший помощник, за белками – полный вперёд! – скомандовал я.

Лом шагнул, занёс уже ногу над пропастью, но вдруг извернулся, как кошка, и назад.

– Не могу, – говорит, – Христофор Бонифатьевич, увольте! Не буду прыгать, я лучше сгорю...

И я вижу: действительно сгорит человек, а прыгать не станет. Естественная боязнь высоты, болезнь своего рода... Ну что тут делать! Не бросать же беднягу Лома!

Другой бы растерялся на моём месте, но я не таков. Я нашёл выход.

У меня с собой оказался бинокль. Прекрасный морской бинокль с двенадцатикратным приближением. Я приказал Лому поставить бинокль по глазам, подвёл его к краю скалы и строгим голосом спрашиваю:

– Старший помощник, сколько белок у вас на палубе?

Лом принялся считать:

– Одна, две, три, четыре, пять...

– Отставить! – крикнул я. – Без счёта принять, загнать в трюм!

Тут чувство служебного долга взяло верх над сознанием опасности, да и бинокль, как ни говорите, помог: приблизил палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть...

Я глянул вслед – только брызги поднялись столбом. А минуту спустя мой старший помощник Лом уже вскарабкался на борт и принялся загонять белок.

Тогда и я последовал тем же путем. Но мне, знаете, легче: я человек бывалый, могу без бинокля.

А вы, молодой человек, учтите этот урок, при случае пригодится: соберётесь, к примеру, с парашютом прыгать, непременно возьмите бинокль, хоть плохонький, какой-никакой, а всё-таки, знаете, как-то легче, не так высоко.

Ну, спрыгнул. Вынырнул. Забрался и я на палубу. Хотел Лому помочь, да он парень расторопный, один справился. Не успел я отдышаться, а он уже захлопнул люк, встал во фронт и рапортует:

– Принято без счёта полный груз белок живьём! Какие последуют распоряжения?

Вот тут, знаете, подумаешь, какие распоряжения.

На первое время ясно: поднимать якорь, ставить паруса да уходить подобру-поздорову от этой горящей горы. Ну его к дьяволу, этот фиорд. Смотреть тут нечего больше, да и жарко стало к тому же... Так что по этому вопросу у меня сомнений не возникло. А вот что с белками делать? Тут, знаете, похуже положение. Чёрт их знает, что с ними делать? Хорошо, ещё вовремя в трюм загнали, а то, знаете, проголодались негодные зверюшки, принялись грызть снасти. Ещё бы чуть – и ставь заново весь такелаж.

Ну конечно, можно бы ободрать с белок шкурки и сдать в любом порту. Меха ценный, добротный. Не без выгоды можно бы провести операцию. Но это как-то нехорошо; они нас спасли, во всяком случае указали путь к спасению, а мы с них последние шкурки! Не в моих это правилах. А с другой стороны, везти с собой всю эту компанию вокруг света – тоже удовольствие не из приятных. Ведь это значит кормить, поить, ухаживать. А как же – это закон: принял пассажиров – создай условия. Тут, знаете, хлопот не оберёшься.

Ну, я решил так: дома разберемся. А у нас, у моряков, где дом? В море. Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море – значит дома». Вот и я так. Ладно, думаю, выйдем в море, а там подумаем. Запросим в крайнем случае инструкции в порту отправления. Да-с.

Вот и пошли. Идём. Встречаемся с рыбаками, с пароходами. Хорошо! А к вечеру ветерок закрепчал, начался настоящий шторм – баллов десять. Море бушует. Как поднимет нашу «Беду», как швырнет вниз!.. Снасти стонут, мачта скрипит. Белки в трюме укачались с непривычки, а я радуюсь: «Беда» моя держится молодцом, на пять с плюсом сдаёт штормовой экзамен. И Лом – героем: надел зюйд-вестку, стоит, как влитой, у руля и твёрдой рукой держит штурвал.

Ну, я постоял ещё, посмотрел, полюбовался на разбушевавшуюся стихию и пошёл к себе в каюту. Сел к столу, включил приёмник, надел наушники и слушаю, что там в эфире творится.

Чудесная это штука – радио. Нажмёшь кнопку, повернешь рукоятку – и на-ка, всё к твоим услугам: музыка, погода на завтра, последние новости. Другие, знаете, болеют насчёт футбола – так тоже, извольте: «Удар! Ещё удар!.. И вратарь вынимает мяч из сетки...» Словом, не мне вам рассказывать: радио – великая вещь! Но я в тот раз как-то неудачно попал. Поймал Москву, настроился, слышу: «Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна... Семён... Кирилл...» – точно в гости пришёл и знакомишься. Прямо хоть не слушай. А у меня ещё зуб был с дуплом, разболелся что-то... должно быть, после купанья, – так разболелся, хоть плачь.

Ну, я решил прилечь, отдохнуть. Совсем было снял наушники, вдруг слышу: никак, «СОС»? Прислушался: «Т-Т-Т... Та, Та, Та, Т-Т-Т...» Так и есть: сигнал бедствия. Судно гибнет, и здесь где-то, близко. Я замер, ловлю каждый звук, хочу узнать поподробнее: где? что? В это время накатила волна, да так поддала «Беду», что она, бедняжка, совсем легла на борт. Белки взвыли. Но это бы ещё ничего. Тут гораздо хуже получилось: приёмник прыг со стола, сорвался, знаете, хлоп о переборку и разлетелся в куски. И вижу: не соберёшь. Передачу, конечно, как ножом отрезало. И такое тяжёлое чувство: рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто – неизвестно.

Надо идти выручать, а куда идти – кто его знает? И зуб ещё хуже разболелся.

И вот представьте: он-то меня и выручил! Я недолго думая хватаю конец антенны – и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато приём опять налачился. Музыка, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А морзе, зато – лучше и не придумаешь: точка – кольнёт незаметно, как булавочкой, а уж тире – точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не нужно, и никакой настройки – больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью. Терпеть трудно, конечно, но что поделаешь: в таком положении приходится жертвовать собой.

И, поверите ли, так всю передачу до конца на зуб и принял.

Записал, разобрал, перевел. Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию: сел на мель на Догтербанке, получил пробоину, вот-вот пойдёт ко дну.

Тут думать некогда, надо идти выручать. Я забыл про зубную боль и сам стал распоряжаться спасением. Поднялся на палубу, стал к штурвалу.

Идём. Ночь кругом, холодное море, волны хлещут, ветер свистит...

Ну, с полчаса прошли, отыскиали норвежцев, осветили ракетами. Я вижу – дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не встанешь – разобьёт. Шлюпки у них все снесло, а на концах перетаскивать людей в такую погоду тоже рискованно: перетопишь, чего доброго.

Зашёл с одной стороны, зашёл с другой – ничего не выходит. А шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суднишко волна, так его и не видно совсем. Перекатывает через палубу, одни мачты торчат... Стоп, думаю, это нам на руку.

Я решил рискнуть. Зашёл на ветер, повернул оверштаг и вместе с волной на всех парусах пошёл фордевинд полным ходом.

Расчёт тут был самый простой: у «Беды» осадка небольшая, а волны – как горы. Удержимся на гребне – как раз и проскочим над палубой.

Ну, знаете, норвежцы уже отчаялись, а я тут как тут. Стою в руле, правлю так, чтобы не зацепить за мачты, а Лом ловит потерпевших прямо за шиворот, сразу по двое. Восемь раз так прошли и вытащили всех – шестнадцать человек во главе с капитаном.

Капитан немножко обиделся: ему последнему полагается покидать судно, а Лом в спешке да в темноте не разобрал, подцепил его первым. Некрасиво получилось, конечно, ну да ничего, бывает... И только сняли последнюю пару, смотрю: катит девятый вал. Налетел, ухнул – только щепки полетели от несчастного суднишка.

Норвежцы сняли шапки, стоят дрожат на палубе. Ну, и мы посмотрели... Потом развернулись, легли на курс и пошли полным ходом назад, в Норвегию.

На палубе теснота – не повернёшься, но норвежцы ничего, довольны даже. Да и понятно: конечно, и тесно и холодно, а всё лучше, чем купаться в такую погоду.

Да... Выручил, спас норвежцев. Вот тебе и «Беда»! Для кого беда, а для кого чудесное, так сказать, избавление от гибели.

А всё находчивость! В дальнем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности, используйте всё для пользы дела, даже личное недомогание, если к тому представится случай. Вот так-то!

*глава IV. О нравах скандинавских народов,
о неправильном произношении
некоторых географических названий
и о применении белок в морском деле*

Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно.

Меня и Лома поместили в лучшей гостинице, яхту за свой счёт покрасили самой дорогой краской. Да что там яхту, – белок и тех не забыли: выписали на них документы, оформили как груз, а потом приходят и спрашивают:

– Чем прикажете кормить ваших милых животных?

А чем их кормить? Я в этом деле ничего не понимаю, никогда белок не разводил. Спросил у Лома, тот говорит:

– Точно не скажу, но, помнится, орехами и сосновыми шишками.

И вот, представляете, какая случайность: я свободно объясняюсь по-норвежски, а вот эти два слова забыл. Вертятся на языке, а вспомнить не могу. Как отшибло. Думал, думал: как быть? Ну и придумал: послал Лома вместе с норвежцами в бакалейную лавочку.

– Посмотрите, – говорю, – может быть, и найдёте что подходящее.

Пошёл он. Потом вернулся, доложил, что всё в порядке: нашёл, мол, и орехи и шишки. Меня, признаться, несколько удивило, что в лавке торгуют шишками, но, знаете, в чужой стране чего не бывает! Может, думаю, для самоваров или, там, елки украшать, мало ли для чего?

А вечером прихожу на «Беду» – посмотреть, как идёт окраска, заглянул в трюм к белкам, – и что бы вы думали! Лом ошибся, но до чего же удачно ошибся!

Гляжу: сидят мои белки, как на именинах, и за обе щеки уплетают ореховую халву. Халва в банках, и на каждой, на крышке, нарисован орех. А с шишками ещё лучше: вместо шишек привезли ананасы. Ну и действительно, кто не знает, легко может спутать. Ананасы, правда, размером побольше, а в остальном похожи, и запах тот же. Лом там, в лавочке, как увидел, ткнул пальцем туда-сюда, – вот оно так и получилось...

Ну, стали нас водить по театрам, по музеям, показывать различные достопримечательности. Показали, между прочим, живую ло-

шадь. Это у них большая редкость. Ездят там на автомобилях, ещё больше ходят пешком. Пахали в то время своими силами, вручную, так что лошади были им ни к чему. Каких помоложе – повывезли, постарше – так передохли, а которые остались, так те стоят в зоопарках, жуют сено и мечтают.

И если выведут лошадь на прогулку, сейчас же собирается толпа, все смотрят, кричат, нарушают уличное движение. Всё равно как у нас пошёл бы жираф пройти по улице, так тоже, я думаю, старшина не знал бы, какой свет на светофоре зажигать.

Ну, а нам лошадь не в диковинку. Я даже решил удивить норвежцев: схватил её за холку, вскочил, пришпорил каблуками.

Норвежцы ахнули, а на другое утро все газеты поместили статью о моей храбрости и фотографию: мчится лошадь вскачь и я на ней. Без седла, китель расстегнулся, трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост трубой...

После я понял: неважная фотография, недостойная моряка, но тогда сгоряча не обратил внимания и был даже доволен.

И норвежцы остались довольны.

Вообще нужно сказать, приятная эта страна. И народ там хороший, такой, знаете, тихий народ, приветливый, добродушный.

Я там, в Норвегии, не раз, конечно, и прежде бывал, и смолodu, помню, такой у меня вышел случай.

Высадились мы в одном порту, а оттуда мой путь лежал по железной дороге.

Ну-с, прихожу на станцию. Поезд не скоро. С чемоданами гулять, прямо скажем, – затруднительно и неудобно.

Разыскал я начальника станции, спрашиваю:

– Где тут у вас камера хранения?

А начальник, славный такой старичок, развёл руками.

– Извините, – говорит, – специального помещения для хранения ручной клади у нас не предусмотрено. Но это ничего, вы, – говорит, – не стесняйтесь, оставьте, тут ваши чемоданчики, они никому не мешают, уверяю вас...

Вот так-то. А недавно дружок мой оттуда прибыл. Многое изменилось и в нравах и в обхождении. Ну как же, знаете: в войну немцы там побывали – новый порядок наводили. Сейчас американцы поднимают образ жизни на должную высоту. Ну и, конечно, пообтёрся народ, стал порасторопнее. У дружка моего, не успел он оглянуться, прямо из поезда, из запёртого купе чемодан унесли. Культура!

Ну, а в то время жили там ещё по старинке. Тихо жили. Но не все. Были и тогда в Норвегии люди, так сказать, передовые, вкусившие от древа познания добра и зла. Вот, допустим, владельцы крупных магазинов, заведений, фабрик. Эти и тогда понимали, где что плохо лежит.

И меня это тоже коснулось самым, так сказать, непосредственным образом. Есть там фирма одна – производит телефоны, радио-приёмники... Так вот, пронюхали эти фабриканты про мой зуб и забеспокоились. Да и понятно: ведь если все станут на зуб принимать, никто и приёмников покупать не будет. Урон-то какой! Тут забеспокоишься. Ну, и решили недолго думая завладеть моим изобретением, да и моим зубом заодно.

Сначала, знаете, так это, по-хорошему, прислали деловое письмо с предложением продать мой дефектный зуб. А я рассудил, думаю: «С какой же стати?» Зуб ещё ничего, кусать можно, а что с дуплом, так это уж, извините, моё дело. У меня вот один знакомый есть, так он даже любит, когда зубы болят.

– Конечно, – говорит, – когда болят, действительно и больно и неприятно, но зато, когда пройдут, уж больно хорошо!

Да. Ну, я ответил, что не продаю зуб, и всё тут...

Так, думаете, они успокоились? Как бы не так! Решили выкрасть мой зуб. Появились какие-то негодяи, ходят по пятам за мной, заглядывают в рот, шепчутся... Ну и стало мне не по себе: хорошо, как один зуб, так уж и быть, ну а как для верности заберут совсем, с головой? Куда я без головы пойду плавать?

Вот я и решил уйти от греха. Запросил в порту отправления инструкции по вопросу о белках, а сам, чтобы защититься от злоумышленников, принял особые меры: взял дубовую сходню, один конец засунул под ворота пакгауза, другой под дверь кубрика и приказал Лому грузить «Беду» балластом.

Яхта осела до фальшборта, сходня согнулась, как пружина, одним только краешком держится под дверью. Я перед сном осмотрел, проверил готовность этого сооружения и спокойно улегся спать. Даже вахту не выставил: незачем. И вот, знаете, под утро пришли. Я слышу осторожные шаги, скрип двери, потом вдруг – трах! – сходня выскочила из-под двери, разогнулась...

Я выхожу – и вижу: подействовала моя катапульта, да ещё как! Тут на берегу была радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку, на мачту. Они там зацепились штанами, висят и оруд на весь город.

Как уж их снимали, не могу вам сказать, не видел.

Тут как раз пришёл и ответ из порта с предписанием сдать белок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека, так он скупал различных зверей.

Я вам уже имел случай докладывать о некоторых преимуществах спортивного плавания. В спортивном плавании сам себе хозяин: куда хочешь, туда и идешь. А уж если связался с грузом, тогда всё равно как извозчик: вожжи в руках, а везёшь – куда прикажут.

Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошёл бы туда по своей охоте! Чего я там не видел? Шуцманов, что ли? Ну, и опять же, знаете, усложняется плавание, появляется всяческая коммерческая переписка, соображения сохранности груза, таможенные формальности, тем более в Гамбурге... Народ там, не в пример норвежцам, тертый, невежливый – того и гляди, обдерут, как липку.

Кстати, знаете, никак не пойму, почему это у нас твёрдо так проносится: «Гамбург»? Неправильно это, тамошние жители называют свой город «Хамбург». Оно и звучит помягче, а главное, больше соответствует действительности.

Да, но раз приказано, надо подчиняться. Привёл в Гамбург «Беду», поставил у стенки, сам оделся почище и пошёл разыскивать Гаденбека. Прихожу в зверинец. Там, знаете, и слоны, и тигры, и крокодил, и птица марабу, и белка эта самая висит тут же в клетке. Да какая ещё белка, не моим чета! Мои, бездельницы, сидят в трюме, объедаются халвой, а у этой сделана вертушка, и она там всё время, как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится. Заглядишься!

Ну-с, разыскал я самого Гаденбека, представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок, живьём, по сходной цене.

Гаденбек посмотрел в потолок, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

– Белки, – говорит, – это такие с хвостиками и с ушками? Как же, знаю. Так у вас белки? Ну что же, я возьму. Только, знаете, у нас очень строго с контрабандой. Документы на них в порядке?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил на стол документы.

Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возьмись, хамелеон. Прыг на стол, высунул свой язычище, слизнул бумагу и был таков. Я за ним. Да где там!

А Гаденбек сложил свои очки, развёл руками.

– Без документов, – говорит, – не могу. Рад бы, да не могу. У нас насчёт этого очень строго.

Я расстроился, начал было спорить. Ну, вижу, делать нечего, ушёл. Подхожу к пристани, смотрю – на «Беде» что-то неладно. Толпа зевак кругом, на борту шуцманы, таможенники, портовые чиновники... Наседают на Лома, а тот стоит в середине и кое-как отругивается.

Я протолкался, успокоил их и разузнал, в чём дело. А дело приняло самый неожиданный и неприятный оборот. Гаденбек, оказывается, уже позвонил в таможню, а там подобрали статью, обвинили меня в незаконном ввозе скота и грозят отобрать судно вместе с грузом...

А мне и возразить нечего: действительно, документы утрачены, специального разрешения на ввоз белок я не получал. Если правду сказать, кто же поверит? Доказательств нет никаких, а смолчать – ещё хуже.

Словом, вижу: дело дрянь.

«Эх, – думаю, – куда ни шло! Вы так, и я так!»

Одёрнул китель, выпрямился во весь рост и самому главному чиновнику заявляю:

– Требования ваши, господа чиновники, необоснованны, поскольку в международных морских законах прямо предусмотрен пункт, согласно которому неприменимые принадлежности судна, как-то: якоря, шлюпки, разгрузочные и спасательные приспособления, средства связи, сигнальные устройства, топливо и ходовые машины в количестве, необходимом для безопасного плавания, никакими портовыми сборами не облагаются и специальному оформлению не подлежат.

– Совершенно с вами согласен, – отвечает тот, – но не откажитесь объяснить, капитан, к какой именно категории названных предметов относите вы своих животных?

Я было стал в тупик, но, вижу, отступить уже поздно.

– К последней, господин чиновник: к категории ходовых машин, – ответил я и повернулся на каблуках.

Чиновники сначала опешили, потом пошептались между собой, и опять главный выступил вперёд.

– Мы, – говорит, – охотно откажемся от наших законных претензий, если вы сумеете доказать, что имеющийся на борту вашего судна скот действительно служит вам ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь нелегко. Где там доказывать – время оттянуть бы!

– Видите ли, – говорю я, – ответственные части двигателя находятся на берегу, в ремонте, а завтра, извольте, представлю вам доказательства.

Ну, ушли они. Но тут же, рядом с «Бедой», смотрю, поставили полицейский катер под парами, чтобы я не удрал под шумок.

А я, понимаете, забился в каюту, вспомнил ту белку, что у Гаденбека, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу и заказали ему два колёса, как у парохода, а третье вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку. Кузнец попался расторопный, понятливый. Сделал всё к сроку.

На другой день, с утра, привезли всё это хозяйство на «Беду». Пароходные колёса пристроили по бортам, мельничное посередине, соединили все три колеса общим валом и запустили белок.

Грызуны, знаете, ошалели от света, от свежего воздуха, понеслись как бешеные одна за одной по ступенькам внутри колеса. Вся

наша машина закрутилась, и «Беда» без парусов пошла так, что полицейские на своём катере насилу за нами угнались.

Со всех кораблей на нас смотрят в бинокли, на берегу толпы народа, а мы идём, только волны разбегаются в стороны.

Потом развернулись, встали назад, к причалу. Этот самый чиновник пришёл, расстроился совсем. Бранится, кричит, а сделать ничего не может.

А вечером на автомобиле прикатил сам Гаденбек. Вылез из машины, встал, посмотрел, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

– Капитан Врунгель, – говорит, – это у вас белки? Как же, помню. Во сколько вы их оцениваете?

– Так, видите ли, – говорю я, – не в цене дело. Вы же знаете, документы на них утрачены.

– Э, полно, – возражает он, – не тревожьтесь, капитан, вы не мальчик, должны понимать – у нас с этим делом просто. Вы цену скажите...

Ну, я назвал хорошую цену; он поморщился, но, не торгуясь, тут же расплатился, забрал белок вместе с колёсами, а напоследок спрашивает:

– Чем вы их кормите?

– Халвой и ананасами, – ответил я и распрощался.

Не понравился мне этот Гаденбек. Да и Гамбург вообще не понравился.

глава V. О селёдках и о картах

В Голландию я совсем не хотел заходить. Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажа, голландский сыр и голландские селёдки.

Меня как моряка, понятно, заинтересовало это последнее, и я решил завернуть в Роттердам, познакомиться с селёдочным делом.

У них там оно поставлено на широкую ногу. Там селёдок ловят, солят, маринуют, и свежую селёдку морозят, и живую селёдку можете купить и посадить в аквариум.

И вот что в этом деле особенно поразительно: голландцы, видимо, знают какой-то секрет. Иначе как же вы объясните такую несправедливость: вот шотландцы, например, пробовали ловить. Закинули сети, подняли – полно селёдок. Ну, и обрадовались, понятно, но, когда разобрались хорошенько, разглядели, распробовали, обнаружилось, что селёдки-то попались все, как есть, шотландские.

Норвежцы тоже пытались. Норвежцы – прославленные, перво-классные рыбаки, но на этот раз и у них ничего не вышло. Тоже забросили сети, подняли, посмотрели – есть селёдка, да только всё сплошь норвежская.

А голландцы ловят и ловят уж который год, и им всё попадается голландская селёдка различных сортов. Ну, и, конечно, они этим пользуются: продают свои селёдки направо и налево – и в Южную Африку и в Северную Америку...

Я углубился в изучение этого вопроса, и тут мне совершенно неожиданно удалось сделать одно важное открытие, которое коренным образом изменило первоначальный план моего похода. После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селёдка – рыба, но не каждая рыба – селёдка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем тратить огромные средства, незачем набивать селёдок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова, где это понадобится. Не проще ли согнать селёдок в табун или в стадо – как хотите назовите – и гнать живьем до места назначения?

Раз каждая селёдка – рыба, значит, утонуть она не может. Ведь рыбам свойственно плавать, не так ли? А с другой стороны, если

прибьётся какая посторонняя рыбина, так ведь не каждая рыба – селёдка. Её, значит, ничего не стоит обнаружить, отличить, отогнать, напугать, уничтожить, наконец.

И там, где при старом способе перевозки нужен был огромный грузовой пароход с большой командой, со сложными механизмами, при новой системе может справиться любое судёнышко не больше моей «Беды».

Это теория, так сказать. Но теория заманчивая, и я решил на практике проверить свои соображения. А тут как раз и случай представился: в Северную Африку, в Александрию, отправляли партию селёдок. Их уже поймали, собирались солить, но я приостановил это дело. Селёдок выпустили, согнали в табун, мы с Ломом подняли паруса и пошли. Лом встал в руль, а я уселся на самый нос, на бушприт, взял длинный хлыст, и, как только замечу какую постороннюю рыбину, я её по губам, по губам!

И, знаете, прекрасно получилось: идут наши селёдки, не тонут, резво идут. Мы за ними едва поспеваем. И посторонняя рыба не лезет. День так прошли – ничего. А к ночи я чувствую – тяжело: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Один с селёдками занят, другой в руле только успевай поворачивайся. Ну хорошо бы день, два, уж как-нибудь постарались бы, а то путь далекий, впереди океан, тропические широты... Словом, чувствую, не справимся, всё дело провалим.

Ну, я рассудил и решил взять на судно ещё одного человека – матроса. И как раз, знаете, место удобное: в то время мы уже вошли в Английский канал, тут Франция под боком, порт Кале, а в Кале всегда полно безработных моряков. Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. Я недолго думая подошёл поближе к берегу, «Беду» положил в дрейф, вызвал лоцманский катер и откомандировал Лома на берег за матросом.

Тут, конечно, я допустил ошибку: набор команды – дело серьёзное, ответственное. Лом, конечно, парень старательный, но молод, опыта нет. Нужно бы самому этим заняться, но, с другой стороны, и тут, на борту, тоже, знаете, ушами хлопать некогда. Ведь, как-никак, перегонка селёдок живьём – дело новое. И, как во всяком новом деле, есть тут свои трудности. Нужен глаз да глаз. Уйдёшь, недоглядишь, а тут весь табун разбежится. А тогда с убытками не рассчитаешься, опозоришься на весь мир, а главное, загубишь это прекрасное и полезное начинание.

Ведь знаете, как это бывает: не выйдет с первого раза, а в другой и не доверит никто, и попробовать не дадут.

Да. Ну ладно. Отправил я Лома в Кале, выставил кресло на палубу, лежу. Одним глазом читаю, другим поглядываю на селёдок. Па-сутся рыбки, резвятся, сверкают на солнце чешуйками.

А к вечеру возвращается Лом и приводит с собой матроса.

Я смотрю – на вид парень ничего. Не очень молодой, но и не очень старый; ростом, правда, маловат, но по глазам видно – шустрый, и борода у него, как у морского разбойника. Только те, по слухам, всё больше рыжие, а этот типичный брюнет. Грамотный, некурящий, одет чисто, знает четыре языка – английский, немецкий, французский и русский. Это Лома особенно прельстило: он к тому времени, грешным делом, стал уже забывать английскую речь. Фамилия у нового матроса несколько странная – Фукс, но, знаете, фамилия – дело наживное, а мне ещё Лом на ушко шепнул, что Фукс этот – клад, а не матрос: прекрасно разбирается в картах.

1934.

Тут уж я совсем успокоился: раз в картах разбирается – значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, и вахту при случае может нести самостоятельно.

Словом, я согласился. Записал Фукса в судовую роль, объяснил обязанности, приказал Лому отвести ему место в трюме. Ну, потом подняли паруса, развернулись и пошли дальше.

И, знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер всё время дул в корму, чистый фордевинд. А тут задул прямо в нос – «вмордувинд», как говорится. В другое время я, может быть, поберег бы силы, остался бы в дрейфе или якорь бросил, но тут, сами понимаете: селёдки. Им-то ветер нипочём, идут как ни в чём не бывало полным ходом, и нам, значит, нельзя отставать. Ну и пришлось идти в лавировку, зигзагами. Я высвистал всех наверх. Лома поставил пасти селёдок, сам встал у штурвала, набрал ходу и скомандовал:

– К повороту приготовиться!

Смотрю – этот Фукс стоит, как свечка, руки в карманах, с интересом смотрит на паруса.

Ну, тут уж я прямо к нему обратился.

– Фукс, – кричу, – набивайте грот!

Он встрепенулся, посмотрел этак растерянно – и давай всё подряд запихивать в кубрик: спасательные круги, запасной трос, фонари. Поворот, конечно, не вышел, прозевали...

– Отставить! – кричу я.

Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта.

Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло.

– Эй вы, Фукс, – говорю я, – какой же вы, к чёрту, матрос?

– А я, – ответил он, – не матрос, я сейчас просто так, застрял на мели, а друзья мне посоветовали климат переменить...

– Позвольте, – перебил я, – а как же мне Лом говорил, что вы в картах умеете разбираться?

– О, это сколько угодно, – отвечает он. – Карты – это моя специальность, карты – это мой хлеб, только не морские, а, простите, игральные карты. Я, если хотите знать, я карточный шулер по профессии.

Я так и сел.

Ну, посудите сами, что мне с ним делать?

Списывать на берег – это ещё сутки потерять. Ветер крепчает – того и гляди, поднимется шторм, тут селёдки разбегутся. А с другой

стороны, возить с собой этого шулера балластом – тоже неинтересно: он не только морской команды, он ни одной снасти не знает. Я было растерялся.

Но тут мне пришла блестящая мысль. Я, знаете, люблю иногда разложить пасьянс на досуге, и у меня нашлась на судне колода карт. Так я на каждую снасть привязал поскорее по карте, привёл яхту к ветру и повторил маневр.

– К повороту приготовиться! Развязать тройку пик, подтянуть валета червей, смотреть десятку треф...

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разбирался, что в темноте другой раз и то масти не путал.

Вот так и пошли дальше. Идём, лавируем. Ветер крепчает. Так бы оно ничего, но селёдки меня беспокоят. Кто их знает, как они переносят погоду? А мне не к спеху, груз не срочный, так зачем рисковать? Я решил отстояться в порту.

*глава VI, которая начинается недоразумением,
а кончается неожиданным купанием*

Близ острова Уайт я свернул направо и пошёл в Саутгемптон, в Англию. Бросил якорь на рейде. Лома оставил сторожить селёдок, а мы с Фуксом сели на ялик и причалили к берегу. В прекрасном местечке высадились: трава подстрижена под гребёночку, дорожки посыпаны песком, и всюду такие красивые загородочки и надписи: «Здесь не ходить, усадьба Арчибальда Денди».

Только мы высадились, не успели шагу шагнуть, нас окружили джентльмены во фраках, в котелках, в белых галстуках. Не то мистер Денди со своим семейством, не то министр иностранных дел со свитой, не то агенты тайной полиции – по костюму не разберёшь. Ну, подошли поближе, поздоровались, разговорились, и знаете, что оказалось? Оказалось, что это у них нищие. В Англии так просто попрошайничать строжайше запрещено законом, а во фраке – пожалуйста. Если кто и подаст, считается, что нищих нет, а просто помог джентльмену джентльмену.

Ну, я роздал им кое-какую мелочь, иду дальше. Вдруг навстречу – ещё один. Длинный, точно версту проглотил. Поравнялись. Он обнажает голову, раскланивается самым церемонным манером. Ну, я, понятно, пошарил в кармане, выудил две копейки и прямо ему в цилиндр. Я ждал благодарности, а он, представьте себе, вспыхнул, фыркнул, вставил в глаз монокль и очень внушительно произнес:

– Арчибальд Денди, эсквайр. С кем имею честь?

– Капитан дальнего плавания Христофор Врунгель, – представился я.

– Очень приятно, – говорит он. – Защищайтесь, капитан!

Я было стал извиняться, да где там! Вижу – поздно. Какие уж там извинения! Он поставил цилиндр на травку, сбросил фрак... Ну, и я, знаете, решил постоять за себя: скинул китель, занял боевую позицию.

Фукс тоже не растерялся, взял на себя роль судьи, отошёл чуть в сторонку и во всё горло крикнул:

– Секунданты, аут! Гонг!

Мистер Денди запрыгал, запыхтел, завертел кулаками. Похоже, как, знаете, мальчишки в паровоз играют. Ринулся на меня. Пришлось и мне поработать кулаками.

Я не люблю давать волю рукам, но тут бокс, благородная схватка, – я размахнулся... и едва успел задержать удар.

Вижу – скверная штука: при разности пропорций наших фигур я, куда бы ни метил, всё равно попаду ниже пояса. А это, знаете, не по правилам. Он же, напротив, лупит воздух у меня над фуражкой. И тоже всё впустую. Первый раунд так и окончился без результата.

Но решать бой всё равно как-то нужно было, и тут нас выручил Фукс.

– Пожалуйста, капитан, – говорит он и подставляет плечи.

Я вскочил на него верхом и вижу – совсем другое дело. Я теперь на уровне противника, так сказать, и могу вступить в бой на законных основаниях. Фукс подо мной прыгает, рвется в бой. Ну, я вижу, пора действовать.

– Давайте, Фукс! – говорю.

Ему, видимо, было нелегко, но он бодро прохрипел:

– Гонг!

И мы начали снова...

Мистер Денди дрался блестяще. Я получил жестокий удар в переносицу, но тут вспомнил молодость, пришпорил Фукса, перешёл в инфайтинг и нанёс противнику сокрушительный оперкут.

Он замер на секунду, закрыл глаза, опустил руки по швам и вдруг рухнул, как мачта. Фукс достал у него из жилетного кармана часы и стал громко отсчитывать секунды. Минут через сорок мистер Денди очнулся. Потёр скулу, удивлённо посмотрел по сторонам, заметил нас с Фуксом, вскочил и стал приводить в порядок одежду.

Я вторично представился, извинился, объяснил причину недопонимания. Ну, и, знаете, помирились. Познакомились. Пожали друг другу руки, разговорились, подружились даже. Потом осмотрели его усадьбу, зашли домой, выпили по чашке чаю, посидели у камина и отправились ко мне на «Беду».

Мистер Денди осмотрел мою яхту, пришёл в восторг и принялся считать по пальцам:

– Сегодня четверг... значит, завтра пятница, послезавтра суббота... Мистер Врунгель, – воскликнул он неожиданно, – вас послало само провидение! В воскресенье большие национальные гонки. Вы должны их выиграть. Я сам пойду с вами, и на этот раз мистер Болдуин будет посрамлён.

Я, сказать по правде, не сразу понял, о чём идёт речь, но мистер Денди мне всё разъяснил. У него там, оказывается, есть сосед, ми-

стер Болдуин. И вот они с этим Болдуином во всём соревнуются: кто знатнее, у кого галстук красивее завязан, у кого трубка лучше... Но это всё так, между прочим, а главный-то спор идёт у них о яхтах. Оба, оказывается, заядлые парусники, и как гонки – всё готовы отдать, только бы утереть нос друг другу.

Ну, и, знаете, этот Денди взглянул на мою «Беду» глазом знатока, оценил её качества и понял, что с таким судном в любых гонках, при любой погоде победа обеспечена. Да-с!

В общем, уговаривает меня принять участие.

– Пойдёмте, – говорит. – Гонки интересные, судно у вас превосходное, и, поверьте слову джентльмена, вы возьмёте большой королевский приз и малый приз адмирала Нельсона.

Я за призами не очень гоняюсь, но так, в гонках, почему же не выступить? Судно прекрасное, команда надёжная, ну, да и я не первый раз за рулем. Шансы есть...

Я было уже и согласился, да тут вспомнил: селёдки... Их-то куда девать? Ну, объяснил мистеру Денди, что не могу распорядиться судном, что связан селёдками по рукам и по ногам. Он сперва расстроился, но потом обещал и это уладить. И, представьте, уладил действительно. В тот же день я получил разрешение и ввёл весь табун в портсмутский адмиралтейский док.

Потом мы подготовили яхту: борта смазали салом, убрали всё лишнее, как перед боем, обтянули такелаж. А утром в день гонок мистер Денди пришёл на «Беду» в белом кителе, с трубкой в зубах. Он приказал погрузить на «Беду» два ящика сода-виски на случай неожиданного поражения, вставил в глаз монокль, закурил и уселся на корме.

Ну, знаете, как это всегда на гонках: мачты, паруса, вымпелы, на берегу зрители. Обстановка волнующая. Я уж на что спокойный человек, а тоже немножко нервничаю. Вышли на старт. Ждём сигнала. Пошли! Паруса наполнились ветром, яхты понеслись. И должен вам без хвастовства сказать: старт я взял блестяще. Всех оставил позади. Иду, рассекаю воду, предвкушаю победу.

Почти всю дистанцию так и прошёл лидером. Но у самого финиша мы сплеховали: не рассчитали немножко, зашли под бережок, попали в полосу безветрия, заштилели. Паруса обвисли, болтаются, некрасиво так, хоть ноздрей поддувай. Лом мачту скребёт, заывает ветер, Фукс свистит с той же целью, но это всё, знаете, предрассудки, ерунда. Не верю я в это. А «Беда» стоит, конкуренты подпирают, и впереди – мистер Болдуин на своей посудине.

Мистер Денди посмотрел за корму и загрустил: выругался, сорвал крышку с ящика, извлёк бутылку – и хлоп в донышко!

Пробка вылетела, как из пушки. При этом «Беда» получила такой толчок, что заметно продвинулась вперёд.

А я, даром что был расстроен, учёл это и сделал должные выводы. Пока мистер Денди заливал своё горе, я вспомнил старую нашу поговорку. Знаете, говорят: «Нет плохих судов, нет плохих ветров, есть плохие капитаны».

Но меня-то уж никак нельзя причислить к этому последнему разряду. Не хвастаясь, скажу – я капитан хороший. Эх, думаю, была не была. Объяснил задачу, дал команду...

Мы все трое встали на корме и одну за другой принялись вышибать пробки.

Тут и мистер Денди несколько оживился. Достал из кармана платочек, принялся командовать. И, знаете, с командой пошло ещё лучше.

– Кормовая башня, огонь! – кричит он.

Три пробки залпом вылетают с громоподобным звуком, падают в море подбитые чайки, содовая льётся, вода за кормой кипит. Мистер Денди машет платком всё чаще, всё громче кричит:

– Кормовая, огонь! Огонь!

Прямо Трафальгурская битва. Куда там...

А «Беда» между тем движется вперёд по ракетному принципу, набирает ход.

Вот уже и мысок позади, паруса взяли ветер, снасти обтянулись, зазвенели.

И вот мы вновь отвоевываем ускользнувшую было победу, одного за другим обходим всех конкурентов. На берегу болельщики волнуются, кричат. Вот один Болдуин впереди... Вот сравнялись, обошли на полноса, на корпус... Тут оркестр на берегу ударил туш, мистер Денди улыбнулся, скомандовал:

– Кормовая башня, салют! – и слёг пластом.

На другой день только и разговоров было, что о нашей победе. В газетах заголовки на всю страницу, подробные описания этой удивительной гонки. Откуда-то у нас появились друзья, пришли с поздравлениями. Но мы не только друзей, мы и врагов нажили с этой победой.

Мистер Болдуин постарался, и пошёл, знаете, шепоток, разговорчики, начались интриги. И в конце концов разыгрался настоящий скандал. Однако скандал этот готовился втайне, и мы, ничего не подозревая, пошли получать призы.

Обстановка была самая торжественная. Королевский яхт-клуб в полном составе собрался в здании старинной таможни, в весовом зале.

Там особо почетным считается, когда призы весят больше призера. Мне тоже предложили встать на весы, но я столько призов набрал, что решил взвешивать сразу всю команду. Так и встали по росту: мистер Денди, Лом, я и Фукс. А на другой чашке расставили целый посудо-хозяйственный магазин: золотые ушаты, вазы, кубки, стаканы, рюмочки. Потом подсыпали медалей, жетонов, каких-то безделушек. И вот в тот момент, когда чашки весов уравнились, председатель яхт-клуба стал произносить торжественный спич. Что уж он говорил, не припомню сейчас, но слова были самые теплые и содержание достойное: «Бескровная победа... лучшие из лучших... пример для молодёжи...»

Я расчувствовался, чуть слезу не пустил.

Но не успел председатель закончить, как поднялся мистер Болдуин.

– А известно ли уважаемому лорду председателю, что призер, капитан Врунгель, в нарушение неписаной традиции нашего клуба, в морском мундире гарцевал на коне? – спросил он и пустил по рукам норвежскую газету с моей фотографией, где я на лошади.

Фотография, как я уже говорил, действительно не вполне приличная для моряка, и я не удивился, когда в зале поднялся ропот. Но гонку-то я всё-таки выиграл, а победителей, как говорится, не судят. В этом смысле и председатель ответил. Шум утих. Я уже думал, что всё обойдётся, но не тут-то было. Не обошлось... Этот Болдуин опять взял слово.

– А известно ли лорду председателю, – продолжал он, – что указанный мистер Врунгель перехватил груз селёдок, адресованный в английские колонии, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам – подданным его величества английского короля?

Это, знаете, был козырь посильнее фотографии. Традиции традициями, мундир мундиром – это всё, конечно, очень почитается в Англии, но торговые интересы ставятся там несравненно выше. И нет ничего удивительного, что шум в зале усилился. Уже трудно было различать отдельные голоса и реплики, но мистер Болдуин и тут не успокоился. Он возвысил голос и продолжал:

– А известно ли лорду председателю, что указанные селёдки, которые, как было установлено, наносят ущерб английским судовла-

дельцам, по протекции Арчибальда Денди, эсквайра, и при его прямом содействии отстаиваются в адмиралтейских доках его величества? Известно ли, наконец, что указанный Денди, эсквайр, предав забвению долг и честь британца, вступил на путь порока и преступления, пошёл против бога и короля и с недавних пор является тайным агентом Москвы?..

Ну, знаете, точно бомба взорвалась в таможне. В зале поднялась паника. Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.

Тогда и мистер Денди не выдержал. Спрыгнул с весов и с громким криком налетел на мистера Болдуина. Тут началась всеобщая потасовка. Несдобровать бы и нам, но спасли призы. Недаром мы их зарабатывали!

Как только мистер Денди спрыгнул, наша чашка взвилась под самые стропила, и мы оттуда, как из ложи, наблюдали побоище.

А побоище, доложу вам, получилось изрядное. Кругом пыль столбом, треск добротных английских лбов, хруст старинной английской мебели...

Джентльмены разошлись, бьют друг друга по чём попало, весь зал усыпан выбитыми зубами, манжетами, воротничками. Бойцы падают один за другим. Страшное было зрелище!

Вскоре, однако, толпы бойцов поредели, битва утихла, мы спустились по грудам бездыханных тел и направились к выходу.

В этот миг мистер Болдуин шевельнулся, тяжело вздохнул.

– А известно ли... – прохрипел он сердито.

Тогда и председатель очнулся, приподнялся на локтях, позвонил в колокольчик.

– Нет, не известно, ничего не известно! – смиренно произнёс он и рухнул замертво.

Снова стало тихо. Мы вышли, вздохнули полной грудью, осмотрелись кругом и побежали на «Беду».

А там подняли якорь, поставили паруса и полным ходом пошли в Портсмут – выручать наш табун.

К счастью, в доки ещё не пришла весть о последних событиях. Нам открыли порты, выпустили селёдок и даже пожелали счастливое плавание. Ну, мы пошли не спеша, а через час на горизонте открылся остров Уайт. Мы обошли его, согнали селёдок поплотнее и,

стоя на правом борту, долго смотрели, как тают в тумане низкие берега Англии.

Я ещё не успокоился после пережитых волнений. Лом стоял грустный – что-то он заскучал на берегу. Один Фукс был доволен.

Этот успел-таки схватить с весов золотую цепочку с якорем на конце и теперь разглядывал её, разыскивая пробу.

Скоро, однако, и Фукс расстроился.

– В нашем деле за это бьют подсвечниками, – неожиданно сказал он, плюнул за борт и протянул мне цепочку.

Я осмотрел её и обнаружил причину его недовольства: на цепочке, на крайнем звене, совершенно чётко было выбито: «Завод искусственных драгоценностей “Алхимик”. Сделано в Англии».

– Ну что ж, отличная работа и марка солидная, – сказал я, возвращая Фуксу цепочку.

В то же мгновение парус хлопнул у меня за спиной, и не успел я обернуться, как оказался за бортом.

Ослеплённый водой, я беспорядочно замахал руками и неожиданно ухватился за что-то твёрдое. Открыл глаза, вижу – нога, а впереди голова Лома, и Лом тоже держится за ногу, а впереди Фукс. Этот держится за свою цепочку, а цепочка держится за борт «Беды»: зацепилась якорем.

Понимаете, какое положение! Яхта идёт полным ходом, а мы трое за бортом! Размечтались, бросили руль, а тут перекинуло парус и сбило весь экипаж.

Хорошо ещё, эта цепочка: даром, что фальшивая, а без неё яхта ушла бы одна, с селёдками.

Ну, я сразу оценил обстановку и по возможности громко скомандовал:

– Так держать, да покрепче!

– Есть так держать! – ответил Лом.

– Есть так держать! – подхватил Фукс.

А я не торопясь подтянулся поближе, по Лому, потом по Фуксу, потом по цепочке – и на «Беду». Потом так же Лом, потом так же Фукс...

На палубе я снова осмотрел цепочку, и представьте – поразился даже! – ни одно колечко не растянулось. Прочно делают!

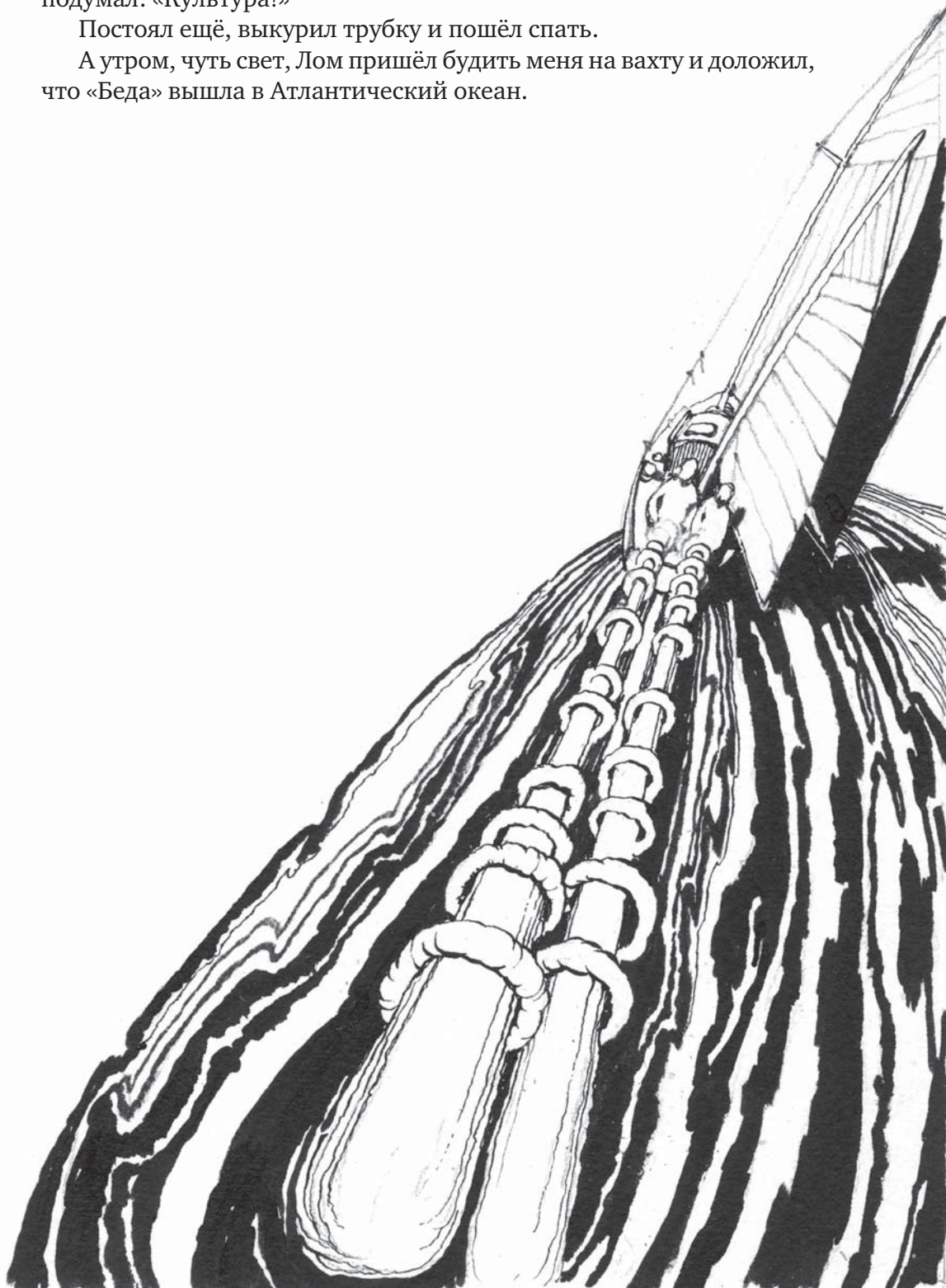
– Берегите её, Фукс, – сказал я.

Потом выдал экипажу по чарке водки для согревания, назначил вахты, а сам ещё постоял на борту, посмотрел на горизонт, вспомнил грустные события последних дней.

– Прощай, добрая Англия, старая Англия! – сказал я, а про себя подумал: «Культура!»

Постоял ещё, выкурил трубку и пошёл спать.

А утром, чуть свет, Лом пришёл будить меня на вахту и доложил, что «Беда» вышла в Атлантический океан.

глава VII. О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон»

В Атлантическом океане у нас было одно незначительное событие, о котором, собственно, и рассказывать не стоило бы. Но для сохранения истины я и о нем не скрою.

Вы знаете, конечно, что в открытом море, вдали от видимых берегов, судоводитель определяет свой путь по небесным светилам и по хронометру. Светила – это Солнце, Луна, планеты и неподвижные звезды. Они нам даны, так сказать, самой природой. Ну, а хронометр – это другое дело. Хронометр – это плод упорных трудов многих поколений человечества, и, как показывает само название, служит он для измерения времени.

Сложное это дело – измерение времени. Вон на Западе, в той же Англии к примеру, до сих пор ещё академики спорят: есть оно, время-то, или нет его совсем, а только кажется, что есть. А если нет, то и измерять вроде нечего, да и не к чему. А по-моему, тут дело ясное: раз на такие споры хватает времени, значит, есть оно, и даже в избытке. А вот насчёт измерения – согласен, трудный это вопрос. И не сразу, конечно, достигли тут должного совершенства.

В былые годы для этой цели пользовались песочными склянками. Затем появились ходики, будильники, карманные часы.

По будильникам в наше время не плавают – считают, что это не точно, а по-моему, на худой конец и будильник сойдёт.

Вон мой тезка Колумб совсем без часов плавал, однако открыл Америку.

Ну, ходики, я согласен, на судне употреблять неудобно: там, знаете, нужно подвешивать к гилям подковы, кирпичи, утюги... А ну как шторм поднимется? Тут к ним и не подступишься. А будильник... отчего же?

Но раз уж не принято по будильникам плавать – ничего не поделаешь. И я, когда готовил поход, специально приобрёл прекрасный ручной хронометр.

Приобрёл и положил в каюте. Пользоваться им не приходилось: шли всё время вблизи берегов. А тут хочешь не хочешь – надо определяться. Ну, спускаюсь в каюту, достаю свой хронометр и обнаруживаю странную перемену в его характере: был прибор, как я гово-

рил, ручной, а тут, знаете, лежал без присмотра, без ухода и одичал совершенно, чёрт знает что показывает: солнце всходит, а на нем полдень, солнце на полдень, а на нем шесть часов... Уж я его и стучал, и тряс, и крутил – ничего не помогло.

Вижу, скверное положение: идём, куда – неизвестно. Так, знаете, и заблудиться недолго.

Но тут спасение пришло само собой и пришло оттуда, откуда я его совершенно не ждал.

Мы, когда были в Англии, хорошенько запаслись продовольствием. Взяли сухих продуктов, консервы, живность. Между прочим, был у нас ящик кур из Гринича.

Да. Ну конечно, в пути мы их поели, и к тому времени в ящике только и оставалось два молодых петушка – чёрный и белый.

И вот я стою с секстантом в руках, размышляю о методах астрономических наблюдений, – вдруг, понимаете, оба мои петушка хором:

– Кукареку!..

Я моментально сделал наблюдения; ну, а дальше уж нетрудно сообразить: раз гриничские петушки запели, значит, сейчас в Гриниче рассвет, солнце всходит. Вот вам и точное время. А зная время, и определиться нетрудно. Да-с.

Я, однако, сделал и проверку: вечером снова вышел с секстантом, и ровно в полночь по Гриничу мои петушки опять дуэтом:

– Кукареку!

Так можно бы и дальше по петушкам плавать, но тут я ещё и другой способ нашёл.

Замечательный способ! Я даже думаю как-нибудь на досуге диссертацию написать на эту тему и обогатить таким образом науку.

Вкратце способ мой сводится к следующему: вы берёте часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, всё равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблаты. Причём вовсе необязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придётся, но это, знаете, и ни к чему, излишняя роскошь; зато два раза в сутки – в полдень и в полночь – ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

Вот таким образом я вновь приручил свой хронометр, и как раз вовремя.

Запасы у нас совсем истощились, консервы надоели, и нужно было подумать не об определении места судна, а об определении на жаркое наших петушков.

Но тут новая неприятность: встал вопрос о том, с которого начинать. Уж очень, знаете, дружные были петушки. Чёрного зажарить – белый скучать будет, белого зажарить – чёрный заскучает...

Я размышлял над решением этой проблемы, серьёзно размышлял, но так и не пришёл к должным выводам. Ну, думаю: «Ум хорошо, а два лучше». Создал комиссию: я и Фукс.

Снова со всех сторон обсудили этот вопрос, но тоже, знаете, безрезультатно. Так и не смогли найти конструктивного решения. Пришлось расширить комиссию. Кооптировали Лома. Назначили заседание. Я изложил сущность дела, познакомил собрание с историей вопроса, поднял, так сказать, материал... И не зря. Лом неожиданно такую трезвость взглядов и находчивость проявил в этом деле, что сразу всё, как говорится, встало на свои места.

Он и минуты не думал. Так, знаете, не колеблясь, прямо и говорит:

– Режьте чёрного.

– Позвольте, – говорим мы, – ведь белый скучать будет!

– А чёрт с ним, пусть скучает! – возражает Лом. – Нам-то какое дело?

И, знаете, пришлось согласиться. Так и сделали. И, должен прямо сказать, Лом не ошибся. Петушок оказался прекрасный, жирный, мягкий, – мы просто пальчики облизывали, пока его ели. Впрочем, и второй был не хуже.

Вот так, знаете, благополучно, не торопясь мы обогнули Бретань и вступили в Бискайский залив.

Бискайский залив, как известно, прославился бурями, и недаром.

Не скрою, я испытывал некоторую тревогу, пересекая его, но мне повезло в тот раз. Прошёл, как по зеркалу, и дальше всё было благополучно, до тех пор пока мы не вошли в Гибралтар. Но тут, в Гибралтаре, попали в историю. Идём не спеша, гоним селёдок, любимся видами неприступных гор. С английской крепости, как полагается, нас запросили:

– Уот шип? Что за корабль?

Ну, я ответил:

– Яхта «Беда», капитан Врунгель.

Продвигаюсь дальше, и тут на пороге Средиземного моря началось: что-то свистнуло, ухнуло. Я вижу – в парусе дырка в полметра, кругом огонь, вода с грохотом вздымается в небо, а справа, наперерез нам, несётся эскадра.

Ну, я сразу понял: пираты неизвестной национальности.

Вот, я вижу, вы улыбаетесь. А зря, молодой человек. Вы думаете, что только в старинных романах пираты остались? Ошибаетесь, дорогой. Пиратов и сейчас хватает на свете. Только в былые-то годы, лет двести назад, пираты, когда на дело шли, свой флаг поднимали. А в наши дни флаги пиратские припрятали в сундуки, а приёмы пиратские из всех сундуков повиаташили. Вон, суньтесь-ка на восток, к Тайваню – того и гляди, попадёте пиратам в лапы. Ну, а в то время на Западе та же была картина. Сейчас чанкайшисты в Тихом океане шкodyт, а в то время франкисты в Средиземном море бесчинствовали, а на поверку и те и те одним миром мазаны. Да и цена им одна – доллар за пару. А где доллар вмешался – там добра не жди.

Словом, я вижу, положение трудное: бой принимать нельзя. При встрече с превосходными силами противника морская тактика рекомендует уйти с линии баталии.

А куда уйдёшь? Ветер слабый, и парус с дырой, работает вполсилы...

Тут, знаете, выход один: применять военную хитрость.

– Закуривай, ребята! – крикнул я бодрым голосом и достал свой кисет.

Экипаж у меня некурящий, но тут, в напряжённой обстановке боя, Лом и Фукс не посмели послушаться – свернули козьи ножки и принялись дымить.

Я тоже раздул своё кадило, и, не прошло трёх минут, дымовая завеса плотной стеной скрыла нас от глаз противника.

Согласитесь: ловко придумано! Но это ещё не всё. Это, батенька, только начало.

Ну, скрылись – хорошо. Но ведь завесу-то нашу всё равно сдует ветром. Что тогда делать? Я, знаете, подумал и решился.

– Паруса долой, экипажу укрыться в жилых помещениях! – командовал я.

Лом с Фуком забрались в каюту, задраили все люки, наскоро, кое-как законопатили щели, а я собрал весь груз потяжелее, связал и на блоке поднял на мачту. Центр тяжести, понятно, переместился вверх, груз перевесил, судно потеряло остойчивость, завалилось

на левый борт, и «Беда» опрокинулась кверху дном. Я, конечно, оказался в воде, но сейчас же вылез, лёг на корме и жду. Тут нашу завесу снесло, и пиратская эскадра в полном составе обнаружилась на расстоянии ста саженьей.

Наступил, так сказать, решительный момент боя. «Ну, – думаю, – пан или пропал». Выставил над килем свою трубку, а сам гляжу одним глазом. И вот вижу: с флагманского судна эскадры нас заметили, семафорят открытым текстом:

«Метким огнём нашей артиллерии противник уничтожен. Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действий флота обнаружена бригада подводных лодок новейшей конструкции. Адмирал дон Канальо».

Едва там разобрали сигнал, пиратские корабли бросились врассыпную, как цыплята от коршуна. Да и понятно, знаете: «Беда» даже в столь неестественном состоянии сохранила весьма внушительный вид.

Ну, а тогда я нырнул, отцепил груз от мачты; яхта вторично сделала поворот оверкиль и вернулась в нормальное положение. Лом с Фуксом вылезли. Спрашивают:

– Ну как?

– Да вот, – говорю, – глядите сами.

А, собственно, и глядеть-то уже нечего было: только дымок на горизонте. Я посмотрел в бинокль им вслед и пошёл переодеваться.

Ну, потом подправили паруса, привели в порядок судно, произвели уборочку и занялись селёдками. И как раз вовремя занялись. Пока тут была стрельба, шум, некоторые отдельные селёдки проявили недостойное легкомыслие: отбились от табуна и удалились в неизвестном направлении. А с другой стороны, воспользовавшись нашим вынужденным бездействием, к табуну пристало столько посторонней рыбы различных пород, что я сперва даже растерялся: тут и макрель, и сардинки, и бычки, и хамса, – так, знаете, и опозориться недолго. Ну кто же мне в другой раз доверит фрахт, если я принял груз голландской сельди первого сорта, а сдаю какую-то кашу, третий сорт, неразбор!.. Да. Ну, я поработал часок-другой хлыстом, руки, правда, отмахал, но зато разогнал всю эту постороннюю публику, восстановил некоторый порядок во вверенном мне табуне и повёл «Беду» прямым курсом в Египет, в порт назначения. Вот так.

Ну, пошли. На этот раз без происшествий, ровно через два дня благополучно прибыли в Александрию, стали на якорь, вызвали тор-

гового агента, а сами пока устроились на палубе. Отдыхаем, глядим по сторонам, делимся впечатлениями.

Впрочем, доложу вам, в то время и поделиться было нечем.

Сейчас другое дело. Сейчас Египет – страна как страна и народ как народ – своими ногами стоит на своей земле. В древности вот тоже Египет славился, и Александрия славилась на весь мир. А в тот наш заход порт этот не представлял для любознательного путешественника ровно никакого интереса. Только разговор, что, мол, Египет – страна фараонов и так далее. А зайдёшь – и посмотреть не на что. Порт как порт – обширная торговля, вывоз хлопка, у набережной глубина двадцать шесть футов. Флаг, правда, и тогда был египетский, но порядки стояли английские, и корабли английские, и полисмены английские. Только и разница, что нищие там без фраков ходили. Какие там фраки! Другой работяга, землепашец, рыбак, чиновники даже и те босые ходили, а то, простите, почти что и без штанов!

Да. Ну, наконец явился агент. Проверил запись в грузовых документах, отвёл нам место в порту и стал принимать груз. Мы сдали селёдок, как полагается, по счёту, подвели итог, и тут у меня просто сердце упало: поверите ли, чуть не половина табуна растерялась в пути!

Случайно отбились, отстали или сознательно дезертировали – этого я уж сказать не сумею. Но факт налицо – полтабуна как не бывало! Ой, гляжу – плохо.

Конечно, можно бы спорить, оправдываться, ссылаться на непредвиденные обстоятельства, но это всё несолидно, неубедительно. Словом, огорчился я ужасно, расстроился, но тут вдруг меня осенило.

– Позвольте, – говорю я, – где же это видано, чтобы такой груз, как селёдки, сдавался поштучно? Извольте, прикиньте их на весы, а тогда и заявляйте претензии.

Ну, тот видит – не на простака напал, взял груз на весы, и, поверите ли, обнаружилась значительная прибавка в весе! Вас, может быть, удивит этот факт. Однако, если разобраться, тут и удивляться нечему. Я заранее знал, что так будет, и без труда объясню вам причину этого явления. Подумайте, взвесьте обстоятельства дела, и вы поймете, что иначе и быть не может: спокойное путешествие, отличное питание, перемена климата, морские купания... Всё это укрепляющим образом действует на организм. Ну, и понятно, селёдки поправились, пополнили, накопили жирку.

Так что опыт мой удался блестяще, и, закончив расчёты, я решил отдохнуть, проветриться на берегу и осмотреть местные достопримечательности.

Отправились в глубь страны, в пустыню. По пустыне там ходит троллейбус, но в троллейбусе ехать неинтересно, и мы решили воспользоваться местными средствами сообщения. Я сел на двугорбого верблюда, Лом – на одногорбого, а Фукс – на осла. Получилась довольно живописная группа.

Так, целым караваном, и прибыли в Каир. А в Каире – вот там другое дело! Там и тогда был настоящий Египет, и от каждой пяди земли веяло ароматом глубокой древности. А как же! Там и пустыня Сахара, и бедуины, и финиковые пальмы, а главное – гробницы фараонов, сфинксы и другие памятники седой старины. Мы первым делом отправились осматривать пирамиды. Заплатили сколько следует, взяли входные билеты, стреножили животных и пошли.

Идём по подземным коридорам. Там, знаете, всё так и стоит нетронутым пять тысяч лет. Обстановка великолепная: чистота, электрическое освещение, на каждом перекрестке – чистильщик сапог, на каждом углу – ларёк с мороженым... В общем, неплохо жили покойники.

Ну-с, мы почитали иероглифы, взглянули на золотой саркофаг, на мумию и пошли назад. Вышли, глядим – Фукс пропал. Подождали-подождали – нет Фукса. Собрались идти разыскивать, а тут он сам бежит навстречу и держится за скулу. Я посмотрел – у него фонарь во всю щеку.

– Кто же это вас, Фукс? – спрашиваю я.

– Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! – захныкал Фукс.

– Да вы с ума сошли, Фукс! – говорю я. – Он же мёртвый, фараон-то.

– Как же, мёртвый! Живёхонький, да ещё не один, их там целая рота, этих фараонов.

– Каких это фараонов, египетских?

– Зачем египетских? Английские. Вон шагают.

Тут я увидел отряд полицейских и понял, что Фукс прав. Действительно, фараоны самые настоящие: в касках, с дубинками...

глава VIII, в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии

Вернувшись на судно, я отчитал Фукса:

– Чтобы у меня этого больше не было: никаких «на память»! Понятно?

Ну, Фукс раскаялся, обещал вести себя осмотрительнее. Синяк у него рассосался, и мы отправились вверх по Нилу.

Идём. Вот тут уж ничего не скажешь: Африка в лучшем виде. Куда ни посмотришь – лотосы, папирусы, по берегам гуляют робкие антилопы, порой попадают даже львы. В воде фыркают бегемоты, тут же ленивые черепахи греются на солнце. Как в зоопарке.

Лом и Фукс, как маленькие дети, развлекаются, дразнят палками крокодилов, а я сохраняю полную серьёзность, веду судно, лавирую, высматриваю подходящую деревушку на берегу.

Этот рейс по Нилу я, молодой человек, как вы понимаете, принял не из праздного любопытства. Первоначально план моего похода был таков: Атлантика, Панама, Тихий океан...

Из-за селёдок пришлось нарушить этот план, уклониться несколько в сторону, и теперь впереди у нас лежал трудный переход по Индийскому океану.

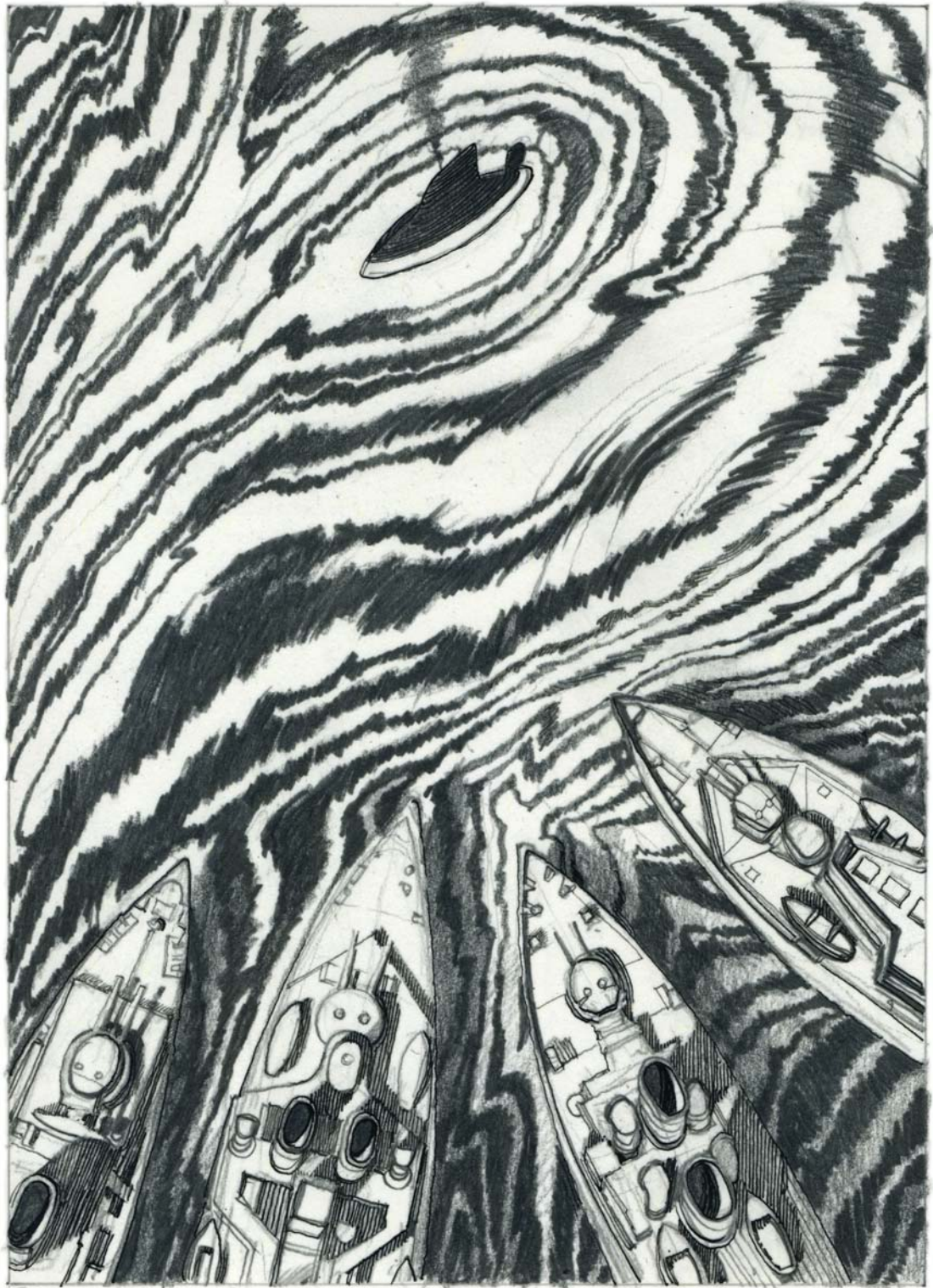
А там, в океане, знаете, ни магазинов, ни ларьков нет; подберутся запасы, и клади зубы на полку... И вот, как человек предусмотрительный и экономный, я решил перед этим трудным рейсом получше и подешевле снабдить экспедицию. Да-с.

Наконец вижу небольшое селение. Так, вроде чистенько и народ приветливый. Подошёл к берегу, причалил и со всем экипажем отправился на базар.

Местное население встретило нас прекрасно. И цены на рынке оказались не слишком высокие, так что мы снабдились наилучшим образом: приобрели пару солёных слоновьих хоботов, ящик страусовых яиц, финики, саго, корицу, гвоздику и прочие пряности. Погрузили всё это на яхту, я поднял отходной флаг, собираюсь в путь, но тут Лом докладывает рапортом, что Фукс опять пропал. Подождали – нет Фукса.

Ну, я было хотел без него уходить, но потом поразмыслил и пожалел. Парень он ничего! Жуликоват, правда, но зато старательный и

«Выставил над килем свою трубку, а сам гляжу одним глазом». (с. 45)

добрый. А тут, в Египте, народ доверчивый, соблазны на каждом шагу, последить за парнем некому. Ну и свихнется, пропадёт, кончит каторгой... Словом, пошёл я его выручать. Иду, вдруг вижу – на краю деревни толпа, откуда доносятся смех и вопли. Я заинтересовался, кликнул Лома, прибавил шагу, подбегаю и вижу: Фукс мой в печальном положении. Свернулся комочком, зарыл голову в песок, прикрылся шляпой. А над ним, понимаете, страус. Щиплет его за мягкие места и лупит ногами, как футбольный мяч. Кругом беспристрастные зрители смотрят, аплодируют, точно в цирке, поощряют эту птицу, хотят, кричат...

Ну, я, знаете, прикрикнул на страуса. Он испугался, сел тут же и тоже – голову в песок. Так и сидят рядом.

Тогда я взял Фукса за шиворот, поднял, встряхнул, поставил на ноги и допросил с пристрастием о причине столь странного положения. И что же оказалось? Не подействовало моё внушение: опять согрешил малый. Видит – гуляет страус на свободе, ну и, знаете, не стерпел: подкрался сзади, дёрнул у него перо из хвоста «на память»... А страус – даром что робкая птица, но тут вспылил.

Фукс мне и перо показал. Я хотел было вернуть его страусу, но, знаете, не стал задерживаться, а главное, думаю: во-первых у страуса новое отрастет, а во-вторых, страус сам с ним рассчитался – вырвал здоровый клоч из штанов, так что квиты.

Ну, обсудили этот случай, посмеялись, конечно, распрощались с местным населением, вернулись на судно, подняли паруса и пошли назад, вниз по Нилу. Спустились спокойненько, не спеша, вышли к морю и вдоль бережка пошли на восток. Оттуда наш путь лежал в Красное море, через Суэцкий канал.

В канал вошли утром. Там вообще-то лоцманы корабли проводят. Но я человек бывалый. Суэцким каналом ходить мне не впервой, я там каждый камушек знаю. Ну, и решил зря не тратиться – пошёл без лоцмана. Идём. Фукс на носу «впередсмотрящим», я в руле, а Лом подвахтенным: готовит на камбузе завтрак. Он был мастером кулинарного дела; другой раз такого настряпает, что сыт по горло, а всё равно сядешь, отведаешь. Вот и в тот раз. С утра, знаете, Лом подвязал фартук, засучил рукава, затопил камбуз... Я заглянул к нему – куда там: здесь и без того жара, а у него прямо кузница на полном ходу, ад кромешный. Огонь так и пышет, в кастрюлях кипит, жаркое румянится, а главное – аромат. Подливочки, соуса – это у него был коронный номер. И такой запах пошёл над Суэцким каналом, что со всех

сторон собрались звери – не закусить, так хоть понюхать. Стоят по берегам, смотрят на нас, облизываются. И, знаете, здорово получается! Мы два дела делаем зараз: во-первых, идём своим направлением, а во-вторых, в непосредственной близости изучаем местную фауну. А фауна там богатейшая! Из Аравии пожаловали тигры, кабаны, приползли вараны, а с африканского берега – львы, слоны, носороги. Жираф тоже пришёл из пустыни, пронюхал и любитесь нашим судёнышком. Не знаю уж, какие там возникли у него мысли, но только, судя по всему, он принял нашу яхту за плавучую закусочную. Свесил шею, как подъёмный кран, идёт за нами по берегу, слюнки пускает.

А тут Лом как раз закончил стряпню, накрыл стол на три персоны. Всё как полагается – тарелочки, вилочки, чистую скатерть постелил и выходит из камбуза с миской в руках. И представьте: жвачное заинтересовалось, лезет мордой прямо в миску; Лом на него кричит, ругается, а жираф – животное невоспитанное, убеждения на него не действуют, тянется к миске как ни в чём не бывало, зубы оскалил и уже облизывается. И сделать ничего нельзя: свернуть некуда, канал узкий, по берегу не пойдёшь. Применить физические меры воздействия – это руль нужно бросить, а тут место очень ответственное: рискованно. Фукс – тот увлёкся изучением фауны, не видит и не слышит ничего, а у Лома руки заняты... тут одно спасение – ретирада.

– Отступайте, Лом! – приказал я.

– Есть отступить! – ответил Лом и давай пятиться задом в каюту по трапу.

А у жирафа знаете какая шея! А тут он её ещё вытянул и тоже за Ломом в каюту. Лом забился в самый конец, и жираф не отстаёт. И вот слышу, Лом рапортует:

– Дошёл до места!

Ну, я понял – дело дрянь, так и без завтрака останешься. Рискнул всё-таки: бросил на минуточку руль, захлопнул дверь, прищемил жирафу шею. И подействовало, знаете, лучше всяких внушений: жираф упёрся всеми четырьмя ногами, выдернул шею из кубрика, выпрямился во весь рост. Но, видимо, обиделось животное: оглянулось кругом, заржало и слопало флюгер.

Ну, это ущерб небольшой: флюгера у меня были запасные, а завтрак-то всё-таки спасли, как ни говорите. И жирафу, если разобраться, не так уж обидно. Конечно, мы его, так сказать, в шею вытолкали, как непрошенного гостя, но всё-таки не голодным ушёл. Они там

привыкли в пустыне – камни и те с голодухи гложут, так что флюгер для него тоже, знаете, не так себе, а в некотором роде деликатес.

Да. Обсудили и этот поучительный случай, позавтракали с отменным аппетитом и пошли дальше.

К ночи прошли Суэц, тут заштилели и простояли около двух суток. Да оно, знаете, и кстати. Отдохнули, поправили паруса, рангоут, обтянули такелаж, генеральную уборочку произвели. А утром потянул ветерок. Мы подняли паруса и вышли в Красное море.

Сначала спокойно шли правым бакштагом, а потом ветерок стал крепчать, и нас здорово потрепало. Налетел самум из Сахары. Жарко, как в бане, духота страшная, зыбь, и Фукс, знаете, не выдержал, укачался. Он сначала крепился, не показывал виду, потом сразу как-то сдал. Даже до койки не дополз, улегся тут же на палубе, на ящике с провизией, лежит, стонет, обмахивается страусовым пером. Жалко парня, однако ничем не поможешь. Морская болезнь – безопасный, но неизлечимый недуг.

А в остальном всё в порядке. Этот самум даже на руку нам: гонит «Беду» полным ходом. Идём хорошо. Так и меряем милю за милей. Я посмотрел, проложил курс, оставил Лома в руле, а сам пошёл вздремнуть в каюту. При моей комплекции в этих широтах лучше нести ночную вахту, а Лом, он и днём постоит, не растает. Да.

Ну, а к ночи жара несколько спала, мой старший помощник Лом отправился спать в каюту, а я встал в руль, веду судно.

Ночь в тех местах красива до чрезвычайности: вверху луна качается, как фонарь на цепочке; море горит голубым, таинственным светом. Как в сказке. Постоишь часок-другой, и полезет в голову всякая чертовщина: разные там ковры-самолёты, драконы, привидения. Я это размечтался, вдруг слышу – Фукс невнятно бормочет что-то. Прислушался... Ого, тут, похоже, не морской болезнью, тут тропической лихорадкой пахнет! Слышу – бредит бедняга, шепчет:

– Христофор Бонифатьевич, крокодил... Ещё крокодил. Ещё крокодил...

Ну, я закрепил руль, спустился в каюту, отпер аптечку, достал порцию хины, выхожу, а Фукс не унимается:

– Двадцать семь крокодилов, двадцать восемь крокодилов, тридцать крокодилов...

– Полно, Фукс, будет вам крокодилов считать! Сглотните-ка лучше, – говорю я.

И только шагнул, мне под ногу подвернулась какая-то гадина. Я попятился, поскользнулся, упал, хину рассыпал. Тут кто-то меня за

палец – цап! Ну, знаете, тут и я испугался, закричал. На крик выскочил Лом и только ступил на палубу – слышу: тоже кричит.

А Фукс, как часы, считает:

– Сорок пять крокодилов... пятьдесят крокодилов...

Тут есть от чего прийти в панику. Но я взял себя в руки, вскочил, чиркнул спичкой – и, поверите ли, вижу: действительно, полна палуба крокодилов. Крокодильчики мелкие, новорождённые и безопасные по существу, но всё-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уж не стал церемониться, взял швабру и давай прямо за борт, в родную стихию.

А когда палуба несколько очистилась, я поинтересовался, откуда же это нашествие. И вижу – лезут из щели, из ящика. Ну, тогда я всё понял: нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодилы. А тут жара, да ещё Фукс сверху улётся, высидел, вот они и полезли.

Установив причину чрезвычайного происшествия, я без труда избавился и от его последствий. Не стал даже ящик распаковывать. Провёл просто доску от той щели за борт – вроде мостика, и они полным ходом, как по конвейеру, один за одним так и лезли до самого Адена. А после уж, в Адене, вскрыли ящик, глядим – одни скорлупки остались... Да-с.

Устранив крокодилов и водворив порядок на судне, я несколько успокоился. Но ненадолго: судьба готовила мне новые испытания.

Мы шли вдоль берегов Эритреи. Лом спал в каюте, Фукс – на палубе. Ураган стих, всё предвещало спокойствие. Вдруг перед самым рассветом слышу где-то в море раздирающий душу крик.

– Все наверх! Человек за бортом! – крикнул я. – Руль на борт, поворот оверштаг!

Экипаж мгновенно принимает необходимые меры: полетели в море спасательные средства – круги, шары, концы... и вот поднимают на борт потерпевшего.

Гляжу – унтер-офицер в мокром виде. Внешностью не блещет, однако отряхнулся, прокашлялся и взял под козырек:

– Сержант итальянской армии Джулико Бандитто к вашим услугам.

– Да какие уж тут услуги! – говорю я. – Скажите, дорогой мой, спасибо, что так обошлось, да расскажите, как вы сюда попали и что мне с вами делать?

– Прогуливаясь в нетрезвом виде, сдут ветром в море. Прошу вас, капитан, посадить меня в любом месте на итальянском берегу.

– Э, батенька, – говорю я, – далеконько же вас занесло! Италия-то вон где...

– Италия везде, – перебил сержант. – И здесь, – показывает направо, – Италия, и здесь, – показывает налево, – Италия... Весь мир – Италия!

Ну, я спорить не стал. Думаю: «Хмель-то у него ещё не прошёл, так чего с пьяным разговаривать?»

Опять же пришлось принять во внимание, что в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над народом и весь мир собирались к рукам прибрать. И достигли даже кое-чего: в Абиссинии, в Сомали, в Эритрее итальянский сапог в то время выше всего почитался. И невдомёк было этим джуликам и бандитам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесёт, что так, вверх сапогами, его и повесят...

Ну, а тогда ходил он ещё вверх головой и чужую землю топтал так же вот, как теперь янки Италию топчут. Да-с.

В общем, я возражать не стал. Думаю: «Разделаюсь поскорее с таким гостем, и то хорошо».

– Ладно, – говорю, – Италия так Италия. Куда вас поточнее-то? Сюда или туда?

– А вон, – говорит, – туда, к тем скалам, прошу вас.

Ну, я, ничего не подозревая, причаливаю к скалистому берегу, подаю сходню. Тут мой сержант опять берёт под козырёк:

– Благодарю вас, господин капитан. А теперь потрудитесь сойти с судна.

– Полноте, батенька, некогда мне, да и не к чему. Идите уж...

– Ах так? – говорит он, достаёт свисток, и вдруг, понимаете, из-за скал налетает рота головорезов. Щёлк-щёлк! – и, гляжу, весь мой экипаж в наручниках, и я в том числе.

Подхватили нас под микитки и повели по сильно пересечённой местности. Кругом скалы, горы, бесплодная почва... Ну, привели в лагерь, доложили. Мы стоим, ждём.

Наконец выходит полковник с тарелкой в руках; стоит, уплетает макароны.

– Ага, – говорит, – вторглись на итальянскую территорию. Всё ясно: судно конфисковать, людей поставить на полевые работы, о дальнейшем запросить Рим.

Ну, и погнали нас на работу. За день мы намучились, проголодались. Хорошо ещё Фукс запустил руку в торбу к мулу, извлёк горсть овса – только и поели.

А к ночи приходит сержант Джулико. Пожалел всё-таки, отблагодарил за спасение: принёс тарелку макарон из своего пайка.

Неприятно принимать такие подачи, но голод, как говорится, не тетка. Я разделил макароны по-братски, отведал. Лом – тот отсутствием аппетита никогда не страдал – набросился, а Фукс, смотря, чванится: понюхал и нос воротит.

– Разве это макароны? – говорит он. – Это же скверная подделка. Ай, господин сержант, у вас здесь такой благодатный климат, а вы всякую дрянь едите и кукурузу сеете! Да здесь можно такую макаронную плантацию развести, что на всю Италию хватит! Вы доложите полковнику: я, если угодно, сделаю опытную посадочку. У меня и рассада есть – на судне осталась.

Я глаза вытаращил: до чего же врёт парень! А Джулико этот уши развесил и действительно побежал докладывать. И что бы вы думали: отдали нас в распоряжение Фукса, отвели ему участок, принесли с «Беды» макароны, кругом поставили караул. Сам полковник пришёл.

– Сажайте, – говорит, – но смотрите: обманете – шкуру спущу!

Я вижу – этот действительно спустит, ну и решил предостеречь Фукса.

– Бросьте вы это дело, – шепчу я, – ведь ничего не выйдет, кроме неприятностей...

А он только рукой махнул:

– Будьте покойны, Христофор Бонифатьевич. Только тихо!

И вот, понимаете, раскопали мы не торопясь грядки. Фукс на виду у всех наломал макароны, посадил, поливает.

И представьте, через три дня взошли! Сперва этикие зелёные росточки, потом листочки...

Фукс ходит, окучивает, рассказывает итальянцам:

– Это вам не какая-нибудь дешевая подделка, это натуральный продукт! Вот вырастут повыше, станут в рост человека, тогда вы их косите, листья обламываете на корм скоту, а стебли бросаете прямо в кастрюлю и получаете превосходное кушанье.

И поверили итальянцы. Да и я, признаться, поверил. Убедительно. Растут ведь. Факт! И вот этот полковник спрашивает:

– Нельзя ли засеять всё поле?

– Нет, почему же, можно, пожалуйста, – говорит Фукс, – только семенного материала маловато. А если ваши сеять, их надо спиртом поливать, иначе не взойдут.

– Ну что ж, мои молодцы польют, – говорит полковник и распорядился.

На другой день выкатили цистерну спирта, высыпали все макароны, что были, соорудили цепи, обмолотили, засеяли и пошли поливать. Но только, знаете, на поле немного попало, всё больше в рот солдатам. Вечером и полковник прибыл, тоже пригубил, и такое пошло веселье по всему лагерю: песни, шум, драки начались. А к ночи вошла луна, лагерь утих, только храп слышен по полю. А мы скорее на берег, на «Беду». Подняли паруса и пошли.

– Ну, – говорю, – Фукс, вам бы агрономом быть, а не матросом. Как это вы достигли такого совершенства? Ведь это чудо, чтобы макароны проросли.

– Никакого чуда, Христофор Бонифатьевич, просто ловкость рук, – отвечает Фукс. – У меня горсточка овса осталась в кармане, а с овсом не то что макароны – окурки и те взойдут.

Вот оно как. В общем, благополучно ускользнули. Ну, а на другой день я обогнул мыс Гвардафуй и пошёл прямо на юг.

глава IX. О старых обычаях и полярных льдах

Океан встретил нас ровным пассатом. Идём день, другой. Влажный ветер несколько умеряет жару, однако прочие признаки указывают на пребывание в тропической зоне. Синее небо, солнце в зените, а главное – летучие рыбы. Замечательно красивые рыбки! Порхают над водой, как стрекозы, и дразнят душу старого моряка. Недаром, знаете, летучая рыба – символ океанского простора.

Вот эти рыбки, будь они неладны, воскресили во мне воспоминания юности, первое плавание... Экватор...

Экватор, как вам известно, линия воображаемая, однако вполне определённая. Переход её с давних пор сопровождается небольшим самостоятельным спектаклем на корабле: якобы морской бог Нептун является на судно и после непродолжительной беседы с капитаном, тут же, на палубе, купает моряков, впервые посетивших его владения.

Я решил тряхнуть стариной и возродить этот старый обычай. Тем более, декорации несложные, костюмы тоже – с этой стороны постановка трудностей не представляет. Но вот с актёрским составом просто резрез. Я, знаете, единственный бывалый моряк на судне, я же и капитан, и волей-неволей мне же приходится изображать Нептуна.

Но я нашёл выход: с утра приказал выставить бочку с водой, затем сказался больным и вплоть до выздоровления по всем правилам сдал Лому командование судном. Лом выразил мне соболезнование, однако с удовольствием заломил фуражку на капитанский манер и приказал Фуксу чистить медные части.

А я заперся в каюте и занялся подготовкой: сделал бороду из швабры, соорудил трезубец, корону, а сзади прицепил хвост наподобие рыбьего. И должен без хвастовства сказать: получилось отлично. Я, знаете, посмотрел в зеркало: ну, куда там – Нептун, да и только. Как живой!

И вот, когда, по моим расчётам, «Беда» пересекла экватор, я в полном облачении поднялся на палубу...

Результат получился необычайный, но несколько неожиданный. Отсутствие предварительной проработки спектакля и незнание старых морских обычаев направили воображение моего экипажа в нежелательную для меня сторону.

Я вышел.

Мой старший помощник Лом гордо стоял у штурвала, пристально вглядываясь в горизонт. Фукс, обливаясь потом, усердно «драил медяшку». Летучие рыбы по-прежнему порхали над волнами.

Спокойствие царило на палубе корабля, и мой выход в первый момент остался незамеченным.

Ну, я решил обратить на себя внимание: грозно стукнул трезубцем и зарычал. Тут оба они встrepенулись и замерли от изумления. Наконец придя в себя, Лом нерешительно шагнул мне навстречу и смущённым голосом произнес:

– Что с вами, Христофор Бонифатьевич?

Я ждал этого вопроса и заранее подготовил ответ в стихотворной форме:

Я Нептун – морское чудо,
Мне подвластна вся вода,
Рыбы, ветры и суда.
Рапортуйте мне: откуда
И куда идёт «Беда»?

Тут лицо Лома выразило мгновенный испуг, который затем перешёл в отчаянную решимость. Лом бросился, как леопард, облапил меня своими ручищами и потащил к бочке.

– Поддержать капитана за ноги! – скомандовал он на ходу.

А когда Фукс выполнил приказание, Лом добавил несколько спокойнее:

– Старика хватил солнечный удар, необходимо освежить ему голову.

Я пробовал отбиваться, пробовал убеждать их, что, согласно веками установленным обычаям, не мне, а им следует купаться по случаю прохождения экватора, но они не слушали. И вот, понимаете, приволокли меня к бочке и принялись окунать в воду.

Корона моя размокла, трезубец упал. Положение прискорбное и почти безвыходное, но я собрался с последними силами и в момент между двумя погружениями бодро скомандовал:

– Отставить макать капитана!

И, представьте себе, подействовало.

– Есть отставить макать капитана! – гаркнул Лом, вытянув руки по швам.

Я ухнул в воду... Одни ноги торчат. Мог бы и захлебнуться, да хорошо Фукс догадался: завалил бочку набок, вода вылилась, а я застрял. Сижу, как рак-отшельник, не могу отдышаться. Ну, потом оправился и вылез, тоже этак, рачьим манером, кормой вперёд.

Вы сами понимаете, какой ущерб моему авторитету нанесло это событие. А тут ещё, как назло, мы потеряли пассат. Наступил мёртвый штиль, и безделье воцарилось на судне. И вот, знаете, как утро, Лом с Фуксом устраиваются на палубе, ноги под себя, по-турецки, карты в руки и дуются без отдыха в подкидного дурака.

Я посмотрел день, посмотрел другой и прекратил это дело. Я вообще-то противник азартных игр, а тут тем более, поскольку это увлечение угрожало срывом дисциплины. Ведь вы учтите: Фукс жульничает, каждый кон оставляет Лома дураком, да ещё подкидным! Какое уж тут уважение!

А с другой стороны, просто так запретить игру – умрут со скуки. А по мне, пусть уж лучше помощник дурак, чем покойник.

Тогда я предложил им шахматы. Это, как-никак, игра мудрецов, изоощряет ум, развивает стратегические способности. К тому же спокойный характер этой игры позволяет обставить её по-семейному.

И вот мы водрузили на палубе стол, вытащили самовар, над головой растянули тент из паруса и в такой обстановке, за чашкой чаю, с утра до ночи предавались бескровным поединкам.

Вот так однажды мы с Ломом засели с утра доигрывать незаконченную партию. Жара стояла убийственная, и Фукс, свободный от игры, полез купаться.

Король Лома беспомощно жался к уголку. Я уже предвкушал сладость заслуженной победы, вдруг резкий крик за бортом нарушил ход моих мыслей. Взглянул – вижу, над водой шляпа Фукса. (Он купался в головном уборе, опасаясь солнечного удара.) Отчаянно вопя, Фукс бьёт по воде руками и ногами, поднимает тучи брызг и со всей скоростью, которую позволяли развивать его ходовые качества, приближается к «Беде». А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользит над водой спинной плавник огромной акулы.

Настигнув несчастного, акула перевернулась на спину, открыла свою страшную пасть, и я понял, что Фуксу пришёл конец. Не отдавая отчёта в своих действиях, я схватил со стола первое, что подвернулось под руку, и изо всей силы швырнул в морду морского хищника.

Результат получился разительный и необычайный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула завертелась на месте. Она выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая челюстей, сквозь зубы отплевывалась во все стороны.

Фукс тем временем благополучно добрался до судна, вскарабкался на борт и в изнеможении подсел к столу. Он пытался что-то сказать, но от волнения глотка его пересохла, и я поспешил налить ему чаю.

– Вам с лимоном? – спрашиваю. Протянул руку к блюдцу, а там нет ничего.

Тогда я всё понял. В минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку и решил участь Фукса. Акулы, знаете, непривычны к кислому. Да что там акулы, вы сами, молодой человек, попробуйте лимон целиком – так скулы сведет, что и рта не откроете.

Пришлось запретить купание. Запас лимонов у нас, правда, ещё сохранился, но ведь нельзя же рассчитывать, что всегда попадёшь так удачно. Да-с. Устроили душ на палубе, обливали друг друга из ведра, но ведь это всё полумеры, и жара замучила нас совершенно. Я даже несколько похудел, и не знаю, чем бы всё кончилось, если бы в одно прекрасное утро не потянул наконец ветерок.

Изнурённый бездельем экипаж проявил необычную энергию. Мы мгновенно поставили паруса, и «Беда», набирая ход, пошла дальше, на юг.

Вас, может быть, удивит взятое мною направление? Не удивляйтесь, взгляните на глобус: идти вокруг света вдоль экватора долго и трудно. Многих месяцев пути требует такой поход. У полюса же вы легко можете хоть пять раз в день обойти земную ось кругом, тем более что и дни там, на полюсе, бывают до шести месяцев продолжительностью.

Вот мы и стремились к полюсу и с каждым днем спускались всё ниже. Прошли умеренные широты, приблизились к Полярному кругу. Тут уж, знаете, холодок даёт себя чувствовать. И море не то: вода серая, туманы, низкая облачность. На вахту выходишь в шубе, уши мерзнут, на снастях сосульки.

Однако мы и не думали об отступлении. Напротив, пользуясь попутными ветрами, мы с каждым днём спускались всё ниже и ниже. Легкая зыбь не причиняла нам беспокойства, экипаж чувствовал себя отлично, и я с нетерпением ждал того момента, когда на горизонте откроется ледяной барьер Антарктики.

И вот однажды Фукс, обладавший орлиным зрением, неожиданно воскликнул:

– Земля на носу!

Я было подумал, у меня или у Лома нос не в порядке. Провёл даже ладонью, утёрся. Нет, всё чисто.

А Фукс опять кричит:

– Земля на носу!

– Может, по носу земля? – говорю я. – Так вы, Фукс, так бы и говорили. Пора привыкнуть. Но только не вижу я вашей земли...

– Так точно, по носу земля, – поправился Фукс. – Вон там, видите?

– Не вижу, признаться, – сказал я.

Но прошло ещё с полчаса – и что бы вы думали? Точно. Тут уж и я заметил тёмную полосу на горизонте, и Лом заметил. Действительно, похоже на землю.

– Молодец, Фукс, – говорю я, а сам беру бинокль, пригляделся и вижу – ошибка! Не земля, а лёд. Огромный айсберг столповидной формы.

Ну, я взял курс прямо на него, и два часа спустя, сверкая тысячами огней в лучах незаходящего солнца, айсберг встал у нас перед носом.

Точно стены хрустального замка, возвышались над морем голубые уступы. Холодом и мертвенным спокойствием веяло от ледяной горы. Зелёные волны с рокотом разбивались у её подножия. Нежные облака цеплялись за вершину.

Я немного художник в душе. Величественные картины природы волнуют меня до чрезвычайности. Скрестив руки на груди, я застыл от изумления, созерцая ледяную громаду.

И вот, откуда ни возмись, тощий тюлень высунул из воды свою глупую морду, бесцеремонно вскарабкался по склону, развалился на льду и давай, понимаете, чесать бока!

– Пошёл вон, дурак! – крикнул я.

Думал – уйдёт, а он хоть бы что. Чешется, сопит, нарушает торжественную красоту картины.

Тут я не выдержал и совершил непростительный поступок, результатом которого едва не явилось бесславное окончание нашего похода.

– Подать ружье! – говорю я.

Фукс юркнул в каюту, вынес винтовку. Я прицелился... Бац!

И вдруг гора, казавшаяся незыблемой твердыней, со страшным грохотом раскололась пополам, море закипело под нами, осколки льда загремели по палубе. Айсберг совершил этакое сальто-мортале, подхватил «Беду», и мы чудесным образом оказались на самой верхушке ледяной горы.

Ну, потом стихии несколько успокоились. Успокоился и я, осмотрелся. Вижу – положение неважное: яхта застряла среди неровностей льда, села так, что и не сдвинешь, кругом неприветливый серый океан, а внизу, у подножия ледяной горы, болтается всё тот же тюлень-негодяй, смотрит на нас, ухмыляется самым наглым образом.

Экипаж, несколько смущённый всей этой историей, молчит. Ждёт, видимо, объяснений непонятного явления. И я решил блеснуть запасом познаний и тут же на льду провёл небольшую лекцию.

Ну, объяснил, что айсберг вообще опасный сосед для корабля, особенно в летнюю пору. Подтаёт подводная часть, нарушится равновесие, переместится центр тяжести, – и вся эта громадина держится, так сказать, на честном слове. И тут не то что выстрела, тут громкого кашля бывает достаточно, чтобы разрушилось всё это природное сооружение. И ничего удивительного нет, если айсберг переворачивается... Да.

Ну, экипаж выслушал с должным вниманием мои объяснения. Фукс промолчал из скромности, а Лом со свойственной ему непосредственностью задал несколько не деликатный вопрос.

– Ладно, – говорит, – как он перевернулся – это дело прошлое, а вы, Христофор Бонифатьевич, скажите, как его назад переворачивать?

Тут, молодой человек, действительно подумаешь: как её переворачивать, такую громадину? А делать что-то надо. Не век же сидеть на льду.

Ну, я погрузился в размышления, стал обдумывать создавшееся положение, а Лом тем временем подошёл к делу несколько несерьёзно, с кондачка: переоценил свои силы и решил самостоятельно спустить яхту на воду. Взял, понимаете, топор, размахнулся и отколол глыбу тонн в двести.

Он, видимо, хотел подрубить таким образом нашу ледяную подставку. Намерение весьма похвальное, но совершенно необоснованное. Недостаточные познания в области точных наук не позволили Лому предугадать результаты его усилий.

А результаты получились как раз обратные. Как только глыбы отделились от нашей горы, гора, понятно, стала легче, приобрела некоторый дополнительный запас плавучести, всплыла. Словом, к тому времени, когда я выработал план действий, верхушка айсберга вместе с яхтой благодаря усилиям Лома поднялась ещё футов на сорок.

Тут Лом опомнился, раскаялся в своём легкомысленном поведении и со всем рвением, на которое был способен, принялся выполнять мои приказания.

А мой план был проще простого: мы поставили паруса, натянули шкоты и вместе с айсбергом полным ходом пошли назад, на север, поближе к тропикам. И тюлень с нами отправился.

И вот, знаете, недели не прошло, наша ледышка стала таять, уменьшаться в размерах, потом в одно прекрасное утро хрустнула, сделала вторичный переворот, и «Беда», как со стапеля, мягко стала на воду. А тюлень, понимаете, оказался наверху, но не удержался, поскользнулся и плюх мешком к нам на палубу! Я схватил его за шиворот, высек ремнем для острастки и отпустил. Пусть плавает.

А Лом тем временем сделал поворот, «Беда» снова легла на курс «зюйд», и мы вторично направились к полюсу.

*глава X, в которой читатель знакомится
с адмиралом Кусаки, а экипаж «Беды» – с муками голода*

Снова серые облака, туманы, снова шубы пришлось надеть...

И вот однажды в морозную погоду мы идём не спеша. Вдруг как ухнет! Взрыв не взрыв, гром не гром – не поймешь.

Подождали, прислушались – тишина, потом снова: бабах! И опять тишина.

Я заинтересовался, заметил направление и повёл «Беду» навстречу загадочному явлению.

И вот видим: на горизонте – подобие плавучей горы. Подходим. Нет, не гора, просто облако тумана. Вдруг из середины его вздымается столб воды, фонтаном падает в море, при этом глухой раскат снова разносится по океану и сотрясает «Беду» от киля до клотика.

Страшновато стало, но любопытство и стремление обогатить науку разгадкой непонятого явления победили во мне чувство осторожности. Я встал в руль и ввёл судно в туман. Иду, смотрю – сосульки с бортов начинают падать, да и так заметно значительное потепление. Сунул руку за борт – вода только что не кипит. А перед носом в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука, и вдруг этот сундук: апчхи!

Ну, тогда я всё понял: кашалот, понимаете, зашёл из Тихого океана, простудился во льдах Южного полюса, подхватил грипп, лежит тут и чихает. А раз так, неудивительно и нагревание воды: заболевания простудного характера обычно сопровождаются повышенной температурой.

Можно бы загарпунить этого кашалота, но неудобно пользоваться болезненным состоянием животного. Не в моих это принципах. Напротив, я взял на лопату хорошую порцию аспирина, нацелился и только хотел сунуть ему в пасть, вдруг, понимаете, налетел ветерок, подкатила волна. Ну и, знаете, промахнулся, не попал. Аспирин рассыпался и вместо рта да в дышало – в ноздри, так сказать.

Кашалот вздохнул, замер на секунду, зажмурил глаза – и вдруг опять как чихнет, да прямо на нас.

Ну уж чихнул так чихнул! Яхта взвилась под самые облака, потом пошла на снижение, перешла в штопор, и вдруг... хлоп!

От удара я потерял сознание, а когда очнулся, смотрю – «Беда» лежит на боку, на палубе огромного корабля. Фукс запутался в сна-

стях. Лом – тот и вовсе вывалился от толчка и сидит тут же рядом, в несколько неудобной позе. А навстречу нам под защитой дальнобойных орудий шествует важной походкой небольшая группа го-спод, в чинах, судя по мундирам, не ниже адмиральских.

Я представился. Они, со своей стороны, объяснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания. И тут же на палубе учинили мне допрос: кто, откуда, какие цели преследует мой поход, не встречал ли я китообразных, а если встречал, какие меры принял для защиты их от вымирания.

Ну, я рассказал своими словами: так, мол, и так, поход спортивный, кругосветный, встретил одного кашалота в болезненном состоянии и оказал посильную помощь, предписанную в таких случаях медициной.

Они выслушали, пошептались, поставили у яхты конвой и удалились на совещание. И мы сидим, ждём, тоже совещаемся.

– Вынесут благодарность. Может, медаль дадут, – говорит Лом.

– Что медаль! – возражает Фукс. – По мне, лучше что-нибудь деньгами...

Ну, а я воздержался, промолчал.

Час так прошёл, два, три. Скучно стало. Я отправился туда, на совещание. Пустили. Я сел в уголок и слушаю. А у них уже прения идут. Как раз, знаете, взял слово представитель одной восточной державы, адмирал Кусаки.

– Наша общая цель, – сказал он, – охрана китообразных от вымирания. Какие же средства есть у нас для достижения этой благородной цели? Вы все прекрасно знаете, господа, что единственным действенным средством является уничтожение китообразных, ибо с уничтожением их некому будет и вымирать. Теперь разберем случай, ставший предметом нашего обсуждения: капитан Врунгель, вопрос о котором стоит на повестке дня, как он сам признаёт, имел полную возможность уничтожить встреченного им кашалота. А что сделал этот жестокий человек? Он позорно отстранился от выполнения своего высокого долга и предоставил бедному животному вымирать сколько ему заблагорассудится! Можем ли мы закрыть глаза на такое преступление? Можем ли мы пройти мимо такого вопиющего факта? Нет, господа, мы не можем. Мы должны наказать преступника. Мы должны отобрать его судно и передать моим соотечественникам, которые честно выполняют задачи нашего комитета...

Тут перебил его представитель другой державы, западной, вот только фамилию забыл, – Грабентруп, кажется.

– Всё правильно, – говорит он, – наказать нужно, но только господин адмирал забыл самое существенное: кашалот, в отличие от прочих китообразных, обладает черепом удлинённого строения. Таким образом, оскорбив кашалота, этот Врунгель оскорбил всю арийскую расу. Так что же вы думаете, господа, арийцы потерпят это?

Ну, я уж и слушать дальше не стал, вижу и так: попали из огня да в полымя. Улизнул тихонько, пошёл к своим, доложил о результатах разведки. И гляжу: приуныл мой экипаж. Сидят грустные, ждут решения участи.

Целый день китолюбивые адмиралы спорили. Наконец поздно вечером вынесли резолюцию. Мы приготовились к самому худшему и мысленно уже распрощались с «Бедой», но опасения наши оказались несколько преждевременными. Решение вынесли неопределённое: «Для изучения вопроса создать специальную комиссию, а яхту «Беда» с экипажем временно водворить на одном из близлежащих необитаемых островов».

Я, понятно, заявил протест, да что толку? Меня и не спросили. Подцепили краном «Беду», опустили на скалы; нас тоже высадили, подняли флаги, погудели и пошли. Я вижу – делать нечего. Приходится подчиняться грубой силе и устраиваться по-береговому, с учётом создавшегося положения. А положение, надо вам сказать, отвратительное: яхта лежит на самом краю утёса, мачта торчит над морем, унылый прибой плещет у подножия скалы.

Ну, мы снарядились и пошли обследовать наш островок. Ходили, ходили – ничего хорошего не нашли. Всюду холодно, неудобно, одни скалы кругом.

Единственно с чем хорошо, так это с топливом. Уж не знаю откуда, только нанесло на этот островок обломков погибших кораблей.

А с другой стороны, нам и топливо ни к чему. Запасы у нас на исходе, кругом ни флоры, ни фауны, а камнями, сколько их ни вари, всё равно сыт не будешь.

«Аппетит, говорят, приходит во время еды». Возможно. Но у меня в этом отношении несколько необычный организм. Когда голоден, только тогда и ощущаю присутствие аппетита.

В целях борьбы с этой ненормальностью я подтянул кушак потуже, терплю. Лом и Фукс тоже на голод жалуются. Пробовали рыбу ловить – не клюёт. Лом вспомнил, что в старину в таких случаях борщ из подмёток варили, достал штормовые сапоги, два дня варил – никакого результата. Да и понятно, знаете: в былые-то времена сапоги из воловьей кожи делали, а у нас вся штормовая одежда из син-

тетического каучука. Конечно, в дождь, в сырую погоду оно удобнее – не промокает, а что касается кулинарных качеств такой обуви, прямо нужно сказать: ни вкуса у нее, ни питательности.

Ну и, понятно, скучновато стало. Ходим мы вокруг нашей яхты, смотрим на горизонт и друг на друга посматриваем. Призрак голодной смерти встаёт перед нами. По ночам преследуют кошмары...

И вот однажды смотрю – подходит к нашему острову льдина. А на льдине пингвины. Выстроились в одну шеренгу, как на смотре, кланяются.

Я тоже поклонился. А сам думаю: как бы с вами, господа пингвины, познакомиться поближе? Берег тут крутой, не спустишься, а пингвины, как их ни мани, сами не прилетят. Крылья-то у них бутафорские, так, больше для формы. А с другой стороны, и упустить жалко: птички жирные, упитанные, так и просятся на жаркое.

Встали мы на краю утёса и смотрим на них с вожделием. Льдина эта уткнулась в наш остров, прямо под мачтой. Пингвины загалдели, топают ногами, машут крыльями, тоже смотрят на нас.

И вот, знаете, я поразмыслил немножко, сделал необходимые расчёты в уме и решил соорудить такую машину – пингвиноподъёмник, что ли.

Ну, взяли пустую бочку, прибили к ней запасный штурвал, продолбили дырку в дне, насадили на мачту, а сверху перекинули штормтрапы, связанные бесконечной лентой. Опробовал я это сооружение на холостом ходу. Вижу – должно работать. Вот только приманки нет. Кто их знает, чем эти птички интересуются. Спустил ботинок – ноль внимания. Спустил зеркало – результат тот же. Шарф, мясорубку пробовали – ничего не помогает.

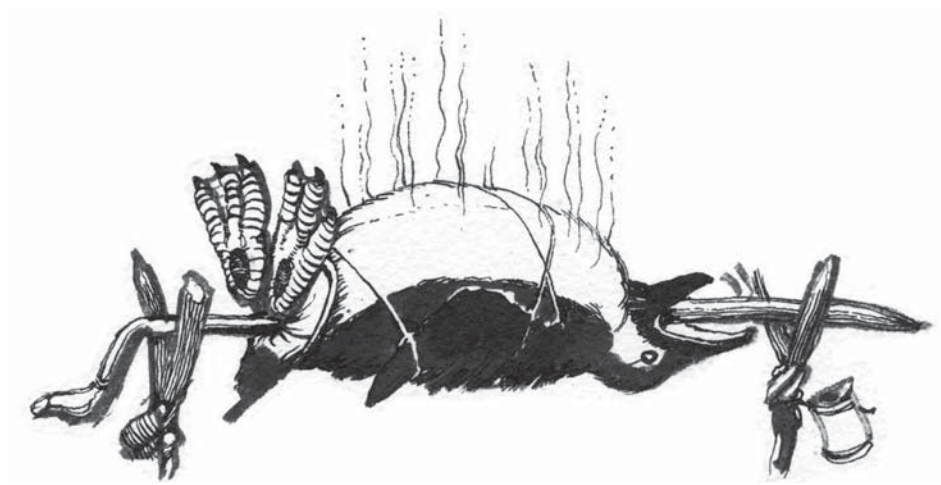
И тут меня осенило.

Я вспомнил – висит у нас в каюте картинка «Разварной судак под польским соусом». Это мне один художник подарил. Очень натуральное изображение. И вот, знаете, спустил я эту картинку на шнурке. Пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины. Передний сунул голову в трап, тянется дальше – к судаку. Только просунул плавники, я крутанул бочку... Один есть!

И так-то славно дело пошло! Я сижу на мачте верхом, кручу бочку одной рукой, другой снимаю с конвейера готовую продукцию, передаю Фуксу, тот Лому, а Лом считает, записывает и выпускает на берег. Часа за три весь остров заселили.

Да. Ну, закончили пингвинозаготовку, и совсем по-другому жизнь пошла. Пингвины бродят по скалам, кругом птичий гомон, суета...

Шумно, весело... Лом оживился, подвязал фартук, собрался стряпать. Первого пингвина зажарили на вертеле, и мы тут же, стоя, отведали, заморили червячка. Потом стали помогать Лому, натаскали

дров целую гору. Он отобрал что посуше, развёл костёр. Ну, доложу вам, и костёр! Дым столбом, как из вулкана, скалы раскалились, только не светятся. Тут на вершине острова был небольшой ледничок, так он от жары растаял, понимаете, разогрелся, получилось этакое кипящее озеро. Ну, я решил воспользоваться и устроить баньку. Сперва постирали, развесили одежду для просушки, а сами сидим паримся. И тут я недосмотрел. Не следовало бы особенно увлекаться. Антарктика, как-никак. Погода там неустойчивая, нужно бы учесть это, а я пренебрег, сам ещё дровишек подкинул. Я люблю, знаете, баньку погорячее. Тут вскоре и результат последовал.

Скалы горячие, не ступишь. Жар пошёл кверху, гудит, как в трубе. И, понятно, нарушилось равновесие воздушных масс. Со всех сторон налетели холодные атмосферные течения, нагнало тучи, хлынуло. Вдруг как грянет!

*глава XI, в которой Врунгель расстаётся
со своим кораблём и со своим старшим помощником*

Оглушённый и ослеплённый, я не сразу пришёл в себя. Потом очнулся, смотрю – пол-острова вместе с яхтой как не бывало. Только пар идёт. Кругом бушуют ветры, носится клочьями туман, море кипит и варёные рыбки плавают. Не выдержал раскалённый гранит быстрого охлаждения, треснул и разлетелся. Лом, бедняга, видимо, погиб в катастрофе, и судно погибло. Словом, конец мечтам. А Фукс – тот выкрутился. Смотрю, вцепился в какую-то доску и кружится на ней в водовороте.

Ну, тут, знаете, и я – раз-раз сажёнками! – подплыл к подходящей дощечке, улегся и жду. Потом море несколько утихло и ветер спал. Мы с Фуксом понабрали варёной рыбы до полного груза, сколько доски выдержали, сблизились друг с другом и отдались на волю стихии. Я свернулся калачиком на доске, ноги и руки подобрал, лежу. И Фукс так же устроился. Плывём рядышком по воле волн в неизвестном направлении, перекликаемся:

– Хау ду ю ду, Фукс? Как у вас?

– Олл райт, Христофор Бонифатьевич! Всё в порядке!

В порядке-то в порядке, но всё-таки, доложу вам, печальное это было плавание. Холодно, голодно и тревожно. Во-первых, неизвестно, куда вынесет, да и вынесет ли куда? А во-вторых, тут и акулы могут быть, так что лежи на доске, не двигайся. А начнёшь маневрировать – привлечёшь внимание хищников. Налетят – и не заметишь, как руки или ноги недосчитаешься.

Да. Ну, плывём так в праздности и в унынии. День плывём, два плывём... Потом я со счёту сбился. Календаря с собой не было, и мы с Фуксом для контроля каждый отдельно дни считали, а по утрам сверялись друг с другом.

И вот однажды в ясную ночь Фукс спал, а я, удручённый бессонницей, решил произвести наблюдения. Конечно, без приборов, без таблиц степень точности такого определения весьма относительна, но одно мне удалось установить безусловно: как раз в эту ночь мы пересекли линию дат.

Вы, наверное, слышали, молодой человек, что море в этом месте ничего особенного не представляет и самую линию увидеть можно

только на карте. Но для удобства плавания как раз тут проделывают некоторые фокусы с календарем: при плавании с запада на восток два дня считают тем же числом, а при плавании с востока на запад проделывают обратное действие – один день вовсе пропускают и вместо «завтра» считают сразу «послезавтра».

И вот утром я бужу Фукса и после взаимных приветствий говорю ему:

– Вы имейте в виду, Фукс, что у нас сегодня – завтра.

Он на меня глаза вытаращил. Не соглашается.

– Что вы, – говорит, – Христофор Бонифатьевич! В чём, в чём, а в арифметике вы меня не сообразите.

Ну, я попытался объяснить ему.

– Видите ли, – говорю, – арифметика тут ни при чём. В плавании следует руководствоваться астрономией. Вы вот ночь спали, а я тем временем по Рыбам произвёл определение.

– Я, – кричит Фукс, – тоже при помощи гастрономии, по рыбам! Вчера у меня три рыбы было, а сегодня одна рыбина и хвост... А у меня паёк точный: полторы рыбы в день.

Ну, вижу, – явное недоразумение. Я имел в виду созвездие Рыб, а Фукс не расслышал половины и по-своему понял. Я попытался ему объяснить.

– Вот, – кричу, – Фукс! Смотрите: что у вас прямо над головой?

– Шляпа.

– Да не шляпа, – говорю. – Сам вы шляпа! Зенит у вас над головой.

– Ничего у меня не звенит! – кричит Фукс. – А у вас если звенит, вы не тревожьтесь, это бывает от голода.

– Ладно, – говорю, – под вами что?

– Подо мной доска.

– Да нет, – говорю я, – не доска, а надир...

– Нет, моя гладкая...

Словом, вижу, так ничего не выйдет. Ладно, думаю, дай я с другой стороны подойду к вопросу.

– Фукс, – кричу, – как по-вашему, какова приблизительно широта нашего места?

Другой бы, более просвещённый в науках слушатель прикинул бы на глазок, определил бы широту по счислению; ну сказал бы там: сорок пять градусов зюйд... А Фукс четвертями измерил свою доску:

– Сантиметров сорок пять будет!

Словом, я понял: ничего из моих лекций не выйдет. Обстановка не та. Да и не до лекций, признаться. Ну, и, чтобы не возбуждать бес-

цельных споров, я приказал совсем прекратить счёт дней. Если вынесет куда, спасёмся, там нам скажут и день и число, а здесь, в море, по существу, безразлично, когда тобой акула полакомится: вчера или послезавтра, третьего числа или шестого.

Словом, долго ли, коротко ли, как говорится, плыли мы, плыли, и вот однажды я просыпаюсь, гляжу – земля на горизонте. По очерканиям – будто Сандвичевы острова. К вечеру подошли поближе, так и есть: Гавайи.

Удачно, знаете. Прекрасное это местечко. В старину, правда, здесь было не очень спокойно: кто-то кого-то тут ел. Капитана Кука вот съели...

Ну, а теперь-то давно уж туземцы вымерли, белым есть некого, а белых есть некому, так что тихо. А в остальном здесь рай земной: богатая растительность, ананасы, бананы, пальмы. А главное – пляж Уайкики. Со всего мира туда собираются купальщики. Там прибой замечательный. На его волнах местные жители, стоя на досках, катались.

Конечно, это тоже когда-то было... Но всё-таки, знаете, молодцы: стоя! А мы что? Лежим барахтаемся, как котят. Мне даже неловко стало. И вот я выпрямился во весь рост, руки расставил, и представьте – удержался. Отлично удержался!

Тогда и Фукс на своей доске встал. Держится за шляпу, чтобы не слетела, балансирует. И вот таким манером, наподобие морских полубогов, мы несёмся в бурунах, в брызгах пены. Берег ближе, ближе, вот волна лопнула, рассыпалась, а мы, как на салазках, так и выкатились на пляж.

*глава XII, в которой Врунгель и Фукс дают
небольшой концерт, а затем торопятся в Бразилию*

На берегу нас окружили какие-то дачники в купальных костюмах. Смотрят, аплодируют, фотографируют, а у нас, признаться, вид самый жалкий. Уж очень как-то непривычно без формы и без знаков различия. Так неудобно, что я решил скрыть своё имя и положение и остаться, так сказать, инкогнито...

Да. Ну, приложил пальцы к губам, показываю Фуку жестом: молчите, мол. Но как-то неудачно, неловко это у меня получилось, вроде воздушного поцелуя... На берегу новый взрыв восторга, аплодисменты, все кричат:

– Браво! Виват!

А я ничего не понимаю, однако делаю вид, будто вовсе и не удивлён, молчу, а сам жду, что дальше будет.

Тут подходит какой-то паренёк в пиджачке и начинает объяснять публике:

– Вот, мол, хотя и существует распространённое мнение, будто туземцы Сандвичевых островов со времен цивилизации вымерли, однако это неверно. Дирекция пляжей Уайкики, стремясь доставить удовольствие публике, отыскала двух живых гавайцев, которые только что продемонстрировали прекрасный вид старинного национального спорта.

Я слушаю, молчу, и Фукс молчит. Этот, в пиджачке, тоже помолчал, потом прокашлялся и пошёл чесать, как по книжке:

– Туземцы Сандвичевых островов, гавайцы, или канаки, как их ещё называют, отличаются стройным телосложением, мягким характером и природными музыкальными способностями...

Я на себя это описание примерил, вижу, что-то не то. Ну, характер действительно у меня мягкий, а что касается сложения и музыкальных способностей – это уж он напрасно... Я хотел было возразить, но смолчал. А он не унимается, продолжает:

– Сегодня вечером эти канаки дадут концерт на гавайских гитарах. Билеты продаются в кассе летнего театра, цены умеренные, в фойе танцы, буфет, прохладительные напитки...

Да. Ну, он ещё поговорил, потом берёт нас под руки, отвёл в сторонку, спрашивает:

– Ну как?
– Да ничего, – отвечаю я, – благодарю вас.
– Вот и прекрасно! А где вы остановились, позвольте поинтересоваться?

– Пока, – говорю, – в Тихом океане, а что дальше будет, не знаю. Не нравится мне, признаться...

– Ну что вы! – возражает он. – «Тихий океан» – первоклассная гостиница. Лучше вы вряд ли найдёте. Уверяю вас. А сейчас, простите, пора уже ехать, через полчаса начало.

И вот, знаете, усадил он нас в машину, повёз куда-то. Там нам дали гитары, украсили цветами, вывели на эстраду, раздёрнули занавес...

Ну, я вижу, нужно петь. А что петь? Я, как назло, смутился, все песни забыл. И Фукс на что тёртый парень, а тоже растерялся, смотрит на меня, шепчет:

– Запевайте, Христофор Бонифатьевич, я подтяну.

Посидели мы минут десять, молчим. А публика в зале волнуется, негодует – того и гляди, начнётся скандал. Ну, я закрыл глаза, думаю: «Эх, будь что будет...» Ударил по струнам и басом:

Сидела птичка на лугу...

А что дальше петь, и не знаю.

Хорошо, Фукс выручил – подтянул дискантом:

Подкралась к ней корова...

А тут уж мы оба, хором:

Ухватила за ногу.

Птичка, будь здорова!..

И, представьте, бурные аплодисменты сорвали.

Потом вышел на эстраду конферансье.

– Вот, – говорит, – эта старинная туземная песня, слова которой говорят о забытом способе охоты на птиц, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...

Да. Ну, потом ещё на «бис» спели, раскланялись и пошли в контору. Там уплатили нам за выступление. Вышли мы, а куда идти? И

пошли мы назад, к морю. Всё-таки, как-никак, родная стихия, да и костюмы у нас для пляжа самые подходящие.

Идём по песочку. На пляже ни души. Поздно уже. Потом видим – какие-то двое всё-таки сидят. Мы подошли к ним, разговорились. Они на порядок жалуются.

– Чёрт знает что такое! – говорят. – Мы артисты, подписали контракт изображать здесь гавайцев. Месяц целый учились на досках по морю ездить, песни разучили, а вот, сами видите...

Тут я всё понял. Хотел было объясниться, вдруг, понимаете, ветер швырнул мне под ноги обрывок газеты. А я давненько газеты в руках не держал. Не погнушался, подобрал. Встал под фонарём и углубился в чтение. И, поверите ли, смотрю – фотография, на фотографии – мой старший помощник Лом, тут же «Беда» и трагическое описание крушения у берегов Бразилии. И о Фуксе и обо мне несколько слов. Да какие ещё слова! Я даже слезу пустил – до чего трогательно: «Отважные мореплаватели...», «Пропали без вести...».

Да. И тут же рядом в газете объявление:

«Пользуйтесь воздушным сообщением тихоокеанских линий. Регулярные рейсы в Штаты и в Бразилию».

– Вот что, Фукс, – говорю я, – пойдите-ка купите билеты на самолёт в Бразилию да закажите что-нибудь из одежды. Мне китель и шинель, а себе – по усмотрению.

Фукс рад стараться, умчался, а я тут, на пляже, остался – этих фальшивых гавайцев развлекать... А то пойдут ещё в театр, выяснится всё это дело, скандал получится, задержка, неприятности...

– Послушайте, – предлагаю я, – день у вас всё равно пропал, так, чем здесь сидеть, возьмём лучше лодочку да покатаемся. Смотрите – погода какая, тепло, луна светит...

Ну, и уговорил. А тут и Фукс вернулся, докладывает об успехах:

– Костюмы заказал, нынче же будут готовы, а вот с билетами, Христофор Бонифатьевич, худо. Взял один билет на завтрашний вечер, а больше и нет, все места проданы...

– Ладно, – говорю я, – мы это положение после обдумаем, а сейчас поедem покатаемся.

Ну, взяли лодочку и поехали. И так славно покатались! Ночь катались, весь день катались, осмотрели все окрестности и вернулись как раз вовремя: два часа до отлета самолёта осталось. Распрощались мы с этими артистами, побежали к портному, а он, негодяй, запил, что ли, но только ничего не сшил.

Я, знаете, возвысил голос, отчитываю его, а он только руками разводит.

– Помилуйте, – говорит, – я же вас вчера ждал, вчера бы и приходили, а сегодня у меня ничего не готово.

Я вижу – проку не будет с такой логикой.

– Давайте, – заявляю, – что есть. Не в трусах же мне лететь, в самом деле!

Ну, он порывлся в шкафу, достаёт макинтош.

– Вот, – говорит, – только и осталось из готового. Это мне прошлый год один джентльмен заказал, да что-то не берёт.

Я посмотрел – материал добротный и покрой модный.

– Ладно, – говорю, – я беру, получайте, сколько следует. – Забрал макинтош и пошёл.

– Вы бы, – советует Фукс, – его всё-таки примерили. А то вдруг не впору.

Ну, я вижу, дельный совет. Встал тут же в тени баньяна, развернул обновку, накинул. Смотрю, понимаете, новое несчастье: тот джентльмен, заказчик, или был вдвое выше меня, или на рост шил, уж и не знаю. Только на мне его макинтош несколько странно сидит.

И делать нечего. Назад нести – всё равно ничего не подберёшь, снизу отрезать – уж очень некрасиво получится, в самолёт в таком виде, чего доброго, не пустят, а так носить – это и шагу не ступишь, в полах запутаешься. Но придумывать что-то нужно, да поскорее, а то самолёт улетит, билет пропадет, и вовсе здесь застрянешь.

И тут, знаете, Фукс, молодец, не растерялся.

– О, – говорит, – да ведь это же замечательно! Мы в этом макинтоше по одному билету вдвоём улетим. Только разрешите, присядьте немножечко... Так... Подставьте плечи...

Ну, и, знаете, взгромоздился на меня, напялил это пальтишко, застегнул на все пуговицы, одёрнул.

– А теперь, – говорит, – полный вперёд, да поскорее, а то что-то нами полисмен интересуется.

Пошли.

Пришли в аэропорт, к самолёту. Фукс предъявил билет, нас провели, показали место. Ну, уселись кое-как, – собственно, я уселся, а Фукс стоит на сиденье и головой подпирает потолок.

Я посмотрел в щёлочку, вижу – и остальные пассажиры на местах. Всего, кроме нас, пять человек. В самолёте чистота, зеркала, различные удобства, публика вроде приличная...

Потом заревели моторы, самолёт разбежался, хлоп, хлоп по воде, поднялся. Летим, ночь кругом. В небе звёзды. Моторы ревут, а в остальном всё спокойно. Пассажиры уснули, я тоже вздремнул, один Фукс бодрствует во всей кабине.

До утра так пролетели, а утром проснулись. Я смотрю в свою щёлочку, прислушиваюсь – в кабине заметное оживление, все липнут к окнам, показывают друг другу и, судя по поведению, любуются видами Кордильер. Фукс тоже склонился к окну, а я волей обстоятельств принуждён пропускать такое редкое зрелище и сидеть в темноте, как какой-нибудь преступник в тюрьме.

И так, знаете, обидно стало и скучно! Я сам себя утешаю: думаю, пусть смотрят на здоровье, а я найду занятие. Достал трубочку, набил, закурил, задумался. Вдруг слышу – паника в кабине. Пассажиры повскакали с мест, кричат, и чаще других раздаётся слово «пожар».

Я чувствую, Фукс меня бьёт пятками по бокам, как осла. Я его ущипнул, а сам выглянул посмотреть... и всё понял. Дым от моей трубки валит изо всех отверстий и действительно создаёт впечатление пожара.

*глава XIII, в которой Врунгель ловко расправляется с удавом
и шьёт себе новый китель*

Я скорее вытряс пепел, трубку – в карман, прижал огонь каблуком. Сижу, молчу. А тут лётчик просунул голову в кабину, и я несколько воспрянул духом. Всё-таки, думаю, бывалый человек, наверное, не в такие переделки попадал – не терялся, успокоит их, и всё уладится... А он, представьте, и сам струсил.

Смотрю, побледнел, ахнул, ухватился за какой-то рычаг... Трах! Ну, затем шум моторов утих, только слышно – ветер свистит. Потом хлопнуло где-то вверху, как из пушки, кабина вздрогнула, рванулась и тихо стала приземляться.

Пассажиры недоумевают, а я сразу догадался, в чём дело. Теперь-то этим никого не удивишь. А в то время это было последнее слово техники: устроили такое приспособление на самолётах. Называется: «Ступай вниз». Если какая авария – взрыв, пожар или крыло отвалится, – лётчик одним движением отделяет кабину, и она самостоятельно опускается на парашюте. Полезное приспособление, что и говорить, но в данном случае применение его было явно преждевременным.

В другой обстановке я бы поспорил с летчиком, указал бы ему на ошибку, но тут, сами понимаете, делать нечего. Самолёт летит дальше, по генеральному курсу, только крылья сверкают. Мы не торопясь садимся всё ниже. Дым от трубки несколько рассеялся, но пассажиры и не думают успокаиваться. Напротив, смотрю – волнение растёт, переходит в тихую панику, и Фукс нервничает: того и гляди, вскочит с места.

Один я сохранил спокойствие и соображаю: рейс, конечно, прерван, билеты дальше недействительны, но один из нас, как ни верти, всё равно «заяц», и при посадке придётся давать объяснения. А это нежелательно. Начнутся расспросы, поиски виноватого, представят дело так, что я причина аварии, а тогда и не разделаешься.

И я, знаете, решил прикинуться посторонним. А тут и момент самый подходящий: внимание у пассажиров ослаблено, каждый думает о себе, многие вовсе лишились чувств, и как раз над нами люк в потолке кабины...

Вам, молодой человек, не приходилось плавать по Амазонке? Нет. Вот и прекрасно, и не стремитесь. Не рекомендую.

А мне, знаете, пришлось.

Вылезли мы с Фуксом через люк, осмотрелись. Видим – под ногами река, кабина спускается ниже... ниже... Сели.

Ну, я склонился над люком, кричу:

– Добро пожаловать, господа! Рад приветствовать вас в столь диких и недоступных местах.

Тут и пассажиры стали вылезать поодиночке. Видят – посадка совершилась благополучно, стали успокаиваться, смотрят на нас во все глаза. Ну, я вижу, настал момент взаимных представлений. Вы сами понимаете, правду я сказать не могу, приходится изворачиваться.

– Так вот, – говорю, – господа: я, разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую тут с научной целью. А это мой слуга и проводник индеец Фукс. Будем знакомы. Я здесь обжился, привык. Уж вы позвольте мне считать вас своими гостями.

– Пожалуйста, пожалуйста, – отвечают они. – Очень приятно.

А сам вижу – не верят. Косятся на нас... Да и понятно: какой уж профессор в трусиках? Я чувствую, нужно их занять разговором, сказать что-нибудь значительное, отвлечь внимание.

– Простите, – спрашиваю, – а здесь все прибывшие?

Они переглянулись, потом кто-то заявляет:

– Был ещё один высокий джентльмен.

– Был, был, – подтвердили другие, – он ещё загорелся...

– Ах, вот как! Особенно интересно. Ну-ка, Фукс, – говорю, – спуститесь вниз, посмотрите, не нужна ли помощь пострадавшему.

Фукс залез в кабину, потом вылезает и подаёт щепотку пепла: вот, мол, все, что осталось.

– Ах, – говорю я, – какое несчастье! Высокий джентльмен, видимо, сгорел дотла. Ну что ж поделаешь, мир праху его... А теперь, господа, давайте вытащим парашют, он ещё пригодится.

Ну, разобрали стропы, тянем, как невод. Я команду:

– Раз, два, взяли! Вира помалу...

Вижу, они стараются, но с непривычки дело плохо идёт.

Вдруг смотрю – побросали стропы, бегут назад на корму, так сказать, столпились там и дрожат от страха. Фукс, тот вовсе нырнул в люк, выглядывает оттуда, показывает на парашют. А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

– Ай, мама!

Ну, я обернулся и вижу – действительно «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. Свернулся клубком, как в гнезде, смотрит на нас, выбирает жертву.

А у меня никакого оружия, одна трубка в зубах...

– Фукс, – кричу я, – подайте-ка что-нибудь потяжелее!

Тот высунулся из люка, подаёт какой-то снаряд. Я прикинул – ничего, увесистая штучка.

– Давайте ещё! – кричу, а сам встал на изготовку, нацелился.

И удав тоже нацелился. Разинул пасть, как пещеру... Я размахнулся – и прямо туда.

Да только что удаву такая пустяковина? Проглотил, понимаете, как ни в чём не бывало, даже не поморщился. Я второй снаряд туда же, он и его проглотил. Я бросился к люку, кричу Фуксу:

– Давайте скорее всё, что есть!

Вдруг слышу за спиной страшное шипение.

Обернулся, гляжу – удав раздувается, шипит, из пасти хлещет пена...

«Ну, – думаю, – сейчас бросится!»

А он, представьте, вместо этого неожиданно нырнул и пропал.

Мы все замерли, ждём. Минута проходит, вторая. Пассажиры на корме начинают шевелиться, шепчутся. Вдруг эта барышня опять становится в ту же позицию и – на всю Амазонку:

– Мама!..

И вот видим – всплывает над водой нечто: блестящий баллон огромных размеров, чудовищной формы, весьма оригинальной окраски. И всё, знаете, пухнет, пухнет...

Вот, думаю, новое дело! Чему бы это быть? Даже страшно стало. Потом смотрю – у этого баллона живой хвост. Бьёт по воде и так и этак... Я как увидел хвост, так всё и понял: снаряды-то эти были огнетушителями. Ну, встретились в пищеводе пресмыкающегося, столкнулись там, стукнулись друг о друга, разрядились и накачали удава пеной. Там знаете какое давление, в огнетушителях! Вот и раздулась змея, приобрела излишний запас плавучести, чувствует, что дело дрянь, хочет нырнуть, а живот не пускает...

У меня страх как рукой сняло. Я подошёл к люку.

– Давайте, – говорю, – Фукс, выходите наверх. Опасность миновала.

Фукс вылез, любуется небывалым зрелищем, а пассажиры как услышали, что бояться нечего, бросились поздравлять друг друга, жмут мне руки. Только и слышно:

– Спасибо, профессор дорогой! Как это вы его?

– Да что! – отвечаю я. – Здесь, на Амазонке, ко всему привыкнешь. Удав – это пустяки, то ли ещё бывает...

Ну и, знаете, после этого случая мой авторитет укрепился. А тут, к счастью, и с костюмами дело уладилось. У барышни этой нашлась коробочка с рукоделиями. Я взял иголку, сшил себе китель из парашюта. Материал прекрасный, а вместо пуговиц я болты применил, отвинтил от кабины. Ничего получилось, прочно и красиво, только вот без гаечного ключа не разденешься. Ну, да это ведь мелочь, привыкнуть можно. А Фуксу готовый комбинезон нашли в аварийном запase, точь-в-точь как был у него, только поновее.

Потом парусишки соорудили, мачту поставили, сделали руль. Пассажиры стоят вахту, плывём, промышляем черепах, ловим рыбку. Эта барышня стряпать выучилась... В общем, так бы ничего, вот только судно неприспособленное: валкое, и ход у него неважный.

Да. Ну, плывём всё-таки, продвигаемся кое-как на восток, к берегам Атлантики. Месяца полтора так плыли. И чего только не насмотрелись по дороге: и обезьян, и лиан, и каучуковых деревьев!.. Для любознательного путешественника, конечно, интересно, но тяжело. Прямо скажу: тяжело!

Тут и вообще-то климат не очень завидный, а мы ещё в дождливое время попали. Парит, как в бане, день и ночь туманы, жара, кругом комарье тучами; хорошо ещё, лихорадку никто не схватил.

*глава XIV, в начале которой Врунгель становится
жертвой вероломства, а в конце снова попадает на «Беду»*

Наконец всё-таки прибыли в порт Парá. Причалили, высадились. Городишко, по совести говоря, неважный, так себе городишко. Грязно, пыльно, жара, по улицам собаки бродят. Но после дебрей лесов Амазонки и это в некотором роде очаг культуры. Хотя и то сказать – культура там своеобразная: народ свирепый, воинственный, все с ножами, с револьверами, по улице пройти страшно...

Да. Ну, побрились мы, почистились после тяжёлого похода. Спутники наши распрощались, сели на пароходы и разъехались кто куда. Хотели и мы с Фуксом поскорее отсюда выбраться, да ничего не вышло: без документов не выпускают. Ну, застряли мы с ним, как раки на мели, на чужом берегу, без крова, без определённых занятий, без средств к существованию. Думали работенку какую найти – куда там! Только и есть вакансии на резиновых плантациях, но это опять надо на Амазонку, а мы уже там побывали, по второму разу что-то не тянет.

Побродили по городу туда-сюда и уселись на бульварчике под пальмой обсудить положение.

Вдруг подходит полицейский и приглашает нас к губернатору. Это, конечно, лестно, но я не любитель всех этих официальных приёмов и встреч с высокопоставленными особами. Да тут ничего не поделаешь: приглашают – значит, надо идти.

Ну, приходим. Смотрим – сидит в ванне этакая туша с веером в руках, фыркает, как бегемот, плескается, сопит. А по бокам – два адъютанта в парадной форме.

– Вы, – спрашивает губернатор, – кто такие, откуда?

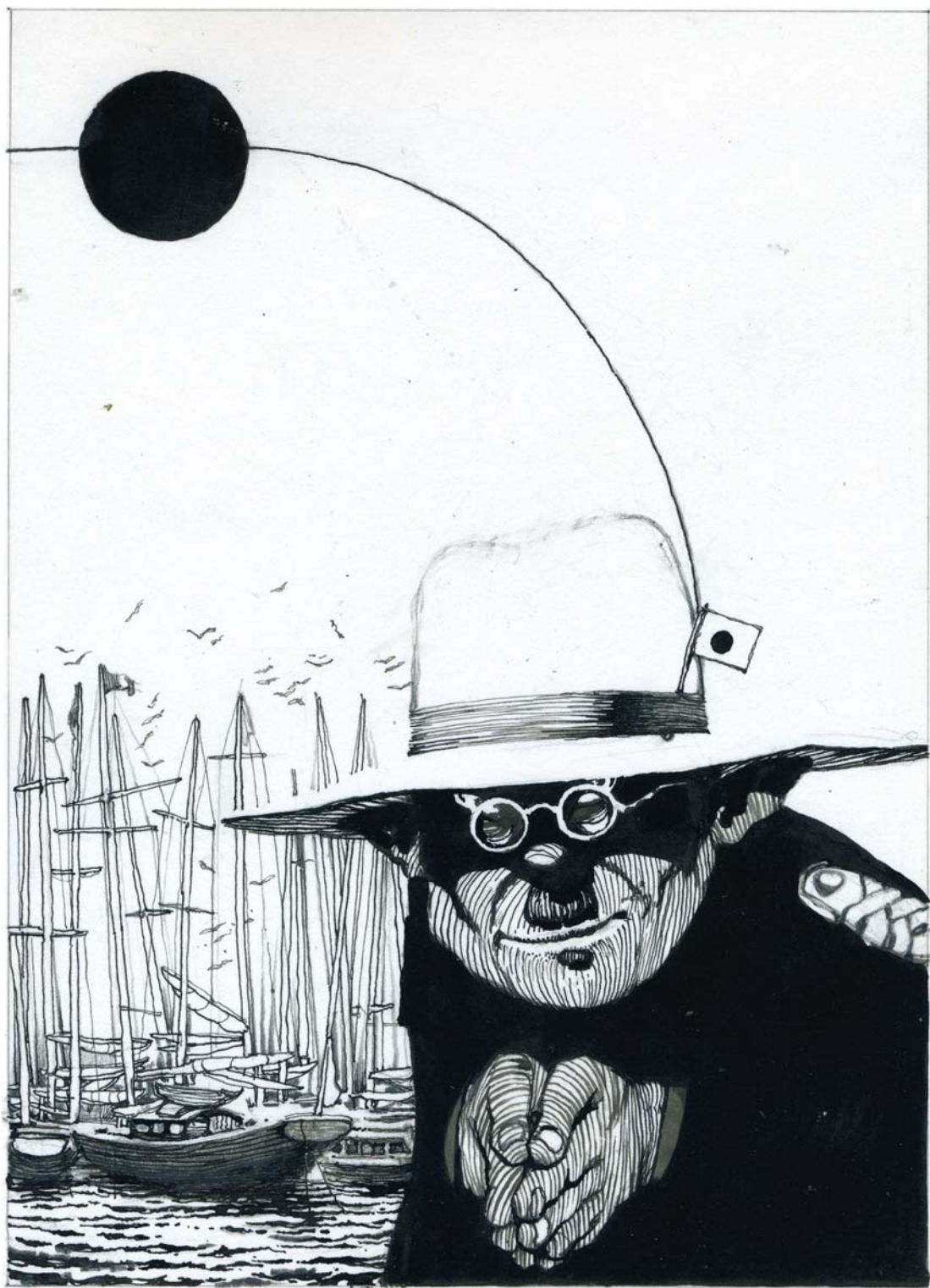
Я в общих чертах обрисовал положение, объяснил, как это всё получилось, представился.

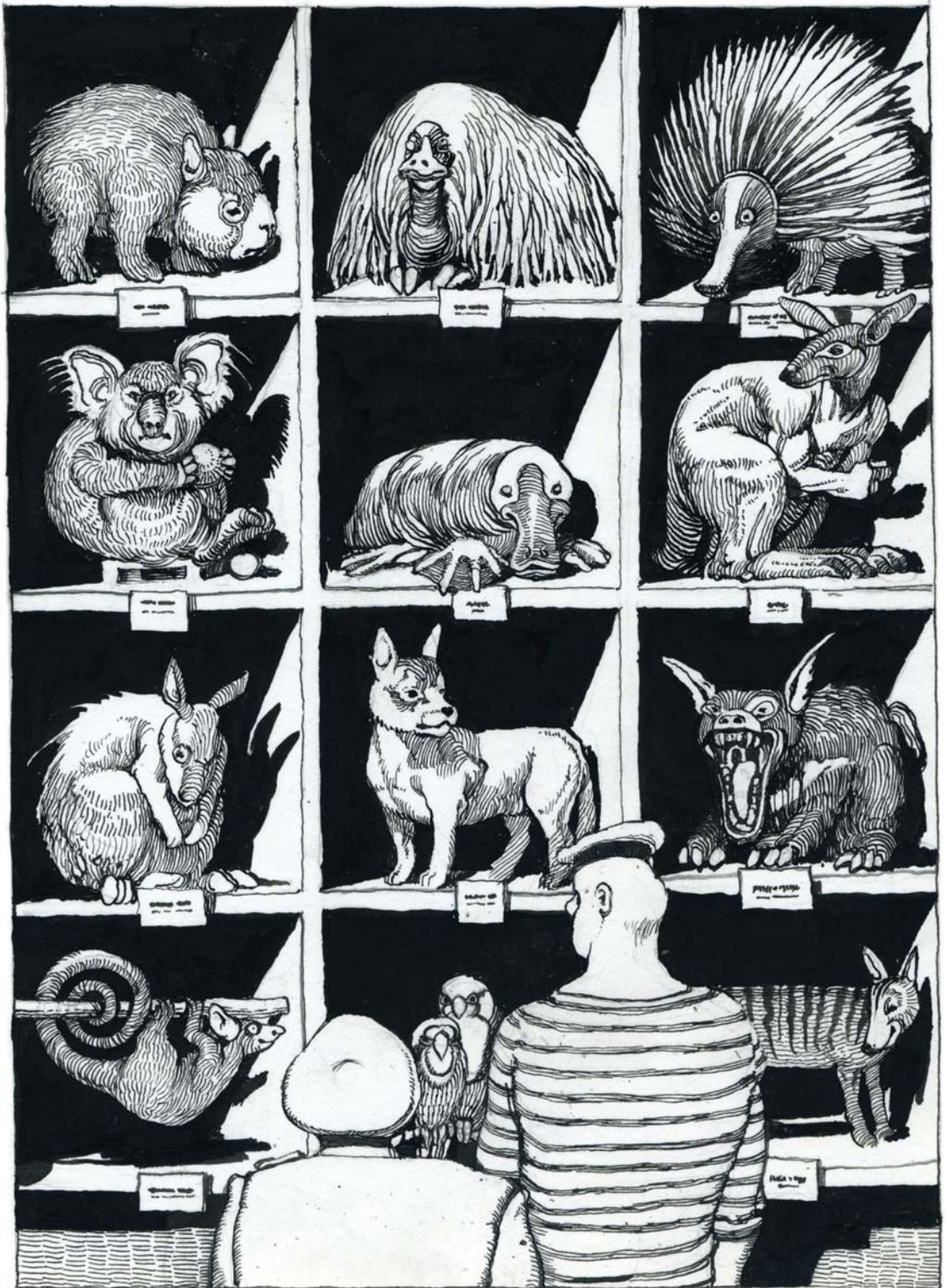
– Это, – говорю, – мой матрос Фукс, нанят в Кале, а я капитан Врунгель. Слыхали, наверное?

Губернатор, как услышал, ахнул, ухнул в ванну совсем с головой, веер свой уронил, пускает пузыри, захлёбывается, чуть не погиб. Спасибо, адъютанты не дали потонуть, спасли. Ну, он отдышался, прокашлялся, побагровел.

– Как, – говорит, – капитан Врунгель? Тот самый? Это что же теперь будет? Беспорядки, пожар, революция, выговор по службе?..

«...поднимается на борт маленький человечек, по всем признакам японский кули». (с. 87)

Ну, знаете, конечно, восхищён вашим мужеством и ничего не имею против вас лично, но как лицо официальное приказываю вам немедленно покинуть вверенную мне территорию и к сему препятствий чинить не буду... Адъютант, выдайте капитану разрешение на выезд.

Адъютант рад стараться, моментально сочинил бумагу, шлёпнул печать, подаёт. А мне только того и надо. Я поклонился, взял под козырёк.

– Спасибо, – говорю, – ваше превосходительство! Весьма признателен за любезность. Совершенно удовлетворён вашими распоряжениями. Разрешите откланяться?

Повернулся и вышел. Пошёл и Фукс за мной. Идём прямо к пристани. Вдруг слышу – сзади какой-то шум, топот. Я обернулся, смотрю – человек сорок в штатском, в широкополых шляпах, в сапогах, с ножами, с ручными пулемётами бегут за нами, пылят, обливаются потом.

– Вон они, вон они! – кричат.

Гляжу – за нами охотятся. Мгновенно взвесил соотношение сил и вижу – делать нечего, надо бежать. Ну, побежали... Добежали до какой-то будочки. Я изнемог, остановился дух перевести, сердце так и колотится – устал. А как же... и возраст, и жара. А Фукс – тому хоть бы что, он лёгок был на ходу. Однако, смотрю, и он опечален событиями, побледнел, глаза бегают. Потом вдруг повеселел и так фамильярно хлопает меня по спине.

– Ну, – говорит, – капитан, стойте здесь. Я один побегу, а вас не тронут.

И пустился, только пятки сверкают.

Такого поступка я от него, признаться, не ожидал, расстроился даже. Эх, думаю, будь что будет... Одно спасение – лезть на пальму. Полез. А эта орава всё ближе. Я обернулся, смотрю – народ дородный, свирепый, невоспитанный. Ну и струхнул, признаться. Так напугался, что даже слабость почувствовал. Вижу – конец пришёл. «Уж скорей бы», – думаю. Вцепился в пальму, повис, замер и вот слышу – они уже здесь, рядом, сопят, топчутся. И разговоры слышу; из разговоров я понял, что это за народ. Я-то думал, бандиты, разбойники, охотники за скальпами, а оказалось – просто жандармы, только переодетые. Не знаю, жара ли повлияла или другая какая причина, но губернатор, оказывается, спохватился, пожалел о своей любезности и приказал нас разыскать и линчевать на всякий случай.

Только, вижу, медлят они с этим делом. Минуту жду, десять минут. Не трогают. У меня уже руки устали, дрожат, вот-вот сорвусь, упаду. Ладно, думаю, всё равно один конец. Ну, и слез с пальмы... И, представьте, не тронули. Постоял, подождал – не трогают. Пошёл не спеша – не трогают, расступились даже, как от огня.

Ну, тогда побрёл я опять на бульвар, сел под той пальмой, где мы с Фуксом сидели, и задремал. Да так задремал, что не заметил, как и ночь прошла. А утром на рассвете явился Фукс, разбудил меня, поприветствовал.

– Видите, капитан, – говорит, – не тронули вас.

– Да почему, объясните?

– А вот, – смеется он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакатик: череп с молнией, две кости и подпись: «Не трогать – смертельно!»

Где уж он этот плакатик подцепил, не берусь вам сказать, но надо думать, что в той будке, на бульваре, трансформатор стоял. Иначе откуда бы...

Да-с. Ну, посмеялись мы, побеседовали. Фукс, оказывается, времени зря не терял – взял билеты на пароход. А на пристани я предъявил свой пропуск, и нас отпустили без разговоров. Даже каюту предоставили и счастливого пути пожелали.

Мы расположились по-барски и отправились в Рио-де-Жанейро пассажирами.

Прибыли благополучно, высадились. Навели справки.

Оказывается, «Беду» тут, недалеко, выбросило на берег. Повредило, конечно, но Лом показал себя молодцом, всё привёл в порядок, поставил судно в стапеля, а сам зажил отшельником. Всё ждал распряжений, а мне, вы сами понимаете, распорядиться было трудненько.

Ну, мы с Фуксом наняли местный экипаж – этакую корзинку на колёсах, – подхлестнули волов, поехали. Едем по берегу и наблюдаем печальную, но поучительную картину местных нравов: человек двести негров таскают кофе и сахар со склада на берег и прямо мешками в воду: бултых, бултых! В море не вода, а сироп. Кругом мухи, пчёлы. Мы засмотрелись. Полубопытствовали, что это за странное развлечение такое. Нам объяснили, что цены на сахар низкие, товары девать некуда, ну и таким вот образом исправляют экономику, поднимают уровень жизни. Словом, мол, всё нормально, и иначе ничего не поделаешь. Да. Поехали мы дальше. И вот видим – наша красавица «Беда» стоит на бережку, ждёт твёрдой командирской

руки, а рядом какой-то верзила разгуливает. Чистый разбойник: шляпа как зонтик, на боку косарь, штаны с бахромой. Увидал нас – бросился. Ох, думаю, зарежет!

Но не зарезал, нет. Это Лом, оказывается, обжился здесь, нарядился по местной моде.

Ну, встретились, облобызались, поплакали даже. Вечером поболтали: он о своих злоключениях рассказал, мы – о своих.

А с утра вышибли клинья из-под кия, спустили яхту на воду, подняли флаг. Я, признаться, даже слезу пустил. Ведь это, молодой человек, большая радость – очутиться на родной палубе. А ещё большая радость, что дело продолжается. Можно двигаться смело в дальнейший путь. Только и осталось – отход оформить.

Ну, уж это я взял на себя. Прихожу к начальнику порта, «команданте дель бахия» по-ихнему, подал бумаги.

И вот этот команданте, как увидел меня, сразу надулся, как жаба, и принялся кричать:

– Ах, так это вы капитан «Беды»? Стыдно, молодой человек! Тут сплошные доносы на вас. Вот адмирал Кусаки жалуется: какой-то остров вы там разрушили, кашалота обидели... и губернатор сообщает: самовольно покинули порт Пара...

– Как же так, – говорю, – самовольно? Позвольте, – и подаю свой пропуск.

А он и смотреть не стал.

– Нет, – говорит, – не позволю. Ничего не позволю. Одни неприятности из-за вас... убирайтесь вон!.. – Потом как гаркнет: – Лейтенант! Загрузить яхту «Беду» песком вплоть до полного потопления!

Ну, я ушёл. Заторопился на судно. Прихожу. А там уже и песок привезли, и какой-то чиновник крутится, распоряжается.

– Это вашу яхту приказано загрузить песком? Так вы, – говорит, – не беспокойтесь, я не задержу, в одну минутку сделаем...

Ну, признаться, я думал, что тут-то наверняка конец. Потонет яхта, потом доставай. Но, представьте, и тут сумел использовать обстоятельства в благоприятном смысле.

– Стойте, молодой человек! – кричу я. – Вы каким песком хотите грузить? Ведь мне надо сахарным, первый сорт.

– Ах, вот как! – говорит он. – Ну что ж, пожалуйста, сию минутку.

И, знаете, те же негры побежали, как муравьи, загрузили яхту, забили трюм, надстройки, на палубу навалили сахар, прямо в мешках.

«Беда» моя, бедняжка, садится глубже, глубже, потом – буль-буль-буль... И глядим – только мачты торчат. А потом и мачты скрылись.

Лом с Фуксом в горе глядят на гибель родного судна, у обоих слёзы на глазах, а я, напротив, в отличном настроении. Приказал разбить лагерь тут на берегу. Пожили мы три дня, а на четвёртый сахар растаял, смотрим – яхта наша всплывает не торопясь. Ну, мы её почистили, помыли, подняли паруса и пошли.

Только вышли, смотрю – на берег бежит команданте с саблей на боку, кричит:

– Не позволю!

А рядом вприпрыжку старый знакомый, адмирал Кусаки, тоже ругается:

– Разве это работа, господин команданте? За такую работу, пожалуйста, деньги обратно.

«Ну, – я думаю, – ругайтесь себе на здоровье». Помахал им ручкой, развернулся и пошёл полным ходом.

*глава XV, в которой адмирал Кусаки
пытается поступить на «Беду» матросом*

Из Бразилии наш путь лежал дальше на запад. Но через материк, сами понимаете, не пойдёшь, и пришлось уклониться к югу. Я положил курс, расставил вахты и пошёл. Шли в этот раз прекрасно. Ветерок дул, как по заказу, из-под носа буруны, за кормой дорожка, паруса звенят, снасти обтянуты. Миль по двести за сутки отсчитывали, а сами сложа руки сидели. Лом с Фуксом обленились совсем, дисциплина начала падать, и я решил занять экипаж судовыми работами.

– Ну-ка, – говорю, – Лом, довольно вам загорать. Займитесь-ка медными частями. Надрайте так, чтобы огнём горело.

Да. Ну, сказал. Лом козырнул: есть, мол.

Натёр кирпича, берёт тряпку, и пошла работа.

Только я спустился в каюту вздремнуть, слышу – беспокойство на палубе. Вскочил, бросился к трапу, а навстречу Фукс. Бледный, дрожит.

– Пожалуйста, – говорит, – Христофор Бонифатьевич, на палубу. У нас, кажется, пожар.

Выскочил я. Смотрю – и вправду: горит палуба в двух местах. А Лом как ни в чём не бывало сидит чуть поодаль от очагов огня и драит медную уточку. Только я пригляделся, смотрю – и тут палуба вспыхнула.

Я, знаете, растерялся даже.

– Лом, – кричу, – объясните, в чём дело?

А тот встаёт, берёт под козырёк и спокойно так рапортует:

– Согласно вашему приказанию, драю медные части так, чтобы огнём горело. Какие последуют распоряжения?

Я было хотел разнести Лома, да вовремя сдержался. Вижу – сам виноват. А как же, знаете, – писатель или, там, артист может, конечно, позволить себе некоторые вольности в выражениях, а у нас в морском деле – точность прежде всего. Нам стихи писать некогда. Отдаёшь распоряжение – думай, что говоришь, а то попадёшь на такого, как Лом, – человек он внимательный, аккуратный, привык исполнять команду в буквальном значении, к тому же и силушка у него богатырская, – так, знаете, и до аварии недалеко.

Ну, вижу, нужно исправлять последствия своей ошибки. И распорядился мигом:

– Отставить драить медные части! Пробить пожарную тревогу!

Фукс бросается к колоколу. Лом, согласно расписанию тревоги, остаётся у места возникновения пожара, а я в руле. Звону много, а толку никакого. Огонь ширится. Горит, как факел. Того и гляди, до парусов дойдёт. Ну, я вижу, дело дрянь. Развернулся кругом, стал против ветра. И помогло, знаете. Сдуло огонь. Он у нас за кормой поболтался таким огненным шлейфом, оборвался и погас. Фукс успокоился. И Лом понял, что перестарался. Да-с.

Ну, а затем легли на прежний курс, заменили дефектные части палубы, без дальнейших приключений обогнули мыс Горн, прошли мимо Новой Зеландии и благополучно прибыли в Сидней, в Австралию.

И вот, представьте, подходим к портовой стенке и кого встречаем? Думаете, кенгуру, утконоса, страуса-эму? Нет! Подваливаем. Смотрю – на берегу толпа, а в толпе, в первом ряду, – адмирал Кусаки собственной персоной.

Как он туда попал, откуда, зачем – чёрт его знает! Одно несомненно, что это именно он. Мне, признаюсь, стало неприятно и даже, знаете, как-то не по себе.

Ну, подошли, встали. Адмирал затерялся в толпе. А я, как только подали сходни, так сразу на берег, в порт. Представился властям, доложил о прибытии, побеседовал с чиновниками. Сперва, как полагается, о погоде, о здоровье, о местных новостях, а потом между разговорами закидываю удочку: может, думаю, удастся узнать, что тут этот Кусаки делает и какую ещё пакость готовит.

Чиновники, однако, ничего не сказали, сослались на неосведомлённость. Ну, я поболтал с ними ещё и отправился прямо к капитану порта. Поздоровался и объяснился начистоту: меня, мол, один японский адмирал преследует.

– Один? – говорит тот. – Ну, мой дорогой, вам повезло. Я сам от этих японских адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не приказано ни помогать, ни противодействовать. Чем другим рад служить. Не угодно ли виски с лимонадом? Обедать ко мне пожалуйста, сигару, может быть, выкурите? А с адмиралом вы как-нибудь сами улаживайте...

Да-с. Словом, вижу – неприятная история. Сейчас, конечно, японский адмирал Кусаки для нас не фигура. Да, по правде сказать, мы

их и тогда-то не больно боялись, но всё-таки, знаете, дела с ними иметь, прямо скажем, не очень любили.

Вот я вам про Италию имел случай рассказать. Там заправили мечтали всю Африку к рукам прибрать, пол-Европы, четверть Азии... А на востоке японские бояре (самураи по-ихнему) так же вот размечтались – подай им весь Китай, всю Сибирь, пол-Америки...

Вообще-то, конечно, мечтать никому не заказано. Полезно даже порой пофантазировать. Но когда такой вот фантазер нацепит погоны да сядет на боевом корабле у заряженной пушки – тут и неприятность может случиться... Размечтается да прицелится, прицелится да бабахнет. Хорошо, как промахнется. А ну как попадет? Да тут такое может случиться, что к ночи лучше и не вспоминать!

Вот поэтому мы и старались таких фантазёров сторонкой обходить. Но прямо скажу – не всегда это нам удавалось. Такие упрямые среди них попадались мечтатели, что другой раз и не отвяжешься. Вот и мне такой достался – господин Кусаки, адмирал. Как встретились тогда в китолобивом комитете, так и прицепился, как репей.

И, конечно, не только в мои дела адмиралы эти нос совали. Им до всего было дело: там стравить кого с кем, там обобратить под шумок, там пошарить, там понюхать для интереса: где нефтью пахнет, где рыбой, где золотом?... И, конечно, не мы одни понимали это. Но там на этих фантазеров сквозь пальцы смотрели – не помогали и не препятствовали. Так сказать, на развод берегли для острстки и для обеспечения взаимной безопасности.

Да-с. Ну, это я вам могу объяснить, а с капитаном порта такой разговор неуместен. Поблагодарил я его, распрощался. Так и ушёл ни с чем и мер принять не сумел.

Вернулся на яхту, сел чайку попить. И вот смотрю – поднимается на борт маленький человечек, по всем признакам японский кúли. В худеньком пиджачишке, с корзиночкой в руках. Робко так подходит и объясняет, что тут, в Австралии, погибает с голоду, и просится на службу матросом. Да так настойчиво.

– Пойдёте, – говорит, – по Тихому океану, там тайфуны, туманы, неисследованные течения... Не справитесь. Возьмите, капитан! Я моряк, я вам буду полезен. Я и прачкой могу быть, и парикмахером. Я на все руки...

– Ладно, – говорю, – зайдите через час, я подумаю.

Ушёл он. А ровно через час, смотрю, посольская машина останавливается невдалеке.

Ну, я взял бинокль и вижу – вылезает оттуда мой японец, берёт корзиночку и не спеша направляется к судну. Кланяется этак почитительно и опять ту же песню:

– Возьмите... Не справитесь...

– Вот что, – говорю, – убедили вы меня. Вижу сам, что придётся брать матроса. Но только не вас, молодой человек.

– Почему же?

– Да так, знаете, цвет лица у вас очень неестественный. У меня на этот счёт взгляды несколько устаревшие, но вполне определённые: по мне, если уж брать арапа, так чёрного. Негра взял бы, папуаса взял бы, а вас, уж не обижайтесь, – не возьму.

– Ну что ж, – говорит он, – раз так, ничего не поделаешь. Простите, что я вас побеспокоил.

Поклонился и пошёл. Вскоре и мы собрались прогуляться. Привели в порядок одежду, побрились, причесались. Яхту прибрали, каюту заперли. Идём все втроем по улице, наблюдаем различные проявления местного быта. Интересно, знаете, в чужой стране. Вдруг смотрим – странная картина: сидит чистильщик-негр, а перед ним на четвереньках наш японец. И этот негр его начищает чёрной ваксой. Да как! Там, знаете, чистильщики квалифицированные, из-под щёток искры летят... Ну, мы сделали вид, будто нам ни к чему, прошли мимо, отвернулись даже. А вечером пришли на судно – Фукс с Ломом утомились, а я остался на вахте, жду, знаете, того негра; думаю, как бы его встретить получше.

Вдруг подают мне пакет от капитана порта. Оказывается, скучает старик, приглашает на завтра составить партию в гольф. Я, признаться, даже и не знал, что это за игра. Но, думаю, чёрт с ним. Пусть проиграю, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу... Словом, ответил, что согласен, и стал собираться.

Разбудил Лома, спрашиваю:

– Что нужно для гольфа?

Он подумал, потом говорит:

– По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры, и больше ничего. Есть у меня рукава от старой тельняшки. Возьмите, если хотите.

Я взял, примерил. Брюки надел с напуском, китель подколол булавками в талии, и превосходно получилось: такой бравый спортсмен – чемпион, да и только.

Но для спокойствия я всё-таки заглянул в руководство по гольфу, ознакомился. Вижу, игра-то самая пустяковая: мяч гонять по полю от ямки к ямке. Кто меньше ударов сделает, тот и выиграл. Но одними гетрами тут не отделаешься: нужны разные палки, клюшки, дубинки – чем бить, и ещё помощник-мальчик нужен – таскать всё это хозяйство.

Ну, пошли мы с Ломом искать снаряжение. Весь Сидней насквозь прошли – ничего подходящего. В одной лавочке нашли хлысты, да тонки, в другой нам полицейские дубинки предложили. Ну, да эти мне как-то не по руке.

А дело уже к ночи. Луна светит. Этакие таинственные тени ложатся вдоль дороги. Я уж отчаялся. Где тут искать? Разве сучьев наломать?

И вот, видим – сад с высокой оградой и за оградой – различные деревья. Лом меня подсадил, перелезли, идём меж кустов.

Вдруг смотрю – крадётся негр, верзила, и под мышкой тащит целый ворох палок для гольфа. Точь-в-точь такие, как в руководстве показаны.

– Эй, любезный, – кричу я, – не уступите ли мне свой спортивный инвентарь?

Но он либо не понял, либо от неожиданности – только гикнул страшным голосом, схватил дубинку, взмахнул над головой – и на нас... Я, скажу не стыдясь, испугался. Но тут Лом выручил: сгрёб его в охапку и зашвырнул на дерево. Пока он слезал, я подобрал эти палки, рассматриваю, вижу – точь-в-точь как в руководстве изображены. А работа какая! Я, знаете, просто размечтался, глядя, да тут Лом меня вывел из задумчивости.

– Пошли, – говорит, – Христофор Бонифатьевич, домой, а то что-то сыро здесь, как бы не простудились.

Ну, перелезли снова через ограду, вышли, вернулись на судно. Я успокоился: костюм есть, клюшки есть, теперь один мальчик остался... Да вот совесть ещё несколько неспокойна: неудобно человека ни с того ни с сего так обездоливать. Но, с другой стороны, он сам первый напал, да и клюшки эти мне всего на денёк нужны – в аренду, так сказать... Словом, с инвентарём дело кое-как утряслось.

А с мальчиком ещё лучше уладилось: утром, чуть свет, слышу – кто-то зовёт смиренным голосом:

– Масса капитан, а масса капитан!

Я выглянул.

– Я, – говорю, – капитан, заходите. Чем могу служить?

И вижу: приятель, вчерашний японец, собственной персоной, но уже под видом чернокожего. Я-то его маскировку видел, а то бы и не узнал – до того он ловко свою наружность обработал: прическа-перманент под каракуль, физиономия до блеска начищена, на ногах соломенные тапочки и ситцевые брюки в полоску.

– Вам, – говорит, – масса капитан, я слышал, негр-матрос нужен.

– Да, – говорю, – нужен, только не матрос, а бой для гольфа. Вот тебе клюшки, забирай да пойдём...

Пошли. Капитан порта меня уже ждал. Уселись мы с ним в машину. Проехали с час.

– Ну, – говорит мой партнёр, – начнём, пожалуй? Уж вы, надеюсь, как джентльмен не обманете меня в счёте?

Он уложил свой мячик в ямку, размахнулся, ударил. Ударил и я. У него прямо пошло, а у меня в сторону. Ну, и загнал я свой мяч к чёрту на рога. Кругом кусты, овраги, буераки, местность, что и говорить, живописная, однако сильно пересечённая. Негр мой измучился, да и понятно: палки тяжёлые, жара, духота. С него пот градом, в три ручья, и, знаете, весь его грим поплыл, вакса растаяла, и он уж не на негра, а на зебру стал похож: вся физиономия жёлтая с чёрным, в полоску. Устал и я, признаться. И вот вижу – ручей течёт, а там ручьи редкость.

– Давай-ка, – говорю, – вот здесь отдохнём, побеседуем. Тебя звать-то как?

– Том, масса капитан.

– Дядя Том, значит. Ну, ну. Пойдём-ка, дядя Том, умоемся.

– Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу́.

– А, – говорю, – ну, раз табу, как хочешь. А то бы умылся. Смотри-ка, ты весь полинял.

Не нужно бы мне этого говорить, да уж сорвалось, не воротишь. А он промолчал, только глазами сверкнул и уселся, будто палки перекладывает.

А я к ручью. Вода холодная, чистая – хрусталь. Освежаюсь, фыркаю, как бегемот. Потом обернулся, смотрю – он крадётся, и самая тяжёлая дубинка в руке. Я было крикнул на него, да вижу – поздно. Он, знаете, размахнулся – и в меня этой дубинкой. Попал бы – и череп долой. Но я не растерялся: бултых в воду!

Потом выглянул, вижу – он стоит, зубы оскалил, глаза горят, как у тигра, вот-вот бросится...

Вдруг что-то сверху хлоп его по причёске! Он так и сел. Я подбегаю, ищу избавителя – нет никого, только дубинка эта лежит... Поднял я её, осмотрел, вижу – вместо фирменной марки на ней туземный святой изображён. Ну, тут я понял: вместо клюшек для гольфа я вчера бумеранги у папуаса отобрал. А бумеранг знаете какое оружие? Им без промаху надо бить, а промахнулся – смотри в оба, а то вернётся и как раз вот так хлопнет по черепу. Да.

Ну, осмотрел я дядю Тома. Слышу – пульс есть, значит, не смертельно. Взял его за ноги и потащил в тень. Тут, понимаете, у него из кармана вываливаются какие-то бумажки. Я подобрал, вижу – визитные карточки. Ну, читаю, и что бы вы думали? Чёрным по белому так и написано:

Хамура Кусаки
адмирал

«Вот ты, – думаю, – где, голубчик! Ну, полежи, отдохни, а мне некогда, игру надо продолжать, а то партнёр обидится».

Да. Ну, пошёл дальше, гоню мяч и сам не рад, что связался с этим гольфом, но отступать не в моём характере. Бью, считаю удары. Тяжеленько, знаете. С помощником ещё туда-сюда, а одному просто зарез: ударить надо посильнее, и мяч отыскать, и палки тащить. Ноги ноют, руки не слушаются. В общем и целом получается, что не я мяч гоню, а он меня. Ну, и загнал: кругом болотце, осока, какая-то речка течёт, кочки на берегу...

«Так, – думаю, – сейчас до речки догоню, отдохну, искупаюсь».

Размахнулся, ударил. Вдруг все эти кочки повскакивали и давай прыгать...

Это, оказывается, не кочки были, а стадо кенгуру. Видимо, испугались – и врассыпную. А мяч мой одной кенгурихе со всего размаха в сумку. Она взвизгнула да как припустит... И хвостом и ногами работает. Передними лапами держится за сумку и мимо меня прыг, прыг...

Ну, что тут делать? Я бросил палки – и за ней. Нельзя же мяч терять.

И такая получилась скачка с препятствиями, что до сих пор вспомнить весело.

Сучья под ногами хрустят, камни разлетаются...

Я устал, но не сдаюсь, не выпускаю её из поля зрения. Она присядет отдохнуть, и я присяду; она в путь, и я в путь...

И вот животное, знаете, растерялось, сбилось с курса от страха. Ей бы в чащу, в кусты, а она на чистое место, на шоссе, прямо к Сиднею.

Вот уж и город видно, сейчас улицы начнутся. Народ на нас смотрит, кричит, полицейский на мотоцикле гонится, засвистел... Тут, видимо испугавшись, животное делает этакую фигуру в воздухе, наподобие мёртвой петли. Мяч мой выскакивает из сумки, я бросаюсь за ним, наклоняюсь и в ту же секунду получаю чувствительный толчок пониже спины. Ну, доложу вам, и ощущение! Прямо, как говорится, «ни встать, ни сесть».

Но я всё-таки встал, отряхнулся. Тут народ кругом: сочувствуют, предлагают помощь, а мне не помощь, мне палка нужна: мяч тут, и ямка уже недалеко, а бить нечем. Ну, и сжалился один джентльмен, дал свою тросточку. На восемьдесят третьем ударе я закончил игру.

Капитан порта просто разахался.

– Поразительный, – говорит, – результат! Вы подумайте: такой трудный участок, и неужели всего восемьдесят три удара?

– Так точно, – отвечаю я, – восемьдесят три, не больше, не меньше...

А про кенгуру я умолчал. В руководстве о кенгуру ничего не сказано, в правилах игры тоже. И выходит, что если животное непреднамеренно оказало помощь, так это уж, знаете, его дело.

Поговорили мы с капитаном порта о местных новостях, о достопримечательностях. Он меня в музей пригласил. Пошли.

Там действительно есть что посмотреть: модель утконоса в натуральную величину, собака динго, портрет капитана Кука...

Но только я задержу внимание на какой-нибудь детали, мой спутник тянет меня за рукав и дальше влечёт.

– Идёмте – говорит, – я вам самое главное покажу: живой экспонат – вождь дикарей в полном вооружении, особенно интересно.

Ну, входим в зал. Там сделан этакий загончик, вроде как в зоопарке, и разгуливает здоровенный папуас с удивительной причёской на голове... Увидел нас, издал воинственный возглас, взмахнул дубинкой над головой... Я было попятился. А потом вспомнил тех артистов в Гонолулу и, по правде сказать, согрешил. «И этот, – думаю, – тоже, наверное, артист». Ну и решил расспросить потихоньку, без свидетелей, как это он до такой жизни дошел.

Распрощался повежливее с капитаном.

– Спасибо, – говорю, – за компанию, очень здесь интересно. Но вас я не смею задерживать, а сам, с вашего позволения, ещё посмотрю...

И остались мы с папуасом наедине. Разговорились.

– А вы, – спрашиваю, – признайтесь, настоящий папуас или так?

– Ну, что вы, – отвечает тот, – самый настоящий, сын вождя, учился в Оксфорде, в Англии. Окончил университет с золотой медалью, защитил диссертацию, получил звание доктора прав, вернулся на родину... А тут работы по специальности нет... Жить не на что, вот и поступил сюда...

– Вот как! И хорошо зарабатываете?

– Да нет, – отвечает он, – не хватает. Ночью ещё по совместительству городской сад стерегу. Там лучше платят и работа полегче. Тут тихо. Вот только вчера какие-то дикари напали, отняли бумеранги. Сегодня не знал, с чем и на службу идти. Хорошо, догадался: у меня со студенческих лет набор палок для гольфа остался, с ними и пошёл. И ничего, не замечает публика...

Да. Ну, распрощались. Тут бы можно и покинуть Австралию, но у меня остался долг чести, так сказать: вернуть оружие вождю папуасов и посмотреть, что с моим адмиралом.

И вот, знаете, снарядились мы по-походному, яхту сдали под надзор портовых властей, а сами отправились все втроём.

Идём в глубь страны по следам недавних событий, читаем книгу природы: вот здесь я за кенгуру гнался, вот здесь ручей, здесь бумеранг лежал, здесь сам Кусаки... Однако нет ни того, ни другого. А здесь я последние палки бросил. Но и тут, знаете, пусто. Как корова языком слизнула.

Ну, побродили, обыскали всё кругом. Тот же результат. Только с дороги сбились. В море-то я хорошо ориентируюсь, а на суше, бывает, и заблужусь. А тут кругом пустыня – ориентиров нет. К тому же жара и голод... Фукс с Ломом ропщут потихоньку, а я креплюсь: положение обязывает, как ни говорите. Да.

Недели три так бродили. Измучились, похудели. И сами не рады, что пошли, да теперь уж делать нечего... И вот, знаете, однажды разбили мы бивуак, прилегли отдохнуть, а жара – как в бане. Ну, и разморило, заснули все.

Не знаю, сколько уж я проспал, но только слышу сквозь сон: шум, возня, воинственные крики. Проснулся, продрал глаза, гляжу – Фукс тут, под кустом, спит крепким сном, как младенец, а Лома нет. Посмотрел кругом – нигде нет. Ну, тогда беру бинокль, осматриваю горизонт и вижу – мой старший помощник Лом сидит у костра, а кругом, понимаете, дикари и, судя по поведению, едят моего старшего помощника...

Что делать? Я тогда складываю ладони рупором и во всё горло кричу:

– Отставить есть моего старшего помощника!

Крикнул и жду...

И вот, поверите ли, молодой человек, слышу, как эхо, доносится ответ:

– Есть отставить есть вашего старшего помощника!

И действительно, смотрю – отставили. Закидали костёр, поднялись и все вместе направляются к нам.

Ну, встретились, поговорили, выяснили недоразумение. Оказалось, папуасы с северного берега. У них тут и деревня была недалеко, и море тут же, а Лома они вовсе и не собирались есть. Напротив, угостить нас хотели, а Лом их уговорил подальше от бивуака костёр разложить: боялся потревожить наш сон. Да.

Ну, подкрепились мы. Они спрашивают:

– Куда, откуда, с какими целями?

Я объяснил, что ходим по стране и скупаем местное оружие старинных образцов для коллекции.

– А, – говорят, – кстати попали. Вообще-то у нас этого добра не бывает. Это хозяйство мы давно в Америку вывезли, а сами на винтовки перешли. Но сейчас случайно есть небольшая партия бумерангов...

Ну, и отправились мы в деревню. Притащили они эти бумеранги. Я как глянул, так сразу и узнал свои спортивные доспехи.

– Откуда это у вас? – спрашиваю.

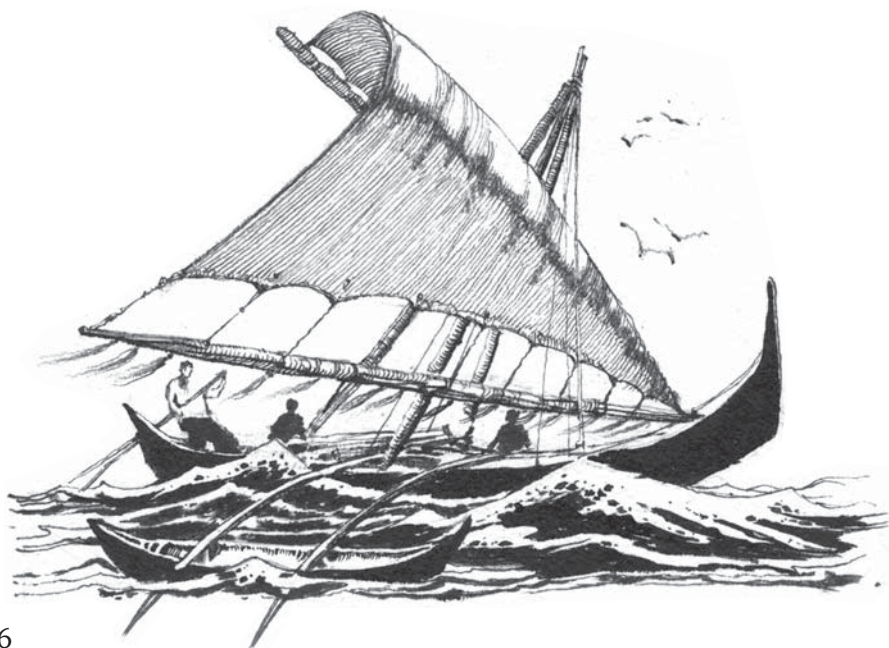
– А это, – отвечают они, – один посторонний негр принёс. Он сейчас поступил военным советником к нашему вождю. Но только его сейчас нет, и вождя нет – они в соседнюю деревню пошли, обсуждают там план похода.

Ну, я понял, что мой воинственный адмирал здесь окопался, и вижу – надо уходить подобру-поздорову.

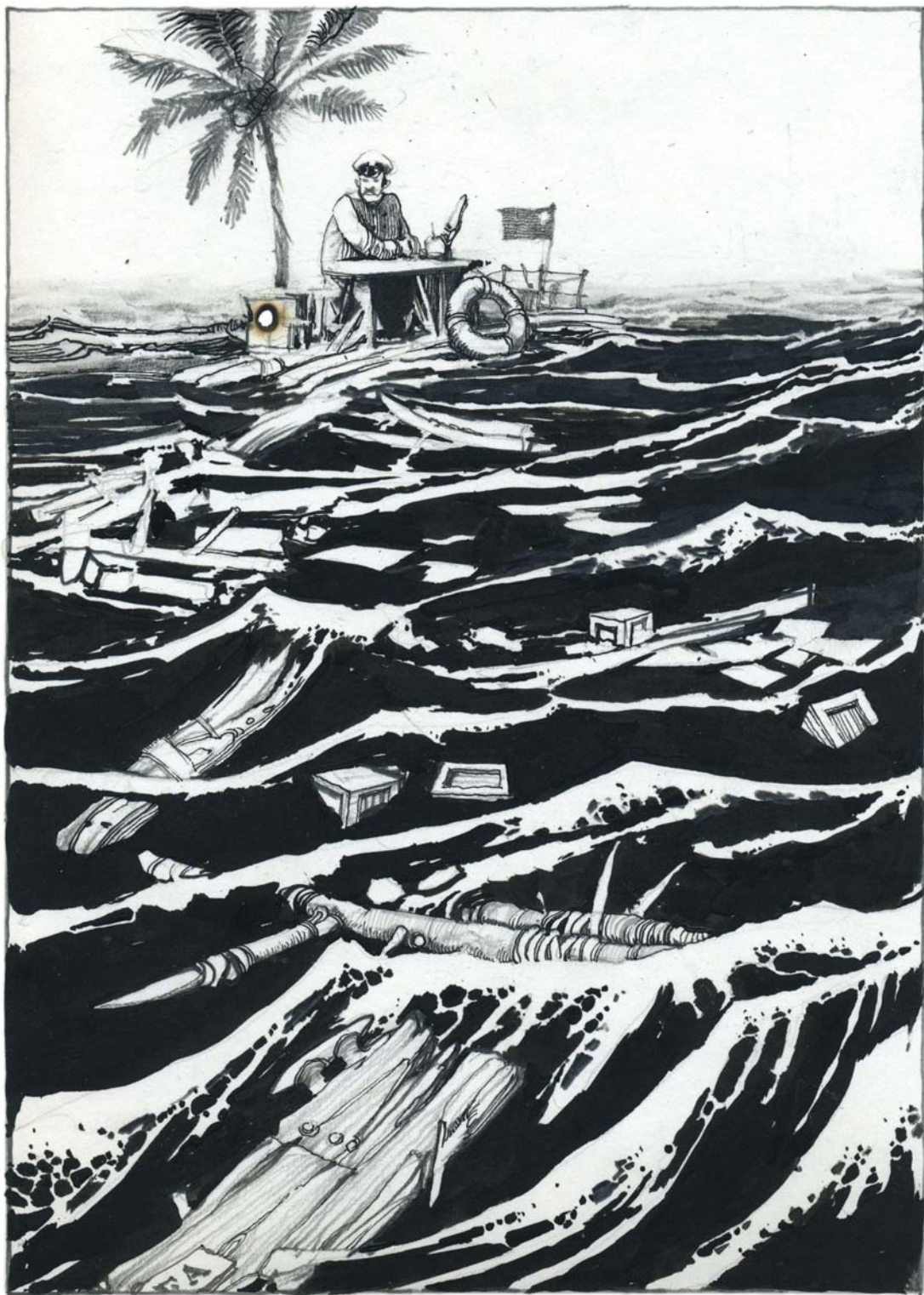
– Послушайте, – спрашиваю, – а где у вас ближайшая дорога в Сидней, или в Мельбурн, или вообще куда-нибудь?

– А это, – отвечают они, – только морем. По суше и далеко и трудно, заблудитесь. Если хотите, можете здесь пирогу зафрахтовать. Ветры сейчас хорошие, в два дня доберётесь.

Я выбрал посудину. И странная, доложу вам, посудина оказалась. Парус вроде кулька, мачта – как рогатина, а сбоку за бортом – нечто вроде скамеечки. Если свежий ветер, так не в лодке надо сидеть, а на этой скамеечке как раз. Мне, признаться, на таком судне ни разу

не приходилось плавать, хоть я в парусном деле и не новичок. Но тут делать нечего, как-нибудь, думаю, справлюсь.

Погрузил бумеранги, взял запасов на дорогу, разместил экипаж. Я в руле, Лом с Фуксом за бортом, вместо балласта. Подняли паруса и пошли.

Только отошли, смотрю – за нами в погоню целый флот. Впереди большая пирога, а на носу у неё – мой странствующий рыцарь: сам адмирал Кусаки в форме папуасского вождя.

Я вижу – догонят. А сдаваться, знаете, неинтересно. Если бы одни папуасы, с ними бы я сговорился – всё-таки австралийцы, народ культурный, – а этот... кто его знает? Попадёшься вот так, живьём сожрёт... Словом, вижу, как ни вертись, а надо принимать сражение.

Ну, взвесил обстановку и решил так: вступать в бой, проливать кровь – к чему это? Дай-ка лучше я их искупаю. Таким воякам первое дело – голову освежить. А тут ветер боковой, крепкий, команда у них вся за бортом, на скамеечках. Так что обстановка самая благоприятная. Ну и если сделать этакий штырь подлиннее да быстро развернуться...

Словом, в две минуты переоборудовал судно, сделал поворот и полным ходом пошёл на сближение. Идём на контркурсах. Ближе, ближе. Я чуть влево беру руля и, знаете, как метлой смел балласт с флагманской пироги, со второй, с третьей... Смотрю – не море кругом, а суп с фрикадельками. Плынут папуасы, барахтаются, смеются – так раскупались, что и вылезать не хотят.

Один Кусаки недоволен: вскарабкался на пирогу, кричит, сердится, фыркает... А я, знаете, просемафорил ему: «С легким паром», развернулся и пошёл назад в Сидней.

А там, в Сиднее, возвратил бумеранги владельцу, попрощался с партнёром по гольфу, поднял флаг.

Ну, конечно, провожающие были, принесли фрукты, пирожные на дорогу. Я поблагодарил, отдал швартовы, поднял паруса и пошёл.

глава XVII, в которой Лом вновь покидает судно

На этот раз неудачно всё получилось. Едва миновали берега Новой Гвинеи, нас нагнал тайфун чудовищной силы. «Беда», как чайка, металась по волнам. Нырнет, выскочит, снова нырнет. Горы воды падают на палубу. Снасти стонут. Ну что вы хотите – тайфун!

Вдруг яхта, как волчок, закрутилась на месте, а секунду спустя ветер совершенно затих. Лом и Фукс, незнакомые с коварством тайфуна, облегченно вздохнули. Ну, а я понял, в чём дело, и, признать-ся, пришёл в большое расстройство. Попали в самый центр урагана. Тут, знаете, добра не жди.

Ну и началось. После непродолжительного затишья ветер снова засвистел, как тысяча чертей, паруса лопнули со страшным треском, мачта согнулась, как удочка, переломилась пополам, и весь рангоут вместе с такелажем полетел за борт. В общем, потрепало нас как надо.

А когда разъярённый океан несколько успокоился, я вышел на палубу и осмотрелся. Разрушения были огромны и непоправимы. Запасные паруса и концы, правда, хранились у нас в трюме, но на одних парусах без мачт, сами понимаете, не пойдёшь. И тут, вдали от больших океанских дорог, нас ждала страшная участь: мы годами могли болтаться среди океана. А это, знаете, перспектива не из приятных.

Угроза медленной смерти нависла над нами, и, как всегда в таких случаях, я вспомнил свою долгую жизнь, своё милое детство.

И вот, представьте себе, воспоминание это дало мне ключ к спасению.

Еще будучи мальчиком, я любил клеить и запускать воздушных змеев. Ну, и вспомнив об этом прекрасном занятии, я воспрянул духом. Змей! Бумажный змей – вот спасение!

Корзины от прощальных подношений пошли на каркас. Ну, а потом мы сварили клейстер, собрали всё бумажное, что было на судне – газеты, книжки, разную коммерческую корреспонденцию, – и принялись клеить. И скажу вам, не хвастаясь, змей получился на славу. Уж кто-кто, а я-то в этом деле специалист. Ну, а когда высохло это сооружение, мы выбрали канат подлиннее, выждали ветерок, запустили...

И ничего, знаете, прекрасно потянуло, пошла наша яхта и снова стала слушать руля.

Я развернул карту, выбираю место, куда зайти для ремонта. Вдруг слышу странные какие-то звуки. Потрескивает что-то на палубе. Встрепенутый, поднимаюсь и вижу страшную картину: конец, на котором держался наш змей, зацепился за брашпиль и к моменту моего прихода перетерся и, как говорится, на волоске держится.

– Аврал! Все наверх! – скомандовал я.

Лом и Фукс выскочили на палубу. Стоят, ждут моих распоряжений.

Но распорядиться было нелегко. Тут, сами понимаете, нужно бы наложить узел. Но ветер усилился, канат натянулся, как струна, а струну, знаете, не завяжешь.

И я уже думал – всё кончено. Но тут исполинская сила Лома нашла надлежащее применение. Он, понимаете, хватается одной рукой за канат, другой за скобу на палубе, напрягает бицепсы. На канате появляется слабина...

– Так держать, не отпускать ни в коем случае! – скомандовал я, а сам стал накладывать узел.

Но тут вдруг неожиданно шквал налетает на нас с кормы, змей рванулся, скоба вылетела из палубы, как морковка из грядки, и Лом взвился в облака, едва успев крикнуть:

– Есть так держать!

Ошеломлённые, мы с Фуком посмотрели вслед. А Лома уже и не видно совсем. Мелькнула в облаках чёрная точка, и наш храбрый товарищ покинул нас среди океана...

Наконец я пришёл в себя, взглянул на компас, заметил направление, оценил на глаз погоду. И, должен сказать, выводы получились неважные: свежий ветер силою в шесть баллов со скоростью до двадцати пяти миль в час уносил моего старшего помощника к берегам Страны восходящего солнца. Мы же снова беспомощно болтались по волнам, лишённые двигателя и управления.

Я расстроился, ушёл с горя спать и, только немного забылся, слышу – Фукс меня будит. Ну, я протёр глаза, поднимаюсь и, поверите ли, вижу: коралловый остров справа по курсу. Всё как полагается: пальмы, лагуна... Тут, знаете, если пристать, можно и парусишки кое-как соорудить. Словом, фортуна, как говорится, нам улыбнулась, но, увы, улыбка-то эта оказалась фальшивой.

Посудите сами: ветерок гонит нас не спеша, вот мы поравнялись с островом, вот он рядом, рукой подать... Но ведь это только так говорится, а поди-ка найди руку в двести сажен... Словом, ясно: проносит мимо.

Другой бы на моём месте растерялся, но я, знаете, не таков. Морская практика рекомендует в подобных случаях забрасывать на брег якорь на конце. Рукой, конечно, не забросишь: тут нужна пушка или ракета. Ну, понятно, я бросаюсь в каюту, ищу указанные предметы, перерыл, перекопал всё – нет, понимаете, ни ракет, ни пушки: недосмотрел, не захватил при отправлении. Лезут под руки всё больше предметы туалета: галстуки, подтяжки... Из них, знаете, пушки не сделаешь.

Но тут вновь небольшая экскурсия в прошлое подсказала мне план дальнейших действий.

Я, видите ли, не могу сказать, чтобы в детстве отличался примерным поведением. Напротив, с общепризнанной точки зрения, я хотя хулиганом и не был, но озорником был, не скрою. И такой инструмент, как рогатка, никогда не покидал моего кармана... Да.

Вспомнил я это дело, и меня как осенило: пушку, конечно, из подтяжек не соорудишь, а рогатку – почему же? И вот я хватаю шесть пар тугих резиновых подтяжек и устраиваю на палубе такую рогатку увеличенных размеров.

Ну, а дальше понятно: заряжаю её небольшим якорем, затем мы вместе с Фуксом лебёдкой натягиваем её потуже. Я командую:

– Внимание!

Затем обрубая конец, и якорь взвивается, унося с собой тонкий, но прочный канат. И вижу – порядок! Якорь взял.

А полчаса спустя мы уже были на берегу, и наши топоры звенели, нарушая торжественную тишину девственного леса.

Конечно, тяжеленько пришлось вдвоём, но справились. Отлично справились.

Тайфун потрепал нас изрядно, пришлось, знаете, заново проконопатить борта, просмолить всю яхту, а главное, поставить новый рангоут и такелаж. Пришлось потрудиться на славу. Но зато всё поправили. А с мачтой так просто прекрасно у нас уладилось: выбрали небольшую стройную пальмочку, выкопали вместе с корнями, да так и поставили целиком. Сверху укрепили, как полагается, вантами, а внизу, в трюме, вместо балласта насыпали земли, полили, и, знаете, принялась наша мачта.

Ну, потом скроили паруса, сшили, подняли и пошли.

Управлять судном с таким вооружением, конечно, несколько непривычно, но зато есть и удобства: листья над головой шумят, зелень ласкает глаз... Потом плоды на пальме созрели, и так это приятно,

знаете: стоишь на вахте, жара, мучает жажда, но стоит вам несколько подняться по мачте, и в руке у вас молодой кокосовый орех, полный свежего молока. Прямо не яхта, а плавучая плантация...

Да. Идём так, поправляемся на фруктовой диете, держим курс к месту предполагаемой посадки Лома. День идём, два идём. И вот на третий день по носу у нас открылась земля. В бинокль видно: порт, входные знаки, город на берегу... Зайти бы, конечно, недурно, но я, знаете, воздержался, не пошёл. Там вообще-то иностранцев не очень ласково тогда принимали, а у меня, тем более, личные счёты с господином Кусаки. Ну его к свиньям.

*глава XVIII. Самая печальная, так как в ней «Беда» гибнет,
на этот раз уже безвозвратно*

Вот я и пошёл сторонкой. Иду. День прошёл – ничего, а к ночи пал туман. Такой туман – ничего не видно, хоть глаз выколи. Со всех сторон сигналы, гудки, сирены воют, звонят колокола... Тревожно, но зато, знаете, весело. Да только недолго продолжалось это веселье. Слышу, летит на нас быстроходное судно. Пригляделся, вижу – миноносец на полном ходу. Я – право на борт. Смотрю, и он право на борт. Я влево, и он влево...

И вот, понимаете, страшный удар, борта затрещали, вода хлынула на палубу, и «Беда», рассечённая пополам, стала медленно погружаться в пучину.

Ну, вижу, конец!

– Фукс, – говорю я, – берите спасательный круг и плывите прямо на восток. Здесь недалеко.

– А вы? – спрашивает Фукс.

– А мне, – говорю, – некогда. Вот запись нужно сделать в журнале, с судном попрощаться, а главное, мне туда не по дороге...

– И мне, Христофор Бонифатьевич, тоже не по дороге. Не тянет меня туда.

– Напрасно, Фукс, – возражаю я, – там всё-таки берег, различные красоты, священная гора Фудзияма...

– Да что красоты! – отмахнулся Фукс. – Там с голоду ноги протянешь. Работы не найдёшь, а по старой специальности, по карточной части, мы против них никуда не годимся. Обдерут, как липку, по миру пустят. Уж я лучше с вами.

И так меня тронула эта верность, что я ощутил прилив сил. «Эх, – думаю, – рано панихиду петь!» Осмотрел размеры повреждений, достал топор.

– Аврал! – командую. – Все наверх! Снасти долой, рубить мачту!

Фукс рад стараться. Такую энергию проявил, что я просто удивился. Да и то сказать: ломать – не делать, душа не болит.

Ну, и не успели мы оглянуться, пальма наша уже за бортом. Фукс прыгнул туда, я ему передал кое-какие ценности. Бросил спасательный круг, компас вместе с нактоузом, пару весел, анкерок воды, из гардероба кое-что...

А сам всё на палубе, на «Беде». И вот, чувствую, настанёт последняя минута: корма вздыбилась, корпус погружается, сейчас нырнет...

У меня слёзы брызнули из глаз... И тут, знаете, я хватаю топор и собственной рукой вырубаю кормовую доску с буквами...

Ну, а затем в воду и – к Фуксу на пальму. Сажусь верхом и наблюдаю, как океан поглощает остатки моего многострадального судна.

И Фукс наблюдает. И вижу – у него тоже слёзы на глазах.

Я протянул ему руку.

– Ничего, – говорю, – не унывайте, мы ещё с вами поплаваем. То ли ещё бывает...

Да. Ну, знаете, посмотрели ещё на то место, где волны сомкнулись над судном, и стали устраиваться. И, представьте, устроились не без удобств.

Конечно, после яхты чувствуется некоторый недостаток комфорта, но всё же самое необходимое было у нас. Установили компас, соорудили кое-как парусишко из старой тельняшки, спасательный круг на ветку повесили, а кормовую доску я вместо письменного стола приспособил.

В общем, всё хорошо, вот только ногам мокро.

И вот однажды видим – сзади, за кормой, дымок. Я уж думал – опять тот миноносец, но оказалось, что это просто «купец» – бродячий пароход под английским флагом. Я не хотел просить помощи: как-нибудь, думаю, сам доберусь. Но тут так получилось.

Я, как заметил судно, сейчас же достал письменные принадлежности и стал делать соответствующую запись в вахтенном журнале. А капитан этого парохода, со своей стороны, заметив нас, взял подозрную трубу и, понятно, обнаружил не совсем блестящее положение нашего судна, если можно назвать судном подобное сооружение.

Но он всё же сомневался, идти ли на помощь, поскольку мы не проявляли признаков паники и не подавали соответствующих сигналов...

Вот тут-то, понимаете, обстоятельства и сложились так, что он неожиданно изменил своё решение.

Я, видите ли, как раз в это время закончил запись и поставил свой временный стол, так сказать, стоймя. И вот буквы блеснули. Капитан увидел слово «Беда» и принял его за призыв на помощь или за сигнал бедствия, что ли. Ну, повернул к нам, а полчаса спустя нас уже подня-

ли на борт, и мы с капитаном за чаркой рома обсуждали этот забавный случай...

Да. Пальму я ему подарил, он её в салоне приказал поставить, вёсла, компас тоже отдал, а себе оставил круг и кормовую надпись. Всё-таки, знаете, память.

Ну, посидели. Он рассказал, что идёт в Канаду за лесом, потом о новостях поговорили, потом он ушел, а я остался ещё почитать свежие новости.

Сижу, перелистываю газеты. Ну, что там в газетах? Больше всё объявления, комиксы, утки, сплетни, всякая дезинформация... И вдруг – заголовок на всю страницу: «Налёт с воздуха... Преступник бежал!»

Я заинтересовался, понятно. Читаю и вижу – весь этот шум из-за Лома. Он, оказывается, на своём змее снизился возле самой Фудзиямы. Тут, конечно, собралась толпа, змея разорвали в клочья, разобрали на память.

А змей-то ведь был из газет! Ну и взялась за это дело полиция. Обвинили Лома в незаконном провозе запрещённой литературы. Я не знаю, чем бы это кончилось, но тут, к счастью, небо покрылось тучами, раздались глухие подземные удары... Толпу охватила паника, и все разбежались в ужасе.

На склоне священной горы только и остались мой старший помощник Лом и чины японской полиции.

Стоят, смотрят друг на друга. Земля под ними колеблется... Это, конечно, необычное состояние для поверхности нашей планеты, и у многих оно вызывает различные проявления страха. Но Лом – он, знаете, всю жизнь на борту, привык к качке... Ну, и не сумел надлежащим образом оценить грозную силу происходящего, пошёл не спеша вверх по склону горы. А тут, понимаете, как это говорится, «земля разверзлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней. А затем всё покрылось хлопьями сажи и мраком неизвестности.

Полиция потеряла следы Лома и теперь ищет его. Но тщетно.

*глава XIX, в конце которой неожиданно появляется Лом
и поёт про себя*

Вот, собственно, и всё, что я узнал из газет. Но, знаете, и этого достаточно, чтобы расстроиться. И так не сладко. Шутка ли! Судно потерял, а тут ещё товарищ и помощник попал в такую историю. Была бы яхта, плюнул бы на Кусаки, пошёл бы выручать Лома. А теперь жди, пока придём в порт назначения. И оттуда надо как-то выбираться, и в кассе у нас с Фуксом не густо, и пароход идёт медленно.

Я – к капитану.

– Нельзя ли, – говорю, – прибавить ходу?

– Рад бы, – отвечает тот, – да у меня кочегаров мало, не справляются, еле пар держат.

Ну, знаете, я подумал, с Фуксом посоветовался, отдохнул ещё денёк, и нанялись кочегарами. Жалованье, конечно, небольшое, но, во-первых, на стол не тратиться, а во-вторых, за работой всё-таки не так скучно, да и пароход скорее пойдёт...

Ну, встали на вахту.

Спецовки там не дают, а у нас только и осталось, что на себе. Ну, разделись, в целях экономии остались в одних трусах. Это, впрочем, и лучше: жара там в кочегарке. А вот с обувью плохо. Под ногами уголь, горячий шлак, разуться – жарко, а обуться – жалко, последние ботинки погубишь.

Но мы, знаете, не растерялись: взяли четыре ведра, налили воды, и так-то славно получилось! Стоишь в них, в ведрах-то, как в калошах, а если уголек какой упадет, только «пшик» – и всё тут.

Я в кочегарке справлялся легко, мне не впервой, а Фукс, вижу, сдаёт. Набил полную топку, уголь спёкся корой, он его ковыряет лопатой.

– Эх, – говорю, – разве здесь лопатой что сделаешь? Здесь подломать надо. Где лом?

И вот, поверите ли, слышу – за спиной кто-то глухо так:

– Есть Лом к вашим услугам!

Обернулся, смотрю – из кучи угля вылезает мой старший помощник Лом: тощий, чёрный, небритый, но всё же Лом собственной персоной. Я, знаете, так и сел от неожиданности!..

Ну, понятно, облобызались. Фукс даже слезу проронил. Дочистили втроём топки, уселись, и Лом рассказал о своих злоключениях.

В газете о нём всё верно писали, кроме налёта и злого умысла. Какой там налёт – просто ветром занесло. Да. Ну, а когда колебания почвы прекратились, он спустился в город. Идёт, боится, оглядывается по сторонам. И куда ни посмотри – полицейские, куда ни повернись – шпик...

Может, знаете, если бы он сохранил спокойствие, удалось бы проскользнуть незаметно, но тут столько нервных потрясений, ну и сдрейфил парень, стал прибавлять шагу и сам не заметил, как пустился бегом.

Бежит, оглядывается. А за ним бегут шпики, жандармы, полицейские, мальчишки, собаки, рикши, автомобили... Крик, гам, топот...

Ну, и куда тут податься? Он, знаете, вниз, к морю. Забрался в угольную гавань, закопался в уголь и сидит. А тут как раз этот пароход встал под погрузку. Грузят там по канатной дороге, цепляют прямо ковшом, сколько захватят, а над пароходом ковш опрокидывается.

Вот, знаете, и захватило Лома. Только он очнулся, хотел выскочить из ковша, думал, знаете, опять его ловят, а ковш уже поехал, потом перевернулся, а Лом даже ахнуть не успел и – хлоп в бункер!

Пощупал руки, ноги – всё цело; уйти некуда, дышать есть чем... Ну и решил использовать вынужденное бездействие – выспаться хорошенько.

Закопался в уголь и заснул. Так и спал, пока не услышал моей команды.

Да. В общем, всё к лучшему получилось. Экипаж «Беды» опять соединился, и мы стали строить планы возвращения. Тут и вахта подошла к концу, и вот я поразмыслил: мы-то с Фуксом попали на пароход законным порядком, как потерпевшие бедствие, а Лом – во-первых, «заяц», а во-вторых, вроде беглого преступника. Кто его знает, этого капитана? Пока по-хорошему – и он хорош, а узнает об этой истории, выдаст Лома властям, а потом выручай его. Словом, я посоветовал.

– Сидите, – говорю, – тут. Вы теперь привыкли. Покушать мы вам принесем, а вахту вместе будем стоять. Оно и нам полегче – всё-таки тридцать три процента экономии сил. Да так и безопаснее будет.

Ну, Лом согласился без споров.

– Только, – говорит, – скучновато будет. Там темно, а я теперь выспался. Не знаю, чем заняться.

– Ну, – возражаю я, – это можно придумать. Стихи хорошо в темноте сочинять, или вот попробуйте до миллиона считать – это очень помогает от бессонницы...

– А можно петь, Христофор Бонифатьевич? – спрашивает он.

– Да как вам сказать? – говорю. – Особенно я не рекомендовал бы, но если нравится – пойте, только про себя.

Да. Ну, достояли вахту. Сменились. Лом назад в бункер полез, мы с Фуксом – на палубу. Вдруг, смотрю, вылетают кочегары как ошпаренные.

Я спрашиваю:

– Что случилось?

– Да там, – отвечают они, – в бункере, какая-то нечисть завелась. Воет, как сирена, а что воет – непонятно.

Ну, я понял сразу.

– Постойте, – говорю, – я спущусь, выясню, в чём там дело.

Спускаюсь, слышу – действительно, звуки ужасные: мелодия несколько неопределённая, и слова не очень складные, но голос, голос... Не знаю, как вам и передать. Я раз на Цейлоне слышал, как слоны трубят, так то было райское пение.

Да. Прислушался я и понял, что это Лом поёт. Ну, полез в бункер, хотел отчитать его за несоблюдение осторожности. И пока лез, догадался, что сам виноват: опять, знаете, неточно отдал распоряжение. Всегда у меня с Ломом на этой почве недоразумения.

Лезу и слышу:

Я старший помощник

С корвета «Беда».

Его поглотила

Морская вода.

И вот я теперь

На чужом корабле,

Сижу, как преступник,

На жёстком угле...

И ничего, знаете, не скажешь: действительно про себя поёт, всё верно... Вот только насчёт корвета он, конечно, несколько преувеличил. Какой там корвет!.. А впрочем, это своего рода украшение речи. В песне это допускается. В рапорте, в рейсовом донесении, в грузовом акте, конечно, такая неточность неуместна, а в песне – почему же? Хоть дредноутом назови, только солиднее звучать будет.

Я всё-таки Лома остановил.

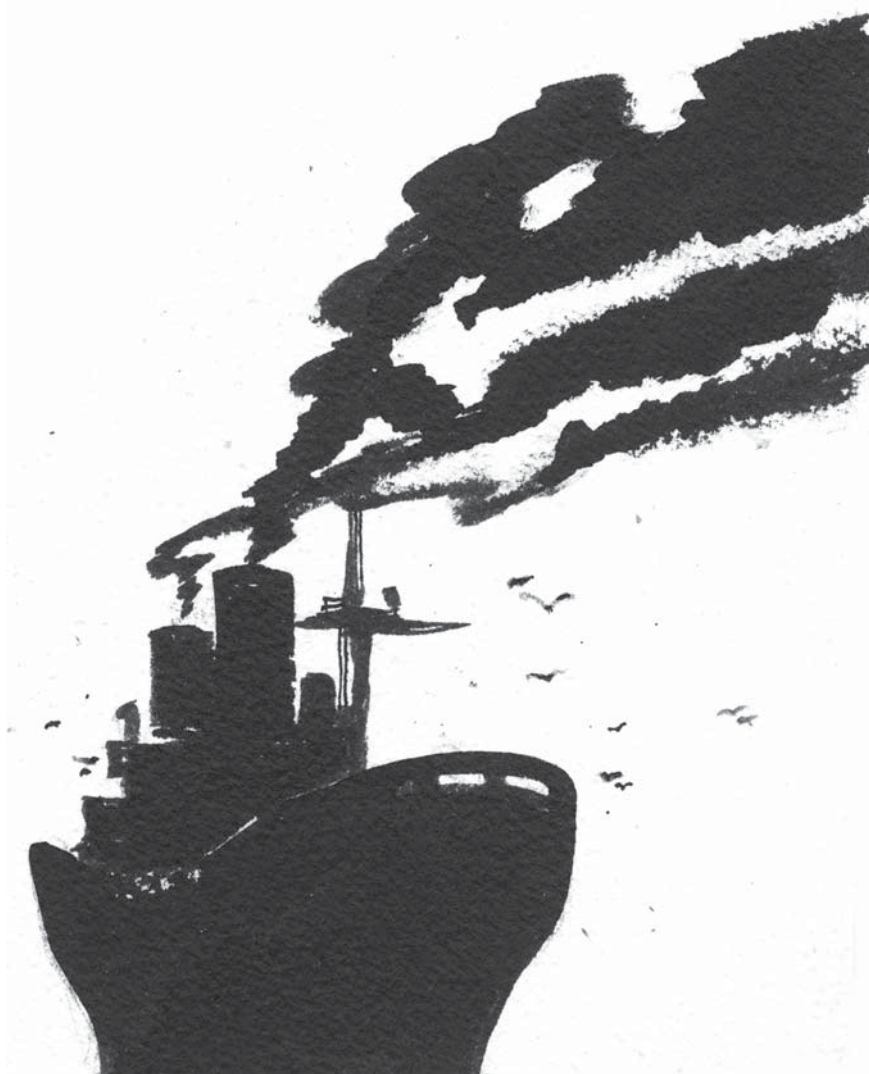
– Вы, – говорю, – не так меня поняли, дорогой. Вы лучше про нас пойте, только чтобы никто не слышал. А то как бы неприятностей не вышло.

Ну, замолчал он, согласился.

– Верно, – говорит, – вы разрешили, а я не подумал. Не стану я больше петь, я уж лучше посчитаю...

Вылез я, успокоил кочегаров. Объяснил, что, мол, это в топке огонь гудел. Это и механик подтвердил.

– Бывает, – говорит, – такое явление.

*глава XX, в которой Лом и Фукс
проявляют неосмотрительность в покупках,
а Врунгель практически проверяет законы алгебры*

И вот наконец прибыли мы в Канаду. Мы с Фуксом сошли, распрощались с капитаном, а ночью и Лома контрабандным порядком переправили на берег. Сели в тихой таверне, обсудили положение и соображаем, как дальше добираться. Маршрут нас не смутил. Решили так: из Канады в Аляску, из Аляски через Берингов пролив на Чукотку, а там мы дома, там уж как-нибудь...

В этой части план утвердили.

А вот средства передвижения заставили призадуматься. Тут зима, знаете, реки стали, снег кругом, железных дорог нет, на автомобиле не проедешь. Пароходом – это надо ждать до весны...

Мы посоветовались и решили купить нарты, ну и там что попадется – оленя или собак. Ну и разошлись промышлять кто куда...

Я за нартами отправился, Лом пошёл искать оленя, а Фукс взялся собак достать.

Нарты мне попались прочные, красивые, удобные. Лом несколько меньше преуспел. Привёл пятнистого оленя средней упитанности. Тут его специалисты осмотрели, освидетельствовали и дали характеристику: по рогам, мол, олень первого класса, а по ногам – ниже среднего: копыта узки.

Ну, мы решили попробовать. Запрягли. Не везет олень. По снегу ещё кое-как, а на реку, на лед вышли – наш олень шагу ступить не может. Ноги так и разъезжаются.

Я вижу – надо бы подковать его, да подков нет.

И тут, знаете, пригодилась кормовая доска. Недаром я её, значит, вез. Отвинтили мы от неё медные буквы и теми же шурупами кое-как оленю к копытам приспособили. И помогло, знаете, но плохо. Правда, дрейф у оленя стал поменьше, а хода всё равно не прибавилось. Ленивая скотина попалась!

Тут Фукс пришёл со своей покупкой. Привёл эдакую небольшую собачку с острой мордочкой. По аттестату собачка – призовой вожак, передовой. Ну, мы её и решили запрягать по специальности, вперёдсмотрящим, так сказать.

Но это легко сказать. С оленем-то мы справились сразу: напялили ему вместо хомута спасательный круг (тоже и круг пригодился, как видите; в хорошем хозяйстве всё в дело пойдёт). А собака, знаете, не даётся, кусается, скалит зубы. Поди-ка запряги такую!

Ну, кое-как всё-таки обратали. Соорудили ей дугу, ввели насильно в оглобли, отпустили...

Ну, доложу я вам, и началось представление! Олень бьёт копытами, потрясает рогами, собака воет, и животные, представьте, довольно резво пятятся задом.

Я уже хотел так, задним ходом, и отправляться, но для опыта решил их местами поменять. Хоть и говорится, что от перестановки слагаемых результат не меняется, но это, знаете, в алгебре, а тут совсем другое дело.

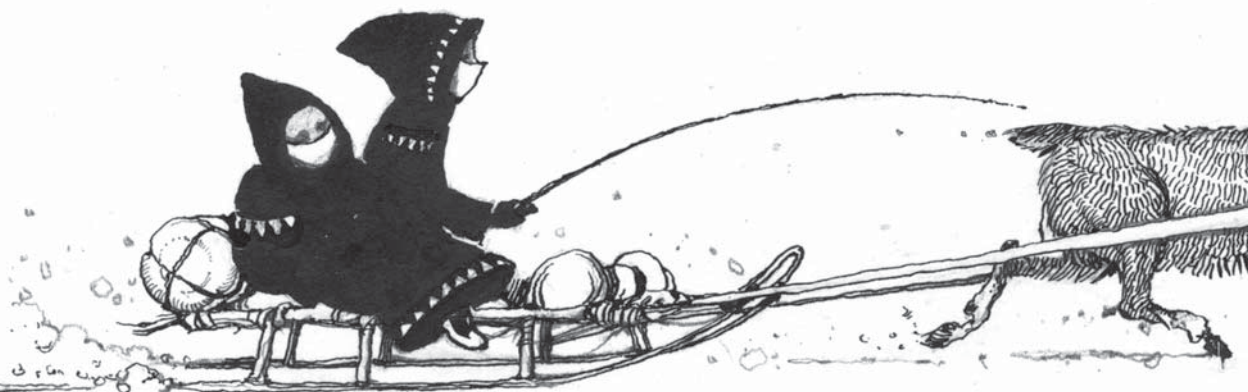
Ну, переставили, перепрягли.

И что бы вы думали? Припустил наш олень иноходью, только пятки сверкают.

И собака – за ним. Лязгает зубами, подвывает, однако тоже тянет, как паровоз.

Мы с Ломом едва на нарты сумели вскочить, а Фукс – тот только и успел ухватиться за верёвку. С полмили так и проехался, вроде штормового якоря.

Ну, доложу я вам, и гонка досталась! Лаг я с собой не взял, да и пользоваться им на льду затруднительно. Однако, судя по береговым предметам, скорость у нас была потрясающая. Селения мелькают, проносятся, как в тумане, нарты прыгают по льду, в ушах свистит.

У оленя пар из ноздрей, копыта сверкают и так это ловко печатают: «Б-Е-Д-А», как на «Ундервуде».

И собачка старается, скулит, подвывает, язык на сторону свернула, однако тоже не отстаёт.

Словом, не успели оглянуться – граница Аляски. Тут шерифы с винтовками, с флагами...

Я, знаете, решил притормозить: неудобно пересекать границу без соблюдения формальностей. Кричу:

– Малый ход, стоп!

Куда там! Олень мой не смотрит, не слушает, несётся как заводной.

Тут один шериф взмахнул платком, другие дали залп... Я думал – конец, однако вижу – всё благополучно. Понеслись дальше. И минут этак через пять обгоняем упряжку, потом ещё две упряжки, потом я уже и считать перестал – столько пообгоняли. Те торопятся, а я рад бы потише ехать, да не могу удержать свою пару... И вот открывается форт Юкон за поворотом. Там народ столпился на льду. Машут, кричат, палят в воздух. Столько народу собралось, что не выдержал лед, провалился.

Толпа раздалась к берегам, а у нас прямо по носу огромная полынья, и мы с опасной скоростью приближаемся прямо к ней. Я вижу – дело плохо. Ну и решил: накренил нарты набок, оглобли сломались, я – хлоп в снег со всем экипажем, а олень мой с разгона прямо в воду, и с собакой, со всем.

Могли бы и утонуть, да спасательный круг не дал. Смотрю – плавают, фыркают, отдуваются...

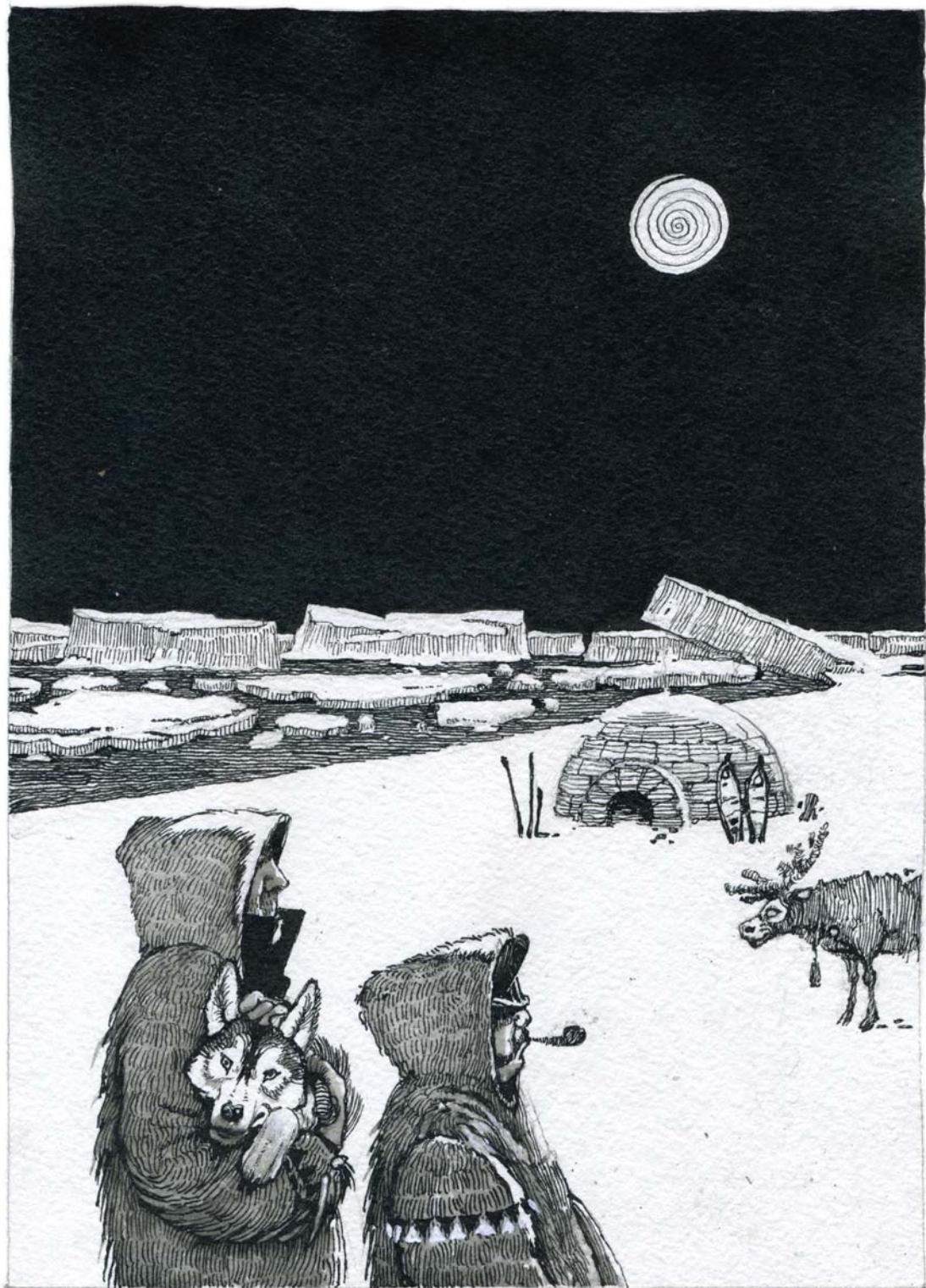
Тут благожелатели из публики принесли аркан, зачалили оленя за рога, потянули... И, представьте, хвалёные рога благородного животного отделились без всякого труда, а из-под них выглянули коротенькие рожки, на манер коровьих! Ну, эти, к счастью, прочно держались. За них вытащили всю упряжку на лёд. Олень мой встряхнулся,лизал в ноздрах, да как замычит жалобно, как корова.

Я пригляделся, вижу – корова и есть, только без хвоста. Обманули Лома в Канаде. И понятно, почему наш олень танцевал без подков, как корова на льду. А вот откуда у него несвойственная этому животному резвость взялась, я не сразу понял.

Однако специалисты-собачники и это мне разъяснили. Фукс тоже, оказывается, попал впросак: ему вместо собаки молодого волчонка подсунули.

И вот заметьте, как интересно: волчонок сам по себе, как собака, ничего не стоит – дрянь, а не собака; корова сама по себе не олень, а вместе как славно получилось. Вот тут закон алгебры как раз подошел: минус на минус даёт плюс, как говорится.

Да. Ну, когда несколько улеглись страсти, выяснилась и причина столь торжественной встречи. У них там в этот день была зимняя гонка, и мы не думали, не гадали, а вышло так, что первое место заняли.

*Глава XXI, в которой адмирал Кусаки
сам помогает Врунгелю выпутаться
из весьма затруднительного положения*

Дня три мы гостили в Юконе, сами отдохнули, дали животным отдохнуть. Нам как гостям предоставили полную свободу, только взяли подписку, что мы никуда из дома отлучаться не будем, и для верности двух детективов поставили у крыльца. Ну, а потом запрягли мы свои нарты и тронулись в путь. Юкон пролетели стрелой, выбрались в Берингов пролив и взяли курс прямо на Чукотку. До острова Лаврентия хорошо проехали, а тут получилась задержка. Поднялся шторм, взломало льды, и мы перед трещиной застряли, как на мели.

Разбили ледовый лагерь под торосом. Ждём, когда льды сойдут. Так бы оно ничего, торопиться нам особенно некуда, и с питанием благополучно: по дороге мы запаслись пеммиканом, рыбой, морожеными рябчиками. Ну, опять же и от коровы молочко. Словом, с голоду не погибли бы, а вот с холодом туго пришлось. Сидим, прижались друг к другу, дрожим. Особенно Фукс страдал: борода у него обмерзла, вся в сосульках, ноет парень, жалуется. Лом тоже держится из последних сил... Да...

Ну, я вижу, надо что-то придумывать. Сижу, размышляю о различных способах отопления. Дрова, уголь, керосин – это всё нам не подходит... Ну, вспомнил: как-то я был в цирке, там один гипнотизёр пристальным взглядом воду кипятил.

Вот бы, думаю, мне так! Воля у меня могучая, железная воля. Почему не попробовать? Уставился на льдину – не кипит, не тает даже... Ну, я понял, что всё это ерунда, обман, просто цирковой номер. Ловкость рук или, проще сказать, фокус... И только это слово вспомнил, блестящая идея зародилась в извилинах моего мозга.

Я схватил топор, выбрал подходящую глыбу льда, разметил, обработал соответствующим образом и возвращаюсь к нашему лагерю.

– А ну-ка, товарищи, помогите мне установить фокус.

Лом поднялся, ворчит:

– Удивляюсь я на вас, Христофор Бонифатьевич: тут впору в сосульку обратиться, а вы ещё фокусами развлекаетесь.

Фукс тоже ропщет:

– Фокусы-покусы! В Красном море я в одних трусиках купался, и то было жарко, а тут три пары надел, всё равно никак не согреюсь. Вот это фокус так фокус!

Ну, я прикрикнул на них:

– Отставить неуместные разговоры! Слушать команду! Поднять эту ледышку! Так держать! Пять градусов влево! Ещё левее...

И вот, знаете, подняли творение моих рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лед, глядим – так и буравит, как в редьку, только пар свистит. Навели на чайник – мгновенно закипел, даже крышка взлетела. Вот каким образом и холод одолели. Живём. Привыкать стали, обжились так, что и уезжать не хотелось. Волка пеммиканом кормим, корову – сеном. Сами тоже сыты, не голодаем. А тут и льды сошлись.

Запрягли мы своих рысаков в последний раз и помчались прямым курсом на Петропавловск.

Прибыли, высадились. Представились местным властям. Ну, должен сказать, приняли нас великолепно. Тут, знаете, за нашим походом следили по газетам, последнее время беспокоились, и, когда я рассказал, кто мы, нас, как родных, обласкали: кормят, ухаживают, по гостям водят. Корову мы расковали, сдали в колхоз по акту, волчонка ребятам в школу подарили для живого уголка... Да что рассказывать... Век бы там гостить, так и то мало.

Но тут, знаете, весна подошла, сломало льды, и мы затосковали по морю. Как утро – на берег. Когда на охоту – моржей пострелять, а то и просто так – посмотреть на океан.

И вот однажды выходим все втроём, прогуливаемся. Фукс на сопку полез. Вдруг слышу – кричит страшным голосом:

– Христофор Бонифатьевич, «Беда»!

Я думал, что случилось: или там камнем ногу придавило, или медведя встретил, – мало ли что! Бросился на помощь, Лом тоже полез. А Фукс всё кричит:

– «Беда», «Беда»!

Взобрались мы к нему и, представьте, действительно видим – идёт «Беда» под всеми парусами.

Ну, бросились в город. А там уже готовятся к встрече... Мы – на пристань. Нас пропустили, ничего. Однако смотрят уже несколько недоверчиво.

Я ничего не понимаю. Как же так, чёрт возьми! Ведь на моих глазах «Беда» пошла ко дну. Да что глаза, глаза и обмануть могут. Но

ведь есть соответствующая запись в вахтенном журнале. А ведь это как-никак документ, бумага. И Фукс свидетель, а выходит так, что я дезертировал, что ли, с судна в минуту опасности. «Ну, – думаю, – подойдут поближе, разберёмся».

А подошла яхта – и вовсе стало непонятно. Смотрю – за рулём стоит Лом, тут же рядом – Фукс, шкотовым. А у мачты – я и команду подхожу.

«Да такого, – думаю, – не может быть! Может быть, это не я?» Пригляделся: нет, я. Тогда на берегу не я? Пощупал живот: нет, и на берегу вроде я. «Что же это, – думаю, – раздвоение личности, что ли? Да нет, ерунда всё это, просто сон мне приснился...»

– Лом, – говорю, – ну-ка, ущипните меня.

А Лом тоже сам не свой.

Однако, знаете, ущипнул, постарался так, что я не сдержался, вскрикнул даже...

Тут внимание собравшихся обратилось на меня, на Лома, на Фукса. Обступили нас.

– Ну, – говорят, – капитан, может быть, вы объясните создавшееся положение?

А «Беда» между тем подходит по всем правилам. Вот, знаете, кранцы выложили. Дали выброску, пристают. Вот этот двойник мой раскланивается, берёт под козырёк.

– Разрешите, – говорит, – представиться: капитан дальнего плавания Врунгель с командой. Заканчивая кругосветный спортивный поход, прибыл в порт Петропавловск-Камчатский...

Публика на пристани кричит «ура», а я, знаете, так ничего и не понимаю.

Нужно вам сказать, что я ни в какую чертовщину не верю, но тут пришлось призадуматься. А как же, понимаете? Стоит передо мной живое привидение и разговаривает самым нахальным образом.

А главное, я в дурацком положении. Вроде этакого мистификатора или самозванца... «Ну ладно, – думаю, – по глядим, что дальше будет».

И вот, знаете, сходят они на берег. Я стремлюсь выяснить положение, пробираюсь к ним, но меня оттирают, и слышу, тому Врунгелю рассказывают, что тут есть уже один Врунгель с командой.

Он остановился, осмотрелся кругом и вдруг заявляет:

– Ерунда! Не может быть никакого Врунгеля: я его сам потопил в Тихом океане.

Я как услышал, так сразу всё понял. Вижу, понимаете, старый приятель, мечтатель адмирал, господин Хамура Кусаки под меня работает.

Ну, пробился я со своей командой, подхожу вплотную к нему.

– Здравствуйте, – говорю, – адмирал! Как доехали?

Он растерялся, молчит. А тут Лом подступил, да как размахнется – и Лома номер два одним богатырским ударом поверг наземь. Тот упал, и глядим – у него вместо ног ходули торчат из брюк.

Тут Фукс осмелел, подлетел к Фуксу номер два, вцепился ему в бороду и оторвал разом.

Лому-то с Фуксом хорошо: у одного рост, у другого борода, а у меня никаких характерных признаков... «Чем же, – думаю, – мне-то своего двойника донять?»

И вот, пока думал, он сам придумал лучше меня. Видит, дело дрянь, достаёт кортик, хватает двумя руками – раз-раз! – и распорол живот накрест... Харакири, самый самурайский аттракцион... Я даже зажмурился. Не могу я, молодой человек, на такие вещи хладнокровно смотреть. Так с закрытыми глазами и стою, жду.

Вдруг слышу – народ на берегу тихонько посмеивается, потом погромче, а там и хохот пошёл. Тогда я открыл глаза – и опять ничего не понимаю: тепло, солнце светит, и небо чистое, а откуда-то вроде снег идёт.

Ну, пригляделся, вижу – двойник мой заметно похудел, однако жив, а на животе у него зияет огромная рана и из неё пух летит по всему берегу...

Тут, знаете, кортик у него отобрали, взяли под белые руки довольно вежливо и повели. И команду его повели. А мы не успели опомниться, смотрим – качают нас.

Ну, покачали, успокоились, выяснили отношения, потом пошли яхту осматривать.

Я вижу – не моя яхта, однако очень похожа. Не обошёл бы я на своей весь мир – сам мог бы перепутать. Да. Ну, заприходовали эту посудину, как полагается, а на другой день и пароход пришёл.

Распрощались мы. Потом я с Фуксом уехал и вот, видите, до сих пор жив, здоров и молод душой. Фукс исправился, поступил на кино-фабрику злодеев играть: у него внешность для этого подходящая. А Лом там остался, командовать этой яхтой.

Вскоре я от него письмо получил. Писал он, что ничего, справляется, и яхта неплохо ходит. Конечно, эта «Беда» не «Беда». Ну, да это не беда, всё-таки плавает... Да.

Вот так-то, молодой человек. А вы говорите, что я не плавал. Я, батенька мой, плавал, да ещё как плавал! Вот, знаете, стар стал, память слабеет, а то бы я вам рассказал, как я плавал.

*глава XXII, дополнительная,
без которой иной читатель мог бы и обойтись*

До позднего вечера сидел я тогда и слушал, боясь проронить слово. А когда Врунгель закончил свой необыкновенный рассказ, я спросил почтительно и скромно:

– А что, Христофор Бонифатьевич, если бы записать эту историю? Так сказать, в назидание потомству и вообще...

– Ну что же, – ответил он, подумав, – запишите, пожалуй. Мне скрывать нечего, правду не утаишь... Пишите, голубчик, а как закончите, я посмотрю и поправлю, если что не так...

В ту же ночь я сел за работу, и вскоре объёмистый труд, начисто переписанный крупным почерком, лежал у Врунгеля на столе.

Христофор Бонифатьевич внимательно просмотрел мои записки, кое-где сделал незначительные, но весьма ценные поправки, а через два дня, возвращая мне рукопись, сказал несколько огорченно:

– Записали вы всё правильно, слово в слово... Вот только с вами-то я по-свойски говорил, как моряк с моряком, а иной попадётся бестолковый читатель и, может случиться, не так поймет. У меня у самого в молодости презабавный был случай: я ещё тогда только-только на море пришёл, юнгой плавал. И вот стояли мы как-то на якоре... Штурман был у нас – серьёзный такой человек, не дай бог. И вот собрался он на берег. Прыгнул в шлюпку и кричит мне:

– Эй, малый, трави кошку, да живо!

Я услышал и ушам не верю: у нас на судне кот был сибирский. Пушистый, мордастый, и хвост, как у лисы. Такой ласковый да умный, только что не говорит. И вдруг его травить! За что? Да и чем травить, опять же? Я в этом смысле спросил у штурмана... Ну и выдрали меня тогда – как говорится, линьков отведал. Да-с. Вот я и боюсь: станут люди читать, напутают в терминологии, и тут такая может случиться двусмысленность, что я перед читателем предстану в нежелательном виде. Так что уж вы, батенька, потрудитесь: все морские слова в отдельный списочек, по порядку русского алфавита, подберите и мне представьте. А я на досуге займусь, обдумаю это дело и дам свои объяснения.

Я не преминул выполнить это указание и вскоре представил Врунгелю небольшой список, слов в шестьдесят. Он просмотрел, обещал

к утру написать объяснения, потом попросил неделю сроку, потом заявил, что раньше чем через месяц не управится, а когда год спустя я как-то напомнил об этом злополучном словарики, Христофор Бонифатьевич рассердился не на шутку, обозвал меня мальчишкой и дал понять, что дело это серьёзное и торопиться с ним не следует.

Так и вышла книжка без словарика. И ничего, читали люди и, в общем, кажется, правильно всё понимали. Но вот недавно, когда готовилось новое издание «Приключений капитана Врунгеля», Христофор Бонифатьевич вызвал меня и торжественно передал свой последний научный труд.

Мы тщательно изучили эту интересную работу и, оценив её по достоинству, решили напечатать полностью.

*Рассуждение капитана дальнего плавания
Христофора Бонифатьевича Врунгеля
о морской терминологии*

Мною и другими наблюдателями неоднократно было замечено, что человек, вдоволь испивший солёной влаги из бездонной чаши океана, поражается странной болезнью, в результате которой со временем наполовину теряет бесценный дар человеческой речи.

Такой человек вместо слов родного языка, вполне точно обозначающих тот или иной предмет, применяет вокабулы столь затейливые, что порой с личностью, не заражённой этой болезнью, уже и объясниться не может. Когда же такая личность в непонимании разводит руками, больной глядит на неё с презрением и жалостью.

В ранней молодости недуг этот поразил и меня. И сколь настойчиво ни пытался я излечиться, меры, принятые мною, не принесли желанного исцеления.

По сей день *выстрел* для меня не громкий звук огнестрельного оружия, а рангоутное дерево, поставленное перпендикулярно к борту; *беседка* – не уютная садовая постройка, а весьма неудобное, шаткое висячее сиденье; *кошка* в моём представлении, хотя и имеет от трёх до четырёх лап, является отнюдь не домашним животным, но маленьким шлюпочным якорем.

С другой стороны, если, выходя из дому, я спускаюсь по лестнице, на бульваре отдыхаю на скамейке, а придя домой, разогреваю чай на плите, то, стоит мне попасть на судно (хотя бы и мысленно), эти предметы сразу превращаются в трап, банку и камбуз соответственно.

Поразмыслив над этим, я решил было вовсе изгнать все морские термины из своего лексикона, заменив их теми словами, которые с давних пор существуют в обычном нашем живом языке.

Результат, однако, получился весьма нежелательный: первая же лекция, прочитанная мною в соответствии с принятым решением, доставила много ненужных огорчений как мне, так и моим слушателям.

Начать с того, что лекция эта продолжалась втрое дольше против обычной, ибо оказалось, что в морском языке есть немало терминов, вовсе не имеющих замены. Я же, не желая отступать от принятого решения, каждый раз пытался заменить эти термины их простран-

ными толкованиями. Так, к примеру, вместо слова *рея* я каждый раз говорил: «круглая деревянная балка, несколько утолщённая в средней части, горизонтально подвешенная на высоком тонком столбе, вертикально установленном на судне...» Вместо слова *руль* я принуждён был повторять: «вертикальная пластина, с помощью рычага или иного специального привода поворачивающаяся на вертикальной оси, укреплённой на подводной части задней оконечности судна, служащая для изменения направления движения последнего...»

Сожалея при этом о напрасной трате времени, потребного для неоднократного произнесения этих определений, я старался выговаривать их одним духом, скороговоркою. А так как слов, требующих подобных разъяснений, попадалось немало, лекция моя стала походить на заклинание волшебника или на камлание шамана. И вполне естественно, что слушатели мои, несмотря на всё старание, в котором я не имею оснований сомневаться, ничего из моих объяснений не усвоили и более того: не поняли.

Огорчённый неудачей, я тем не менее не пал духом. Терпеливо и внимательно я снова проработал этот вопрос, и после всестороннего изучения имеющихся на эту тему трудов и литературных источников, сопоставив их с собственными наблюдениями, я пришёл к выводу, что:

Морская терминология есть не что иное, как специальный морской инструмент, которым каждый моряк обязан владеть столь же уверенно и искусно, сколь уверенно плотник владеет топором, врач – ланцетом, а слесарь – отмычкой.

Но, как во всяком деле, инструмент непрерывно совершенствуется, частично вовсе исключается из обихода, частично заменяется новым, более простым и удобным в обращении, нередко заимствованным из другого ремесла, так и в морской практике – одни термины широко входят в состав общегражданского живого языка, как то произошло, например, со словами: *мачта*, *руль*, *штурман*; другие же, напротив, вовсе утрачивают своё былое значение и заменяются новыми, общепринятыми, как то было со словами *антретно* или *триангль*, которые не так ещё давно прочно держались в морском словаре, а ныне совсем забыты, уступив своё место словам *приближённо* и *треугольник* соответственно.

Изложенное позволяет рассчитывать, что со временем, путём взаимных разумных уступок, моряки и сухопутные люди придут наконец к одному общепринятому языку. Надеяться, однако, что

такое слияние произойдёт в ближайшем будущем, нет оснований. А посему сегодня при чтении всякой серьёзной работы по морскому делу, такой, например, как описание моих приключений во время плавания на парусной яхте «Беда», для человека, не овладевшего вполне морским языком, *обязательно* (!) пользование хотя бы небольшим пояснительным словариком, который и предлагается мною читателю.

Анкерóк. – Не случайно многие морские словари начинаются у нас этим словом, с которым некоторым образом связано самое начало русского флота. Как известно, в строительстве первых русских кораблей принимали участие голландские специалисты – мастера корабельного дела и мастера выпить. Нельзя сказать, однако, что пили они без меры. Мерой для вина как раз и служил анкер – крепкий деревянный бочонок ведра на два, на три. Такой бочонок – анкерок – и сейчас держат на каждой спасательной шлюпке, только хранят в нем не вино, а пресную воду.

Балл. – Не следует путать со словом «бал»! *Бал* – это вечер с танцами, а *балл* – отметка, которую моряки ставят погоде, мера силы ветра и волнения. О баллов – штиль, полное безветрие... 3 балла – слабый ветер... 6 баллов – сильный ветер... 9 баллов – шторм, очень сильный ветер. Когда дует шторм, и судну и экипажу тоже порой приходится потанцевать! 12 баллов – ураган. Когда небольшое судно попадает в зону урагана, случается, что моряки говорят: «Кончен бал!», – и бодро идут ко дну.

Балласт – на суше лишний, ненужный груз. А на море когда как: если много балласта – нехорошо. А совсем без балласта – ещё хуже: можно перевернуться. Вот и приходится возить камни, чугунные чушки, песок и прочие бесполезные тяжести, которые кладут на самое дно, чтобы придать судну устойчивость.

Боцман. – Слово это состоит из двух голландских слов: *бот* – судно и *ман* – человек. *Боцман* – судовой человек, лодочник. А у нас боцман – старший матрос, хозяин палубы.

Брашпиль – тоже составное слово из голландских: *браден* – жарить и *спит* – вертел. Только на брашпилье никто ничего не жарит. На него наматывают якорный канат, чтобы *выходить* – поднять якорь. Выхаживать якорь – работа не лёгкая. Если брашпиль ручной – изжариться не изжаришься, а запариться очень просто.

Бункер – угольная яма на корабле, склад угля. Тут и объяснять нечего.

Ванты – растяжки, которые удерживают мачту, чтобы не упала, чего доброго.

Ви́ра. – С этим словом всегда неприятности. Все моряки твёрдо знают: *ви́ра* – поднять, *ма́йна* – спустить. А на берегу многие путают.

Га́рпун – палка с острым, зазубренным наконечником, привязанная к длинной верёвке. Такими гарпунами в старину били крупного морского зверя. Случалось, что и друг друга били, когда ссорились. Современный гарпун совсем не похож на старинный. Им стреляют из пушки. Бить китов им очень удобно, а вот для рукопашной драки он не годится – тяжёл.

Гро́т – пещера, обычно искусственная. А в морском деле грот – главный парус на главной мачте.

До́к – маленький искусственный залив с воротами. Корабль вводят туда, плотно запирают ворота, а воду выкачивают. В доке корабли осматривают, ремонтируют, красят, а когда заканчивают работу, напускают в док воды, корабль всплывает и выходит.

Дра́ить – накручивать. *Задра́ить* – закручивать. А вот *надра́ить* – почему-то начистить до блеска.

Дрейф. – В пяти буквах этого слова заключено шесть значений: 1) лечь в дрейф – так поставить паруса, чтобы судно топталось на месте; 2) дрейф – отклонение от курса (см. курс) под влиянием ветра и течения; 3) плавание по воле стихии без руля и без ветрил, как говорится; 4) плавание вместе со льдами; 5) движение судна, стоящего на якоре, когда в сильный шторм якорь не держит. В этом случае капитан порой тоже начинает: 6) дрейфить, как бы не бросило на мель.

За́штилеть – попасть в штиль (см. *балл*).

Зе́нит – точка в небе прямо над головой наблюдателя. Эту точку каждый может увидеть. *Нади́р* – противоположная ей точка небесной сферы. Эту точку даже самый внимательный наблюдатель увидеть не может – земной шар мешает.

Зы́бь – волнение на море. Когда зыбь без ветра, капитану волноваться не приходится, а вот когда с ветерком – бывает, и поволнуешься.

Зю́йдвестка – очень некрасивая штормовая шляпа из промасленной ткани. Вода с полей такой шляпы стекает на плечи и на спину, а за шиворот не попадает. Вот уж, как говорится: «Не красиво, да спасибо!»

Ка́мбуз – судовая кухня и судовая кухонная плита – это все уже знают.

Ка́шалот – кит без усов, но с зубами. Любопытен, но глуп.

Киль – хребет корабля, к которому крепятся корабельные ребра. Килем называют ещё плавники, приделанные к корабельному брюху, служащие для улучшения мореходных качеств судна.

Клотик – крыша мачты. Казалось бы, зачем мачте крыша? А вот нужна. Иначе дождевая вода просочится по порам дерева, и мачта изнутри загниёт. Вот и делают круглую деревянную нашлапку наверху мачты – клотик.

Контркурс – это когда два корабля идут параллельно навстречу друг другу.

Корвет – трёхмачтовое военное парусное судно. В наше время существует только на картинах и в книжках.

Кубрик – общая жилая каюта и распространенная собачья кличка.

Курс – направление движения судна. Также направление ветра по отношению к идущему под парусами судну. Если ветер дует прямо в корму, говорят, что *курс фордевинд*. Когда не в корму, но сзади – *бакиштаг*. Когда прямо в бок – *галфинд*. В скулу – *бейдевинд*. Ветер, дующий прямо в нос, прежде названия не имел, но этот пробел в морской терминологии заполнен Х.Б. Врунгелем, предложившим название «*Вмордувинд*», которое прочно вошло в морской словарь.

Лавировать – на суше дело хитрое: и нашим и вашим угодить, и направо и налево поклониться, и по грязи пройти, ног не замочив. А у нас на море – проще простого: идти против, ветра зигзагами да обходить опасности. Вот и всё.

Лаз и *лот* – приборы. Первый – для определения скорости хода и пройденного пути. Второй – для определения глубины. В старину говорили: «Без лота – без ног, без лага – без рук, без компаса – без головы».

Лоцман – человек, который проводит корабли в опасных и трудных местах.

Люк – отверстие в палубе.

Миля – морская мера длины, равная 1852 метрам. Часто нас, моряков, упрекают за то, что мы никак не перейдём на километры, а мы и не собираемся, и вот почему: часть меридиана от экватора до полюса разделена на 90 градусов и каждый градус на 60 минут. Величина одной минуты меридиана как раз и составляет милю.

Набить. – Смотря по тому, что набить. Если снасть набить – натянуть так, что дальше некуда.

Надир – см. *зенит*.

Нактоуз – буквально: «ночной домик». В старину так называли ящик с фонарем для освещения и защиты компаса. В наше время

нактоуз – высокий шкафчик вроде тумбочки. На нем наверху ставят компас, а внутри прячут хитрые приспособления, которые следят за тем, чтобы компас врал, да не завирался.

Оверкиль – слово, которое часто произносят, но почти никогда не пишут, вероятно из скромности. Сделать оверкиль – значит перевернуть судно кверху килем.

Оверштаг – такой поворот парусного судна, при котором оно проходит через положение вмордувинд (см. курс).

Остойчивость – то же, что и устойчивость.

Пакгауз – склад.

Пассаты – восточные ветры, весьма постоянно дующие в тропических широтах (см. это слово).

Подвахта, подвахтенный – сменившийся с вахты. В случае необходимости подвахтенные в первую очередь вызываются для помощи вахтенным. Поэтому у подвахтенных есть правило: если хочешь спать в уюте – спи всегда в чужой каюте.

Порты – всякие ворота. В бортах кораблей – пассажирские, грузовые, угольные, пушечные порты. У доков батопорты – специальные суда, которые затопляются в воротах доков и своим корпусом запирают вход в док. Порт – также место стоянки кораблей. Торговые и военные порты – морские ворота страны.

Прокладка курса – постоянно ведущаяся отметка на карте места, в котором находится судно.

Рангоут – буквально: «круглое дерево» – мачты, реи и т. п. Сейчас на больших кораблях почти весь рангоут металлический, клёпанный или сваренный из стальных листов. Получается круглое дерево, сваренное из стальных листов... Вот и разберись тут!

Роль судовая – ничего общего не имеет с ролью в спектакле. Там роль играют, а с судовой ролью играть не положено. Это важный документ – список всех людей, находящихся на корабле. Внести в роль – значит зачислить в состав команды. Списать – значит вычеркнуть из роли, уволить из состава команды, удалить с корабля.

Семафор – разговор, вернее – переписка с помощью ручных флажков. Каждой букве соответствует особое положение рук с флажками. Про сигнальщика, который передаёт буквы по семафору, говорят: пишет.

Секстан, секстант – инструмент для определения места судна. Последние тридцать лет идёт спор, как писать это слово. Штурманы,

которые пользуются этим прибором, называют его «секстан» и пишут так же, а все остальные и говорят и пишут «секстант». Кто прав – так и неизвестно.

Склянки – полчаса. В ту пору, когда на судах были песочные часы – «склянки», вахтенный каждые полчаса ударом в колокол оповещал весь корабль о том, что он следит за временем и не забыл перевернуть получасовую склянку. Песочных часов давно нет на судах, а обычай остался: на всех кораблях каждые полчаса звонят в колокол – *бьют рынду*. У этого выражения тоже интересное прошлое. Англичане говорили: «ринг дзэ белл» – бить в колокол, а у нас переделали в «рынду бей» – так и пошло!

Снасть – см. *трос*.

Списать – см. *роль*.

Сходня – дачное место под Москвой. А на судне – переносный мостик из доски, иногда с перильцами, по которому сходят с судна на берег. Обратно с берега на судно входят по той же сходне, но входней её в этом случае не называют.

Счисление – приближённое определение места судна путем расчётов и построений на карте.

Такелаж – см. *трос*.

Трафальгарская битва – знаменитое морское сражение, в котором 21 октября 1805 года английский адмирал Нельсон разбил превосходящую по силам соединенную эскадру французских и испанских кораблей под командой адмирала Вильнева.

Трос – снасть, всякий канат, верёвка, верёвочка. Если верёвка привязана хотя бы одним концом к чему-нибудь на судне, она уже становится частью такелажа.

Трюм – корабельное брюхо, помещение для груза на корабле.

Утка – деревянное или металлическое приспособление для крепления снастей. Так ещё называют водоплавающую птицу, различая при этом утку домашнюю и утку дикую.

Фальшборт – часть борта выше главной палубы. Приходится следить, чтобы в этой части корабля никакой фальши не было, а то, не ровён час, и в воду свалиться недолго.

Фиорд – узкий извилистый залив с высокими берегами.

Флюгер – легкий флажок на мачте для определения направления ветра.

Фордевинд – см. *курс*.

Фрахт — плата за перевозку груза по морю, а также груз, за перевозку которого по морю взимается плата.

Фут — мера длины, около 30 сантиметров.

Хронометр — точные астрономические часы.

Швартовы — тросы, которыми корабль привязывают к берегу или к другому кораблю.

Широта — выраженная числом удалённость от экватора.

Штиль — см. балл.

Шторм-трап — верёвочная лестница. По ней и в тихую погоду не-
легко взбираться, а в шторм и подавно. Особенно в зрелом возрасте!

Якорь. — На этом слове удивительным образом замыкается круг
морского словаря, ибо якорь на голландском языке называется, про-
износится и пишется точно так же, как и бочонок для вина — анкер,
с которого начинался этот словарик (см. *анкерок*).

20. 29. 9. 1882.

Д. А. Лухмановъ.

„На сушѣ

и

въ морѣ“

Стихотворенія.

Маріуполь.

Электро-типогр. Бр. Э. и А. Гольдинъ
1911

— 35 —

Предсказанія ожидаемой погоды по виду неба.

I.

Если небо красно съ вечера,
Моряку бояться нечего;
Если жъ красно по утру,
Моряку не по нутру.

II.

«Барашки-ль» *) по небу бѣгутъ,
Иль «небо ангелы метутъ» **),
Коль въ трюмѣ груза не имѣешь,
Сбавь парусовъ, — не пожалѣешь.

III.

Вечеромъ небо коль полно огня,
Утромъ-же зорю туманъ застилаетъ,—
Вѣрные признаки чуднаго дня,
Старый морякъ парусовъ прибавляетъ.

IV.

Коль рѣзокъ контуръ облаковъ,
Ко встрѣчѣ съ вѣтромъ будь готовъ,
Когда-жъ ихъ контуры мягки,
Тогда всѣ вѣтры далеки.

V.

Если солнце сѣло въ тучу,
Берегись, — получишь бучу,
Если-жъ солнце сѣло въ воду,
Жди хорошую погоду.

*) «Барашки» — перисто кучевая облака—cirro cumulus.

**) «Небо ангелы метутъ» — перистая облака—cirrus.

приложения

Илья Бернштейн, Роман Лейбов, Олег Лекманов	
Приключения писателя Некрасова.....	130
Михаил Свердлов «Приключения капитана Врунгеля»:	
поэтика «без нагрузки».....	148
Галина Ельшевская Карикатурист Ротов	
и мореплаватель Врунгель	156
Мария Терещенко «Ведь улыбка – это флаг корабля...».....	163
«Наш любимый старик Врунгель...»:	
из писем А.С. Некрасова к И.Г. Дубровской	168
Илья Бернштейн, Роман Лейбов, Олег Лекманов Комментарий.....	176

Предваряем «научную» часть нашей книги собранием «моряцких» предсказаний, примет и замечаний, принадлежащим перу капитана Дмитрия Афанасьевича Лухманова (1867–1946), мореплавателя, конструктора и строителя парусных судов, писателя-мариниста и, что нам особенно важно, наиболее вероятного прототипа Христофора Бонифатевича Врунгеля.

— 36 —

Примѣты во время шквалистой погоды.

VI.

Если тучи, сплотившись, по небу летятъ,
Скоро всѣ снасти твои затрещатъ;
Если-жъ на клочья начнутъ онѣ рваться,—
Ставь брамселя, ихъ не стоить бояться.

VII.

Если дождь, а вѣтеръ вслѣдъ,—
Чтобъ избавиться отъ бѣдъ,—
Ни минуты не зѣвай,
Марсафалы отдавай.
Если-жъ вѣтеръ предъ дождемъ,—
Отдавать ихъ подождемъ.

Замѣчанія относительно морскихъ птицъ.

VIII.

Чайки коль къ берегу держать свой путь,
Вѣтеръ здоровый, повѣрь, будетъ дуть.

IX.

Ходятъ чайки по песку,
Моряку сулятъ тоску,
И, пока не влѣзутъ въ воду,
Штормовую жди погоду.

— 37 —

Предсказанія по наблюденію надъ барометромъ.

X.

При низкомъ барометрѣ стрѣлки паденье,
Требуешь въ морѣ вниманья и бдѣнья,
И шкиперъ разумный тогда лишь заснетъ,
Когда онъ высоко и вверхъ идетъ.

XI.

При низкомъ барометрѣ первый подъемъ,—
Шкваловъ здоровыхъ навѣрно мы ждемъ.

XII.

Сразу вверхъ, или сразу внизъ.—
То погоды лишь капризь,
Ну, а если постепенно,
Стрѣлка внизъ или вверхъ идетъ,
Будетъ вѣтеръ непремѣнно,
И не скоро онъ пройдетъ.

Илья Бернштейн, Роман Лейбов, Олег Лекманов

Приключения писателя Некрасова

Филолог Наталья Громова недавно написала о том, как выдающийся историк и просветитель Натан Яковлевич Эйдельман «вдруг стал рассказывать о каком-то неизвестном поэте XX века, который писал, служил, а потом исчез»¹. «Я не помню ни имени, ни обстоятельств, – продолжает мемуаристка, – но помню, как печально он сказал, что хотел бы заниматься историей литературы XX века, искать ушедших людей, раскапывать в архивах утраченные биографии»².

В истории литературы советского времени, особенно того ее периода, что пришелся на страшное правление Сталина (да и Ленина тоже!) отыскивается немало случаев, подобных тому, о котором рассказал Эйдельман. Вроде бы совсем недавно живший человек, почти наш современник – «писал, служил, а потом исчез», да так исчез, что и концов никаких не найдешь. Биографии русских людей, родившихся в конце XIX – начале XX веков, почти всегда неполны и загадочны. И дело не только в том, что люди, входившие в жизнь в советскую эпоху, вынуждены были что-то скрывать в своих официальных анкетах и автобиографиях. Стремительно (и часто – мучительно) менявшиеся обстоятельства вынуждали их самих постоянно задумываться над вопросом «кто я такой/такая?», подгонять условия происхождения и биографии под диктуемые эпохой варианты ответов³.

Не был исключением из общего советского правила и автор «Приключений капитана Врунгеля», который уже на склоне лет, в 1984 году, не без горечи признавался в письме к историку литературы Ирине Дубровской, заинтересовавшейся некоторыми обстоятельствами его юности: «Писать о прошлом действительно нельзя всё, что Вам хотелось бы, придется ограничиться каким-нибудь обтекаемым выражением <...> Это и правда будет, и вряд ли что раскроет...»⁴ Соответственно, в нижеследующем кратком очерке мы попробуем, по возможности дешифруя «обтекаемые выражения» официальных документов, наметить основные вехи биографического пути Некрасова, особое внимание уделив обстоятельствам создания и первого появления в печати его главного произведения.

Андрей Сергеевич Некрасов родился 10 (22) июня 1907 года в Москве. Мальчик стал вторым ребенком в семье, сестра была старше его на два года. О своих родителях автор «Приключений капитана Врунгеля» в одной из «служебных», не предназначенных для печати автобиографий (написанной в «оттепельном» 1957 году и самой подробной) рассказывал так: «Родился в семье рыбинского мещанина Сергея Петровича Некрасова. Мой отец был сыном купца. Уже после женитьбы

¹ Громова Н. Именной указатель // Знамя. 2017. № 6. С. 68.

² Там же.

³ См. об этом: Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

⁴ Приносим глубокую благодарность Ирине Дубровской, предоставившей в наше распоряжение письма Некрасова к ней из своего личного архива.

отец сдал экзамен на аттестат зрелости, ликвидировал полученный по наследству магазин, в 1913 году окончил медицинский факультет Московского университета

и стал врачом гинекологом¹. Мать – Людмила Федоровна Некрасова (до замужества Прошина) в молодости писала стихи <...> Позже мать отошла от литературы и до конца жизни оставалась домашней хозяйкой»².

В 1910-е годы у Людмилы Некрасовой вышли две поэтические книги – «Смолки» (М., 1915) и «Стихотворения» (Углич, 1917). Хорошее представление о типе (и уровне) дарования поэтессы дают, например, начальные строки ее послания «Бодлеру», датированного 24 февраля 1916 года:

Бодлер искал источник вдохновенья
В душистой роскоши рассыпан<н>ых волос
Их кольца хрупкие, даря ему забвенье
Струили аромат им выращенных роз³.

слева: Л. Некрасова (?), до 1917 г.

(Источник – рукописный альбом «Мысли и стихи Л. Некрасовой. 1912–1934 гг.»)

справа: Смолки: Стихотворения Л. Некрасовой. М.: Т-во на паях тип. Рябушинских, 1915

Благодаря матери, многих «хороших и разных» литераторов-модернистов будущий автор «Капитана Врунгеля» впервые близко увидел еще маленьким мальчиком. «У нас в то время собирались поэты и художники “на кроки”⁴, – в 1984 году писал он И. Дубровской. – Из них помню В.В. Маяковского, <А.Е.> Крученыха, Е.А. Лянг <так! – Авт.>, которая лет десять назад приезжала из Парижа рассказывать о Маяковском⁵. Позже помню Андрея Белого, немножко <К.Д.> Бальмонта».

Эти воспоминания можно датировать: ранние, видимо, относятся к 1911–1914 гг. (время обучения Маяковского в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, годы становления московского кубофутуризма); Константина Бальмонта Андрей, скорее всего, видел, уже будучи школьником (поэт часто бывал в Москве в пореволюционные годы, до эмиграции в мае 1920-го); Андрей Белый вернулся в Россию из Германии в 1923 году. Кругом семейного общения будущего писателя отчасти объясняется надпись на обороте портрета, открывающего рукописный альбом стихов Людмилы Федоровны: «Твоя мать футуристка. Л. Некрасова»⁶. В одном из писем к И. Дубровской 1984 года сам Некрасов охарактеризовал мать как «декадентствующую поэтессу». В первом из процитированных выше писем он назвал своим литературным наставником юношеских лет не мать, а Н. Огнёва

¹ На Новодевичьем кладбище в Москве похоронен гинеколог (и преподаватель кафедры латыни в 3-м Медицинском институте) Сергей Петрович Некрасов (1869–1951). Рядом с ним покоятся жена Елена Константиновна Некрасова (1876–1939) и два сына – Кирилл (1907–1979) и Вадим (1903–1934). Означает ли это, что отец будущего автора «Капитана Врунгеля» жил на две семьи, или в Москве одновременно трудились два гинеколога Сергея Петровича Некрасова?

² РГАЛИ, ф. 631, оп. 39
ед. хр. 4133.

³ РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1
ед. хр. 285.

⁴ «На кроки», т.е. – делать наброски к будущей картине.

⁵ Ошибка памяти: художница Евгения Ланг репатрировалась в СССР еще в 1962 г.

⁶ РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1
ед. хр. 285.

(псевдоним Михаила Григорьевича Розанова), педагога, писателя, автора подросткового бестселлера «Дневник Кости Рябцева» (1927) и основателя первого в Москве детского театра.

«В детстве, в возрасте 2 л<ет> 6 м<есяцев> я перенес полиомиелит и остался хромым на всю жизнь, – сообщает Некрасов в той же автобиографии 1957 года. – В 1918 году я поступил в “5-ю опытную школу МОНО им. М.И. Калинина”¹. Школа эта была девятилетней², окончил ее Некрасов в 1925 году, однако ни в университет, ни в институт он поступать не стал. «...<Я> не пошел в высшее учебное заведение, как того хотели мои родители, – вспоминал позднее Некрасов. – Вместо этого я поступил на Московскую электрическую трамвайную станцию и за год сделал головокружительную карьеру: от чернорабочего по двору дослужился до аварийного техника»³. Родители, как и полагалось интеллигентным людям, хотели, чтобы Андрей получил высшее образование. Можно предположить, что и он хотел того же.

Но эпоха требовала другого: классово-дискриминационное законодательство в СССР ограничивало поступление в вузы «нетрудового элемента», предпочтение отдавалось детям рабочих и крестьян-бедняков, а также бывшим красноармейцам. Выходом из этой ситуации для юноши из интеллигентной московской семьи могла стать «головокружительная карьера» на рабочей должности вроде той, которую описывает Некрасов⁴ (заметим, что для

¹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39 ед. хр. 4133. МОНО – Московский отдел народного образования; создан в апреле 1918 года. 5-я Опытная Показательная Трудовая школа I и II ступеней им. М.И. Калинина располагалась в столице в усадьбе Апраксиных – Бутурлиных по адресу: ул. Знаменка, 12. Заведовал ею С.А. Эпштейн. Школа наследовала знаменитой гимназии Е.А. Кирпичниковой, первой в России гимназии с совместным обучением мальчиков и девочек. С 1962 г. здание занимает школа им. Гнесиных.

² То есть давала полное среднее образование.

³ Детская литература. 1972. № 4. С. 58.

⁴ Пример сходного житейского «зигзага» – биография писателя Вадима Шефнера. Дворянин, внук двух адмиралов, сын офицера лейб-гвардии и, соответственно, *лишенец* (т.е. человек, по тогдашней Конституции лишенный многих прав, в частности – права на высшее образование) после окончания школы пошел в ФЗУ (фабрично-заводское училище) учиться на кочегара, специалиста по обжигу фарфора.

Слева – картина самодеятельного художника В.Ф. Точкина (Точилкина) «Лишенцы. Им нет места в Советах», 1920-е гг. На фотографии, первый слева, – Соломон Шарлат, дед одного из авторов статьи; как сын лишенца не мог поступить в вуз и зарабатывал рабочий стаж на стройке «Первого дома милиции Моссовета, 5-я Тверская-Ямская» (подпись на обороте). Справа – плакат «Очистим Советский аппарат от чуждого пролетариату элемента». Неизвестный художник, 1931.

него, перенесшего тяжелую болезнь, обязанности черно-рабочего по двору не были синекурой¹).

И все бы, наверное, в жизни молодого человека сложилось по намеченному им четкому плану (получение рабочего стажа, а затем поступление в университет), если бы в 1927 году с ним не приключилась дикая и трагикомическая история, чье неправдоподобие заставляет вспомнить самые смелые байки капитана Врунгеля.

В автобиографии 1957 года писатель изложил эту историю так: «<О>днажды в гостях у одноклассницы Веры Андреевны Ореховой², учившейся тогда во ВХУТЕИНе», то есть в Высшем художественно-техническом институте, «зашел разговор о границах свободы советского гражданина. Поводом для этого разговора явилась газетная заметка о том, что в Италии была арестована группа молодежи за ношение красных звезд.

Я утверждал, что если любой гражданин Союза<, который> не участвует в деятельности контрреволюционной организации надел бы, как украшение эмблему этой организации, пусть то будет даже свастика – он по советским законам не может быть осужден.

Завязался спор. В результате было решено, что В.А. Орехова закажет во ВХУТЕИНе запонки со свастикой, а я надену их.

Некоторое время спустя в марте 1927 г., так и не увидев этих запонок, я был арестован и доставлен во внутреннюю тюрьму. На единственном допросе мне было предъ-

¹ Кажется, физическое увечье не только не мешало Некрасову, но и бросало ему вызов, который он с увлечением принимал. Позже писатель пытался стать воздухоплавателем: «Был преподавателем аэронавигации в клубе планеристов Сов<етско-го> Района. Здесь я выучился летать на “У-2”. Пройти нормальную подготовки мне не удалось т.к. врачи забраковали и мне пришлось осваивать полет явочным порядком» (Автобиография 1957 года, РГАЛИ, ф. 631, оп. 39 ед. хр. 4133). В конце 1930-х гг. он наставлял юных мореплавателей на Клязьминском водохранилище в ДСО «Водник», командуя швертботом «М-20» (письмо воспитаника капитана Некрасова А.П. Михайловского И. Дубровской 1984 года). Колоритные легенды о Некрасове-яхтсмене зафиксированы в неопубликованных сочинениях ветерана парусного спорта Олега Андреевича Голобородько (их легко найти в интернете).

² В.А. Орехова (1907–2007) – художница, жена художника Валериана Турецкого.

слева – фотография «футбольной команды южного побережья Крыма, с успехом игравшей летом 1924 года» (надпись на обороте); Андрей Некрасов (лежит); звезды на груди у футболистов – результат загара – словно предвосхищают историю, случившуюся тремя годами позже. Справа – удостоверение: Некрасову присвоено звание яхтенного рулевого I класса

явлено обвинение в связи с организациями, имеющими целью свержение советской власти. Я этого обвинения не признал.

Через несколько месяцев мне было сообщено решение по моему делу – 3 года высылки в Марийскую автономную область»¹.

Остается только удивляться тогдашней наивности Некрасова, да еще запоздало радоваться, что в поле зрения советских карательных органов он попал относительно рано. Случись история с «так и не увиденными запонками» в конце того же года, после разгрома «троцкистской оппозиции» (не говоря уже о времени десятью годами позже – в 1937-м!), Некрасов вряд ли отделался бы только тремя годами ссылки.

В тех своих кратких жизнеописаниях, которые изредка появлялись в советской печати, Некрасов даже в вегетарианские брежневские годы предпочитал объяснять собственное увольнение с электрической трамвайной станции и поспешное отбытие из Москвы причинами романтического свойства. Приведем характерный (и очень «врунгелевский» по интонации) фрагмент из его автобиографии 1972 года: «Если так пойдет, – решил я, – через десять лет быть мне главным инженером МОГЭСа, а тогда придется расстаться с мечтой о дальних странах». Я взял расчет, уехал в Мурманск и поступил матросом на рыболовное судно»².

На самом же деле Некрасов в качестве ссыльного отправился тогда не в Мурманск, а в столицу Марийской автономной области – Краснококшайск (ранее – Царевококшайск, нынешнюю Йошкар-Олу). В газете «Марийская деревня» (местный аналог «Известий») он опубликовал стихотворение «Подарок», которое неделю спустя одобрительно процитировал в столичных «Известиях» журналист Григорий Цейтлин-Львович. «Гр. Львович между прочим писал, что “от этих стихов веет радостью пробуждающегося народа”. Прочитав эту статью, я твердо решил стать писателем», – вспоминал Некрасов³.

По-видимому, срок ссылки ему основательно скостили, потому что уже в 1928 году Некрасов вернулся в Москву, устроился на работу в издательство «Физкультура и спорт» и опубликовал свой первый рассказ в журнале «Борьба миров». Его очерки, рассказы и стихи начинают регулярно появляться в научно-популярных журналах, группировавшихся вокруг издательства «Молодая гвардия» – «Вокруг света», «Затейник», «Борьба миров» и «Смена» (иногда под псевдонимом «Топс»), а в последнее из перечисленных изданий Некрасова в том же 1928 году берут на штатную должность литературного секретаря.

Казалось бы, его судьба определилась: молодой человек, наконец, нашел себя и, что называется, закрепился на неплохой должности в столичном журнале, которая давала ему возможность пусть не громкой и не быстрой, но зато надежной литературной карьеры. Что произошло дальше, мы знаем не очень хорошо. Возможно, какие-то биографические обстоятельства (связанные с досрочным возвращением из ссылки?) и советы понимающих ситуацию людей повлияли на решение, принятое Некрасовым. Время стояло бдительное и хмурое, первая пятитетка сопровождалась репрессиями. Они были особенно жестокими и неиз-

¹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39 ед. хр. 4133.

² Детская литература. 1972. № 4. С. 58.

³ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39 ед. хр. 4133. Статья называлась «Красноармейцы на чугунке».

бирательными в деревне, но и в городах, несмотря на относительную мягкость (сравнительно с террором Гражданской войны или безумием 1937–1938 гг.) массовыми: волна «чисток» прокатилась по всей стране. Безопаснее было не мозолить глаза и отправиться подальше от Москвы.

Однако не стоит упускать из виду и другого возможного объяснения нового поворота в судьбе начинающего писателя. Эволюционные генетики утверждают, что нашли особый «ген авантюризма»¹, побуждающий его носителей сниматься с насиженных мест и осваивать новые территории. Так что важную роль в этой точке биографии Некрасова могло сыграть то свойство его личности, хорошее представ-

¹ Аллель 7R гена DRD4, если быть точным.

² Некрасов А. От автора // Некрасов А. Повести и рассказы. М., 1967. С. 3.

ление о котором дает даже не пушкинская формула «охота к перемене мест», а начальное предложение рассказа Христофора Бонифатьевича Врунгеля о его необыкновенных приключениях: «Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело». «Я оглядываюсь назад и благодарю судьбу за то, что не могу вспомнить ни одного спокойного дня в своей

жизни». Это уже не герой Некрасова, а сам шестидесятилетний писатель признается в предисловии к книге своих избранных сочинений².

Внешние ли обстоятельства, ген ли авантюризма, или то и другое разом заставили Некрасова покинуть столицу, но 1929–1933 годы стали в его биографии временем регулярной и интенсивной смены мест пребывания и родов деятельности. Именно приобретенный тогда опыт позднее позволил Некрасову чувствовать себя как рыба в воде при описании самых разных кораблей (от киля до клотика), ситуаций и стран. Весьма вероятно, кстати, что как раз возможность побывать за границей (в это время уже чрезвычайно затрудненная для рядового советского гражданина), не в последнюю очередь, подтолкнула Некрасова на избранный им путь.

Итак... «Остро ощущая недостаток жизненного материала в 1929 г. в ноябре, я поступил матросом на рыболовный траулер и проплавал в Баренцевом море до конца 1929 года»...¹ «Р>аботал старателем на золотом прииске Тахта, рабочим на нефтепромыслах Оха»². «В мае 1930 года на самолете М.В. Водопьянова я прилетел на о. Сахалин. Здесь я недолго работал рабочим и тормазчиком³ буровой, а затем, в июне 1930 года, поступил кочегаром на п<аро>х<од> «Бурят» и проплавал на нем несколько рейсов во внутренних водах. Позже на п<аро>х<оде> «Роза Люксембург» я совершил в качестве кочегара плавание Владивосток – Ленинград с заходами в Сайгон, Сингапур, Александрию, Гамбург»...⁴ «Бывал в портах Англии, Франции, Норвегии, Китая в составе экипажей пароходов с<еверного> т<ихо>океанского флота по 1–2 дня» (обратим особое внимание на посещение молодым Некрасовым тех портов, которые потом будут со знанием дела описаны в «Капитане Врунгеле»)..⁵ «Плавал помощником капитана зверобойного бота «Налим»»..⁶ «Плавал на шхуне «Север» капитаном»..⁷ «Я ловил треску в Баренцевом море, мыл золото на Амуре, бурил нефть на Сахалине, выстаивал трудные вахты у раскаленных топок судовой кочегарки, бил моржей в Беринговом проливе, добывал китов в Тихом океане»..⁸ «Вернувшись в 1931 году в Москву, я работал в радиоуправлении секретарем сектора политпросвещения»⁹. «В 1931 году по договоренности с директором треста «Дальморзверпром» я выехал на Дальний Восток, для работы в аппарате треста <...> Вскоре <...> я был назначен зам<естителем> нач<аль>ника морского управления треста и в этой должности совершил много плаваний в водах Д<альнего> Востока»..¹⁰ «В 1932 году снова вернулся на море – кочегаром на зверобойную базу «Алеут»»¹¹. В 1933 году Некрасов окончил морской техникум Наркомата Морского Флота СССР во Владивостоке. И, наконец: «В 1933 году я приехал в Москву и целиком отдался литературной работе»¹².

Понятно, что в 1933 году редакции московских журналов и издательств регулярно посещал человек уже совсем другого опыта и неформального статуса, чем тот, что в 1929-м покинул столицу в поисках интересной жизни. Автор едва ли не единственных, увы, мемуаров о Некрасове этой поры, детский писатель Николай Богданов, оставил для нас колоритный словесный некрасовский портрет: «Топс, не дожидаясь приглашения, уже «травил», сидя на подоконнике, либо на краю редакционного стола, его непослушные ноги не вмещали наши жалкие кривоногие стулья. Клюво-

¹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39
ед. хр. 4133.

² Там же.

³ Т.е. ответственным за экстренную остановку бурения.

⁴ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39
ед. хр. 4133.

⁵ Там же. В одном из писем к И. Дубровской Некрасов мимоходом упоминает, что ему довелось в качестве матроса побывать и на Гавайях.

⁶ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39
ед. хр. 4133.

⁷ Там же.

⁸ Некрасов А. От автора // Некрасов А. Повести и рассказы. С. 3.

⁹ Этот эпизод биографии Некрасова, конечно, также нуждается в расшифровке и комментировании.

¹⁰ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39
ед. хр. 4133.

¹¹ Там же. «Алеут» (изначально – американский сухогруз «Глен Ридж» 1919 года постройки) – первое специализированное судно созданной в 1932 году советской китобойной флотилии.

¹² РГАЛИ, ф. 631, оп. 39
ед. хр. 4133.

Китобойная база «Алеут», 1930-е

носый, большеротый, выпуклоглазый, он напоминал переодевшегося под моряка спрута. Фуражка едва держалась на округлой башке. Полосатая тельняшка топорчилась на расстегнутой груди. “Травить” стоя он не мог, мешала неуправляемая

левая нога. Искалеченная в детстве полиомиелитом, она болталась сама по себе. Из-за этого уличные мальчишки прозвали его Пляши-нога, чем Топс очень возгордился¹.

Почему Некрасов в 1930-е годы прибил к детской литературе? Ответить на этот вопрос несложно². Дело в том, что тогда свои последние дни доживала концепция прозы для детей, выработанная еще в середине 1920-х годов ее великим организатором Самуилом Яковлевичем Маршаком. Согласно этой концепции, в советские детские писатели нужно было вербовать не сложившихся взрослых прозаиков, чей взгляд на мир и стиль уже безнадежно испортила приверженность «старой культуре», а так называемых «бывалых людей», имеющих за плечами большой не писательский, жизненный опыт. Вот таких «бывалых людей» и следовало научить рассказывать о своих приключениях свежими, не заемными словами³. Так Маршак в детскую литературу в свое время был призван гениальный Борис Житков. Так уже сам Житков призвал Андрея Некрасова. Впрочем, обо всем по порядку.

О своем первом визите в журнал «Пионер» в 1934 году Некрасов в интервью 1982 года вспоминал следующим образом: «Редакция помещалась тогда в небольшом трехэтажном домике на улице Горького⁴ – сейчас на этом месте построена гостиница “Москва” – и занимала всего две комнаты. Встретил меня Борис Житков – замечательный писатель, работавший в то время в “Пионере”. Он внимательно выслушал меня и стал расспрашивать. Его интересовало все: и мои путешествия, и люди, с которыми я вместе плавал, и даже киты, которых мне приходилось видеть довольно часто. Я, польщенный таким вниманием, собрался уже писать чуть ли не роман, но не тут-то было. Житков предложил мне сделать небольшой – на две-три странички – очерк⁵. Эта мемуарная зарисовка содержит выразительный пример работы опытного редактора маршаковской школы с начинающим автором. Сначала редактор убеждается в том, что автор – «бывалый человек» и ему есть о чем

рассказать юным читателям, а затем автору ясно дают понять, что в настоящей детской литературе нет мелочей, и он должен полностью выкладываться в любом, даже самом маленьком рассказике, в любой, даже самой крохотной сценке. «Каждая строчка очередного номера обсуждалась на редакционных заседаниях так, будто от нее зависело все будущее детской литературы», – так Евгений Шварц

¹ Богданов Н. С кого списан капитан Врунгель, или Необычайные похождения Топса, по прозвищу Пляши-нога // Детская литература. 1989. № 2. С. 45.

² Сам Некрасов на старости лет дал на этот вопрос фантастический, поистине «врунгелевский» ответ: «Труднее ответить на вопрос, почему я пишу для детей! Думаю, что тут главную роль сыграл мой возраст. В 1917 г. мне исполнилось 10 лет. Бурные события первых лет Октябрьской революции оставили глубочайший след в моем сознании. С тех пор на все явления действительности я невольно смотрю с позиций 10–12-летнего мальчишки» (Детская литература. 1972. № 4. С. 58).

³ Подробнее см. в превосходной статье: Чудакова М.О. Москва–Петербург/Ленинград и русская беллетристика советского времени. Соображения к теме // The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. P. 2. Stanford, 2007. С. 389–419.

⁴ Так в 1932–1990 гг. называлась Тверская улица в Москве.

⁵ Некрасов А. Путешественник, писатель, фантазер... // Пионер. 1982. № 6. С. 59.

вспоминал об атмосфере, царившей в детской редакции Маршака в середине 1920-х годов¹. Тон в этой редакции, как известно, задавал Житков.

Приходя во второй раз к редактору (уже с готовым, вроде бы, рассказиком), начинающий автор получал суровые уроки литературного мастерства. «...<Н>аписали вы об этом плохо – неинтересно, неубедительно, – воспроизводит в своем интервью Некрасов реплику Житкова по поводу его первого очерка для “Пионера”. –

Почему не сказали, что кит погружается в воду головой, а не хвостом – это же деталь, которую знает только очевидец?»²

Вот так, редактируя строку за строкой и заставляя обращать внимание на выразительные мелочи, Житков выковыывал из Некрасова детского писателя. В 1935 году вчерашний дебютант издал в Москве свою первую книгу «Морские сапоги», представлявшую собой набор небольших рассказов «бывалого человека», написанных в духе самого Житкова. И только спустя год или полтора, послушав в перерыве между совместной работой над заказной «халтурой»³ очередную порцию некрасовских морских баек, Житков предложил младшему коллеге написать «небольшую повестушку о капитане, который рассказывает о своем кругосветном плавании и “к былям небылиц без счету прибавляет”...»⁴ «В то время советы Житкова были для меня равноценны приказам, – вспоминал Некрасов. – Я задумался над его предложением, и на другой день в моем рабочем дневнике появилась первая запись о будущей повести»⁵.

Пришла пора обратить внимание на чрезвычайно двусмысленную ситуацию, которую молодой писатель положил в сюжетную основу своей «повестушки»: старорежимный интеллигент напропалую врет о собственном прошлом наивному слушателю, изображая в этом прошлом себя стопроцентно советским патриотом. Конечно, было бы недопустимой натяжкой прямо сопоставлять эту ситуацию с тем положением, в котором сам Некрасов и многие его соотечественники оказались в конце 1930-х годов, однако и не заметить очевидного сходства тоже невозможно. Как мы уже отмечали выше, вранье и умолчания зачастую оказывались единственной тактикой, с помощью которой советским людям удавалось спасти свое относительное благополучие, а то и жизнь. Само по себе такое положение вещей, конечно, не могло не травмировать вынужденно сглаживающих и пере-

краивающих факты собственных биографий советских людей. Смех, как известно, способен смягчать травматические эффекты. И то, что исполненная чистого, почти балаганного комизма повесть о приключениях капитана Врунгеля появилась во время едва ли не самого страшного эпизода советской истории, «большого террора» 1937–1938 годов, не кажется нам парадоксальным.

¹ Шварц Е. Житие сказочника. Из автобиографической прозы. Письма. Воспоминания о писателе. М., 1991. С. 55.

² Некрасов А. Путешественник, писатель, фантазер... С. 59. Интересно, кстати, а как Житков представлял себе погружение кита в воду хвостом?

³ Мы имеем в виду книгу:

Житков Б., Ивантер Б., Некрасов А., Шатилов Б. Повесть о товарище Кирове. М.–Л., 1937. Об Ивантере подробнее см. в нашем очерке далее. Детский писатель Борис Александрович Шатилов (1891–1955) в конце 1920-х годов запятнал себя печатными доносами на Корнея Чуковского и обэриутов. В 1930-е годы он служил на должности литературного редактора «Пионера».

⁴ Некрасов А. История с Врунгелем // Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Книга вторая. М., 1978. С. 243. В кавычки заключена неточная цитата из басни И.А. Крылова «Лжец».

⁵ Там же. Можно лишь пожалеть о том, что «рабочий дневник», который Некрасов упоминает в этом фрагменте своих мемуаров, кажется, не сохранился.

Интересно, что впечатление недосказанности и недостоверности оставляют даже позднейшие рассказы Некрасова о главном прототипе героя его «повестушки» – А.В. Вронском. Эти рассказы обязательно вставлялись во все заметки и интервью писателя об истории написания «Капитана Врунгеля». Канонический вариант мы приводим далее в комментарии к повести, а вот еще одна версия: «На Дальнем Востоке я работал в китобойном тресте, который возглавлял лихой, энергичный человек, наделенный огромным чувством юмора. Звали его Андрей Васильевич Вронский. Он часто рассказывал нам о том, как еще будучи учеником школы для подготовки капитанов, задумал со своим товарищем совершить кругосветное путешествие на двухместной парусной яхте. Уже был составлен план путешествия, и старая яхта, найденная невеста где, была отремонтирована, но... путешествие не состоялось. Зато у Вронского появилась блестящая возможность сочинять забавные истории и небылицы. Приехав в Москву, я решил записать все его рассказы и, зацепившись за фамилию Вронского, назвал героя своей новой повести – добродушного старичка капитана – Врунгелем»¹.

Читатель нашего комментария к повести Некрасова скоро получит возможность убедиться в том, что историю о несостоявшемся кругосветном путешествии на двухместной яхте Некрасов рассказал очень точно – в одном из журналов середины 1920-х годов она тоже излагается, и фамилия Вронского упоминается в репортаже, но... (повторим прием Некрасова) больше никаких достоверных сведений об Андрее Вронском нам, во всяком случае, ни в морских архивах, ни в опубликованных источниках, ни на просторах интернета обнаружить не удалось. Ни слова не говорится о Вронском и в авторитетной «Истории рыбной промышленности российского Дальнего Востока (1927–1940 гг.)», написанной Анатолием Мандриком и вышедшей во Владивостоке в 2000 году. Вот вам и еще одна биография советского человека первой половины XX века! Родился, учился, мечтал о постройке яхты, исчез...

«К середине 1936 года повесть сложилась настолько, что я смог обратиться к Б.А. Ивантеру – редактору журнала «Пионер» с предложением включить ее в план будущего года, – вспоминал Некрасов. – Ивантер принял решение печатать «Врунгеля» в двенадцати номерах по шесть иллюстрированных эпизодов в каждом номере. Текст повести при этом нужно было уложить в короткие подписи под страничными рисунками»².

Об иллюстрациях Константина Ротова к «Приключениям капитана Врунгеля» вы сможете прочитать статью Галины Ельшевой, помещенную на страницах 156–162 нашего издания, здесь же пару слов скажем о Бениамине Абрамовиче Ивантере (1904–1942) – еще одном соавторе Некрасова по книжке о большевике Кирове, с которым во время этой работы будущий автор «Врунгеля», по его собственному признанию, «очень сблизился»³. Ивантер был не самым плохим детским писателем и весьма хорошим организатором, а в 1933–1938 гг. – главным редактором «Пионера». Во время войны Ивантер, как и многие советские писатели (включая героя нашего очерка), стал фронтовым журналистом и погиб летом 1942 года в бою под Велижем (Смоленская область).

¹ Некрасов А. Путешественник, писатель, фантазер... С. 59–60.

² Некрасов А. История с Врунгелем. С. 243–244.

³ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39 ед. хр. 4133.

Вслед за журнальной публикацией «Приключений капитана Врунгеля» 1937 года последовало книжное издание – 1939 года. Здесь были восстановлены те сокращения, которые Некрасов вынужденно сделал для «Пионера», а некоторые страницы своей повести автор для новой версии стилистически переработал. «Пришлось вновь браться за перо и восстанавливать то, что осталось за рамками журнальной полосы, – рассказывал позднее Некрасов. – Эта, казавшаяся на первый взгляд, простой, работа потребовала новых больших усилий. Лапидарность, к которой приучил меня журнал, органически вошла в текст, и всякая попытка механически восстановить фрагменты, выброшенные при сокращении, неизбежно приводила к нарушению единства стиля повести. Пришлось заново шлифовать весь текст. Почти год ушел на эту работу»¹.

В седьмом номере журнала «Детская литература» за 1939 год, издававшегося все той же «Молодой гвардией», были встык опубликованы две рецензии на книжную версию «Врунгеля». Первая, Льва Кассиля – положительная, почти восторженная; вторая, Исаия Рахтанова – отрицательная, почти разгромная (обе рецензии обильно цитируются в нашем комментарии к повести). Сам Некрасов в свои поздние годы, кажется, был склонен именно Рахтанова винить в том, что «Врунгель» после 1939 года долго не переиздавался. «В своем письме Вы затронули один очень деликатный вопрос, – в 1982 году писал автор «Врунгеля» И. Дубровской. – Это по поводу дискуссии. Не было никакой дискуссии. Не хочется вспоминать всю эту мышиную возню вокруг этой книги. Вам, конечно, расскажу подробно. Как Вы, вероятно, заметили, книжка не переиздавалась больше 20 лет».

Признаемся, что нам эта демонизация Рахтанова и придание именно его рецензии статуса «решающего слова» не кажутся очень убедительными (кстати, «Врунгель» был переиздан все-таки не *больше*, а *меньше*, чем через 20 лет после появления первой книжной версии). Во-первых, восхваления Кассиля уже и в те годы были куда весомее для издательской судьбы любой книги, чем порицания Рахтанова. Во-вторых, сама «дискуссия» в «Детской литературе» производит впечатление искусственно разыгранной для привлечения большего внимания к страницам журнала, да и к книге Некрасова тоже. Как будто дискуссанты просто потянули жребий – «ругать» / «хвалить». Неслучайно Рахтанов впоследствии отзывался в печати о «Капитане Врунгеле» с энтузиазмом и одобрением². Рискнем осторожно предположить, что его отрицательный отзыв 1939 года мог быть написан с благой целью отвести от легкомысленной некрасовской повести (или от «Детгиза») куда более жесткую критику из куда более высоких сфер.

Спустя два года СССР вступил в Большую Войну, и издателям, в том числе и детских книг, стало совсем не до веселых приключений бравого капитана.

В автобиографии 1957 года Андрей Некрасов писал: «...<К>огда началась война, моя жена и усыновленная мною дочь Марианна эвакуировались в г. Куй-

¹ Некрасов А. История с Врунгелем. С. 246.

² См. комментарий, с. 213–214.

бышев. Я остался в Москве и сделал несколько попыток вступить в ряды РККА¹ но был забракован по состоянию здоровья. Наконец в октябре 1941 г. в Куйбышеве мне удалось скрыть свой физический недостаток, и я был признан годным к строевой службе и направлен в 884 с<трелковый> п<олк> 196 с<трелковой> д<ивизии>. Весной 1942 года наш полк прибыл под Сталинград. Вскоре был переведен в газеты <...> в Дубровку, а после эвакуации бригады – в Астрахань был прикомандирован к газете “Красное знамя” без содержания и без довольствия.

В это время я неоднократно выезжал на фронт в р<айо>ны Елисты, Яшкуля, Халхуты.

Осенью 1942 года я был зачислен писателем в газету “Сталинский воин” (ред. М.В. Марина). Здесь я неоднократно выезжал на фронт, участвовал в боевых вылетах.

В 1943 году в нашу газету прислали сразу трех писателей – Левмана², Стонова³ и Бражнина⁴. Бражнин остался в газете, Левман умер от тифа, нас со Стоновым откомандировали в резерв фронта.

Здесь мне было присвоено звание лейтенанта, и я был направлен литсотрудником в газету кавалерийского корпуса⁵.

В 1943 году, в перерыве между поездками на фронт, в Москве, Некрасов вступил в Союз советских писателей. Рекомендации ему дали детская поэтесса Елена Благина (автор известного и сейчас стихотворения «Мама спит, она устала...» и жена замечательного поэта Георгия Оболдуева, арестованного и сосланного в 1933 году, в войну – боевого разведчика, при жизни опубликовавшего всего одно стихотворение и вошедшего в русскую литературу лишь в 1979 году изданным в Германии под редакцией Геннадия Айги сборником) и блистательный классик-ренегат «формального метода» Виктор Шкловский, в свое время мимоходом пожуривший «Приключения капитана Врунгеля» за «безыдейность»⁶.

¹ Рабоче-крестьянской Красной армии.

² Семен Семенович Левман (1896–1943) – шахматный композитор и обозреватель, публицист.

³ Дмитрий Миронович Стонов (1892–1962) – прозаик, репрессирован в 1949 г.

⁴ Илья Яковлевич Бражнин (Пейсин, 1898–1982) – прозаик, журналист, переводчик украинской травестийной «Энеиды» Ивана Котляревского, руководитель ленинградского литературного объединения, которое в юношеские годы посещал, среди прочих, упомянутый нами выше Вадим Шефнер.

⁵ РГАЛИ, ф. 631, оп. 39 ед. хр. 4133.

⁶ См. в нашем комментарии с. 209, также статью Михаила Свердлова в этой книге.

 Чл. С. № 4659 Вр. вст. 10/12/32 Файл 58	
1. Фамилия, имя и отчество	Некрасов Андрей Сергеевич
2. Литературный псевдоним	МБ
3. Год и место рождения	1907. 22 июня нового стиля г. Москва
4. Национальность	Русский
5. Социальное происхождение	интеллигент
6. Социальное положение	служащий?
7. Литературный жанр	детская литература проза
8. Начало литературной работы	с декабря 1934.

² РГАЛИ, ф. 631, оп. 39
ед. хр. 4133.

142

История загадочного и вновь досрочного освобождения Некрасова – это еще одно белое пятно в его биографии. Нам больше ничего про уголовное дело писателя не известно, кроме того, что оно, по-видимому, еще долго препятствовало Некрасову официально именоваться ветераном Великой Отечественной войны, хотя судимость, судя по «Карточке персонального учета члена союза писателей СССР» (1981) была снята с него еще в 1946 году¹. В июле 1986 года Некрасов писал И. Дубровской, привычно маскируя (как нам, во всяком случае кажется) реальные факты: «...<П>оложительная эмоция – это то, что я, наконец-то стал официальным участником войны. Это тоже затяжное дело. Все документы мои были уничтожены жильцами, которые после болезни пытались захватить мою квартиру, а все документы вроде комендантских справок, которые случайно сохранились, не признавали. Я-то знал, что я воевал и как воевал, но все равно чувствовал себя в какой-то степени Хлестаковым. Ну, да теперь все в прошлом!»

Арест Некрасова в 1943 году привел и к тому, что мелькнувшая в нашем повествовании тогдашняя жена писателя, Ольга Евгеньевна Некрасова (до брака Гарцева), с Некрасовым развелась. Вернувшись в Москву, писатель женился на Вере Парфентьевне Клепиковой.

Вероятно, до смерти Сталина в 1953 году Некрасов и думать не смел о том, чтобы переиздать свою главную книгу. Весьма показательно, что ее второй, чуть-чуть поправленный вариант (в котором были учтены некоторые изменившиеся международные политические реалии) появился на прилавках книжных магазинов в разгар хрущевской «оттепели» – в 1958 году. Разнообразные мелкие поправки Некрасов будет вносить в свою повесть до самого ее последнего прижизненного издания (большинство из них приведено в нашем комментарии).

Рецензий на второе издание «Приключений капитана Врунгеля», насколько нам известно, не появилось, однако в 1959 году повесть удостоилась доброжелательного разбора в лекции ленинградского филолога и библиографа Екатерины Петровны Приваловой: «Рассказ в начале фантастической повести А.С. Некрасова ведется от лица старосты группы слушателей мореходного училища. Среди учителей училища один преподаватель навигации Христофор Бонифатьевич Врунгель вызывает постоянные насмешки учащихся. Самая внешность его, старческая, немощная, напоминающая чем-то аптекаря, заставляла предполагать, что уча навигации, учитель сам никогда не был в плавании. Каково же было удивление старосты, когда, придя навестить педагога, он застал его совершенно преображенным. Перед ним сидел подлинный мор-

¹ Там же.

А.С. Некрасов, фотография из «Карточки персонального учета члена союза писателей СССР» (1981)

ской волк. Такова реалистическая рамка, в которую вставлены рассказы Врунгеля о его фантастических похождениях. Врунгель – фантазер и враль, прямой потомок барона Мюнхгаузена и Тартарена из Тараскона Додэ. Рассказ Врунгеля о кругосветном путешествии на двухместной яхте «Беда» (первоначальное название яхты – «Победа», но первые буквы смыты волною) представляет собою цепь неправдоподобных до нелепости приключений. В основу этой фантастики автором, моряком по профессии, положен «морской фольклор». Анекдоты, ходящие из уст в уста в среде моряков, значительно дополнены авторским вымыслом. Попутно, очень поверхностно затронуты в книге международные темы и даны сатирические зарисовки быта других народов. Хорошее знание морского дела дало возможность автору познакомить читателей с рядом морских терминов и понятий¹.

Что было после появления этого второго издания «Приключений»? Многочисленные переводы повести на языки народов СССР и других народов (выполненные и изданные, впрочем, тоже в СССР и «странах народной демократии»), экранизация 1978 года (точнее, фильм «по мотивам»), в которой главную роль сыграл любимец Л. Гайдая артист Михаил Пуговкин, а также выход в 1980 году мультсериала по мотивам некрасовской книги (снимался в 1976–1977 гг.), чья слава, кажется, перекрыла известность первоисточника (в нашей книге об этом сериале рассказано в статье Марии Терещенко на страницах 163–167).

Михаил Пуговкин в фильме «Новые приключения капитана Врунгеля» (Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М. Горького, 1978, режиссер Геннадий Васильев)

¹ Привалова Е.П. Русская советская детская литература 30-х годов: лекция по курсу «Советская детская литература» для студентов заочного отделения. Л., 1959. С. 30.

² Иронически обыгранная переиначенная цитата из знаменитого стихотворения Инбер «Сыну, которого нет». В оригинале первое слово: «налепив» (Некрасов, судя по этой оговорке, произносил глагол «клеить» по-старому, с ударением на «И»). В роли щедрого сына здесь, конечно, выступает Христофор Бонифатьевич. У Инбер сын слал не деньги, а снимки.

Официальные писатели по праву считались в СССР особой привилегированной кастой. Помимо всего прочего, им не обязательно было писать. Переиздания и переводы популярных книг могли прокормить автора; как не без печального цинизма сообщал об этом наш герой в 1986 году И. Дубровской, «<...> как у Веры Инбер: «наклеив цветные марки письмам на бока, сын мне деньги и подарки шлет издалека»². Вскочил для французской Африки, в Эстонии, в Польше, в Казахстане, так что девочкам на кофточки и на жигули хватает».

Разумеется, наследие Некрасова включает не только повесть о Врунгеле и его друзьях и врагах. Помимо вышедшего в 1936 году и составленного совместно с Н.С. Толмачевым пособия «Флот юных техников» (на него есть ссылка в нашем комментарии), Некрасов написал и опубликовал еще несколько детских книг –

сборники рассказов «Морские сапоги» (1935) и «Завидная биография»¹ (1953), повести «Судьба корабля» (1958) и «Мы были на Диксоне» (1960), книжку для самых маленьких читателей «Танины игрушки» (1963; из аннотации: «Кто прочитает эту книжку, тот сам научится делать интересные игрушки»...) Эти и другие сочинения переиздавались, по отдельности или в составе сборников, до конца жизни писателя.

Морские сапоги. М.: Детгиз, 1961. Завидная биография. [М.] : Мол. гвардия, 1953

Но в истории русской детской словесности он так и останется автором одной книги. Хочется надеяться, что этот заведомо неполный и краткий биографический очерк не разочарует тех, кто в детстве зачитывался «Приключениями капитана Врунгеля». По крайней мере, нам, авторам этой статьи, очень приятно было убедиться, что веселую и легкую книгу написал веселый человек, умевший не только подчиняться ветрам эпохи, но и держать курс *вмордувинд* (см. «Толковый морской словарь для бестолковых сухопутных читателей» Х.Б. Врунгеля).

Современникам, встречавшимся с писателем в послевоенный период его жизни, запомнилось, что автор «Приключений капитана Врунгеля» не был врагом традиционных русских увеселений. Его последней женой стала детская писательница и редактор книг известного сказочника А.М. Волкова Алла Ивановна Стройло.

В декабре 1977 года Некрасов перенес, как он сам признавался в письме к И. Дубровской, «жестокий инсульт». В ноябре 1982 года автор «Врунгеля» писал ей же: «Когда-то печатал я с профессиональной скоростью и с полным отсутствием опечаток, а теперь очень доволен, что научился одним пальчиком стучать на машинке... Научился я и передвигаться по комнатам. Это, конечно, эквilibр, но самое, пожалуй, унижительное в моем положении было то, что лежу неподвижно. Сейчас весь мой природный оптимизм вернулся ко мне, и мне, в общем, плевать на то, что я не могу ездить на машине, яхте и пр.» Процитируем также фрагмент из письма Некрасова к Дубровской, датированного маем 1985 года: «Встанешь

¹ Заглавный рассказ этого сборника замечателен тем, что в нем на первый план выведена затронутая нами выше тема конструкции автобиографии советского человека. Бывалый дядя Егор наставляет своего племянника Славу накануне торжественного дня – вступления мальчика в комсомол. Слава сетует, что при вступлении требуется рассказать о своей биографии, но никакой биографии у него пока нет. Дядя объясняет, что любой факт жизни племянника (пока еще очень краткой: родился... болел корью... пошел в школу... приняли в пионеры) следует толковать с точки зрения идеологической – как торжество ленинско-сталинской политики партии. Просветленный Ростислав с благодарностью принимает урок.

утром, думаешь, пальцем не двинешь. А как запоет машинка, глядишь, и есть о чем писать, и слова находятся, и прицепляются друг к другу!»

Умер Андрей Сергеевич Некрасов на заре горбачевской перестройки, 15 февраля 1987 года, в Москве, похоронен он на Ваганьковском кладбище.

Андрей Некрасов. Начало 1980-х

P. S. Посмертные злоключения писателя Некрасова

Увы, А.С. Некрасов не избежал участи многих других «авторов одного текста». Капитан Врунгель совершенно вытеснил из коллективной памяти читательских поколений писателя Некрасова. Реальные обстоятельства его жизни остались неизвестными широкой публике, зато посмертно (уже в последнее десятилетие) распространилась нелепая и бессмысленная легенда о том, что автор «Врунгеля» якобы служил помощником первого секретаря Днепропетровского обкома коммунистической партии (очевидно, по морской части) и в таковом качестве подвергся репрессиям в эпоху «большого террора». Об этом сообщается, в частности, в претендующей на респектабельность новейшей «Московской энциклопедии»: «Будучи пом<ощником> секр<етаря> Днепропетровск<ого> обкома КП(б)У, был арестован в 1937 и приговорен к заключению, отбывал наказание в Норильслагере. После освобождения в 1953 вернулся в М<оскву>»¹.

¹ Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. М-Р. М., 2010. С. 156. В этой же словарной статье сообщается, что Некрасов «в 1926 уехал в Мурманск», а мультисериал по книге датируется 1979 годом. Автор статьи благоразумно спрятался за инициалами «С. У.». Традиции капитана Врунгеля бессмертны!

А ведь на самом деле Некрасов не был даже рядовым членом комсомола¹ и коммунистической партии и, кажется, приложил некоторые специальные усилия, чтобы этого не произошло. Во всяком случае, один из фрагментов его автобиографии 1957 года смотрится как типовая «отмазка» от какого бы то ни было активного участия в «политической жизни» страны: «В 1953–54 гг. я учился в институте Марксизма-Ленинизма, но не закончил его, т.к. последствия тяжелой алиментарной дистрофии, перенесенной мною в тюрьме на длительный срок вывели меня из строя²». Спрашивается, что мешало Некрасову возобновить обучение, например, в 1956 году?³

Не вдаваясь в вопрос о происхождении легенды о высоком партийном положении автора «Врунгеля» (восходящей к недостоверным газетным публикациям), укажем на ее чрезвычайно широкое распространение как в электронных, так и в печатных источниках. Трудно сказать, что больше поражает в этой истории: полное забвение исторических обстоятельств или отсутствие элементарного вкуса у тех, кто готов поверить, будто автор лукавой и легкомысленной детской повести одновременно делал карьеру среди суровых выдвиженцев ранней сталинской эпохи.

Так или иначе, пожалуйста, дорогие читатели, если вам встретится очередной легковверный человек, который повторяет ерунду про днепропетровский обком, просто укажите ему на нашу статью!

¹ В процитированном выше отрывке из автобиографии 1957 г., где Некрасов рассказывает о своем первом аресте, он утверждает, что подал заявление в комсомол незадолго до того, и элегически заключает: «<...> однако вступить в комсомол мне не пришлось» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39 ед. хр. 4133).

² Там же.

³ Мало того, что Некрасов уклонился от изучения политграммоты, он даже названия учебного заведения не смог воспроизвести точно: Институт марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б)/ КПСС был учреждением сугубо научно-исследовательским и студентов не имел, а овладевать диалектическим и историческим материализмом деятелей культуры принудительно отправляли в так называемые «Университеты марксизма-ленинизма». Впрочем, не для всех обучение там было в тягость и многим пошло впрок. Среди выпускников этих «университетов» особо хочется назвать В.В. Жириновского, И.Д. Кобзона и Д.О. Рогозина.

Михаил Свердлов «Приключения капитана Врунгеля»: поэтика «без нагрузки»

Порой несправедливая критика может больше сказать о книге, чем заслуженные дифирамбы. Так и произошло с пренебрежительным отзывом Виктора Шкловского о «Приключениях капитана Врунгеля»: «Тема облегчена <...> Яхта “Беда” – бывшая “Победа” – плавает без нагрузки»¹. Лучше о некрасовской книге и изображенной в ней яхте не скажешь: тема «Врунгеля» действительно легче легкого; сюжетной нагрузки действительно нет никакой. Только в легкости этой проявляется не слабость темы, а двойная сила; освобождение же от нагрузки оборачивается не «бедой» книги, а ее «победой».

Все основные победы детской литературы со второй половины XIX века были одержаны в партизанских вылазках против прагматики взрослых. Еще немецкие романтики мечтали об игровом переворачивании мира учителей и воспитателей, об озорном смешении родительских «готовых» ценностей с нелепицей и гротескной чепухой: «Лапута повсюду – либо нигде. Все зависит от акта нашей фантазии, от нашего произвола, и вот мы уже в Лапуте» (Ф. Шлегель)².

Именно детским писателям XIX–XX веков не раз удавалось осуществить эту буффонадную мечту в своих литературных вселенных. Вот какой «великой традиции», с ее заветной идеей – веселой самокритикой взрослого разума, – наследует «облегченная» тема «Врунгеля»; вот какой курс выбран для этого плавания «без нагрузки».

В «Приключениях капитана Врунгеля» не взрослые смыслы разжевываются для детей, а, напротив, детская «легкость в мыслях необыкновенная» захватывает мир взрослых. Во всей повести нет ни одного персонажа-ребенка, даже в масровке дети появляются только один раз, отодвинутые в ряд к животным и машинам: «А за ним бегут шпики, жандармы, полицейские, мальчишки, собаки, рикши, автомобили». Зато в своем кругосветном путешествии врунгелевская яхта оказывается втянутой в разнообразные дела взрослых – политику, дипломатию, шпионаж, военные действия, юридические процедуры, коммерцию, благотворительность, науку, спорт и сферу развлечений. Члены экипажа замечены в характерных «мелочах» взрослого быта (винопитие, шулерство и воровство Фукса) и без какой-либо оглядки на детскую сентиментальность, скажем, жарят на вертеле пингвинов. Язык повести тоже – взрослый, с недетскими штампами («раздвоение личности»; «меня-то уж никак нельзя причислить к этому <...> разряду»), риторическими формулами («наподобие морских полубогов») и сказовыми конструкциями («доложу я вам»). Кажется, что в тексте и вовсе нет скидок или поправок на предполагаемый «пионерский» возраст читателей.

Но при этом – что происходит с самим взрослым миром в повести? Он оказывается решительно смещенным по ту сторону серьезного, в область комических мнимо-

¹ Шкловский В. Детиздат в 1939 году // Детская литература. 1939. № 12. С. 45.

² Цит. по: Берковский Н. Роман-тизм в Германии. Л., 1973. С. 57. Лапута – вымышленный остров, который посетил знаменитый Гулливер – герой тетралогии Дж. Свифта.

стей; положительные величины взрослых здесь каждый раз оборачиваются смеховыми минус-величинами. Все ценности в «Приключениях» затачиваются в стихию абсолютного комизма, без какой-либо возможности разрешения в серьезности.

Это связано прежде всего с особым характером вранья в «Капитане Врунгеле». Новизна некрасовского героя-вранля становится яснее в сравнении с его великими предшественниками – бароном Мюнхгаузеном и Хлестаковым. И у того, и у другого потоки вранья более или менее направлены сатирой, так или иначе стремятся к социально-значимому выводу. Так, в «Приключениях барона Мюнхгаузена» Р.Э. Распе и Г.А. Бюргера сатира, в духе Просвещения, обращена против самой лжи, против социальных мнимостей¹. В гоголевском же «Ревизоре» вранье Хлестакова разворачивается во всеобъемлющую сатиру на всякого человека², обличающую пошлость жизни как таковой³.

Вранье как Мюнхгаузена, так и Хлестакова разворачивается прямолинейно. Распе механически соединяет анекдоты-шванки единой композиционной нитью, подобно самому барону, нанизывающему стаю уток на шнур с соляной приманкой. В свою очередь, каждое приключение описывается как последовательная цепочка допущений, превращающих обычное в необычное⁴: например, герой должен попасть первым ружейным кремнем медведю точно в пасть и пищевод, вторым – точно в «задние ворота»; кремни

¹ На это пронизательно указывал Чуковский: «...Именно при помощи своих фантазий <...> книга утверждает ребят в реализме. Самый хохот, с которым встречают они каждую авантюру Мюнхгаузена, свидетельствует, что его ложь им ясна. Они <...> потому и хохочут, что всякий раз противопоставляют его измышлениям реальность. Тут их боевой поединок с Мюнхгаузеном, поединок, из которого они неизменно выходят каждый раз победителями. Это-то и радует их больше всего. <...> “Ага, ты хотел нас надуть, не на таковых напал!” <...> спросите ребят, поверили ли они хоть единому слову Мюнхгаузена, – они прыснут вам прямо в лицо» (Чуковский К. От двух до пяти // Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М., 2012. С. 188–189).

² «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым» (Гоголь Н. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору // Гоголь Н. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 4. М.–Л., 1951. С. 101).

³ А. Григорьев: «Углубляясь в свой анализ пошлости пошлого человека, поддерживаемой и питаемой миражной жизнью», Гоголь «додумался до Хлестакова» (Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 1. М.–Л., 1936. С. 253).

⁴ См.: Макаров А. «Приключения барона Мюнхгаузена» // Бюргер Г.А.; Распе Р.Э. Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу друзей. М., 1985. С. 293–294.

Münchhausen

O. Bierbach pinx.

Münchhausen

O. Bierbach pinx.

Приключения Мюнхгаузена. Серия открыток. Verlag Farbenphotographische Gesellschaft m.b.H. Середина 1930-х. Художник Оскар Эрфурт. (Правая картинка иллюстрирует историю про медведя, похожую на ту, что мы приводим: тут тоже нечто соединяет пасть и «задние ворота» зверя, но это не ружейный кремень, а оглобля)

сталкиваются в утробе медведя, высекают искру, и медведь взрывается¹. Хлестаков тоже врет по прямой – дискретными рывками «по восходящей шкале социальных ценностей»², с ускорением и прогрессией: «Курьеры, курьеры, курьеры <...> тридцать пять тысяч одних курьеров».

Другое дело – Врунбель. «Сатиры у Некрасова нет»³; «Злодей с политической окраской» лишен мотивировки⁴, – сигнализировали критики после выхода «Приключений» отдельным изданием (1939). И точно: обличительные страницы повести только претворяются сатирой, а по сути – освобождают «себя от ответственности» (В. Шкловский)⁵, превращены в смешное как «самоцель»⁶. Соответственно, врунбелевские враки не обременены никакими высшими целями, начисто избавлены от серьезного второго плана и социального подтекста. Удивительнее всего то, что такой тон взят как раз в 1937 и 1939 году, когда литература, в том числе и

детская, испытывала на себе страшное давление цензуры, редакторского диктата и политического заказа!

Следствие этого избавления от сатирической «нагрузки» – нелинейность вранья в некрасовской повести, отказ от его прямой, полезной направленности и, в результате, его «беззаконная» вездесущность. «Врунбель врет, значит все можно, – возмущался один из первых рецензентов книги. – Какой тут отбор, какая селекция! Дозволено решительно все, найдена золотая жила, можно ее разрабатывать без ограничений»⁷. Вот именно – «без ограничений»: стихия вранья расширяющимися волновыми кругами распространяется по врунбелевскому взрослому миру, захватывая и заражая самые разные ценности и смыслы; с чем ни столкнется яхта «Беда», плавающая по свету, то сразу же становится завиральным – явно или скрыто. «Все можно», «дозволено решительно все» – такова реакция критика на стирание границы между достоверностью и небывальщиной, уравнивание правдоподобного и лживо-несообразного, превращение всякой идеи в смеховой фантом.

Конечно, в «Приключениях капитана Врунбеля» и в помине нет ни обесценивания, ни издевательского отрицания; не слишком злоупотребляет Некрасов и снижением высоких смыслов. Смелость повести в другом: попадая во врунбелевский завиральный круг, ценности облегчаются до предела,

лишаются всякой серьезной «нагрузки» – и так превращаются в смеховые ценности, в ценности-понарошку, которыми можно забавляться, жонглировать так и сяк.

Круги вранья в повести расходятся от ценностного центра к периферии. В центре этих концентрических кругов вращаются как раз те идеи, которые составляли в тридцатые годы содержательную основу детской и юношеской литературы, – требования осваивающего мир познавательного поиска, переделывающей мир предприимчивости и преодолевающей все препятствия героики.

От книг для детей и юношества в то время прежде всего ждали познавательной полезности и занимательного обучения, по образцу романов Жюль Верна. Так,

¹ Бюргер в своем добавлении к этому шванку обнажает прямолинейно-логическую природу мюнхгаузеновской выдумки: «Если верить слухам, то когда подобные камешки, ловко направленные а posteriori, крепко сталкивались с камешками, брошенными а priori, они заставляли взлететь на воздух не одного сварливого ученого и философа» (Бюргер Г.А.; Распе Р.Э. Указ. соч. С. 25–26).

² Лотман Ю. О Хлестакове // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 306.

³ Шкловский В. Указ. соч. С. 45.

⁴ Рахтанов И. Тратат о природе вранья или сигнал бедствия / Детская литература. 1939.

№ 7. С. 23.

⁵ Шкловский В. Указ. соч. С. 45.

⁶ Рахтанов И. Указ. соч. С. 22.

⁷ Там же. С. 23.

в песенке И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача из кинофильма «Дети капитана Гранта» (1936) к «веселому ветру» обращаются не с просьбой (как в пушкинской «Сказке о мертвой царевне»), а прямо-таки с требованием («а ну-ка...») – поведать обо всем на свете и всему научить:

Спой нам ветер про дикие горы,
 Про глубокие тайны морей,
 Про птичьи разговоры...

.....

Спой нам ветер про чащи лесные,
 Про звериный запутанный след,
 Про шорохи ночные...

Надо сказать, что книга Некрасова с полной готовностью откликается на этот призыв. Ведь недаром же Врунгель – преподаватель, да еще обращающийся к ученику: он бодро насыщает свой рассказ научно-технической информацией, энциклопедически подобранными сведениями и выкладками. Тем забавнее происходящее каждый раз обнуление «эвристического кода»¹, шутовской кульбит познавательного в чудесную нелепицу. Тактика капитана как-то особенно лукава, не без коварства по отношению к педагогической серьезности. Он исходит из научно-достоверного тезиса или посылки – скажем, «свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении» – только чтобы реализовать стершуюся формулу и обратить урок в образный вздор: «И представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла [к суше – М.С.]. А я еще удивлялся: откуда такие красивые кустики на берегу?» Врунгель обстоятелен, деловит, поучителен наподобие седобородых профессоров из кинофильмов тридцатых годов: «Ошибаетесь, молодой человек!»; «В дальнейшем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном...», но разрешением всех его учительских заходов каждый раз остается смех и только смех.

Не менее комичны в «Приключениях капитана Врунгеля» и отзвуки героической и преобразующей тем – отчеканенных в формулы припевом той же песни из «Детей капитана Гранта»:

Кто весел – тот смеется,
 Кто хочет – тот добьется,
 Кто ищет – тот всегда найдет.

Роберт Грант (актер Яков Сегель) поет про ветер. Кстати, экранизации приключенческой классики были не только познавательно полезны, но и идеологически верны. Так, в другом фильме В. Вайнштока (где он был и режиссером, как в «Детях...», и сценаристом), в «Острове сокровищ», вождь ирландских повстанцев доктор Лайвеси отправляется за кладом Флинта, чтобы купить оружие для борьбы. На фото: Дженни Гокинс (да-да, Джим сменил пол; актриса Капитолина Пугачёва) исполняет на трубе зачин песни с рефреном «Кто не с нами, / тот и трус, и враг»

¹ См.: Барт Р. С чего начать? // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 408.

Главное в идеологической установке второй половины 1930-х годов – это легкость перехода от желаемого («хотеть») к свершению («добиться»), причем воз-

веденная в закон: «Кто ищет – тот *всегда* найдет». И что же? Некрасовская повесть доводит эту легкость до гротескного автоматизма, как если бы «по щучьему веленью, по моему хотенью» было поставлено на конвейер¹.

¹ Р. Барт находит уже у Ж. Верна «код трансформации», выражающийся в таких свойствах его дискурса, как пластичность окружающего мира и легкость перехода от желания к преобразующему действию: «...В ней [природе – М.С.] всегда кстати находится все необходимое (хочешь ловить птиц на удочку? – тут же, *поблизости* оказываются и лианы для лесы, и колючки для крючка, и черви для приманки); трансформация «всегда строится на неожиданности, зачастую как загадка (быстро разгадываемая). Во что бы такое можно превратить тюленей? – Ответ (отсроченный по закону повествовательной задержки): в кузнечные меха и свечи. Не только наука (она здесь лишь предлог), но и прежде всего сам дискурс требует, чтобы, во-первых, начало и конец такой операции, исходное сырье и конечный продукт (водоросли и нитроглицерин) как можно дальше отстояли друг от друга, а во-вторых, чтобы согласно принципу бриколажа каждый природный или извне полученный предмет извлекался из своего рода “здесь-бытия” и использовался в неожиданном применении; так, полотнище аэростата, многофункциональное в силу своей бросовой природы (обломок аварии), превращается и в белье, и в мельничные крылья» (Барт Р. Указ. соч. С. 406, 409).
² Ср. в «Мюнхгаузене»: «Да, как я уже говорил, в жизни всегда нужно уметь найти выход» (Бюргер Г.А.; Распе Р.Э. Указ. соч. С. 21).

В таком духе Некрасов вышучивает, например, тему спасения терпящих бедствие – и это в эпоху, когда у всех на слуху челюскинская эпопея (1933). Наспех применив ретардацию (поломка радиоприемника), писатель тут же подбрасывает фарсовое решение: Врунгель принимает радиосигнал о координатах гибнущего судна дуплом больного зуба: «И никакого усилителя не нужно, и никакой настройки – больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью». И, не давая опомниться читателю, сразу же за одной сюжетной выходкой следует другая: Врунгель и Лом принимают на борт «Беды» тонущий экипаж, восемь раз пролетев на гребне волны прямо над палубой норвежского судна и так вытащив за шиворот всех членов команды. Все эти трюки как ни в чем не бывало оркестрованы морскими терминами и выкладками: «зашел на ветер», «оверштаг», «фордевинд», «осадка» – и завершаются мюнхгаузенской присказкой: «А всё находчивость!»² Яхта «Беда» дает побеги и прирастает к берегу, перепрыгивает тонущее судно на волнах и взлетает к облакам от кашалотового чиханья, переворачивается, притворяясь подводной лодкой, висит между скалами и на верхушке айсберга, получает ракетное ускорение за счет вышибания пробок из бутылок с газированной водой. Сюжетная среда, рассекаемая яхтой, податлива и пластична, повинуюсь любому извлекаемому писателем чиху или хлопну. В такой среде как преодолевающее, преобразующее усилие, так и героическое деяние неизбежно опрокидываются в забавно-гротескную стихию.

Если одни ценности «Приключений» втянуты в фабульный центр врунгелевского мира, в пучину чистого вранья, то другие ценности отброшены на сюжетную периферию – в область риторических оборотов, описательных штампов, эмоциональных формул и глубокомысленных максим. Вроде бы на этих уровнях уже нет почвы для баек и переиначивания вещей, но не тут-то было: подхваченная завиральной волной, любая ценностная фигура или виньетка становится – врущей.

Взять хотя бы идею стремящейся за горизонт романтики (того, что в песенке И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача именуется «синими просторами»: «Спой мне песню <...> // Про синие просторы, // Про смелых и больших людей»). Стоит

Врунгелю перейти на язык романтических клише, как в повести тут же начинает ощущаться оттенок прутковской или зощенковской интонации, затем во врунге-

левской скороговорке чудится озорное подмигивание и наконец читатель догадывается: «Вроде бы не врет и все же врет».

«Дальнее плавание, – рассуждает капитан... – Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А “плавание”? Плавание – это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит, так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги».

Впечатление зарапортовавшейся выдумки возникает здесь не только оттого, что Врунгеля несет, что он договаривается до очередных гипербол (астрономия и Колумб). Невинный обман капитана тоньше: он жестом фокусника-буффона подсовывает банальность вместо озарения, риторический восторг подменяет прутковским «фонтаном», а затем разоблачает себя демонстративным перебором хвастовства: «чувствуешь себя <...> звездой»; «я <...> или Колумб». В итоге романтика становится только поводом сменить смеховую тональность; выражаясь языком Ф. Шлегеля, она становится жертвой, горючим материалом¹ вранья.

Тот же казус с вопросами морали или любованием природой. И опять-таки – дело не только в идее этической относительности, не только в том, что человек высоких моральных качеств Лом в некотором смысле приравнен к шулеру Фуксу (один держит курс по запаху спиртного, другой выполняет команды по картам из колоды; добропорядочность одного приводит к недоразумениям, тогда как недобросовестность другого выручает команду). Дело даже не в лукавых метафорических трюках, когда чувство долга Лома (надо прыгать со скалы) не срабатывает без приближающего бинокля. Фокус в другом: два чуда в системе Канта – красота природы (звезды над головой) и моральный закон – становятся всего лишь составными элементами в риторической системе врунгелевского вранья. Просто пародийные пейзажные штампы чаще всего предваряют порыв вранья, а моральные оценки – обычно завершают. Если, например, Врунгель передразнивает лермонтовский «Парус»: «Снасти стонут. Мачта скрипит»; «...волны хлещут, ветер свистит» – или идет на натурфилософские ужимки: «В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина»; «Я немного художник в душе. Величественные картины природы волнуют меня до чрезвычайности», то это значит, что надо ждать новой порции небылиц. Если же следуют краткие этические отбивки: «Это как-то нехорошо»; «Не в моих правилах»; «А где доллар вмешался, добра не жди», то это значит, что очередной завиральный период завершен и надо ждать нового захода.

Волновая инерция комической выдумки приводит Врунгеля к опасной черте. Он не может остановиться и сменить тон, даже попадая в поле идеологии и международной политики. То, что в 1937–1939 годах рассуждения о фашизме и империализме ведутся на гребне вдохновенного вранья, право, граничит с невероятным. Например, один из первых политических зигзагов повести (эпизод с пи-

¹ См.: Берковский Н.Я. Эстетические позиции немецкого романтизма // Литературные манифесты немецкого романтизма. Л., 1934. С. 35.

ратами) следует сразу после гэгга с определением времени по гринвичским петушкам: результат – заражение смехом и дискредитация политической грамоты нелепостью. Важнее, однако, другое: как только экипаж «Беды» оказывается затянут в политику (чему, надо сказать, команда яхты всячески сопротивляется), действие тут же становится потешным, а конфликтующие персонажи оборачиваются шутовскими масками. К концу книги, когда враждебный адмирал Кусяки выступает в маске самого капитана Врунгеля, политическая игра уже окончательно перепрыгивает в самозабвенный бред, становится совершенно неразличимой в потоке вранья и буфонады.

Такова, так сказать, отрицательная программа «Приключений капитана Врунгеля»: опрокидывание всех ценностей взрослого мира в комическое, в водоворот «безответственной» выдумки. А в чем же положительная программа? В игре без границ, в которой участвуют все элементы текста. С чего начинается путешествие? С игры слов. Как только яхта «Победа» превратилась в «Беду», это стало источником постоянного дивертисментного острословия:

«– Есть погулять до обеда! – гаркнул Лом, да так, что птицы тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Бéда... бéда... бéда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударение не там, но все же, знаете, приятно и удивительно».

Для «Врунгеля» особенно характерно стремление к исчерпанию всех возможностей игры: пока, скажем, автор не отыграл весь потенциал этого коррелята: «Победа» – «Беда», он не успокоился.

Не менее значима для повествования и сказа «Приключений» ритмическая игра – например, постоянная смена темпа вранья: от «адажио» пародийных пейзажей и сентенциозных рассуждений («миля за милей глотали пространство») к «аллегро» («Зунд, Каттегат, Скагеррак») и даже «престо» («Три пробки залпом вылетают с громopodobным звуком, падают в море подбитые чайки, содовая льется, вода за кормой кипит»).

Но важнее всего в повести Некрасова, конечно, игра с вещами, представлениями, категориями – переворачивание, подбрасывание, парадоксальное использование. Вот Врунгель и Лом гуляют по норвежскому лесу: «На деревьях белки, птички какие-то: “чик-чирик”, а под ногами сухие сучья трещат»; «Куда ни посмотришь, везде ягоды, ягоды, одни ягоды...». Таковы исходные данные игры: согласно ее условиям, читатель должен быть начеку – за какую нить потянет автор? Из элементарного образного ряда выбраны белки, и далее, еще две главы, они станут одним из самых эффектных средств повествовательной эквилибристики, выполняя трюки то на первом плане врунгелевских анекдотов, то на втором.

Один из первых рецензентов повести, Исай Рахтанов, посвятил целый возмущенный пассаж другой врунгелевской игре – с голландской селедкой и особенно негодовал

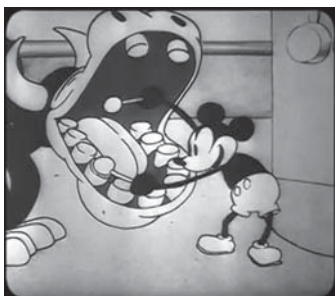

«Беличьи» иллюстрации
Константина Ротова

по поводу внезапного обрыва «селедочной темы» в повести.¹ Педантичному критику явно было невдомек, что автору просто надоело затянувшееся жонглирование образной игрушкой, и он отбросил ее, как это делают дети.

Намного пронизательнее и гибче оказался другой рецензент – Лев Кассиль, остроумно сравнивший «Врунгеля» с диснеевским Микки Маусом: «Простые вещи сегодняшнего обихода, скучные, будничные предметы вовлекаются в круговорот необыкновенных приключений и, отказавшись от своих законных служебных функций, открывают совершенно неожиданные скрытые свойства. Необыкновенное использование вещей не по их назначению, открытие в них смешных сходств»². То есть именно игра, по мнению Кассиля, объединяет автора «Врунгеля» и великого мультипликатора.

¹ Этот пассаж полностью процитирован в комментарии к настоящему изданию (см. с. 196).

Микки – матрос «Пароходика Вилли» (Walt Disney Productions, 1928) использует коровью челюсть как ксилофон

В некрасовской игре все идет в ход: закапывание страуса, длинная шея жирафа, сумка кенгуру, свойства лимона и огнетушителя, приливы и отливы. Некрасов никогда не устает тасовать свойства людей, животных, вещей и прилаживать их самым неожиданным образом. Все это дается только особой легкостью автора и его мира, только отказом от «нагрузки».

Такая игра с реальностью, ироническое развоплощение игры у Некрасова – не столько личное изобретение автора, сколько удачное использование старой, но обновленной новыми жанровыми задачами традиции. Литература и вне-литературные речевые жанры – не изолированные сферы, и Некрасов опирается не только на упомянутые нами вы-

сокие образцы, но и на древнюю, но вечно живую фольклорную область. Издавна мореходы делились друг с другом повествованиями о своих приключениях в морях и далеких странах, где все не так, как на родном берегу. Из таких морских историй рождается «Одиссея», но рядом с правдивыми и серьезными историями о необычайных приключениях живут их двойники: рассказы не совсем правдивые или совсем не правдивые, морские небылицы, обычай, который у русских моряков описывается получившим повсеместное распространение глаголом «травить». Для таких морских баек важен импульс чистого комизма, переворачивающего представления о реальности, вранья ради вранья (среди советских писателей-маринистов были подлинные мастера превращения этого жанра в литературу: например, Виктор Конецкий). Такие небылицы лукаво двунаправлены: морские люди оценят красоту травли, а профаны-салаги и сухопутные дураки примут все за чистую монету.

Не за счет ли отчаянной легкости игры Андрею Сергеевичу Некрасову чудом удалось в столь неблагоприятной для авторской свободы ситуации 1937–1939 годов реализовать именно то, что так увлекало молодого Шкловского – «пережить делание вещи»³? В окружении литературной советской мертвечины конца тридцатых годов вещи вдруг ожили на скромном островке «Врунгеля» – остранные (как сказал бы тот же Шкловский) ничем не сдерживаемой игрой и смехом.

² Кассиль Л. Кругосветное плавание несусветного вранья // Детская литература. 1939. № 7. С. 18.

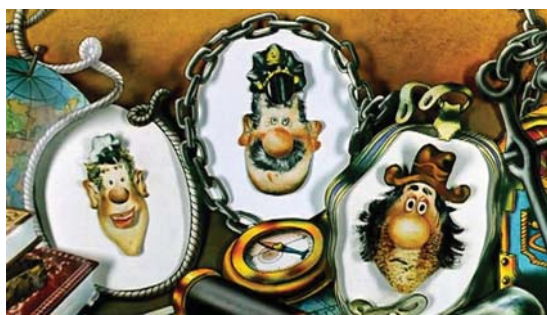
³ Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 15.

Галина Ельшевская Карикатурист Ротов и мореплаватель Врунгель

Рисунки Константина Ротова к «Приключениям капитана Врунгеля» – что называется, «культовые», легендарные. Они делались к первому, еще журнальному изданию¹ (тогда, собственно, самой книге предписывалось свестись к подписям под «картинками»), потом художник дополнял иллюстрации, но и автор порой вставлял в текст микросюжеты по мотивам рисунков. Между начальным и последним этапами работы прошло двадцать лет; восемь из них Ротов провел в лагере, и еще шесть – на поселении. Подобные биографические обстоятельства неизбежно «отсвечивают» на восприятие творчества (как способствует панегирическим интонациям в разговоре о творчестве и «личное» – что был любим, кажется, всеми), – но все-таки важнее то, что Андрей Некрасов, придумавший Врунгеля, безусловно предпочитал ротовские иллюстрации всем последующим. Да и многие из тех, кто оформлял книгу уже в более поздние времена, учитывали первоначальные типаж; они использованы даже в известном мультсериале 1976–1979 годов. Художник предвосхитил мультипликационную стилистику советского мейнстрима, когда она еще не сложилась, и обозначил некие принципы иллюстративного рисования, которым потом пред-

¹ Впервые Врунгель появился в 1937 году на страницах «Пионера» (№№ 1–9, 11–12). Формат публикации отчасти предвосхищал современный графический роман: большие картинки с подписями (текст «Приключений был для этого сильно сокращён и переписан»). Мы приводим начало, первый разворот «пионерского» Врунгеля.

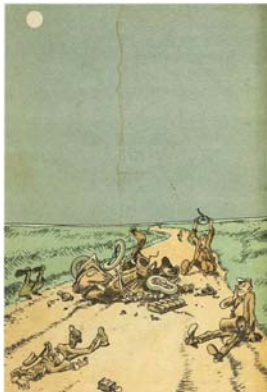

В 1976 г. растительности на головах и лицах героев предоставлялась бóльшая свобода

стоит сделаться общеупотребительными – особенно в книгах для детей. В этом смысле его иллюстрации могут считаться первопроходческими; и хотя автор не несет ответственности за своих эпигонов, сам контекст возникновения исходного проекта позволяет объяснить дальнейшее бытование заложенного в нем.

Неизвестно, по чьей инициативе к работе решено было привлечь именно Ротова – редакции ли журнала «Пионер», где «Врунбель» должен был печататься отдельными выпусками, или самого Некрасова, который лично уговаривал – и уговорил – художника. Но резоны такого приглашения в любом случае выглядели очевидными. К 1937 году у Ротова в активе было уже значительное количество иллюстрированных книг – в основном, детских (например, «Сказки» Чуковского, 1936), но также и взрослых, но непременно проходящих по разряду «сатиры» или близко к тому («Золотой теленок» Ильфа и Петрова, 1931). «Сатира» задавала тон, потому что главным делом Ротова все-таки была карикатура: постоянный (с 1922 года) сотрудник журнала «Крокодил», часто публикующийся и в других сатириче-

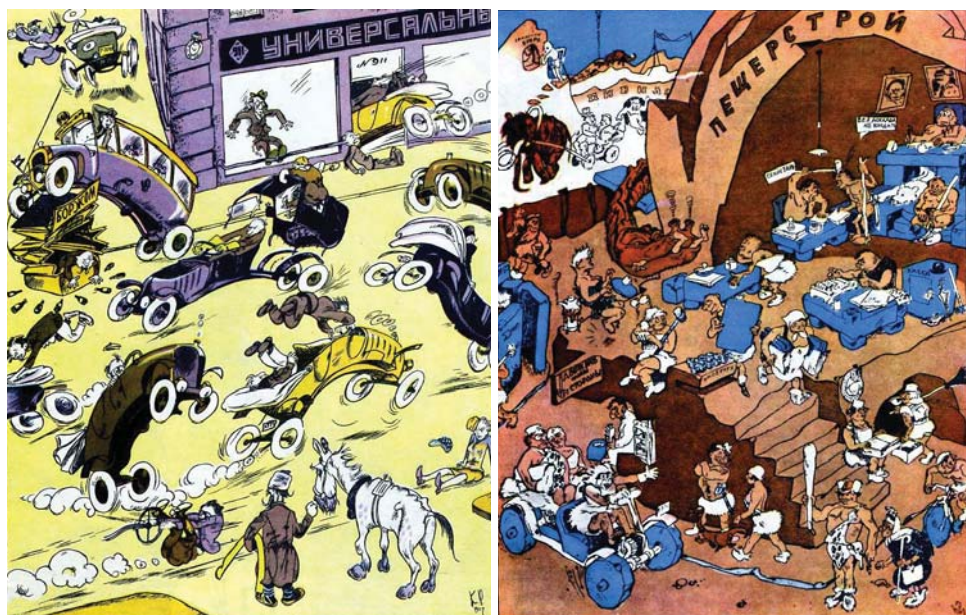

К.И. Чуковский.
Сказки.
М.: ОГИЗ,
Детгиз, 1935.
И. Ильф,
Е. Петров.
Золотой теленок.
М.: Федерация,
1933.
Иллюстратор
обеих книг –
Константин
Ротов

ских журналах («Бегемот», «Смехач», «Чудак», «Прожектор» и так далее), как раз в этом качестве он был признан, прославлен и востребован. «Приключения капитана Врунделя» считались книгой для детей, книга была явно веселая и не без сатирических моментов: все совпадало.

Замечательно при этом, что ротовская сатира никогда не бывала ни гневной, ни бичующей. В его карикатурах, как положено, "обличались недостатки" – ка-

чество питания в столовой (директору столовой обед приносят из дома), волокита, транспортная давка, – но тяготели они скорее к шаржу или юмореске, чем к "боевому карандашу". А если в связи с этим говорить о языке, то юмор, в отличие от сатиры, не требует плакатных, рассчитанных на мгновенную реакцию, художественных решений: он предполагает иную длительность восприятия. Ротов умел в случае необходимости создавать вполне знаковые конструкции (в обложках и собственно плакатах), но в целом такой лаконичный «формализм» был ему чужд. Истинная его стихия – в подробностях, в затейливой повествовательности, в стремлении изобразительно "обсказать" ситуацию, досочинив детали и "околичности". Порой композиции с людскими толпами, увиденными с высоты птичьего полета, кажутся предвосхищением картинок в современных детских книжках-искалках (Wimmelbuch). Линия извилиста, штрих непоседлив, любая форма желает раздробиться и умножиться, – позже примерно такое рисование делается едва ли не каноном «крокодильской» графики и косвенно повлияет на канон советской мультипликации (в последнем случае счастливо соединившись со стилистикой анимации

К. Ротов, 1927. Сильное впечатление от лошади (через два года на улицах Москвы).
справа: Во тьме времён (канцелярия каменного века), внизу – шарж на солдагерника (1950)

Уолта Диснея, чей Микки Маус стал известен в России с середины 1930-х). Но это случится потом; пока же чисто жестовая потребность заполнить поле листа неким сюжетом, сделать его многонаселенным и многопредметным – личная особенность художника. Она отзовется, в числе прочего, и совершенно жутким образом, когда заключенный Ротов окажется в одиночной камере и, чтобы не сойти с ума, будет рисовать обмылком на одежде – увидеть нарисованное почти нельзя, обмылок как симпатические чернила, но рука сама выстраивает пространство, в котором есть возможность выжить.

По воспоминаниям Андрея Некрасова, при первой их «деловой» встрече художник, задавая вопросы про устройство яхты и прочие технические тонкости, беспрестанно делал зарисовки в блокноте – фиксировал ответы? а скорее создавал атмосферу, довольно непростую для визуального оформления. Врал ли Врунгель? вполне ли верит ему рассказчик? как соотносятся фигуры скромного преподавателя навигации и героического мореплавателя? Как «не пережать» с шаржированием, но сохранить юмор этой вроде бы абсолютно всерьез излагаемой саги? И возможно ли вообще передать в иллюстрациях игру слов, на которой повествование в значительной мере построено? Где специалист по картам – предположительно навигационным – оказывается карточным шулером, требование начистить арматуру «чтоб огнем горела» приводит к корабельному пожару, а приказ «трави кошку» звучит угрозой судовому коту? Сложность работы заключалась еще и в том, что первоначально не рисунки должны были сопровождать текст, но наоборот, тексту надлежало сократиться до развернутых подписей к рисункам; таким образом, задача удержать внятность всей сюжетной канвы в значительной мере делегировалась как раз иллюстратору, выступающему как «первое лицо» в изготовлении комикса. (К слову – опыт работы в жанре комикса – или протокомикса – у Ротова был: он учился в плакатной мастерской у В. Маяковского и В. Черемных и работал в Ростовском отделении Окон РОСТА¹, где этот жанр был основным). Такой предписанный буквализм, почти не оставляющий простора для собственных «сочинений».

Тем не менее, Ротов сочиняет – точнее, досочиняет детали. Устраивает, например, свои любимые людские скопища не только там, где это естественно (при спуске яхты на воду или в потасовке в английском яхтклубе), но и там, где это текстом вовсе не предусмотрено – скажем, боксерский поединок Врунгеля и Арчибальда Денди у него происходит в присутствии зрителей. По-своему обставляет интерьеры – что комнату Врунгеля (там на столе явно не случайно оказывается не упомянутая в описании бутылка), что кабинет директора зоопарка Гаденбека (натурально, его населяют звери и тигр по-кошачьи трется об спину директора), что музей города Сиднея. В истории с айсбергом, едва не погубившем корабль, действует не тюлень, а морж (потому что он фотогеничнее? или все-таки потому что именно его чучело украшает комнату капитана?), а чайки, подстреленные пробками от сельтерской воды, потом войдут в книгу – автор воспользуется находкой художника. Его находками много позже

¹ Российское телеграфное агентство (РОСТА) издавало в 1919–1921 годах серию агитационных плакатов «Окна сатиры РОСТА».

воспользуются и создатели мультсериала по мотивам повести: и мизансценами-раскадровками, и, конечно, портретами, среди которых самый выразительный – портрет главного героя. Круглый человечек в галстук с секстантом в руке, в первом «эпизоде» действительно, согласно тексту, похожий на отставного аптекаря, преобразуется в покорителя морей, не потеряв в пухлости, но лишь сменив мирное пенсне на капитанскую фуражку и трубку, дымящую при любых обстоятельствах; новые атрибуты волшебным образом меняют и выражение лица. Очень смешной Врунгель и очень бравый, пузом вперед преодолевающий все препятствия; довольно сложно дать облик персонажу, которому суждена долгая жизнь (как Винни-Пуху или Муми-троллю) – Ротову удалось.

Невероятные подробности приключений Врунгеля складываются, при всей невероятности, в травелог, вполне конкретно привязанный к путевым ориентирам: в Голландии селедка, в Австралии кенгуру, в Египте фараоновы гробницы. В гораздо меньшей степени он привязан ко времени: эпизоды, включающие геополитические реалии (в Италии фашисты), изменялись с переизданиями книги, поскольку изменялись и сами реалии. Но есть еще одна константная привязка: к литературной традиции, внутри которой капитан яхты «Беда» находится в косвенном, а иногда и в прямом родстве с многими великими фантазерами, квази-путешественниками или даже просто бахвалами. Не только с бароном Мюнхгаузеном, но и с Тартареном из Тараскона Альфонса Додэ, с конан-дойлевским бригадиром Жераром; а, возможно, даже с Гулливером или Сирано де Бержераком, описавшим свое путешествие на Луну. Книги о них многократно иллюстрировались, и опыт этого иллюстрирования никак не мог не учитывать художник, выстраивая «генеалогию» героя. В рисунках Ротова есть отсылки и к иллюстрациям Гранвиля и Чарльза Эдмунда Брока к «Путешествиям Гулливера», и – особенно – Гюстава Доре к «Приключениям барона Мюнхгаузена». Отсылки не только в штрихе, имитирующем гравюрный, но порой и в композициях: так, например, рисунок, где Врунгель организует «пингвиноподъемник», очень напоминает сцену, в которой Мюнхгаузен нанизывает уток на собачий поводок с приманкой, или другую сцену – с куропатками на шомполе. Впрочем, это сходство дополняется

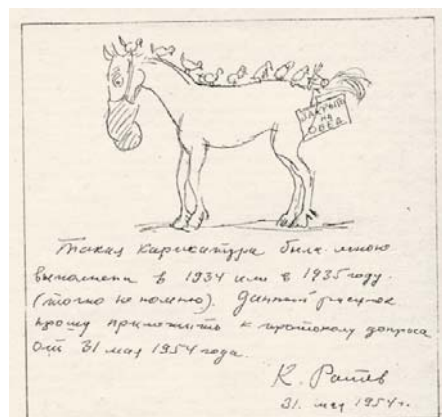

Гулливер в Бробдинггее работы Ж. Гранвиля (1870, слева) и Ч.Э. Брока, 1894, справа: иллюстрация Г. Доре к «Приключениям Мюнхгаузена» Р.Э. Распе, 1860-е

сходством ситуаций. Ведь сюжеты с чихнувшим кашалотом, с акулой, чью пасть сводит от метко брошенного лимона, или удавом, внутри которого вспенивается огнетушитель, восходят к рассказам Мюнхгаузена, где великан ветром из ноздрей отправляет обратно в гавань турецкий флот, лев застревает в пасти крокодила, а большие рыбы заглатывают, но потом исторгают то семьдесят пять кораблей, то самого героя (про связь последнего эпизода с историей Ионы в китовом чреве можно даже не упоминать). Так что «культурный слой» иллюстраций отчасти задан самой литературной основой.

Гротеск, таким образом, наследует и следует гротеску. В рисунках Ротова, как и в повести Некрасова, почти нет статичных мизансцен: персонажи передвигаются бегом и вприпрыжку, если и вовсе не летают по воздуху вверх тормашками – текст активно предоставляет им и такую возможность. Художник довольно тонко подчеркивает единство фабулы: чучело моржа в комнате Врунгеля – это тот самый живой морж, который потом станет причиной гибели корабля, а страус, мстящий Фуксу за апроприированное перо, после застынет чучелом в музее Сиднея. Характерно, что эти детали – именно «от иллюстратора», в книге их нет. Но возможно визуально акцентировать и то, что не образует повествовательного пункта. Например, увидеть ритмическое единство косяка селедок и прыгающих с утеса белок, или усилить метафору «белки в колесе», не только дважды изобразив это самое колесо (в кабинете Гаденбека и на яхте, которую белки приводит в движение), но устроив еще и беличий круговорот в капитанской каюте – в сцене, где герой лечит больной зуб посредством радиоантенны (согласно тексту, кстати, в это время белки были заперты в трюме). Рассказчик дополняет рассказчика.

Это умение выстроить подробный рассказ во второй половине 1930-х годов оказалось еще и официально поощряемым: внятное предметное «изложение» выглядело искомым реализмом. Юмор тоже не возбранялся, когда гротескное не переходило грань «искажения формы» и не могло быть трактовано как идеологическая ошибка или диверсия. Последнее обстоятельство погубило Ротова: его арестовали в 1940 году, на пике славы и успеха – якобы за карикатуру шестилетней давности (ну, и за шпионаж в пользу Германии – как без того). Злосчастная

«Такая карикатура была мною выполнена в 1934 или в 1935 году (точно не помню). Данный рисунок прошу приложить к протоколу допроса от 31 мая 1954 года. К. Ротов. 31 мая 1934 г.»

карикатура – неопубликованная и существующая лишь в «крокодильском» редакционном альбоме – фигурировала затем и в протоколе допроса художника 1954 года, после освобождения, и в реабилитационных документах. Ее незамысловатый, но несколько brutalный сюжет (воробыи, питающиеся лошадиным пометом, выстроились в очередь по хребту поедающей овес лошади по направлению к хвосту, на котором висит табличка «Закрыто на обед»), по слухам, вызвал смех у Сталина; на это ссылался сам Ротов. Даже если история и не апокрифическая, то «верховное одобрение» не спасло автора от всего, что ему предстояло пройти. Как уже говорилось, восемь лет лагерей, шесть ссылки.

Но он выжил и вышел. Вернулся в «Крокодил». Оформил множество детских книг и создал других «культовых героев», от старика Хоттабыча до дяди Степы с лицом артиста Баталова. Среди этих героев были барон Мюнхгаузен, Тартарен из Тараскона и Гулливер (в рисунках для открыток) – Врунгель обростал предками, включался в череду «фамильных портретов». И оставался в этой галерее на почетном месте.

Работы Константина Ротова: Дядя Степа. М.: Детгиз, 1960. Старик Хоттабыч, М.: Детиздат, 1940 (иллюстрации переработаны в 1958-м). Тартарен из Тараскона. Наши знакомые [Изоматериал]: 16 открытых писем, М.: ИЗОГИЗ, 1958

Мария Терещенко «Ведь улыбка – это флаг корабля...»

Один из самых знаменитых советских анимационных сериалов «Приключения капитана Врунгеля» был создан режиссером Давидом Яновичем Черкасским на студии «Киевнаучфильм» в конце 1970-х гг. К моменту завершения производства 13-серийный (130-минутный) «Врунгель» стал самым длинным сериалом в истории советской анимации (через год его догнал, а через пять лет перегнал «Ну, погоди!») и единственным масштабным «горизонтальным» (имеющим сквозной, неделимый сюжет) мультсериалом отечественного производства.

Давид Черкасский
в 1960-х (первые годы
работы на студии
«Киевнаучфильм»)
и в конце 1970-х годов

Его создание заняло четыре года (1976–1979) работы довольно большой команды (одних только художников в творческой группе работало в разные моменты до десяти человек). По нынешним индустриальным временам такие цифры не впечатляют, но в конце 1970-х и жизнь анимации в целом, и быт конкретно «Киевнаучфильма» выглядели совсем иначе. 10-минутный мультфильм создавался восемь–девять месяцев, так что 30 минут за год казались титаническим трудом. Участники съемок вспоминают, что работали, бывало, по 14–16 часов, и месяцами ночевали на студии на специально закупленных для этого раскладушках.

Жесткость сроков объяснялась тем, что фильм делался по заказу Центрального телевидения – объединения «Экран», с которым «Киевнаучфильм» в те времена плотно сотрудничал. Из центра же пришел первый сценарий, который, впрочем, был сильно переделан режиссером Давидом Черкасским во время работы.

«Когда меня вызвали и сказали, что я надо снимать «Приключения капитана Врунгеля», я очень обрадовался, – рассказывает Черкасский. – В детстве, до войны «Врунгель» был моей любимой книжкой. Правда, больше не из-за текста, а из-за иллюстраций Константина Ротова. Собственно, наш главный персонаж похож на то, как изобразил Врунгеля Ротов. Но когда я прочитал сценарий... Это был хороший сценарий, забавный, интересный, но очень... литературный. Просто последовательный рассказ о путешествии. В нем не хватало драматургии, и я понимал, что хорошего сериала по нему не сделать. И тогда, я уже не помню, каким обра-

зом, придумалась эта история с кражей Венеры. Так появилась вторая линия, а вместе с ней Шеф, гангстеры, Фукс – и много всего другого».

Придуманный сюжет определил многое – и в работе над сериалом и в его последующем успехе. Главным образом потому, что история сразу перестала выглядеть исключительно детской: кражи, взломы, аферы, разговоры о контрабанде и бюрократии, выстрелы, тюрьмы, финансовые операции, алкоголь бьет фонтаном (в том числе и буквально: «Беда» финиширует первая, благодаря нескольким ящикам бутылок шампанского, которые, благодаря смекалке

Врунгеля, срабатывают как турбодвигатель)... не говоря уже о табакокурении: Шеф курит сигару, а Врунгель не вынимает изо рта трубку, с особенным смаком затягиваясь в моменты смертельной опасности. В то же время, в отличие от многих других взрослых мультфильмов, «Врунгель» не был ни антибуржуазной сатирой, ни нравоучением, ни заумным экспериментальным кино... Это был сериал именно для широкого семейного зрителя, в котором каждый мог найти свое: один – песню о русской баньке, другой – цитаты из «Желтой подводной лодки», третий – аллюзии к черно-белым гангстерским фильмам американского производства, а кто-то и краткую юмористическую историю культуры разных народов.

Неудивительно, что «Врунгель» мгновенно стал чрезвычайно популярен у всех слоев населения. Понравился он даже чиновникам: первые же серии приняли на «ура», без правок, а авторский коллектив получил благодарственную правительственную телеграмму. А уж зрителями «Врунгель» был любим сверх меры. «Про нас даже газета «Правда» написала, что где-то – уже не помню – во время премьерного показа очередной серии «Врунгеля» на полгорода вырубилось электричество, так как все включили телевизоры. Я, конечно, не думаю, что это правда, но такая статья была», – вспоминает Черкасский.

Увлекательный сюжет, яркие характеры, великолепные диалоги и гэги, хитовые песни, написанные композитором Георгием Фиртичем, все это так привлекало во «Врунгеле», что мало кто обращал внимание на художественную самобытность сериала. А с визуальной точки зрения «Врунгель» был также произведением новаторским и смелым. Во многом к такому художественному решению авторов подтолкнули бюджетные и временные ограничения («Мы все время пытались как-то схитрить, сэкономить», – говорит Черкасский), но в то же время эксперименты во «Врунгеле» очень органично связаны с предыдущими работами Черкасского и его постоянного соратника художника Радны Сахалтуева: сочетание разных художественных стилей, а также совмещение игрового и анимаци-

Кадры из мультипликационного фильма «Мистерия-буфф» (Киевнаучфильм, 1969).
«Условно выпущен на республиканский экран» (решение комиссии Госкино)

онного кино присутствует уже в «Мистерии Буфф» (полнометражной ленте, которую Черкасский закончил в 1969 г. – за 10 лет до «Врунгеля»).

Ради экономии и скорости работы на «Врунгеле» была выбрана техника «перекладки», которую называют еще «бумажные марионетки». Суть технологии заключается в том, что «актерами» на мультфильме становятся плоские бумажные куклы с шарнирными соединениями (в локтях, коленях и пр.), иногда также используются сменные головы и части лица (рты, глаза). Затем марионетки двигаются покадрово путем «перекладывания» отдельных частей бумажной куклы. Эта – пожалуй, самая простая и экономичная – техника имеет в тоже время ряд недостатков, сильно ограничивая творческую свободу и фантазию художников, так что зарубежные мультипликаторы зачастую говорят о ней с некоторым даже презрением, считая, что техника «перекладки» подходит только для малышей ТВ-шоу. Однако во «Врунгеле» эта технология заработала удивительным образом: немного разболтанные, с неправдоподобной амплитудой, движения, смещения частей тела относительно друг друга, отсутствие плавности – все это формирует уникальную пластику персонажей сериала, придавая им особое «дурацкое» обаяние. В то же время техникой перекладки Черкасский не ограничился, совместив ее с обычной рисованной анимацией и расширив тем самым амплитуду выразительных возможностей там, где это необходимо.

«Капитан Врунгель» вообще удивительно эклектичен. В комический условный рисунок художники вписывают вдруг фотографическое изображение или натурную съемку. Лесной пожар, кадры в телевизоре Шефа и, конечно же, практически все морские пейзажи сделаны с помощью натуральных кадров, прямо поверх которых добавлен иногда рисунок.

Этот прием, хоть и сокращал усилия и затраты, однако поначалу требовал некоторых технических новшеств. Для его реализации были построены специ-

альные станки, чтобы море не просвечивало. Сам персонажный слой был на верхнем уровне многоуровневого станка, поэтому режиссеру и аниматорам приходилось по сто раз за день подниматься-спускаться по лестнице. «И все равно мы работали легко», – не забывает добавить Черкасский, рассказывая про эти физические упрямства.

Как авторам удастся достичь абсолютной органики в такой мешанине – вопрос вопросов. Винить за уникальное решение фильма принято постоянного соратника Давида Черкасского – Радну Сахалтуева. О невероятном таланте Радны (работавшем до этого на «Мистерии Буфф», а впоследствии на «Докторе Айболите»

Радна Сахалтуев (в центре и справа – конец 1980-х, работа над мультфильмом «Остров сокровищ». На правой фотографии запечатлены также Давид Черкасский и Армен Джигарханян)

и «Острове сокровищ») и его уникальной способности «видеть кадр» рассказывают легенды. «Художники ведь как рисуют обычно: набрасывают общую композицию, а потом начинают прорисовывать уже в деталях, – рассказывает режиссер Игорь Ковалев, начинавший свою карьеру как мультипликатор на «Капитане Врунгеле». – А Радна берет чистый лист и начинает рисовать с левого верхнего угла, сразу тушью. Его спрашиваешь: «А почему ты так рисуешь? Не от центра а с верхнего левого угла?». А он: «Чтобы краску рукой не смазывать»».

Однако стоит всмотреться в титры сериала, чтобы обнаружить: фамилия Сахалтуева появляется во «Врунгеле» только на третьей серии, и то фигурирует он поначалу не в качестве художника-постановщика. «Когда мы начинали «Врунгеля», Радна как раз ушел со студии на вольные хлеба, – рассказывает Черкасский. – Так что мы начинали без него. С гениальной художницей Ниной Гузь. А Радна появился только через год – к четвертой серии, и то поначалу в ряду других художников и лишь еще через год стал вторым художником-постановщиком. Они как-то так хорошо сработались с Ниной, и разница между первыми эпизодами и эпизодами с Радной даже не очень заметна».

И впрямь, не очень заметна: как будто стиль почти не изменился, просто больше стало феерической фантазмагии, присущей работам Сахалтуева.

Стоит послушать Черкасского, фильм вообще снялся сам собой, без особых усилий. «Конечно, работы было много, но мы работали весело, без напряжения, – говорит Черкасский. – Все придумывалось на ходу. Никаких особых проблем не было, поскольку на проблемы просто не было времени. Мы сидели в одной комнате, и в ней постоянно стоял шум, потому что все обсуждали, кто-то что-то постоянно предлагал, какие-то идеи, розыгрыши, шутки... В общем, работали легко».

Феномен мультсериала «Капитан Врунгель» не сильно изучен в истории отечественной анимации. И еще меньше изучено влияние «Врунгеля» на последующее развитие мультипликации в России. Между тем, оно огромно. Именно на «Врунгеле» Давид Черкасский сформировался как режиссер, работающий для широкого зрителя и любимый широким зрителем. «До этого мы много снимали, но это все исчезало в никуда. Мы снимали, и никто, в общем, этого не видел. “Врунгель” принес мне популярность, — говорит Черкасский. — Меня начали узнавать, мне сразу поручили “Доктора Айболита”, потом был “Остров сокровищ”, в общем, пришла популярность». Однако этим значение сериала не исчерпывается. Не менее важно, что на «Врунгеле» начинали свою карьеру как мультипликаторы два режиссера — Александр Татарский и Игорь Ковалев. Спустя всего пару лет они делают в Москве «Пластилиновую ворону» и заставку к «Спокойной ночи, малыши», а еще через некоторое время создадут студию «Пилот». В пике «Союзмультфильму» и творческому объединению «Экран», они начнут создавать странные и сумасшедшие фильмы, экспериментировать с анимационными стилями, искать новые формы и приемы. И спустя годы из «пилотовской» лаборатории вырастет, в сущности, вся современная российская анимация (через «Пилот» так или иначе прошли худруки «Маши и Медведя» и «Смешариков», сорежиссер первой «Снежной королевы» и пр.)

«Капитана Врунгеля» называют «морским Мюнхгаузеном» из-за тех невероятных историй и приключений, которые происходят с заглавным героем. Как кита облепили банками и горчичниками, как заткнули вулкан пробкой, чтобы не извергался, как спасли белок от лесного пожара и провезли через границу в качестве транспортного средства, как купили крокодильи яйца, вместо страусиных, и обзавелись выводком маленьких крокодильчиков... Но стоит присмотреться... разве об этом получился мультфильм Черкасского? В сущности, он про удивительного человека — никогда не унывающего, никогда не теряющего невозмутимость, никогда не поддающегося панике, находчивого, смелого, благородного, открытого, честного, идущего по жизни легко и именно благодаря этому выпутывающегося легко из самых невероятных жизненных передраг, будь то столкновение с гангстерами или участие в регате. Когда спрашиваешь Черкасского, с кого он писал главного героя, он не знает, что ответить. Но те, кто знают Давида Яновича, наверное, согласились бы, что анимационный Врунгель в чем-то очень похож на своего создателя, легко и с улыбкой совершающего перевороты в анимации, снимающего большое кино с маленькими бюджетами в сжатые сроки и заражающего своим невероятным оптимизмом и азартом всех, находящихся рядом с ним на долгие-долгие годы.

«Наш любимый старик Врунгель...»: из писем А.С. Некрасова к И.Г. Дубровской

От публикатора

Судьба подарила мне несколько лет дружбы с Андреем Сергеевичем Некрасовым: мне случилось встречаться и переписываться с ним, получать книги, журналы, открытки, фотографии. В личном общении с писателем часто происходит двойное узнавание: автор помогает увидеть главное в персонажах, при этом познается характер их создателя, его жизненная и творческая позиция.

Некрасов создал характер большого шутника и мечтателя. Врунгель выполняет в повести функции Героя, выходящего победителем из самых сложных ситуаций, и традиционного Простака приключенческих книг. В нем слились черты Мюнхгаузена и удачливого персонажа русской сказки, в нем что-то и от самого автора. В образ капитана писатель вложил частичку себя: свое увлечение спортом, путешествиями, интерес к людям и странам. В фамилии Врунгель – уже тип, характер и намек на происхождение (очевидно, прибалтийское) и, как представлялось автору, намек на темперамент. Он относился к своему герою очень уважительно, как у Твардовского: «хорошо, когда кто врет весело и складно».

Основное в характере героя – уважительность, знание морского дела, юмор, склонность к рассуждениям, но начало всему – доброта. Автор вспоминал сценарий несостоявшегося, к счастью, фильма о Врунгеле, где капитан называет на «ты» своих помощников, глупо и грубо командует. Писатель не принимает такого Врунгеля. Он борется за то, чтобы тот оставался самим собой: отстаивает его характер и привычки, конфликтует с телевизионщиками, стремящимися сделать из Врунгеля надутого тупицу, при переизданиях отказывается от конъюнктурных изменений текста. Андрей Сергеевич рассказывал, с каким трудом ему удалось отстоять имя героя, когда в Киеве переиздавали книгу и заказали художнику новую обложку с заглавием «Пригоди капитана Брехунгеля»: «Я, понятно, на дыбы. Успокоили меня, а потом подтвердили Ротову: «Да, Брехунгеля!» Словом, пришлось повоевать» (письмо от 13.03.1984). За книгу, за героя автор боролся, в письмах – отголоски этой драматической истории.

Некрасов хорошо понимал, что чиновники от детской литературы хотели бы видеть его книгу «облагороженной». При подготовке в «Школьной библиотеке» юбилейного издания редактор Н.Е. Дубань присылает автору список обязательных (!) исправлений. Некрасов иронически цитирует разговор с ней и настроен очень решительно: «вот сейчас воюю». В другом письме – своего рода продолжение темы: «А я все воюю с графоманами, наивняками и нахалами. Представьте,

Ирина Дубровская,
май 1984 г.

иногда это даже приносит настоящее удовлетворение. Может, это признак старости, но тогда: «да здравствует старость!»» (9. 12. 1986).

Жестокий инсульт, результатом которого явился частичный паралич, очень осложнил жизнь писателя: «Друзья-ученики от полковника и выше разъехались по курортам, пишут бодрые письма, а мне по ночам снится море» (9. 10. 1985).

Некрасов увлеченно работает: в журналах появляются статьи, много времени занимают рецензии. Активно переиздаются «Приключения капитана Врунгеля», готовится еще один вариант комиксов для нового журнала «Миша»: «Помните, мы как-то говорили, что Христофор Бонифатьевич хорош под комиксным соусом? Так вот позвонили мне: продайте право на комикс. Я сказал, что не могу доверить старика в чужие руки... Ну, сделал. Понравилось. Теперь жду свидания с художником. Так что, видите: наш пострел везде поспел!» (10. 08. 1983).

Деньги от переизданий были очень кстати, потому что гонорары часто задерживали: «...вот нравы: подписано в печать в октябре! Прислали только что. А гонорар так и не платят. Звонил как-то, так мне сказали: “Стыдно, тов. Некрасов! Такие дела, а вы о деньгах”» (04. 1984). При этом Некрасова тревожил меркантилизм общественных отношений: «Мы все пытаемся “перестроить” “Пионер”, но что-то ничего не получается из этого. Даже вернуть журнал к уровню <19>30-х годов и то не хватает пороку. Видимо, читатель стал не тот, а может быть, и писатель изменился? Бывало, как на праздник, ехали в редакцию, днями там сидели, даже без дела, а теперь как-то стало, что любимым видом литературы стало “сумма прописью”» (09.12.1986).

Тем не менее, Некрасов не теряет присутствия духа, сдерживает себя, а в письмах свой взгляд на события и явления маскирует иронией: «Поплакать разве? Да не мастер я плакать! Ну, а в остальном остается благодарить судьбу за то, что в свои годы еще могу работать! Очень мне нравится это дело!» (03. 12. 1985).

Жизнь литературного героя продолжается и в других видах искусства: в мультипликации, в кино, на телевидении. Многосерийный мультфильм по мотивам его книги писатель вполне принял, а вот кинофильмы большой радости не доставили. Он не делал из этого тайны, высказывался откровенно и в печати, и в личном общении. Собеседники разделяли его недовольство. Письмо читателя К. из Саратова Некрасов переслал мне вместе с другими откликами. Этот поклонник его таланта делился с автором любимой книги своим зрительским мнением: «Врунгель дважды выходил на экран, и оба раза это не то, что должно быть. Мне просто непонятно это режиссерское пиратство. Очень прискорбно, что известные артисты соглашаются участвовать в таких “интерпретациях”, нисколько не заботясь о том, что марают свое актерское имя. На фоне этого сакраментальная фраза, сказанная Вам о том, что хорошему сценаристу совсем не обязательно читать Л. Толстого при работе над “Анной Карениной”, звучит вполне правдоподобно» (22.11.1982).

В этом же письме страстный призыв к автору написать продолжение: «Но вернемся к Врунгелю. Я уверен, что он “сидит” в Некрасове, как любой литературный герой в его создателе. Думаю, что у Вас немало материала, написанного или надуманного, по его приключениям. Почему же Вы, любящий жизнь и работу, не продолжите его приключения?».

Писателя увлекает работа над продолжением своей главной книги. И сразу находятся желающие подсказать, помочь. Предлагают рассказать о более ранних приключениях капитана или о тех, что были позже, но перед его окончательным «заякорением» в мореходном училище. Подбирают для продолжения новые смешные ситуации, чаще всего фантастические или игровые. Но, как и раньше, автор руководствуется логикой характера героя и не торопится включать эти, как он их называет, «гротески», в текст. И само продолжение не спешит публиковать.

Личное общение с автором знаменитой книги дало счастливую возможность более внимательно присмотреться к действию общего закона всякого творчества и заметить одну очень важную особенность. Отчуждения от законченного произведения здесь не произошло, потому что работа над ним в какой-то степени продолжалась в течение нескольких десятилетий: журнальный вариант – книга – второе издание – переиздания – диапозитивный фильм – сценарий мультфильма – новый вариант комиксов – продолжение. Следует назвать и небольшую книжечку «В гостях у капитана Врунгеля» – текст для чтения на английском языке. Автор его шуточно именовал «Малый Врунгель» (1976).

Некрасов – талантливый стилист, его письма отличает неистощимое остроумие, написаны они непринужденно и просто. Высокие слова, цветистые фразы ему абсолютно чужды. Редкие «прорывы» к истинным ценностям он спешит загладить, смягчить очередной шуткой: «Тут был как-то хороший ветер, так я просто скулить был готов, что не могу померяться с ним искусством. Не знаю, что написал про меня Михайловский, но яхтсменом я был “фирменным”, как теперь говорят... Очень глупо, но чем дальше живу, тем меньше времени на то, что хотелось бы делать! Словом, как в детстве говорили: если бы я был царь... Я слез бы за машинку и целыми днями стучал бы» (11.09.1984).

Андрей Сергеевич однозначно высказал свою волю в отношении тех своих писем ко мне, которые с некоторыми сокращениями впервые публикуются в этой подборке: «С моими письмами, конечно, можете поступать так, как Вам заблагорассудится. Никаких претензий с моей стороны не будет» (14.04.1983).

1. <18.12.1982> Дорогая Ирина Григорьевна!

С удовольствием увидел в утренней почте Ваше письмо и с еще большим удовольствием понял, что среди потерянных Вашего письма не было¹. Не совсем верно написал Графов о том, что я говорил².

Действительно, II часть «Врунгеля» написана, но дело не в том, что я не удовлетворен ею, а в том, что я вообще не хочу публиковать ее при жизни. Читатели не так уж и проиграют – жить мне осталось недолго, а после смерти найдутся такие члены в комиссии по наследству, которым захочется опубликовать неопубликованное, на которое я имею право, хоть я и не Хемингуэй. Дело в том, что вторые части, как правило, хуже первых, хотя тешу себя мыслью, что она будет не очень хуже. Когда приедете, расскажу что это такое³.

Совершенно согласен с Вами насчет кино⁴. Самое интересное, что сценарий делал тот самый Графов. Особенно мне не понравилось то, что он втиснул в передачу будто бы мой текст! Ну да бог с ним. Хорошо хоть и то, что он упомянул меня. А то при съемке «Врунгеля» жене⁵ заявили, что Некрасов никакого отношения к

фильму Хмелика не имеет и на съемочную площадку его не пустим, а на общественном просмотре он заявил: на эту работу меня подтолкнули иллюстрации к одной книжке, которую я прочел в детстве⁶⁾.

Я и забыл давно о том, что писал в <19>38 году про свою работу⁷⁾. Ну а со сценарием этим так: приехали шумные одесситы и стали уговаривать писать фильм объемной мультипликации для Одессы. Мы с Костей (Ротовым) горячо взялись за дело, поехали даже туда, но когда Костя посмотрел, что там делают, он отключился. Я же, дурак, написал сценарий, но к тому времени, когда сценарий был готов, цех мультипликации закрылся. Так это дело и ушло в песок. Ну да я не жалею: главное, что работал, а работа не пропадает.

В общем приезжайте! Не такого еще расскажу.

Привет Вашей дочурке!⁸⁾ А Вас поздравляю с наступающим <19>83-м годом. Всего, всего хорошего желаю и жду писем.

- 1) 14. 12. 1982 писатель сообщил мне: «Сегодня дочка потеряла письма, вынутые из ящика. Там могло быть и Ваше письмо, которого я очень жду. Поэтому не сердитесь за то, что я не ответил. Надеюсь, простите и по-прежнему жду. А. Некрасов».
- 2) Имеется в виду статья Э. Графова «Кто вы, капитан Врунгель? Правдивый рассказ о не совсем правдивой повести» (Советская культура. 1982. 3 декабря), в которой приводятся слова автора о продолжении книги: «Написал продолжение приключений капитана Врунгеля. Пока оно меня не устраивает, надо еще поработать. Так что разговор об этом отложим до другого раза».
- 3) При встрече Некрасов сообщил, о чем написана вторая часть книги: «Христофор Бонифатьевич уже пожилой человек. Ему не разрешают кругосветное путешествие, и он решает плавать в наших водах. Набирает команду из мальчишек. С ними ему оказалось трудно: мальчишки есть мальчишки».
- 4) Речь в данном случае идет о детской воскресной телепередаче «Будильник», среди участников которой был капитан Врунгель (его роль исполнял артист Ю. Волынцев). В этом письме имеется в виду выпуск, показанный на экранах в начале декабря 1982 года.
- 5) Алле Ивановне Стройло.
- 6) Подразумевается кинофильм «Новые приключения капитана Врунгеля», в 1978 году снятый Третьим творческим объединением на Ялтинском филиале Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького режиссером А. Г. Хмеликом.
- 7) Речь идет о заметке Некрасова «Моя работа для детей» в журнале «Детская литература» (1938. № 3. С. 45), в которой сообщалось: «Сейчас на основании этой повести я пишу сценарий для мультипликационной кинокомедии».
- 8) Андрей Сергеевич всегда интересовался жизнью Ани, ее школьными успехами и читательскими предпочтениями, передавал ей в подарок книги и открытки.

С сыном Станиславом, 11 октября 1986 г.

2. <26.02.1983> Дорогая Ирина Григорьевна!

Очень рад, что книжечка Вам понравилась¹⁾. Мне тоже! Не удивительно, что там в рисунках есть отголоски ротовских рисунков, т<ак> к<ак> художник по-

читатель Ротова²⁾. Когда увидимся (а я верю, что мы увидимся!), я Вам покажу другие, более современные и более смелые рисунки.

Очень жалко мне Вас по поводу того, что Вам приходится переписывать из журнала все, что я там «напозволял себе»³⁾.

Впрочем, согласен, что это дает повод и вдуматься в текст (чего бы я делать, конечно, не стал).

Теперь о Кусаки: он, конечно, пародия. Пародия на шпиона, пародия на изображение шпионов, бытовавшее тогда. В то время я очень зол был на японских шпионов всех рангов с их духом «бусидо», с их самурайской ограниченностью, с их азиатской жестокостью и многими другими качествами (отрицательными), с которыми мне приходилось часто сталкиваться незадолго до начала литдеятельности по долгу службы. Злился я и на непонимание многими, даже умными людьми, Японии и японцев. Будете в Ленинской биб<лиоте>ке, попробуйте разыскать книжечку Пильняка «Корни японского солнца». Прочтите ее, а особенно предисловие к ней Романа Кима, носящее странное название: «Ноги к змее»⁴⁾. Возможно, что сыграла роль и та общая атмосфера шпиономании, царившая в стране, вздувшаяся, как на дрожжах, на наивных представлениях о деятельности шпиона, о которой большинство из нас ничего не знали. Сейчас трудно, конечно, вспомнить, как родилась фигура Кусаки, но тогда он был, видимо уместен.

Теперь о жанре: Повесть-сказка? Возможно, что и так. У меня нет никаких возражений, но не найдутся ли такие возражения у сказки как жанра? Сказка шире, окрыленнее, а здесь все втиснуто в рамки «презренной прозы». Недаром значительная часть эпизодов была расхватаана автором учебника по физике. Одним словом – жду! Февраль кончается!

Пусть вам будет хорошо!

Р. С. А мне как раз из Иванова прислали серию открыток с изображением «Беды». Только жаль, что по мотивам фильма.

- 1) Речь идет об оформлении книги «Приключения капитана Врунгеля» (Л., 1982). Это издание Некрасов надписал мне так: «Дорогой Ирине Григорьевне Дубровской, не безразличной к судьбе моего оброчного мужика. 10.08.83».
- 2) В книге помещены рисунки Виктора Боковни. Позднее Некрасов делится своими впечатлениями о них: «Я, в общем, доволен, хотя и не ротовские рисунки. С выдумкой сделана книжка, с любовью. Художник приезжал ко мне» (09.08.1983).
- 3) Речь идет о номерах журнала «Пионер» за 1937 год, ставших в начале 1980-х гг. библиографической редкостью. В задачу моего диссертационного исследования входило сравнение журнального и книжного вариантов «Приключений капитана Врунгеля». Строгие правила Ленинской библиотеки не позволяли вносить какие-либо печатные издания в зал периодики, поэтому приходилось надеяться на память и делать записи от руки.
- 4) В беседе о книге Пильняка «Корни Японского Солнца. Ноги к змее» (Л.: Прибой, 1927) Некрасов пояснил свою мысль так: «Пильняк, по существу, ничего-то и не узнал о Японии. Ким Японию знал хорошо».

3. <04.1984> Дорогая Ирина Григорьевна!

Нашему старичку все нейдет! Из вечерки узнал об этой премьере, позвонил в Ленинскую биб<лиоте>ку и поговорил о Д. Бородиным. Был это концерт¹⁾, два

с половиной часа, 400 слушателей ревели от смеха. Будет (или уже был) подобный концерт в доме ученых. Как там прошло, не знаю.

Я невольно вспомнил, как еще в Румянцевской библиотеке (которая потом стала Ленинской) я был на подобном концерте, где в маленьком зале человек на 80 выступал Бальмонт²⁾, а я черной завистью завидовал ему и был совершенно убежден, что такое мне ни в коем случае не грозит. В детстве я был честолюбив и мечтал, конечно, об аплодисментах, но в «Румянцевке» казалось мне чем-то недостижимым. А вот прошел концерт, приятно было, конечно, узнать об этом, но никакого восторга не испытал. Вот маленький рассказик написал для «Миши»³⁾, пустячный рассказик, а тут восторг был, когда сказали, что понравилась эта пустяковина. Посылаю Вам очередного «Мишу» и вырезку с анонсом.

А вообще живите, пожалуйста, наилучшим образом, дышите весной, которая наступает, и радуйте окружающую среду своим существованием!

- 1) Концерт состоялся в Большом зале Библиотеки имени В.И. Ленина 25 марта 1984 года в 16 часов.
- 2) Некрасов знал, что Константин Бальмонт был родом из Шуи, и иногда просил меня передать привет шуйской колокольне, бальмонтовским местам.
- 3) В детском журнале «Миша» (выходит с 1983 года) Некрасов печатал комиксы по мотивам «Приключений капитана Врунгеля».

4. <21.11.1984> Дорогая Ирина Григорьевна!

<...> У меня все по-старому. Из числа положительных эмоций украинское издание, сегодняшний «Будильник», в котором впервые, кажется, меня обозвали «замечательным писателем». Такого еще не бывало, а я, как Вы заметили, честолюбив. Еще порадовал Михайловский¹⁾: к празднику в тот же день, что и Ваше поздравление (которое меня очень успокоило. А то, думаю, куда И. Г. пропала?) пришло от него письмо: таких я еще не получал за всю жизнь. Содержание: обычное поздравление, но все, вплоть до имени и отчества, отпечатано типографским способом. Молодец Аркаша, постарался. Ну да ему можно: сам хозяин-барин.

Вот так и живем. Странички прибавляются, а календарь бежит.

Что у Вас? Совсем это мне не безразлично, а Вы замолчали вдруг. Пишите, пожалуйста, пишите! Каждая Ваша строчка очень облегчает мою, в общем-то, не такую уж лучезарную жизнь <...>

- 1) Речь идет об адмирале Аркадии Петровиче Михайловском (1925–2011). Позднее мне удалось с ним связаться, и он в письме рассказал историю своего знакомства с Некрасовым: «Познакомился я с Андреем Сергеевичем Некрасовым в 1939 году в Москве на Клязьминском водохранилище, в ДСО “Водник”. В то время он был капитаном швертбота “М-20”. В экипаже и понятия не имели, что наш Некрасов – писатель. Наш яхтенный капитан был в сравнении со мной взрослым человеком, старше лет на 20. Пользовался непрерываемым авторитетом и бесконечным уважением как человек, знающий в совершенстве свое дело. Мы безропотно выполняли все его указания. Никаких историй Андрей Сергеевич нам не рассказывал, а учил ремеслу без шуток и прибауток. «Приключения капитана Врунгеля» впервые прочитал в те же годы. Однако автора книги с нашим капитаном не сопоставлял. Узнал же, что это одно лицо уже в военно-морской спецшколе, когда было не до яхт-клуба. И наши пути разошлись. С тех пор

изредка переписываемся. Каждая весточка от Андрея Сергеевича вызывает у меня самые теплые чувства» (07.08.1984, Североморск).

5. <05. 08. 1986> Дорогая Ирина Григорьевна!

<...> Остались мы с Аллой Ивановной вдвоем. Бабушка¹⁾ умерла в майские дни, учинив перед смертью еще два пожара²⁾. Но на этот раз я сам не мог вмешаться в это дело – меня обезножили в больнице – и пришлось вызывать пожарных. В общем, весело было: каждый день с картинками! Но мы, как говорится, «крепенькие», не унываем. Голова, тьфу-тьфу, работает, а голова работает, значит, и я работаю.

Наш любимый старик Врунгель готовится выскочить на каком-то африканском языке, на польском и вот-вот на эстонском. Намечается еще где-то во Владивостоке, но это когда еще будет!

У меня работы «навалом» и режим прежний: с семи за машинкой, в шесть сорок пять смотрю в телевизор, иногда, когда уж очень тошно от того, чем он меня кормит – читаю.

Ну, а вообще «согласно уставу всем доволен и должен молчать». Надеюсь, Ирина Григорьевна, что Ваши маленькие беды не переросли в большие и Вы «оклемались». Во всяком случае, от души желаю вам этого.

Кстати, о курьезах: у меня уже не первое десятилетие переписка с одной из школ г. Каменец-Подольский. Так вот, на днях получил от ребят чудесное по глупости письмо. Кончалось оно так: здоровья, творческих успехов, и ускорения!³⁾

Ну, еще раз спасибо, спасибо, спасибо! Живите хорошо, привет Вашим близким, мужиков поздравьте особо, а папу совсем особо!

От души желаю Вам здоровья, творческих успехов... Ускорения!

- 1) Речь идет о матери А.И. Стройло, которая жила вместе с супругами в Москве на улице Чкалова, 2/50.
- 2) Бабушка была заядлой курильщицей. Первое возгорание Некрасов устранил сам, залив огонь водой из чайника.
- 3) 23 апреля 1985 года на апрельском пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачевым был выдвинут главный лозунг нового, реформаторского курса страны: «Гласность – перестройка – ускорение!»

6. <24.12.1986> Дорогая Ирина Григорьевна!

Простите меня, грешного, за то, что наобещал и не выполнил. Но тут была причина печальная, но уважительная: отнялась неожиданно правая рука. Я думал: конец. Ан нет: жив курилка! И рука вполсилы работает. Даже вот на машинке печатаю уже.

Хорошо, что хватило мужества не поддаться нашим литфондовским эскулапам и послушаться бывшей жены Риты, которая запретила ехать в больницу, уложила и приказала чуть не месяц смотреть в потолок.

И отлежался, как видите!

Пока лежал, языком шевелить можно было, и продиктовал рассказик. Говорят люди – хороший.

А с нашим стариком так: года два назад написал заявку в <<Детскую> литературу>>. К 80-летию неплохо бы издать... Там ответили довольно грубо: изда-

вали вас много и больше не будем... Но, когда подсчитали детские письма, срочно потребовали фото и включили в «Школьную библиотеку». А потом началось: редактор книги, некая Дубань, прислала список обязательных исправлений текста. Напр<имер>: в «словарике» слово анкерок. Голландцы не только мастера строить корабли, но и мастера выпить. Это, оказывается, нужно снять. Я говорю: «Петр I не был делегатом 27 съезда!»¹⁾ Нет, все равно снимайте. «Итальянский фашист... в нетрезвом виде сдут ветром в море». Снять! Да ведь он же фашист. Все равно. Нельзя до такого состояния напиваться. Вот сейчас воюю.

Школьная биб<лиоте>ка это престиж, как теперь произносят. И сразу посыпались заказы: в Москве два издательства, в бурятской АССР и т. д. Так что «для кушать» есть чего²⁾.

Девки, в основном, выходят замуж. Мать даже стишки написала: «Было у тещеньки семеро зятьев. И чья тут беда, и чья тут вина? Было у тещеньки семеро зятьев... А дочка была одна».

Вот такие у нас дела. Живите хорошо, пожалуйста. Новый Год встречайте хорошо, как только можно. Супругу и ребятам привет, а все мои обязательства выполняю!

- 1) Подразумевается XXVII съезд КПСС, состоялся 25 февраля – 6 марта 1986 года.
- 2) Некрасов был профессиональным литератором, живущим с семьей на литературный заработок. Он с юмором относился к необходимости заниматься и нетворческим трудом, например, рецензируя рукописи: «...девочкам каждый день нужны колготы, кофты, кроссовки и прочие «польты»» (12.05.1985).

Публикация, предисловие и примечания И.Г. Дубровской

Илья Бернштейн, Роман Лейбов, Олег Лекманов

Комментарий

Список сокращений, принятых в комментарии

Дубровская – **Дубровская И.** Советская детская сказочная повесть 30-х годов: вопросы сюжетосложения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иваново, 1985.

Кассиль 1939 – **Кассиль Л.** Кругосветное плавание несусветного враля // Детская литература. 1939. № 7.

Лухманов 1936 – **Лухманов Д.** 20 000 миль под парусами. М. – Л., 1936.

Лухманов 1999 – **Лухманов Д. А.** Солёный ветер: Штурман дальнего плавания. Под парусами через океаны. М., 1999.

Некрасов 1978 – **Некрасов А.** История с Врунгелем // Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Книга вторая. М., 1978.

Пионер-1, Пионер-3, Пионер-4, Пионер-7, Пионер-8, Пионер-9, Пионер-11, Пионер-12 – **А. Некрасов.** Рисунки **К. Ротова.** Приключения капитана Врунгеля // Пионер. 1937. № 1; № 3; № 4; №№ 7–9; № 11; № 12.

ПКВ-1939 – **Некрасов А.** Приключения капитана Врунгеля. М.–Л., 1939.

ПКВ-1958 – **Некрасов А.** Приключения капитана Врунгеля. М., 1958.

ПКВ-1985 – **Некрасов А.** Приключения капитана Врунгеля. Ярославль, 1985.

Рахтанов 1939 – **Рахтанов И.** Тракта́т о природе вранья или сигнал бедствия // Детская литература. 1939. № 7.

Текст повести мы печатаем по изданию: **Некрасов А. С.** Приключения капитана Врунгеля. М: Государственное издательство Детской Литературы. Министерство Просвещения РСФСР, 1958. Приносим сердечную признательность Вере Семёновой за многообразную помощь и библиографические справки. Также благодарим коллег из школы филологии гуманитарного факультета НИУ ВШЭ.

С. 3 Приключения капитана Врунгеля Название ясно указывает на жанровую традицию, в рамках которой следует воспринимать всю повесть (приключенческий роман-путешествие), и прозрачно намекает на то, что эта традиция будет далее юмористически спародирована – у заглавного персонажа смешная фамилия. «Капитан Врунгель <...> врет. Это дано еще до начала книги, дано в самом имени героя» (Рахтанов 1939: 22). Среди самых известных произведений, представляющих традицию, которая пародируется у Некрасова (далее – Н.) – романы знаменитого французского беллетриста Жюль Верна, в первую очередь, его «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», с которым «Приключения капитана Врунгеля» (далее – ПКВ) имеют много сюжетных и мотивных перекличек. В обоих текстах подробно описывается спуск на воду судна с вызывающими названиями (у Ж. Верна бриг носит имя «Форвард», которое характеризуется как «что-то уж больно смелое»

(Верн Ж. Путешествие и приключения капитана Гаттераса. М., 1993. С. 5)). В обоих текстах судно в итоге гибнет, и персонажи далее путешествуют на упряжке. В обоих текстах герои используют в качестве плавучего средства айсберг (более подробно о некоторых из этих переключек см. в нашем комментарии далее). Есть у Верна и образец кругосветного плавания на яхте (судне, вообще-то не приспособленном для таких дальних переходов). Это – знаменитый роман «Дети капитана Гранта».

С. 4 ...у нас в мореходном училище... В ПКВ-1939 было: «...у нас в мореходном техникуме...» (ПКВ 1939: 3). В 1933 году морской техникум Наркомата Морского Флота СССР окончил сам Н. В этот техникум, располагавшийся во Владивостоке на улице Пологой, в 1920-е гг. было преобразовано Владивостокское Александровское мореходное училище дальнего плавания (основанное в 1902 году). В 1944 году техникум получил статус технического института и был реформирован во Владивостокское высшее мореходное училище – отсюда и возникла необходимость замены техникума на училище во второй редакции ПКВ.

Здание морского техникума во Владивостоке.
Фото 1925–1926 гг.

С. 4 Христофор Бонифатьевич Врунгель
О происхождении фамилии главного героя Н. вспоминал так: «В 1932 году я работал на Дальнем Востоке в первом советском китобойном тресте. Возглавлял это учреждение

Андрей Васильевич Вронский – человек высокой культуры, наделенный многими положительными качествами, среди которых не последнее место занимало отлично развитое чувство юмора [поиски следов А.В. Вронского в архивах успехом пока не увенчались. Но можно утверждать, что среди руководителей китобойного промысла начала 1930-х годов человека с такой фамилий не было – *Коммент.*]. Морское образование А.В. Вронский получил в школе, созданной писателем и моряком Д. Лухмановым для подготовки капитанов советского торгового флота. В годы учения Вронский и другой слушатель той же школы – И.А. Манн задумали совершить кругосветное путешествие на двухместной парусной яхте. Они тщательно разработали план путешествия, нашли старую яхту, которую собирались отремонтировать... По многим причинам путешествие это не состоялось, а юношеская мечта о предстоящих походах и приключениях претворилась у Вронского в забавные небылицы, которые он иногда, на досуге, очень выразительно рассказывал в кругу друзей <...> Мне с самого начала было ясно, что книга будет написана смешным монологом ее главного героя, прототипом которого должен был стать сам А.В. Вронский. Свои небылицы он рассказывал, артистически перевоплощаясь в их героя – добродушного старика-капитана, в своих рассказах о былых походах невольно переступавшего границы правды. Устраивала меня и конструкция этих новелл-анекдотов, в которых предельный реализм уживался с необузданной фантазией. Настала пора “крестить” героев, и тут сама фамилия Вронский толкнула меня на мысль

о том, что в корне имени героя где-то должен лежать глагол «врать». Логическая цепочка – барон Мюнхгаузен, барон Врангель (русский моряк, именем которого назван остров в Ледовитом океане), привела к находке: капитан Врунгель. Время показало, какой жизненной оказалась эта находка: до сих пор многие, вспоминая о Врунгеле, называют его “бароном”» (Некрасов 1978: 242, 243).

В этом фрагменте воспоминаний Н. из соображений автоцензуры опускает еще одну очевидную ассоциацию, неизбежно возникавшую у тех «многих», кто называл капитана Врунгеля «бароном» – с «черным бароном» Петром Николаевичем Врангелем (1878–1928), одним из руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Между капитаном Врунгелем и этим бароном – мало сходства, но для Н., очевидно, было важно, чтобы читатель воспринимал Врунгеля как человека старорежимного, прочно укорененного еще в дореволюционной жизни.

Вера Семёнова разыскала для нашего комментария подробный рассказ о строительстве яхты, на которой мечтал совершить путешествие юный Вронский (в цитате сохранена орфография журналиста ; «т.» в этой цитате по обычаям того времени представляет собой сокращение от «товарищ», а «т.т.» – от «товарищи»): «Один из уголков двора Ленинградского Морского Техникума превратился в маленькую крытую верфь, на которой спешно заканчивается постройка десятитонного мореходного бота “Красная звезда”. На этом боте четверо молодых красивых штурманов отправятся в мае 1926 года в кругосветную экспедицию. Инициаторами экспедиции являются ученики выпускного класса судоводительского отделения Техникума, т.т. Вронский и Ман. Идея кругосветного плавания на маленькой мореходной яхте, по примеру исторических плаваний капитанов Слокума и Фоса, зародилась у них еще зимою. Она встретила полную поддержку со стороны начальника Техникума, капитана дальнего плавания т. Лухманова, и благодаря исключительной энергии инициаторов начала быстро воплощаться в жизнь. Т. Лухманов, старый яхтсмен, посвятивший много лет жизни разработке небольших мореходных судов, взялся за чертежи и спецификацию. Т.т. Вронский и Ман принялись со всем пылом молодости раздобывать необходимые для осуществления экспедиции средства. Первой откликнулась Ленинградская “Красная газета”, пожертвовавшая 4 000 рублей, за ней последовал Путранпрос, давший первоначально 3 000 руб., и работа закипела. В настоящее время экспедиция уже обеспечена средствами на постройку яхты и на двухлетнее плавание. Корпус яхты и девятифутовый яхтенный тузик уже выстроены. Яхта имеет формы норвежского спасательного бота типа Redningskoite. Корпус из дуба, лиственницы с небольшой примесью отборной сосны, построен на медном креплении. Подводная часть будет обшита листовой красной медью. Яхта строится с соблюдением всех требований британского Ллойда для высшего класса яхт. Работы по настилке палуб и устройству внутренних помещений будут продолжаться до конца года, затем в течение зимы будут изготовлены инвентарь, рангоут, паруса и текедж. С первыми теплыми днями весны 1926 года будет приступлено к заканчиванию внутренней отделки, вооружению, снабжению, окраске, и в конце мая яхта выйдет в двухлетнее кругосветное плавание. Главные размерения и элементы яхты следующие: <...> Внутреннее устройство состоит из большой общей каюты на 4 койки со стенными шкафами, полками, столом и прочими удобствами. Высота этого помещения 2

метра, что дает возможность даже высокому человеку стоять во весь рост. Сзади общей каюты помещается открытый шкаф для хранения дождевого верхнего платья и обуви и под трапом небольшая фонарная. Дальше в корму идет водонепроницаемый кокпит, под которым помещена сисцерна для пресной воды, а по бокам устроены решетчатые ящики для хранения парусов. Впереди общей каюты находится маленький камбуз с двумя примусами и уборная с гардеробом, умывальником и патентованным W.C. В носу цепной ящик, рундуки, шкафчики и полки для хранения материалов и провизии» (Кругосветная экспедиция ленинградского морского техникума // Торговый флот. 1925. № 11. С. 502).

Кругосветная экспедиция Ленинградского Морского Техникума

The Trip Around the World

Один из типовых яхт Ленинградского Морского Техникума представлен в журнале «Торговый флот», на которой можно ознакомиться с устройством современного морского бота «Красная Звезда». На этот бот, который воодушевил кругосветную экспедицию, в мае 1926 года в кругосветную экспедицию.

Надстройка яхты является типичной надстройкой яхты, которую проектировал капитан С. Гусев, а капитан Т. Гусев, который и вел эту яхту.

Надстройка яхты состоит из трех частей: носовой, средней и кормовой. Носовая часть является частью носовой палубы, средняя часть является частью средней палубы, а кормовая часть является частью кормовой палубы.

Т. Гусев, старый яхтмен, проектировал яхту для своей работы. Яхта является морским ботом, который используется в экспедициях. Т. Гусев и М. Гусев яхты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях.

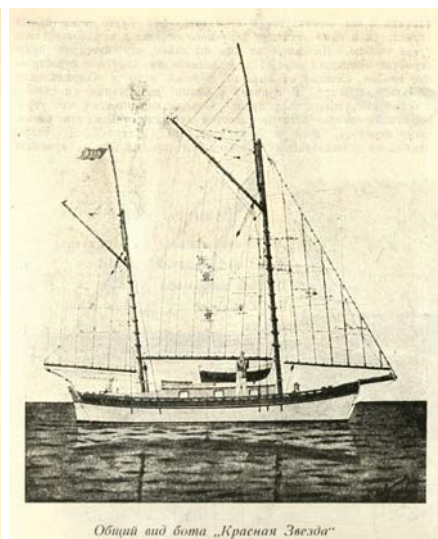
Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях. Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях.

Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях. Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях.

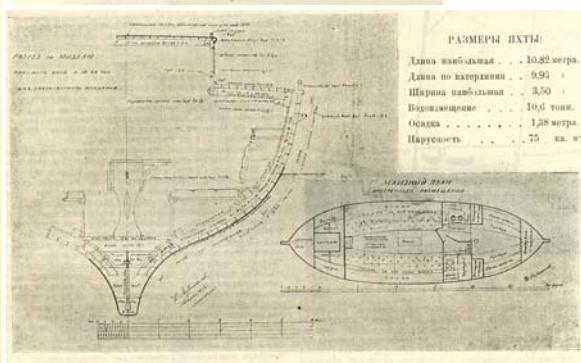
Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях. Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях.

Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях. Боты яхты являются морскими ботами, которые используются в экспедициях.

502

Общий вид бота «Красная Звезда»

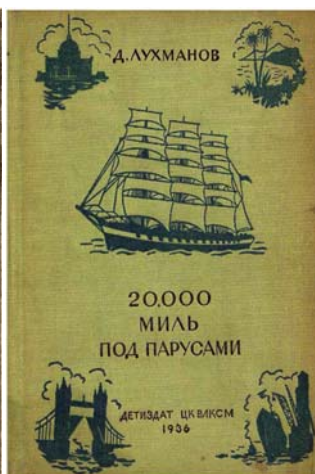

Разрез по модели и план внутреннего размещения бота «Красная Звезда» Accommodation plan of 'Red Star'

По аргументированному предположению автора, выступающего под псевдонимом «Марко Поло» (см.: Марко Поло. Три капитана // Журнал «Самиздат» (http://samlib.ru/p/polo_m/trikapitana.shtml)), еще одним прототипом капитана Врунгеля мог послужить сам капитан дальнего плавания Дмитрий Афанасьевич Лухманов (1867–1946). Марко Поло полагает, что Вронский, рассказывая небылицы о своем кругосветном плавании, «артистически переводился» как раз в Лух-

манова, который, в отличие от Вронского, был человеком с дореволюционной биографией, а также преподавателем и начальником Ленинградского морского техникума, созданного на базе оконченных им самим Петербургских мореходных классов. В 1926 году находившееся под командой Лухманова парусное судно «Товарищ» совершило плавание от Мурманска до уругвайской столицы Монтевидео. По предположению Марко Поло, Вронский принимал участие в этой экспедиции. О своем путешествии Лухманов рассказал в книге «20 000 миль под парусами» (М.–Л., 1936), на некоторых страницах которой можно увидеть переключку со страницами еще не написанных ПКВ – конкретные параллели см. в нашем комментарии далее.

По мнению детского писателя Николая Богданова, хорошо знавшего Н. в годы молодости, одним из прототипов капитана Врунгеля был сам автор повести (см.: Богданов Н. С кого списан Врунгель, или Необычайные похождения Топса, по прозвищу Пляши-нога // Детская литература. 1989. № 12. С. 45–47). И. Дубровской автор ПКВ тоже говорил, что первый иллюстратор повести, Константин Ротов, в образе Врунгеля изобразил его самого (Дубровская: 141).

слева: Д.А. Лухманов (1926). справа: А.С. Некрасов во врунгелевском облачении (конец 1970-х)

Христофором капитана Врунгеля зовут, как великого мореплавателя, открывателя Америки Колумба, что дважды юмористически обыгрывается в повести. Приведем здесь одну из цитат: «Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тёзка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги». Отчество «Бонифатьевич», вероятно, было дано капитану из-за своего «иностранного», экзотического и одновременно несколько комического звучания. А еще такое отчество как нельзя лучше подходит отважному искателю приключений: Bonifatius по-латыни – «тот, кому дарована хорошая судьба», т.е. счастливчик. Есть и другой вариант перевода/толкования – «благодетель» (тут *fatius* производят не от *fatum*, а от *facio* – делать), что тоже подходит нашему герою: его, как сказали бы несколько позднее, миссия – «установление мира и добрососедских отношений».

С. 4 ...наш профессор... Здесь, по-видимому, в значении «преподаватель», то есть это не значит, что Врунгель действительно носил звание профессора или занимал такую должность.

С. 4 Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания. Толстовка – в описанное время – мужская блуза с длинными рукавами и застежкой спереди, в такую одет Лев Толстой на известном портрете работы И.Н. Крамского. Классику русской литературы она и обязана своим названием. А в современной России так называют пришедший с запада свитер-«худи», что странно, так как у худи, в отличие от классической толстовки, нет застежки, зато есть капюшон (hood по-английски).

Пенсне – это очки, но без заушных дужек. Способ, которым они «прикрепляются» к лицу, следует из названия: *pinser* – ущемить, сжать; *pes* – нос (фр.), отсюда *pinse-pes*.

Табак не только курят, но и нюхают и даже жуют. Всё это – способы ввести в свой организм никотин, содержащийся в табачных листьях. Для нюхания их измельчают, превращая в порошок, и смешивают с чем-нибудь ароматным вроде мяты или эфирных масел. Такой табак держали в табакерках, а употребляли его в XIX, например, веке и мужчины, и женщины, и знать, и простонародье – нюхание было распространено гораздо шире курения. Однако морскому волку всё же скорее пристало курить трубку с крепким «капитанским» табаком, что вскоре и подтвердится.

Сдержанный и приятный голос, потирание ручек (здесь характерна уменьшительная форма), привычка к нюхательному табаку (который действительно долгое время держался в советском обиходе и имелся в продаже, но не пользовался широким спросом) – все это создает комический образ пожилого безобидного старорежимного интеллигента. Комизма ему прибавляет и манера зачесывать волосы с затылка на лоб (чтобы скрыть их нехватку на макушке).

Отметим еще, что в современной Н. прозе аптекарей часто изображали как людей слабых и жалких. Само слово «аптекарь» звучало как кличка, и кличка обидная. Процитируем здесь характерный диалог из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (1928): «Вдоль стены – шесть корчаг, а за ними, в углу на ящике, сидел, прислонясь к стене затылком и спиной, вытянув длинные, тонкие ноги верблюда, человек в сером подряснике. Отклеив затылок от стены, он вытянул длинную шею и спросил басом, негромко:

– Аптекарь?

– Почему вы думаете, что аптекарь? – сердито спросил Клим.

Лев Толстой в толстовке на портрете Н. Крамского

– По внешнему облику, конечно» (Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. М., 1952. С. 412). Еще приведем цитату из рассказа В.. Каверина «Пятый странник» (1921), где изображается аптекарь, как и Врунгель, имеющий привычку нюхать табак: «На утро он отправился к аптекарю Трауенбиру и, придя, увидел маленького человечка в длинном сюртуке, с большой головой.

– Сударь, – начал он, – вы – аптекарь Трауенбир?

– И не только аптекарь – ответил маленький человечек с необыкновенной быстротой набивая нос табаком...» (Каверин В. Рассказы. М., 1925. С. 175).

Напомним еще, что аптекарем был Дуремар из «Золотого ключика, или Приключений Буратино» (1936) А. Н. Толстого.

С. 5 *...по дороге домой он потерял в трамвае калоши...* Эта деталь в глазах студентов окончательно превращает Врунгеля в мямлю-интеллигента вроде чеховского Пети Трофимова, теряющего калоши в четвертом действии «Вишневого сада». Чехов вспоминается и в связи с пенсне, которое носит капитан.

С. 5 *А время стояло горячее: весна, зачёты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день...* Как можно заметить, соученики повествователя все конспекты вели в одной толстой общей тетради, в ней же писали и контрольные работы. Товарный дефицит в СССР мог принимать любые формы, в том числе – «тетрадного голода», о котором, например, упоминает известный педагог А.С. Макаренко в очерке «На пороге третьего десятилетия» (впрочем, привычно возлагая вину за дефицит на царский режим): «Из года в год мы переживали тетрадный голод: ведь в старой России даже сравнительно ничтожное количество школ вынуждено было прокармливаться бумагой, привозимой из-за границы» (Макаренко А. Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 4. М., 1984. С. 50).

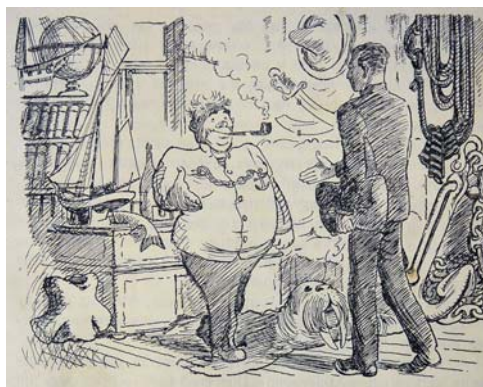
С. 5 *Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме...* и далее Чудесное преображение Врунгеля последовательно касается всех деталей его внешности: парадный китель заменяет толстовку, трубка вытесняет нюхательный табак, волосы растрепаны, голос превращается в «громовый бас», «ручки» – в «широкую волосатую руку». Этот мотив можно описать как вариации на тему оборотничества. Ирония повествования состоит в том, что если традиционный герой этого типа (вроде доктора Джекила) преобразался, как правило, попав из привычного мира культуры в мир стихийный (дикий, ночной, экзотический), то преобразование Христофора Бонифатьевича происходит в сугубо приватной обстановке и при совершенно мирных обстоятельствах (как говорили в советское время, «на бюллет(е)не»).

С. 5 *На столе перед Врунгелем...* и далее Здесь пародируется один из штампов приключенческой литературы – описание необыкновенной комнаты героя, отражающей его характер и без слов рассказывающей о его необыкновенных похождениях. Вот как, например, описывается кабинет лорда Джона Рокстона в романе Артура Конан Дойла «Затерянный мир»: «Пол был устлан пушистыми шкурами и

причудливыми коврами всех цветов радуги, вывезенными, вероятно, с какого-нибудь восточного базара. На стенах висели картины и гравюры, ценность которых была видна даже мне, несмотря на мою неискушенность. Фотографии боксеров, балерин и скаковых лошадей мирно уживались с полотнами чувственного Фрагонара, батальными сценами Жирарде и мечтательным Тернером. Но среди этой роскоши были и другие вещи, живо напоминавшие мне о том, что лорд Джон Рокстон – один из знаменитейших охотников и спортсменов наших дней. Два скрещенных весла над камином – темно-синее и красное – говорили о былых увлечениях гребным спортом в Оксфорде, а рапиры и боксерские перчатки, висевшие тут же, свидетельствовали, что их хозяин пожинал лавры и в этих областях. Всю комнату, подобно архитектурному фризу, опоясывали головы крупных зверей, свезенные сюда со всех концов света, а жемчужиной этой великолепной коллекции была голова редкостного белого носорога с надменно выпяченной губой» (Дойл Артур Конан. Затерянный мир. М., 2017. С. 71).

С. 5 *...адмиралтейский якорь...* Названный в честь британского Адмиралтейства (т.е. до 1964 года – военно-морского ведомства) стандартный морской якорь.

С. 5 *Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.* В журнальном варианте ПКВ далее следует намек, вполне реалистически объясняющий странную неустойчивость капитана. Врунгель говорит пришедшему к нему студенту: «Вот только тем и спасаюсь, мне знакомый доктор прописал: через час по чайному стакану, – показал он на стол, где стояла начатая четверть. – Очень помогает от простуды, не угодно ли?» (Пионер-1: 115). Четверть здесь – это четверть ведра (старая русская мера жидкостей и сыпучих тел), то есть трехлитровая бутылка водки. Не опьянением ли капитана объясняются многие дальнейшие несообразности и преувеличения в его рассказе?

Бутылка исчезла из текста повести, но сохранилась на иллюстрации К. Ротова. В ротовском портрете старосты мореходного училища (техникума) Н. тоже узнавал себя.

С. 6 *...плаванье по дуге большого круга...* Если две точки на глобусе соединить дугой и продолжить ее, огибая земной шар, то тогда и получится окружность, называемая мореходами «Большим кругом». Плаванье по дуге большого круга рекомендуется только для прокладывания курса на дальние расстояния, так что речь идет о далеких переходах.

С. 6 *...единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль...* Очевидно, морских миль, т.е. 259 280 км. Длина окружности экватора всего 40 076 км – почти в шесть с половиной раз меньше. Впрочем, если имеются в виду не морские, а сухопутные мили, сообщение Врунгеля

не становится менее фантастическим. Комизм ситуации усугубляется, конечно, тем, что собеседники – преподаватель и слушатель мореходного училища, хорошо обученные пересчетам расстояний и географии. Скорее всего, капитан невольно подражает Д. Лухманову с его двадцатью тысячами миль, а может быть, находится под гипнозом заглавия жюльерновского романа «Двадцать тысяч льё под водой» (1870), в советских изданиях часто называвшегося «80 000 километров под водой». Но даже «Наутилус» капитана Немо с его довольно замысловатым маршрутом не смог в этом романе пройти сто сорок тысяч миль.

Нужно еще отметить, что экипаж Врунгеля совершил свой поход через сорок лет после первого подобного путешествия – одиночного кругосветного плавания американца Джошуа Слокама на яхте «Спрей» (т.е. «Пена») в 1895–1898 годах.

С. 7 Решил тряхнуть стариной – и тряхнул. Так тряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. В финале предыдущей главы настоящая «пыль полетела во все стороны» после того, как Врунгель хлопнул рукой по пачке тетрадей. В начале этой главы настоящая пыль преобразуется в метафорическую.

С. 7 ...мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. «Имя второго участника похода я получил простым переводом фамилии Манн с немецкого на французский язык. Характер этого героя я решил сохранить таким, каким представлялся он в рассказах Вронского» (Некрасов 1978: 243). Иван Александрович Ман (1903–1982) – именно так, с одним «н» правильно пишется его фамилия – окончил реальное училище в Саратове, поступил в саратовский Политехнический университет, а затем, после переезда в Петроград (в 1923 году) – в Морской техникум. Оттуда юношу исключили из-за непролетарского социального происхождения, но потом восстановили. В своих кратких воспоминаниях о Мане его дочь рассказывает историю постройки той самой яхты «Красная звезда», которая послужила прототипом «(По)беды» из ПКВ: «...у отца и его товарища по техникуму возникла мысль спроектировать и построить яхту и совершить на ней кругосветное плавание. С этой идеей они обратились к начальнику техникума, знаменитому капитану Д.А. Лухманову, который план одобрил и помог воплотить в жизнь: яхта “Красная звезда” была построена и опробована в Финском заливе. Но XIII съезд ВКП (б) провозгласил строжайшую экономию, и кругосветное путешествие запретили, а яхта еще много лет была учебным судном Ленинградского мореходного училища» (Ман Л.И. Иван Александрович Ман (1903–

Иван Александрович Ман, человек (фотография 1930-х годов) и пароход (лихтеровоз)

1982) // Природа. 2003. № 12. С. 61). См. также в мемуарах самого Лухманова: «Однажды трое выпускников, руководимые И.А. Маном, известным в техникуме под прозвищем Длинный Джон, явились ко мне с предложением собрать деньги, организовать на дворе техникума постройку своими силами небольшой прочной мореходной яхты и обойти на ней вокруг света. Идея меня соблазнила» (Лухманов 1999: 395–396). Отметим, что Длинным Джоном (Long John, в переводе Н. Чуковского – Долговязый Джон) звали главного пирата в романе Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ». Еще о судьбе «Красной звезды» см. в нашем комментарии выше, а также в научно-популярной статье: Астратов Н. История легендарной яхты капитана Лухманова // Катера и яхты. 1988. № 1. С. 98–102.

С. 7 ... *рост семь футов шесть дюймов...* То есть 2 м 29 см. При таком сложении героя на ум, конечно, приходит не скрытый от читателя французско-немецкий каламбур в его фамилии, а русское прилагательное «ломовой», относящееся к предназначенным для перевозки тяжести лошадям и управляющим ими извозчикам.

С. 8 *Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьёзный: полное незнание иностранных языков.* Ирония заключается в том, что прототип Лома, Иван Ман, был немцем по отцу, а его тетя, Люция Богдановна, профессионально преподавала иностранные языки, знанию которых научила и племянника.

С. 8 *И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запрудили берег.* Н. ловко обошел вопрос о том, из какого именно порта стартовала яхта. Вероятно, он опасался вписывать своих, каких-то уж очень не советских персонажей (капитана Врунгеля и Лома) в героические декорации города – «колыбели революции», ведь, судя по всему, местом отбытия яхты был именно Петроград/Ленинград. Отметим, что в журнальной версии ПКВ стартовая точка путешествия яхты упоминалась прямо. Там Врунгель запрашивает «Ленинградский порт», что ему делать с освоившими яхту белками (Пионер-3: 117). См. также в Пионер-8, где главный герой повести так представляется губернатору города Пара: «...я капитан Врунгель из Ленинграда» (С. 120).

С. 8 ...*чёрт побирай...* Вместо «черт поberi» – в русской литературе до Врунгеля так ругались только иностранцы (у А.И. Куприна в рассказе «В цирке»: «– Мужик, русская каналья... напоил потную лошадь, черт его побирай!.. Я буду ходить на мировой судья, и он будет мне присудить триста рублей штраф с этого мерзавца... Я... черт его побирай!.. Я пойду и буду ему разбивать морду, я его буду стегать с моим Reitpeitsch!» (Куприн А. Повести. Рассказы. Л., 1976. С. 144)). Может быть, это напоминание о шведском происхождении мореплавателя барона Врангеля, фамилия которого просвечивает сквозь имя героя? Если уж речь зашла об иностранцах-прототипах, вспомним еще о персонаже пьесы Д.И. Фонвизина «Недоросль», немце-педагоге Адаме Адамовиче Вральмане.

С. 9 ...*сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.* В журнальном варианте было непривычнее и занятнее: «...сидит оператор с кинамой и крутит

ручку» (Пионер-1: 116). А еще «Человек с киноаппаратом» – название экспериментального фильма выдающегося советского режиссера Дзиги Вертова (Давида Кауфмана), снятого в 1929 году и считающегося одним из лучших документальных фильмов за всю историю киноискусства.

С. 9 *Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении...* Свежесрубленные деревья действительно не употребляют для постройки судов, поскольку они обладают повышенной влажностью. Сначала доски высушивают по специальной технологии. В судостроении Н. был настоящий дока. См. его, написанную в соавторстве книгу, специально этой теме посвященную: **Некрасов А.С., Толмачев Н.С.** Флот юных техников. М.–Л., 1936. На страницах 108–117 этой книги подробно рассказывается о строительстве яхты.

С. 9 *Это, как говорится, «форсмажор» – непредвиденное обстоятельство.* Строго говоря, «форс-мажор» – это вмешательство «высших сил» (фр. Force majeure).

С. 9 *...На судах бьют полуночную склянку.* Про склянки и их отбивание рассказал сам Христофор Бонифатьевич в «Толковом морском словаре для бестолковых сухопутных читателей». Мы же добавим, что, например, в 12 часов 30 минут били одну склянку (один удар в корабельный колокол), в час пополудни – две и так до 16.00, когда заканчивалась очередная четырехчасовая вахта (смена), били восемь склянок и счет их обнулялся, начинаясь заново.

С. 9 *...Забодай-Бодайло...* Комическая фамилия, возможно, прямо восходит к юмореске Власа Дорошевича «Неясные времена (Два романа)», где в отрывке из пародийного «аристократического романа» мещанина Сидорова среди прочих титулованных особ со смешными именами фигурирует граф Забодай-Бодаевский (См.: **Дорошевич В.** Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. М., 1907. С. 55).

С. 9 *Назовите судно «Геркулес» <...> – перед ним льды расступятся сами...* Полярные исследования были для первых читателей частью современности: в мае 1937 года, когда повесть была опубликована, начала свою работу научно-исследовательская дрейфующая станция «Северный полюс – 1». Поэтому читатели журнала «Пионер» могли помнить о зверобойной шхуне «Геркулес», на которой в 1912 году отправился в Арктику В.А. Русанов, тем более, что следы затерявшейся экспедиции были найдены моторно-транспортным ботом «Сталинец» совсем недавно, в 1934 году (история Русанова отразилась в романе В.А. Каверина «Два капитана» (1938–1944), а в честь судна называли остров Геркулес, на котором были обнаружены вещи участников экспедиции).

С. 10 *Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля!..* «Тезку» «Победы» можно найти у Ж. Верна; правда, это не яхта, а воздушный шар, названный, скорее, в честь правящей королевы, но при этом подразумевается и толкование имени «Виктория» в буквальном смысле («Пять недель на воздушном шаре»). Как мы увидим дальше, передвижение по воздуху не чуждо и экипажу капи-

тана Врунгеля. Вообще же мореплаватели-первопроходцы часто давали своим судам «говорящие» имена – например, Фритьоф Нансен сумел подобраться к Северному полюсу на шхуне «Фрам», что по-норвежски значит «Вперед».

С. 10 *Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».* Шутка Н., вероятно, восходит к известному детскому фольклорно-му стишку-игре:

Шел пароход «Победа».
– Чего нет? –обеда.
– Что случилось? – Беда!
– Что пропало? – Еда!
– Ты виноват? – Да!
– Пошли в милицию! – А!!!

Впрочем, одному из составителей комментария известен другой вариант, замечательный тем, что там прямо упоминалась «яхта “Победа”», так что можно предположить, что как раз книга о Врунгеле была источником вдохновения советских дошкольников. Но уж точно не на нее опирался неизвестный автор знаменитой дореволюционной эпиграммы-логогрифа, направленной против обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева и содержащей игру с тем же корнем (приводим один из многочисленных вариантов):

Победоносцев для Синода,
Обедоносцев при дворе,
Он Бедоносцев для народа,
Доносцев просто – при царе.

И еще насчет корня «бед»: экипаж «Беды» оказался и в самом деле бедовым (то есть согласно толковым словарям, бесстрашным, озорным, находчивым).

И.Г. Дубровской автор ПКВ рассказывал, что история с превращением «Победы» в «Беду» была «навеена эпизодом» из его детства. «Прогулочный пароходик, ударившись кормой о пристань, на глазах смеющейся толпы из “Дарьяла” превратился в “Дарью”» (Дубровская: 142).

С. 10 *Недаром, знаете, ещё древние греки говаривали, что море все невзгоды смывает с души человека.* «θάλασσα κλύζει πάντα τ ἀνθρώπων κακά» – широко распространенный афоризм, выступавший как девиз на многочисленных европейских эмблемах. Восходит к реплике Ифигении из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (стих 1193), в переводе И. Анненского: «Грехи с людей смывает только море».

С. 14 *Недаром говорят: «Что город, то нор»* Полный текст этой пословицы: «Что город, то нор, что деревня, то обычай».

К. Победоносцев. Карикатура, журнал «Адская почта» (1906. № 3). Художник Борис Кустодиев

С. 14 *Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам не велит?* При знакомстве со страницами ПКВ, посвященными описанию путешествий героев по странам и континентам мира, взрослому читателю, скорее всего, вспомнится известная реплика из поэмы Венедикта Ерофеева «Москва–Петушки»: «– Позвольте, – прервал меня черноусый, – меня поражает ваш размах, нет, я верю вам, как родному, меня поражает та легкость, с какой вы преодолевали все государственные границы...» (Ерофеев Вен. Мой очень жизненный путь. М., 2008. С. 183).

С. 14 *Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак...* Зунд (нем. Sund) – пролив между островом Зеландия (Дания) и Скандинавским полуостровом (Швеция); Каттега т (дат. Kattegat, швед. Kattegatt) – пролив между восточным берегом полуострова Ютландия и юго-западной частью Скандинавского полуострова; Скагерра к (Skagerrak) – пролив между норвежским побережьем Скандинавского полуострова и полуостровом Ютландия. Возможно, это перечисление из ПКВ позднее вдохновило Юлия Кима на первый куплет песни «Отважный капитан»:

Хорошо идти фрегату
По проливу Каттегату, –
Ветер никогда не заполощет паруса!
А в проливе Скагерраке
Волны, скалы, буераки
И чудовищные раки,
Просто дыбом волоса!

С. 14 *...по правому борту у нас открылись берега Норвегии.* Отношения Советского Союза с Норвегией в разные годы складывались по-разному. После Октябрьского переворота 1917 года они были прерваны и восстановлены только 15 февраля 1924 года, когда Норвегия направила ноту о признании страны Советов де юре (т. е. юридически). Через год были подписаны государственные договоры о торговле и мореплавании. В мае 1931 года в Норвегии пришла к власти Крестьянская партия, правительство которой проводило политику сокращения торговли и контактов с Советским Союзом. Вновь нормализовались отношения между двумя странами в 1933 году. В феврале 1937 года (год публикации журнального варианта ПКВ в «Пионере») в Норвегии состоялась целая серия вечеров, посвященных памяти А.С. Пушкина. В феврале 1958 года (год публикации второй редакции ПКВ) в Москве в рамках Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами создается общество «СССР–Норвегия».

Читателям XXI века, видимо, нужно напомнить, что до 1969, когда на норвежском шельфе обнаружили нефть, Норвегия была бедной по северноевропейским меркам страной: «реальные доходы домохозяйств в Норвегии составляли 30–40% от уровня Швеции или Дании», – сообщает А. Мовчан (Мовчан А. Норвегия: нефть, вода и всеобщее благоденствие // Московский центр Карнеги. Сравнительная

история нефтезависимых экономик конца XX – начала XXI века. Дата публикации: 22 марта 2017. <http://carnegieendowment.org/2017/03/27/ru-pub-68404>). Это обстоятельство делало Норвегию как бы классово близкой советскому читателю.

С. 14 *Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударение не там, но всё же, знаете, приятно и удивительно.* Л.А. Кассиль писал об этой шутке: «Остроумна уже история с названием яхты Врунгеля. Она называлась “Победа”, но две медные буквы оторвались, и яхта стала называться “Беда”... Это потом очень удачно повторяется в эпизоде с эхом» (Кассиль 1939: 19).

С. 15 *...прилив прозевал.* «Беда» стоит у берегов Норвегии, в Атлантическом океане. Здесь приливы и отливы гораздо большие, чем на внутренних морях вроде Балтийского или Черного. Самый высокий прилив в Атлантике отмечен на американском побережье (до 18 м), но и европейское побережье отстает ненамного, так что описанные в этой главе события (см. ниже – «Под килем – пропасть в сорок футов», то есть около 13 м) не так уж фантастичны..

С. 15–16 *Заподлицо обтесал борта в тех местах, где остались сучья...* Заподлицо – значит вровень с поверхностью..

С. 15 *Вытравил цепь...* «Травить» на морском жаргоне – выпускать цепь или канат в воду. Но еще это слово имеет два «морских» смысла – страдать тошнотой при качке и врать, рассказывать небылицы. Первое к проведенному полжизни на корабле Врунгелю никак не походит, чего нельзя сказать насчет второго.

Вице-адмирал С.О. Макаров

С. 17 *...бинокль, как ни говорите, помог: приблизил палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть...* Эта короткая история с биноклем тоже была особо выделена Л.А. Кассилем как удачно придуманная (Кассиль 1939: 19).

С. 18 *Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море – значит дома».* Строго говоря, полярный исследователь и герой русско-японской войны Степан Осипович Макаров (1849–1904) погиб при Порт-Артуре в чине вице-адмирала, хотя не только Н. именовал его адмиралом. Современникам запомнился и тот вариант девиза Макарова, который приводит Н., и его расширенная версия: «В море я у себя дома, а на берегу в гостях».

С. 18 *...начался настоящий шторм – баллов десять.* По двенадцатибалльной шкале английского адмирала Фрэнсиса Бóфорта десятибалльный шторм характеризуется как сильный. Такой шторм обладает следующими признаками: очень высокие волны (максимальная высота – 12,5 м, средняя – 9 м) с длинными загибающимися вниз гребнями. Образующаяся пена выдувается ветром большими

хлопьями в виде густых белых полос. Поверхность моря белая от пены. Сильный грохот волн подобен ударам.

С. 18 ...надел зюйдвестку... Сухопутные люди иногда неправильно называют так непромокаемые куртки, но настоящие моряки знают, что зюйдвестка, предохраняющая от свирепого юго-западного (гол. Zuid West) ветра – это головной убор особого покроя с загибающимися спереди и отгибающимися сзади (чтобы вода не лилась за шиворот) широкими полями. Приведем обширный фрагмент книги известного немецкого писателя-мариниста Хельмута Ханке

Настоящая зюйдвестка (на моряке справа)

«На семи морях. Моряк, смерть и дьявол: хроника старины»: «Головной убор – вещь для матроса очень непрактичная: ветер и шквалы так и норовят сдуть его за борт. Тем не менее среди моряков стойчески удерживался обычай носить шапку. Теперешние матросские фуражки в виде тарелочки или берета типичны лишь для последних десятилетий. Прежде матрос носил диковинные шляпы от клеенчатого цилиндра, получившего название “брам-стенъга”, до широкополой бобриковой шляпы с отогнутым кверху краем с одной стороны. Цилиндр немецкие матросы носили еще в XIX столетии!

Практичнее были появившиеся позднее шерстяные шапки, именуемые “Томми Шенди”. Название “мыс Горн” получили одноцветные шерстяные колпаки грубой вязки. Если такие же шапки были связаны из перемежающейся полосами черной и белой шерсти, то их называли “Бонни”. Шотландские черные меховые шапки назывались “пудель”. Нередко матросские головные уборы были обязаны своим происхождением шапкам каторжников: ведь в Англии путь на палубу корабля вел прямо из тюрьмы» (Ханке Х. На семи морях. Моряк, смерть и дьявол: хроника старины. М., 1989. С. 147).

С. 19 Чудесная это штука – радио. и далее. Может быть, этот гимн радио появился в ПКВ в честь первого иллюстратора ПКВ Константина Ротова? «Ротов очень любил музыку, – вспоминал Н. – Отличный по тем временам приемник стоял в его маленьком рабочем кабинете и все время потихоньку, чтобы не мешать беседе, наигрывал какие-то мелодии. Ротов, вооружившись карандашами, резинками и бумагой, выпрашивал у меня подробности устройства яхты и управления ею, черты характера и внешность героев» (Некрасов 1978: 244).

С. 19 Другие, знаете, болеют насчёт футбола – так тоже, извольте... Первая радиотрансляция футбольного матча состоялась в СССР в 1929 году – вел ее Вадим Синявский, основоположник советского спортивного радио- (а затем, с 1949 года – и теле-) репортажа. «Удар! Еще удар!» – один из его «коронных», известных всем болельщикам возгласов.

С. 19 *«Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна... Семен... Кирилл...»* При передаче по радио важной информации (скажем, официальных сообщений ТАСС для местной прессы) некоторые слова (например, названия городов) дублировались с помощью так называемого фонетического алфавита, чтобы исключить ошибки, возникающие вследствие радиопомех. Поскольку одна из букв тут повторяется, Врунгель заменяет стандартное «Константин» на «Кирилл». Кстати, а, может быть, нестати, отметим, что в 1939 году свое настоящее имя «Кирилл» меняет на «Константин» известный поэт Симонов, плохо выговаривавший «р» и твердое «л». А вот брат просветителя славян святого Мефодия поменял в 869 г. н. э. свое мирское имя «Константин» на «Кирилл» по совершенно другим причинам.

С. 19 *...никак, «СОС»?* Распространено мнение, что международный радиотелеграфный сигнал бедствия и призыва помочь SOS (три коротких сигнала, три длинных и снова три коротких, записываемые специальным кодом, азбукой Морзе, как . . . – – – . . .) – аббревиатура выражения «Save our ship» (спасите наш корабль) или «Save our souls» (спасите наши души). Но это ошибка, SOS – просто сочетание сигналов, удобное для передачи и приема.

С. 19 *Я недолго думая хватаю конец антенны – и прямо в зуб, в дупло.* И этот ход Л.А. Кассиль отметил как остроумно придуманный (Кассиль 1939: 19).

С. 19 *...сел на мель на Доггербанке...* Дóггер-Бáнка (нидерл. Doggersbank, от староголландского dogge – «рыбачья лодка») – крупнейшая песчаная отмель в Северном море, в 100 км от берега Англии. Занимает площадь около 17 600 км² с максимальным расстоянием от южного до северного края 260 км и от западного до восточного края 95 км. Глубина моря в районе отмели колеблется от 15 до 36 м, т.е. там примерно на 20 метров мельче, чем в окружающих отмель водах.

С. 20 *...на концах перетаскивать людей в такую погоду тоже рискованно...* Концы – так моряки называют веревки, тросы.

С. 20 *...катит девятый вал.* Распространенный символ роковой опасности, наивысшего подъема грозной, непреодолимой силы. Он исходит из старинного поверья, что во время морской бури девятая волна – самая сильная и опасная, зачастую последняя для гибнущего судна. Популярности этого образа немало способствовала одноименная картина известного художника.

← Вот эта.

С. 21 *Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер.* В 1939 году Ставангер (норв. Stavanger) был относительно небольшим рыбацким городом (все изменилось в 1969 году, когда неподалеку от него откры-

ли нефтяное месторождение). Расположен он на полуострове на юго-западном побережье Норвегии.

С. 21 ...я свободно объясняюсь по-норвежски... Капитан (если он, конечно, не врет) – настоящий полиглот. Судя по повести, он знает английский, немецкий, французский, итальянский, норвежский, голландский, испанский и португальский языки, хотя в двух последних, как мы увидим далее, путается.

С. 21 Ну, стали нас водить по театрам, по музеям, показывать различные достопримечательности. Драматический театр Ставангера (Rogaland Theatre) был открыт в 1883 году. В 1939 году в Ставангере работали Археологический музей, Морской музей и Музей консервов.

С. 21–22 Показали, между прочим, живую лошадь. Это у них большая редкость. – неправда. В Норвегии лошадей всегда было много, есть даже специальная норвежская порода лошади, которая называется фьорд (фиорд) (норв. – fjord). Сходный мотив часто встречается в повествованиях о заморских нравах: за морем есть диковины, которых не встретишь у нас, зато нет самых обыкновенных вещей (черного хлеба, лошадей)... Норвегия у Н. предстает такой удивительной страной: пашут там «вручную», но ездят только на автомобилях. Напомним: в СССР и в 1930-е и даже в 1960-е гг. лошади были частью не только деревенского, но и городского пейзажа.

Лошадь и телега в Москве, 1977–1978 (ул. 26 Бакинских комиссаров – здесь жил и продолжает жить один из комментаторов). Фотограф Валентин Поляков. www.pastvu.ru

С. 22 ...старшина не знал бы, какой свет на светофоре зажигать... Первые светофоры в нашей стране были установлены в 1930 году – сначала в Ленинграде (на пересечении проспектов 25 Октября, ныне Невского, и Володарского, ныне Литейного), затем в Москве, на углу улиц Петровка и Кузнецкий Мост. Привычный нам вид – три цветных лампочки в ряд по вертикали – они приняли не сразу. Но даже и приняв, всё же отличались от нынешних: красная лампочка была внизу, зеленая – наверху. Лишь в 1959 году, когда СССР присоединился к Международной конвенции о дорожном движении и к Протоколу о дорожных знаках и сигналах, светофор приобрел современный вид. Вначале светофоры управлялись вручную – диспетчер, сидевший в будке рядом, гасил и зажигал лампочки. Постепенно ввели светофоры-автоматы, но завершился процесс этой замены лишь к середине 1980-х годов.

Светофор на Охотном Ряду в Москве, 1932 г. www.pastvu.ru

С. 22 *Ну как же, знаете: в войну немцы там побывали – новый порядок наводили. Сейчас американцы поднимают образ жизни на должную высоту.* В ПКВ-1939 этого фрагмента, разумеется, не было, Н. внес его лишь во вторую редакцию повести. Интересно, впрочем, что этот разоблачительный «политический» пассаж Н. уравнивал историей про добродушного старичка норвежца – начальника станции – его тоже не было в ПКВ-1939. Уже после выхода ПКВ-1958 Н. (для последующих изданий повести) смягчил комментируемый фрагмент, который стал читаться так: «...в войну немцы там побывали – новый порядок наводили. И сейчас посещают страну разные просветители, поднимают образ жизни на должную высоту» (ПКВ-1985: 27). Здесь и далее цитируем по последнему прижизненному изданию ПКВ, которое, к тому же, нравилось самому Н. «На мой взгляд, издание достойное», – писал он И. Дубровской (Дубровская: 178).

Начиная с вторжения 9 апреля 1940 года Норвегия находилась под оккупацией немецких войск и гражданской администрации Германии в сотрудничестве с прогерманским марионеточным правительством. Оккупация Норвегии нацистской Германией закончилась 8 мая 1945 года после капитуляции немецких войск в Европе. Новый порядок (Neuordnung) – официальное название нацистского устройства общественной жизни как в Рейхе, так и на оккупированных им территориях.

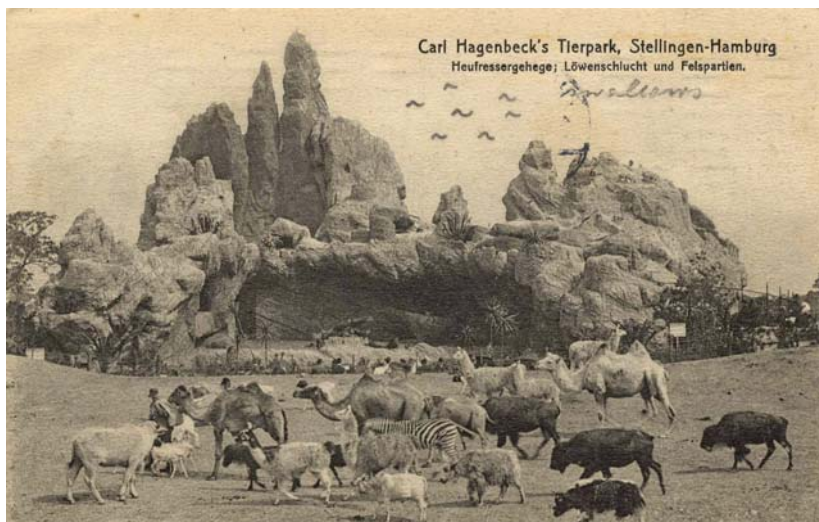
4 апреля 1949 года в Вашингтоне был заключен договор о создании Северо-Атлантического альянса (сокращенно – НАТО, от англ. North Atlantic Treaty Organization). Это был военно-политический блок, цель которого – защита Европы от советской агрессии. США и Норвегия были среди стран-основательниц НАТО. Не лишним, впрочем, будет отметить, что, даже будучи участницей НАТО, Норвегия стремилась занимать независимую позицию. В частности, в 1957 году Норвегия отказалась от ядерного оружия на своей территории в мирное время, а также размещения баллистических ракет средней дальности.

Сравнение действий нацистов в Европе во время Второй мировой войны с поведением США после ее окончания – общее место советской пропаганды 1950-х годов. «Образ жизни» здесь – опознаваемая советскими читателями часть штампа «американский образ жизни». Разоблачением этого ужасного образа не покладая рук занимались советские пропагандисты с сороковых и по восьмидесятые годы прошлого века (сравните, например, название опубликованной в 1949 году обществом «Знание» в Москве брошюры: Б.П. Вронский. Американский образ жизни: стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве). Как отмечает К. Душенко, сочетание «американский образ жизни» (American way of life) стало широко распространенным после 1936 года, когда оно использовалось как лозунг в безуспешной борьбе против «нового курса» президента Ф. Рузвельта (Душенко К. Словарь современных цитат. М., 1997. С. 219).

С. 23 *...Есть там фирма одна – производит телефоны, радиоприёмники...* В 1938 году была основана первая в Норвегии фирма – производитель радиоприемников. Она существует до сих пор и сохраняет изначальное название Mascot Electronics A/S. Особенно известна стала в 1950-х гг., что совпало с «разворачиванием» этого фрагмента текста во второй книжной редакции повести Н. – в ПКВ-1939 об «одной фирме» речь еще не идет.

С. 23 ...пронохали эти фабриканты про мой зуб. Коварный злодей-фабрикант – еще один идеологический штамп советской эпохи, который в ПКВ не только берется на вооружение, но и пародируется.

С. 24 Тут как раз пришёл и ответ из порта с предписанием сдать белок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека, так он скупал различных зверей. Может быть, капитан и врет о многих своих приключениях, но «знаменитый зоопарк» Карла Хагенбека (1844–1913) (нем. Tierpark Hagenbeck), открытый еще в

1907 году, в Гамбурге действительно есть. Хагенбек считается автором концепции зоопарка, согласно которой животные должны содержаться не в тесных клетках (отделенных друг от друга искусственными заборами и заграждениями), а в больших вольерах, ограниченных естественными барьерами (водоемами, скалами, деревьями и т.д.) Традицию, заложенную основателем зоопарка, как могли, поддерживали его наследники – зоопарк и сейчас принадлежит семье Хагенбеков. Переименование Хагенбека в Гаденбека напоминает о сходной игре с иностранными словами у Лескова («мелкоскоп» и другие русско-европейские гибриды) и отзывается в повести чуть дальше каламбуром «Гамбург/Хамбург».

В журнальной версии ПКВ Врунгель сдавал белок в зоопарк бельгийского города Антверпена (см.: Пионер-3: 118–119).

С. 24 Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошёл бы туда по своей охоте! Чего я там не видел? Шуцманов, что ли? Шуцман (нем. Schutzmann) – в Германии – полицейский. Отношения СССР с нацистской Германией в 1939 году (году выхода первого книжного издания ПКВ) были весьма двусмысленными. С одной стороны, фашизм и нацизм в советской печати этого времени клеймились и осуждались; с другой – именно 1939 годом датируется позорный Договор о дружбе и границах между Германией и Советским Союзом, а также торговое соглашение и Договор о ненападении. Напомним, что 22 сентября 1939 года в Бресте состоялся со-

вместный парад войск Вермахта и Красной армии. Именно поэтому Н. в комментируемом эпизоде ПКВ-1939 аккуратно обходит нацистскую тему: характерно, что Германия тут ни разу даже не называется, ее метонимией предстает портовый Гамбург. Но и во вторую редакцию ПКВ Н. тоже не ввел мотивов, связанных с нацизмом. Эта традиционно серьезная и даже трагическая тема не слишком вписывалась в откровенно юмористическую повесть.

С. 24 Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша стал протирать стёкла. Вдруг, откуда ни возьмись, хамелеон. Прыг на стол, высунул свой язычище, слизнул бумагу и был таков. У читателя может возникнуть подозрение, что вся ситуация была специально подстроена Гаденбеком, и хамелеон – дрессированный. Это подозрение только укрепит, если мы вспомним, что Карл Хагенбек и все его сыновья были профессиональными цирковыми дрессировщиками.

С. 28 Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажка, голландский сыр и голландские селёдки. Капитан здесь вопиюще несправедлив и даже недобросовестен. Если уж ему совсем не интересны всемирно известные голландские каналы и великая голландская живопись, то он просто обязан был упомянуть хотя бы про голландские тюльпаны – третью, наряду с селедкой и сыром, знаменитую туристическую приманку. Сравним, например, в путевом очерке профессора Б. Лаврентьева «О Голландии»: «Ранним утром я еду в Лейден <...> Кругом сплошное поле цветов. В некоторых местах до самого горизонта видны синие, желтые, голубые поля гиацинтов и тюльпанов. Голландцы любят цветы» (Известия. 1936. 22 мая. С. 2). Что касается голландской сажки, то так раньше называли специальную черную краску, приготовлявшуюся из угля, получаемого осаждением дыма при сжигании органических веществ со слабым притоком воздуха. Подобная краска применялась в живописи, полиграфии, а также при изготовлении спичечных головок, причем далеко не всегда ее делали именно в Голландии.

После расстрела царской семьи большевиками в 1918 году дипломатические отношения между Нидерландами (Голландией) и Советской Россией были разорваны вплоть до 1942 года. В 1946 году они опять резко ухудшились из-за того, что руководство нашей страны отрицательно отреагировало на усиление военного присутствия Нидерландов в Индонезии (в то время – голландской колонии). А в 1957 году Нидерланды стали первой страной – участницей НАТО, давшей разрешение на размещение американского ядерного оружия на своей территории.

С. 28 ...живую селёдку можете купить и посадить в аквариум. Комментаторам не известны случаи, когда сельдь содержалась бы в домашнем аквариуме, однако в больших, промышленных аквариумах (например, в океанариумах) им сельдей выдвывать приходилось.

С. 28 А голландцы ловят и ловят уж который год, и им всё попадается голландская селёдка различных сортов. На самом деле, голландская сельдь, конечно же, ничем не отличается от шотландской и норвежской. Хотя именно голландцы

первыми разработали многие специальные технологии засолки и маринования этой рыбы, «золотой век» голландского сельдяного промысла закончился уже в XVIII столетии.

С. 28 После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селёдка – рыба, но не каждая рыба – селёдка. Л. Кассиль отмечает, что этот афоризм, (как и весь монолог капитана о «голландских селедках») выдержан «в духе» великого юмориста Козьмы Пруtkова (Кассиль 1939: 20). А вот И. Рахтанову «история со стайей голландских селедок» совсем не понравилась, «потому что она не додумана до конца» (Рахтанов 1939: 22). Между тем, рассуждения об отношениях вида (селедка) и рода (рыба) – классический пример опровержения ложных логических построений, бытовавший в русской речи. Сравните в романе Петра Слетова «Заштатная республика» (1931): «Слушать тошно... Всякая селедка – рыба, но не всякая рыба – селедка. Уголовник на службе у революции становится объективно ее пионером, но кто вам подсказал, что всякий пионер революции – уголовник?» (Слетов П. Заштатная республика. М.–Л., 1931. С. 141).

Дегустация селёдки «de traditionele manier» (нид. традиционным способом). Роттердам, 1937

С. 29 ...вошли в Английский канал... Врунгель проявляет англоманство, называя этот пролив не Ла-Манш, а так, как зовут его выходцы с туманного Альбиона. Впрочем, «Английским проливом» Ла-Манш именуется и в знаменитом среди моряков справочнике «Руководство для плавания из Кронштадта во Владивосток и обратно», которым Н. пользовался при написании ПКВ. Заметим, что в русском морском словаре многое восходит к английскому, и вообще англомания – старая традиция русских моряков.

С. 29 ...порт Кале, а в Кале всегда полно безработных моряков... Кале – город во Франции, крупный порт у пролива Па-де-Кале (Английского канала, как его называет Врунгель). Упоминание безработных – еще одна дань советской традиции изображения Запада.

С. 29 Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. «Судовой» плотник – обязательный член экипажа деревянного судна. Как мы помним, на «Беде» им был сам Христофор Бонифатьевич, очистивший яхту от свежих побегов во время вынужденного пребывания в сухом доке норвежского фьорда. О роли, которую плотник играл на корабле, писал Хельмут Ханке: «Корабельного плотника, как ни крути, приходилось причислять к важнейшим людям на борту. Ведь всего каких-то несколько сантиметров трухлявых досок отделяли моряков от мокрой гибели. С хорошим же плотником, имеющим к тому же доброго помощника, они могли спать спокойно. Чип [(«стружка» – жаргонное прозвище судового плотника на английских судах. – *Коммент.*] вечно чем-то занят. То прилаживает новую доску в носовой переборке, то стругает новую грот-стенгу, а между

делом он и камбуз обеспечит чурками и стружками для растопки и по просьбе судового врача вырежет новую деревянную ногу для пострадавшего в бою морячка.

Путь в судовые плотники был нелегок. Прежде чем попасть в ученики к плотнику, желающий приобрести эту профессию был обязан не менее четырех лет проплавать матросом, затем еще три года длилось само ученичество. Как правило, плотник пользовался доверием и благосклонностью капитана, и не только за те маленькие искусные поделки, которые при случае для него изготавливал. На больших судах плотника освобождали от несения вахты. Он принадлежал к тем немногим, кто имел право спать всю ночь напролет. Правда, иной раз ему приходилось все же постоять у руля» (Ханке Х. На семи морях. Моряк, смерть и дьявол: хроника старины. М., 1989. С. 163–164).

С. 29 ...вызвал лоцманский катер... Лоцман – здесь: моряк, досконально знающий акваторию порта со всеми его мелями и фарватерами. Его вызывают с берега, чтобы он подвел судно к причалу.

С. 30 *Фамилия у нового матроса несколько странная – Фукс, но, знаете, фамилия – дело наживное.* «Прототипом третьего участника плавания матроса Фукса стал... матрос Фукс, участник перегона первой советской китобойной флотилии из Ленинграда во Владивосток. Матрос этот в рейсе постоянно попадал в комичные ситуации и служил вечной мишенью для шуток товарищей», – вспоминал сам автор ПКВ (Некрасов 1978: 243). И. Дубровской в письме к ней от 29.10.85 Н. рассказывал: «...когда I Китобойную базу (флотинг) перегоняли во Владивосток, там в числе матросов был не слишком молодой матрос Фукс, одессит до мозга костей, внешне такой, каким нарисовал его Ротов <...> Был он на редкость нескладным, всё делал плохо, вечно попадал в ложные положения и постоянно был мишенью всех острословов, которых в те годы на судах бывало довольно».

Н. намеренно затемняет вопрос о национальности этого героя, однако, скорее всего, Фукс – еврей. Его фамилия относится к так называемым «патронимическим» еврейским фамилиям, образованным от мужских личных имен, в данном случае от имени «Фукс». Слово «фукс» (Fuchs – нем., идиш лиса) встречается в словарях жаргона, причем в разных значениях. Следует вспомнить и знаменитый средневековый французский эпос о пройдохе-Лисе, а особенно – его переработку Гете, которая так и называется: «Рейнеке Фукс» («Рейнеке Лис»).

Для нас же особенно важно русское выражение из жаргона школяров – проскочить «фуксом» (т.е. в обход заведенных правил, без разрешения или билета), оно встречается, в частности, в воспоминаниях Д.А. Лухманова «Соленый ветер» (Лухманов 1999: 43), думается, именно это словечко (оно попадает и в других источниках) имеет главное отношение к проскочившему фуксом на «Беду» персонажу.

В своих позднейших воспоминаниях Н. сетовал: «...сколько горечи испытывали мы, читая гневные письма некоторых взрослых читателей по поводу того, что Врунгель не выпускает изо рта трубку и тем подает детям дурной пример, что Лом любит выпить или что в повести даются неверные представления о географии, физике и прочем. Эти наскоки прямолинейно мыслящих людей не могли не сказаться на журнальном варианте текста. Так, Фукс, который первоначально был

задуман как карточный шулер, превратился в карточного фокусника и только два года спустя вновь обрел свою “профессию» (Некрасов 1978: 245). В этом фрагменте своих воспоминаний Н. слегка напутал: в журнальном варианте повести Фукс был как раз назван карточным шулером, а вот в ПКВ-1939 автору в угоду строгим редакторам пришлось временно превратить его в карточного фокусника (см.: ПКВ-1939: 42). В редакции 1958 года Н. восстановил исходный вариант.

Появление на борту «Беды» Фукса превращает команду яхты в троицу героев, где функции делятся между Врунгелем (общее руководство, принятие логически обдуманных решений), Ломом (физическая сила при некоторой наивности) и Фуксом (навыки шулера, изворотливость, при этом склонность попадать впросак). Разумеется, было бы слишком прямолинейным проводить прямые параллели между текстами, но пара «Лом – Фукс» не может не напомнить другой дуэт: Балаганов – Паниковский из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931).

С. 31 *Записал Фукса в судовую роль...* То есть в список экипажа – обязательную часть документов на судне. Отметим, что в морской приключенческой литературе такой сюжетный ход – герой доверяет набирать экипаж тому, кто с этим не справляется, либо в спешке берет непроверенного человека, в результате чего на судне собираются криминальные личности – используется часто. Так, например, была укомплектована команда «Эспаньолы» в «Острове сокровищ» Р.Л. Стивенсона и нанят кок на китобойную шхуну «Пилигрим» («Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна).

С. 31 *Я высвистал всех наверх...* Морская команда «свистать всех наверх» рождена использованием для подачи сигнала «команде собраться на верхней (в нашем случае – на единственной) палубе» особого свистка – боцманской дудки.

С. 31 – *Фукс, – кричу, – набивайте грот!..* и далее. История о том, как неопытный матрос превратно понимает специальную терминологию, представляет собой выразительный образчик морского фольклора. Здесь самое время привести рассказ самого Н. о том, как сложился замысел его повести. Этот рассказ был опубликован сразу же после появления в печати журнального варианта ПКВ: «Мысль об этой книге возникла у меня на основании записей своеобразного морского фольклора. Я попытался связать общим героем и общей сюжетной линией ряд анекдотов, которыми моряки коротают “собачью вахту”» (Некрасов А. Моя работа для детей // Детская литература. 1938. № 3. С. 45). «Собачьей» на морском языке русского флота называли послеполуночную вахту (от 00.00 до 4.00): в это время суток вахтенному было особенно трудно бороться со сном.

«Грот» на морском языке – парус (от нидерл. *groot*). В зависимости от курса яхты относительно ветра грот потравливают – дают ему слабинку, и тогда парус под действием ветра расправляется, уходя по ветру (под ветер), либо, наоборот, выбирают, набивая втугую, навстречу ветру (на ветер). Фукс, как можно догадаться, понимает слово «грот» в его основном русском значении («пещера, подвал») и ищет на судне то, что ближе всего к такому пониманию: ход в кубрик, нижнюю палубу корабля.

И.Г. Дубровской автор ПКВ рассказывал «байку, которая ходит в Мурманске среди моряков, много поплававших, побывавших в разных странах. В ней речь идет о так называемых «бич-номерах» (люмпен-матросах). Таких за гроши нанимали капитаны-пьяницы. С этими дешевыми «моряками» приходилось, как говорит байка, объясняться на языке... игральных карт, так как морского дела они не знали» (Дубровская: 144).

С. 33 *Близ острова Уайт я свернул направо и пошёл в Саутгемптон, в Англию.* Уайт – принадлежащий Великобритании остров в Ла-Манше. Саутгемптон – город и крупный незамерзающий порт на южном побережье Великобритании. Взаимоотношения этой страны с Советским Союзом можно было бы уподобить движению качелей то вверх, то вниз. Великобритания официально признала СССР как государство в 1924 году, однако в том же году письмо советского государственного деятеля Григория Зиновьева (призывавшее к свержению английского правительства и впоследствии оказавшееся фальшивкой) вновь разожгло в Британии антисоветские настроения. В 1927 году после разоблачения нескольких советских шпионов англичане разорвали торговый договор и дипломатические отношения со Страной Советов. Хотя в 1929 году эти отношения были восстановлены, устойчивое недоверие двух стран друг к другу оставалось неизменным вплоть до декабря 1941 года. Во время войны СССР, Великобритания и США были союзниками в борьбе с фашистскими режимами Германии и Японии. Но 5 марта 1946 года тогдашний премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль произнес в Фултоне свою знаменитую речь, с которой отсчитывают начало так называемой «холодной войны» между Западом и СССР. Лишь в 1959 году Советский Союз и Великобритания подписали новый договор о торговле. Отметим, что «вероломство» и «непостоянство» английской внешней политики (связанные с особенностями демократического устройства) возмущали русскую общественность еще в XIX веке.

Вот эти «качели» и послужили моделью для «английской» главы ПКВ, на протяжении которой британцы то ссорятся с Врунгелем и вступают с ним в «вооруженный конфликт», то мирятся с капитаном и даже начинают с ним дружить. Отметим, что «смешная» фамилия главного ненавистника капитана Врунгеля – Болдуина знаменательно совпадает с фамилией того самого премьер-министра Великобритании Стэнли Болдуина, который в 1927 году выслал из страны советских шпионов, а потом разорвал дипломатические и торговые взаимоотношения с Советским Союзом (см. посвященные ему заметки, например, в «Известиях»: «Болдуин и Иден о

Сэр Стэнли Болдуин (премьер-министр Великобритании в 1923–1924, 1924–1929 и 1935–1937 гг.) с дочерью. 1923

политике Англии» (1936. 28 апреля. С. 1); «Выступления Болдуина и Стэнхопа. Декларация лебористов [так! – Коммент.]» (1936. 16 мая. С. 1); «Предупреждение Болдуина по адресу Италии» (1936. 22 мая. С. 1) и т. д. См. также большую статью: Канторович А. Стэнли Болдуин // Известия. 1937. 3 июня. С. 2). В журнальном варианте ПКВ фамилия этого персонажа была Гримсби – по названию английского города-порта (Пионер-4: 121), а в ПКВ-1939 – Глупстон. Сменил ее Н. во второй редакции своей повести, вероятно, под влиянием критики Л. Кассиля, который назвал фамилию Глупстон слишком «прямолинейной» (Кассиль 1939: 19). В фамилии Болдуин, конечно, тоже можно услышать отголоски «глупости» (болван+балда), но ассоциация здесь не столь явная.

С. 33 *...усадьба Арчибальда Денди.* Денди (англ. dandy), согласно словарю, это изысканный светский человек, законодатель моды. Представители этой фамилии, действительно, живут в Великобритании и в США. В журнальном варианте ПКВ обидчивый владелец усадьбы носит фамилию Дунди, очевидно в честь другого большого британского порта – Dundee (Пионер-4: 120 и далее).

С. 33 *Только мы высадились, не успели шагу шагнуть, нас окружили джентльмены во фраках, в котелках, в белых галстуках. Не то мистер Денди со своим семейством, не то министр иностранных дел со свитой, не то агенты тайной полиции – по костюму не разберёшь. Ну, подошли поближе, поздоровались, разговорились, и знаете, что оказалось? Оказалось, что это у них нищие. В Англии так просто попрошайничать строжайше запрещено законом, а во фраке – пожалуйста.* Очередной пропагандистский выпад Н. против Запада, в данном случае, против благопристойности, маскирующей нищету. О запрете нищенства в Британии (введенном еще в 1824 году «Актом о бродяжничестве») часто упоминала советская пресса, иногда ставя слово «запрещено» или слово «нищие» в иронические кавычки. Сравните, например, в фельетоне И.Г. Эренбурга «Джентльмены»: «Два миллиона зарегистрированных безработных. Миллион безработных, которые официально переведены в разряд “нищих”. Миллион безработных, которые не могут добиться права именоваться хотя бы “нищими”» (Известия. 1936. 8 июля. С. 2).

Глумливое изображение нищих в ПКВ прямо перекликается с драматическим фрагментом из книги капитана Д.А. Лухманова о его путешествии на барке «Товарищ»: «Тяжелое впечатление производят на свежего человека английские нищие. Тут даже нищий должен быть прилично одет. Они носят хотя и грязные, но все же крахмальные воротнички и галстуки и пиджаки с нашитыми на груди ленточками полученных когда-то боевых орденов. Они не смеют громко просить, кланяться, приставать к прохожим. Они молча стоят по бокам тротуаров на людных улицах с протянутой рукой, в которой, будто для продажи, зажата коробка спичек, зажимка для галстука или старая открытка. Жутко смотреть в молящие голодные глаза этих людей, часто стариков и калек» (Лухманов 1936: 29).

Упоминание в комментируемом фрагменте «агентов тайной полиции» – юмористическое отражение в ПКВ вполне серьезного «шпионского сюжета», который был важен для взаимоотношений СССР и Великобритании в 1920–1930-х гг. (см. в нашем комментарии чуть выше).

С. 33 *Ну, я, понятно, пошарил в кармане, выудил две копейки и прямо ему в цилиндр.* Интересно, что со своими «двумя копейками» стали делать те настоящие английские нищие, которым щедрый капитан тоже раздал мелочь и тоже, вероятно, советскую? Впрочем, даже в СССР за две копейки в 1937 году нельзя было приобрести и коробка спичек.

И.Г. Дубровской автор ПКВ рассказывал, что у эпизода с обидой мистера Денди на Врунгеля – автобиографическая подоплека: «...в детстве ему сшили очень нарядный костюмчик. Мальчик бегал в нем по улицам, понимая, что окружающие замечают обнову. Шаля, он встал на углу улицы и принялся изображать из себя нищего, жалобно просящего милостыню. Прохожие смеялись, принимая шутку. Но вот проходившие мимо негры-музыканты (где-то рядом они играли в оркестре) бросили мальчишке мелочь. Это было неожиданно и очень обидно» (Дубровская: 142).

С. 34 *Я не люблю давать волю рукам, но тут бокс, благородная схватка, – я размахнулся... и едва успел задержать удар.* Представление о том, что англичане все свои частные конфликты предпочитают решать не с помощью вульгарной драки, а с помощью благородного бокса, было прочно укоренено в сознании русских людей. Например, когда поэт Сергей Есенин устроил пьяную драку с прозаиком Валентином Катаевым в квартире Николая Асеева, то свои действия он оправдывал так: «– Это ничего! Это мы боксом дрались честно!» (Асеев Н. Три встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.–Л., 1926. С. 190). Напомним также знаменитую реплику Расплюева из пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского»: «Так это бокс!.. английское изобретение!.. Ах, боже мой! (Качает голову.) Скажите... а?.. Англичане-то, образованный-то народ, просвещенные мореплаватели...» (Сухово-Кобылин А. Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. М., 2011. С. 35).

С. 34 *Вижу – скверная штука: при разности пропорций наших фигур я, куда бы ни метил, всё равно попаду ниже пояса.* и далее. А вот взял бы с собой Врунгель Лома вместо Фукса – и никакой «скверной штуки» не вышло бы, но тогда, впрочем, дальнейшую смешную сценку Н. тоже изобразить бы не удалось.

С. 34 *...перешёл в инфайтинг и нанёс противнику сокрушительный оперкут.* Инфайтинг в боксе – ближний бой (кстати, введенный в употребление американцами, что объясняет, почему в инфайтинге англичанин мистер Денди не силен). Оперкут (сейчас говорят апперкот, от англ. uppercut) – классический удар из традиционного бокса; наносится кулаком по подбородку, при этом кулак повернут на себя. Этот удар часто используется в инфайтинге. Название апперкот происходит от английского словосочетания, которое переводят как «рубануть снизу вверх».

С. 34 *Потом осмотрели его усадьбу, зашли домой, выпили по чашке чая, посидели у камина...* Английский чай и английский камин – еще два штампа, часто используемые в рассказах о британской жизни. Рискую уподобиться герою комментируемого произведения, все же решимся заметить, что в современной Англии чай пьют не чаще, чем в России.

С. 34 *В воскресенье большие национальные гонки. Вы должны их выиграть...* и далее. Капитан опять верен фактам! Международные яхтенные гонки под патронажем короля Великобритании, действительно, ежегодно проходят близ острова Уайт и Саутгемптона (упомянутых в зачине комментируемой главы ПКВ). Приведем их описание из книги капитана Д.А. Лухманова: «Знаменитые яхты “Шемрок 4-й” и “Британия”, в сопровождении еще трех таких же больших яхт, только что снялись со старта. На них были мачты, не уступавшие, пожалуй, по высоте мачтам “Товарища”. Их молочно-белые паруса были громадны и плоски, как доска. Дальше, за королевской яхтой, виднелась громадная яхта богатейшего пивовара Басс, а за ней высились стройные мачты шхуны “Атлантик”, побившей рекорд на гонках через Атлантический океан. Со всех сторон навстречу “Товарищу” мчались большие и маленькие моторные катера и яхты. Поравнявшись, мы едва успевали разглядеть веселых мужчин и женщин, которые махали нам шляпами и платками» (Лухманов 1936: 20).

С. 35 *И вот они с этим Болдуином во всем соревнуются: кто знатнее, у кого галстук завязан, у кого трубка лучше...* Подсвеченное гоголевскими обертонками повествование о соревновании двух соседей включает еще один расхожий «английский» мотив. Как и положено денди, мистер Денди особенно заботится об узле галстука. Самый известный английский денди Джордж Браммел (1778–1840) был знаменит, в частности, тем, что придумал особую технологию повязывания предварительно накрахмаленного шейного платка. Прочитируем здесь роман классика приключенческой литературы Артура Конана Дойла «Родни Стоун», рассказывающий о двух ярких чертах английского светского общества начала XIX века – дендизме и увлечении боксом: «...еще и по сей день можно встретить старых франтов, которые помнят изречение Треджеллиса, что галстук должен быть так туго накрахмален, чтобы за один уголок можно было приподнять его весь, и ужасный раскол, который произошел среди щеголей, когда лорд Олвенли и его последователи заявили, что совсем незачем так туго крахмалить» (Дойл Артур Конан. Родни Стоун. М., 2011. С. 348).

С. 35 *...малый приз адмирала Нельсона...* Адмирал Горацио Нельсон (1758–1805), погибший в великой Трафальгарской битве (которая будет упомянута уже на следующей странице ПКВ), был и остается едва ли не главным национальным героем Великобритании, .

С. 35 *В тот же день я получил разрешение и ввёл весь табун в портсмутский адмиралтейский док.* Такой порт, представляющий собой одну из трёх до сих пор действующих военно-морских баз Великобритании, и в самом деле имеется в городе Портсмуте. Устраивая, в пылу гоночного азарта, в портсмутский док табун селенок капитана Врунгеля, Арчибальд Денди сильно рискует: ведь база эта секретная и никаким посторонним лицам (да еще из СССР!) находиться там не положено.

С. 35 *Он приказал погрузить на «Беду» два ящика сода-виски...* «Сода» здесь – содовая (газированная) вода, ею иногда разбавляют виски. Сочетание «сода-виски» часто использовалось при переводе названия такой смеси, его употребляет, напри-

мер, Осип Мандельштам в стихотворении «Американ бар» (1913): «И дразнит сода-виски форт». Очевидно, и Мандельштам, сравнивший ряд бутылей с частоколом форта, и Н. полагали, что «сода-виски» – не коктейль, а особый напиток, разливаемый в бутылки. Это не так. Манера мешать виски с содовой – американская. Настоящий британец так ужасно портить священный продукт, скорее всего, не станет. Однако Н. было нужно, чтобы на борту «Беды» оказались изрядные запасы именно газированной воды, и он пренебрег правдой ради эффектного развития сюжета.

С. 35 ...вставил в глаз монокль... Монокль – оптический прибор для одного глаза. В России в конце XIX – начале XX вв. воспринимался нейтрально, как черта облика мужчин высшего и среднего класса, затем – во время Первой мировой войны – стал ассоциироваться с образом врага, германского офицера, а после революции закрепился как одна из примет «буржуя» и «белого офицера». Монокль стал, в частности, важной деталью карикатурного образа британского министра иностранных дел Джозефа Остина Чемберлена, особенно популярного как мишень советских карикатуристов в конце 1920-х гг., после лондонской дипломатической ноты, требующей от советского правительства отказа от экспорта революции в Китай. Вслед за этим и последовал разрыв дипломатических отношений, о котором мы упоминали ранее. Ко второй половине 1930-х гг. образ Чемберлена

Вверху: Михаил Булгаков сделал монокль частью своего образа, чтобы подчеркнуть стилистические разногласия с диктатурой пролетариата.

Справа: перепечатка в рижской газете «Слово» (1927. № 642.

С. 1) из советского журнала «Крокодил» (1927. № 36. С. 10) карикатуры «Утешение скорбящим». Художник Д. Моор

померк, и монокль уже можно было использовать в качестве нейтральной экзотической детали облика британского джентльмена.

С. 35 ...*Лом мачту скребёт, зазывает ветер. Фукс свистит с той же целью...* Этнографически Н. точен: и посвистывание, и поскребывание мачты – очень старые магические морские приемы; первый распространен повсеместно (иногда для этой цели использовались даже специальные свистки). В книге Д.А. Лухманова описывается, как матросы на «Товарище», пытаясь зазвать ветер, бросают в море через плечо лучинки, а потом – несчастного живого таракана (Лухманов 1936: 38–39).

С. 36 – *Кормовая башня, огонь! – кричит он.* Подразумевается кормовое артиллерийское орудие.

С. 36 *Три пробки залпом вылетают с громоподобным звуком, падают в море подбитые чайки...* Эту эффектную деталь Н. по его собственному признанию, перенес в текст повести с журнальной иллюстрации Константина Ротова к ПКВ: «Рассматривая в редакции пробные листы, я обратил внимание на один из рисунков: стоя на корме “Беды”, Врунгель с экипажем вышибал пробки из бутылок с сельтерской [так называют минеральную или даже просто газированную воду, хотя Selters – это торговая марка (существующая поныне) продукции одноименного источника в Германии. – *Коммент.*]. Одна деталь поразила меня в этом рисунке: в море падали подбитые пробками чайки. Эта отличная деталь просилась в текст.

Но сделать ничего уже было невозможно, и только в книжном варианте, два года спустя, в повести появилась фраза: “Падают в море подбитые чайки...” Эта фраза, на мой взгляд, делает сцену выразительнее и динамичнее» (Некрасов 1978: 245).

С. 36 *Тут оркестр на берегу ударил туш...* Туш – короткое произведение для духового оркестра, используется как торжественное приветствие.

С. 37 *торжественный спич...* Спич (англ. speech речь) – краткое застольное приветствие (т.е. как бы устный туш).

С. 37 ...*а победителей, как говорится, не судят.* Эти слова часто приписываются Екатерине II, которая будто бы произнесла их, когда А.В. Суворов был предан военному суду за штурм в 1773 году турецкой крепости Туртукай, предпринятый им вопреки приказанию фельдмаршала П.А. Румянцева. Однако рассказ о произвольных действиях Суворова и об отдаче его под суд опровергается серьезными исследователями и относится к области исторических анекдотов, равно как и стишок, который якобы в качестве рапорта был представлен победителем:

Слава Богу, слава вам,
Туртукай взят и я там.

С. 37 – *А известно ли лорду председателю, – продолжал он, – что указанный мистер Врунгель перехватил груз сельдодок, адресованный в английские колонии, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам – подданным его величества английского короля?* В Египте, о котором говорит здесь мистер Болдуин, независимость была провозглашена еще в 1922 году. То есть, во время действия повести английской колонией Египет не был, хотя Великобритания и продолжала оказывать сильнейшее влияние на внешнюю и внутреннюю политику этой страны.

При последующей правке Н. изменил текст комментируемого фрагмента следующим образом (учитывая новые реалии времени): «А известно ли лорду председателю, – продолжал он, – что указанный мистер Врунгель перехватил груз селедодок, адресованный подданным ее величества – английской королевы, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам – подданным его величества английского короля?» (ПКВ: 1985: 43). Эта фраза отличается риторической пышностью и нарочитой нелепостью. Болдуин не может не знать, что подданные могут быть только у одного монарха, возглавляющего Соединенное Королевство. В 1937 году Болдуин и Денди были подданными Георга VI (но не его супруги Елизаветы Боуз-Лайон), в 1959 году – подданными Елизаветы II (но не ее супруга герцога Эдинбургского принца Филиппа Маунтбеттена).

С. 38 *...вступил на путь порока и преступления, пошёл против бога и короля и с недавних пор является тайным агентом Москвы?..* В журнальном варианте повести и в ПКВ-1939 это обвинение звучало еще хлестче и было прямо направлено против главного героя повести: «Известно ли, что капитан Врунгель вовсе не капитан, а тайный агент Коминтерна?» (ПКВ-1939: 51). Международная организация Коминтерн (Коммунистический интернационал) справедливо считалась главным агентом влияния СССР на Западе. Образованный в 1919 году, Коминтерн был по приказу И.В. Сталина распущен в 1943 году, поэтому во втором издании ПКВ Н. заменил «тайного агента Коминтерна» на более актуальный западный пропагандистский штамп – «тайного агента Москвы».

С. 38 *Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.* Так издавна было принято карикатурно изображать английскую парламентскую демократию: порядка никакого, все вскакивают с мест, кричат и свистят, а в заключение переходят к мордобойю.

С. 39 – *В нашем деле за это бьют подсвечниками, – неожиданно сказал он...* Уличенных шулеров, действительно, было принято в качестве наказания бить канделябрами, поскольку в карты играли по вечерам, при свечах, так что тяжелые подсвечники всегда были под рукой у разгневанных обманутых игроков. Сравните, например, в воспоминаниях Р. Юренева о великом кинорежиссере С. М. Эйзенштейне: «– Какие ассоциации возникают у вас с канделябром? – Им бьют шулеров...» (Юренив Р. Я был светильником // С.М. Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М., 1974. С. 276).

С. 39 – *Ну что ж, отличная работа и марка солидная, – сказал я, возвращая Фуксу цепочку...* и далее. Этот фрагмент побудил И. Рахтанова сделать автору ПКВ грозящий большими неприятностями в 1939 году упрек в низкопоклонстве перед Западом: «...все это ни к чему, или, может быть, для того, чтобы в последнем английском эпизоде похвалить изделия «завода искусственных драгоценностей “Алхимик”»?» (Рахтанов 1939: 22).

С. 40 – *Прощай, добрая Англия, старая Англия! – сказал я, а про себя подумал: «Культура!»* В ПКВ-1939: «Прощай, добрая Англия, старая Англия, чтоб тебе было пусто! – сказал я и пошел спать» (ПКВ-1939: 54). Слова «культура» и «культурный» обладали в словаре советских людей 1920–1930-х годов специфическим значением: имелся в виду уклад жизни экономически развитых стран Европы, сочетание всеобщей грамотности, комфорта, мягкого климата, рациональной организации быта и насыщенности рынка потребительскими товарами и услугами, которых так не хватало жителям СССР.

Сравните в приписываемом Л.И. Брежневу стихотворении памяти советского дипломата Вацлава Воровского (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

Это было в Лозане, где цветут геотропы,
Где сказочно-дивные снятся где сны.
В центре культурно кичливой Европы
В центре красивой, как сказка, страны.

Одновременно с естественным восхищением «культурой» у советских писателей считалось хорошим тоном демонстрировать настороженное отношение к заносчивым «культурным странам», погрязшим в эксплуатации человека человеком и не оценившим пока преимуществ социалистического способа хозяйствования.

Эта суровая проницательность советских людей, например, выражена в песне, исполнявшейся в тропическую жару на паруснике «Товарищ» под командованием Д.А. Лухманова (риснем предположить, что он же был автором слов) в ходе празднования годовщины октябрьского переворота 1917 года:

Мы видели блеск чужеземной культуры,
Но он не слепил нам очей.
Мешали голодных рабочих фигуры,
Зажатых в тиски палачей.
(Лухманов 1936: 81)

Эти оттенки значения скрывает и прощальная мысленная реплика Врунгеля.

С. 41 *Вон на Западе, в той же Англии к примеру, до сих пор еще академики спорят: есть оно, время-то, или нет его совсем, а только кажется, что есть...* и далее. Англию капитан вспоминает здесь ни к селу, ни к городу – видимо, обида

на Болдуина и его приспешников до сих пор не остыла в его сердце. Существование линейного времени оспаривал великий французский философ Анри Бергсон (1859–1941). Заметим, что этого абзаца не было в ПКВ-1939. Возможно, здесь сказалась популяризация концепции относительности времени и пространства, которой в 1940–1950-е годы отчасти занималась советская догматическая философия, видевшая в теории относительности подтверждение диалектического материализма.

С. 41 *Вон мой тёзка Колумб совсем без часов плавал, однако открыл Америку.* Совершенно непонятно, с чего Врунгель решил, что Колумб плавал «совсем без часов». На его кораблях были песочные часы, так называемые «ампольеты». Другое дело, что точность ампольет целиком зависела от добросовестности специально назначенного юнга, который должен был каждые полчаса переворачивать эти часы.

С. 41 *...нужно подвешивать к гилям подковы...* В настенных часах с гиревым механизмом по мере его износа приходилось увеличивать вес гирь.

С. 42 *...ящик кур из Гринича...* Гринвич (Greenwich) – район Лондона, знаменитый королевской обсерваторией. Британские астрономы (а вслед за ними – весь мир) в 1851 году договорились считать, что через внутренний двор обсерватории проходит нулевой меридиан – точка отсчета как географических координат, так и времени. Использование петушков из Гринвича как хронометра и средства определения долготы – еще одна выдумка капитана.

С. 42 *...и к тому времени в ящике только и оставалось два молодых петушка – чёрный и белый.* и далее. В данном случае Н. пускает в ход историю, почерпнутую даже не из «морского», а просто – из фольклора. Существует несколько вариантов этого, без преувеличения, бородатого анекдота. Один из них (женщина приходит к раввину и спрашивает, какого петуха зарезать на еврейский праздник – белого или красного?) излагается, например, в книге Б. Панкина «Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах» (М., 2002. С. 302).

В ПКВ-1958 финал анекдота о петушках облачен в форму типичной для советской сатиры пародии на начальника-бюрократа, обожающего созывать заседания по самым ничтожным поводам. Может быть, на Н. повлияла вышедшая незадолго до появления второй редакции повести кинокомедия Э. Рязанова «Карнавальная ночь» (1956), в которой высмеивался бюрократ Огурцов (в исполнении И. Ильинского)? Отсюда в речи Врунгеля внезапно возникает целая серия канцелярских оборотов: «Создал комиссию... со всех сторон обсудили этот вопрос... Так и не смогли найти конструктивного решения... Пришлось расширить комиссию. Кооптировали [т.е. дополнительно избрали. – *Коммент.*] Лома. Назначили заседание. Я изложил сущность дела, познакомил собрание с историей вопроса, поднял, так сказать, материал...» В ПКВ-1939 все эти канцелярские обороты в соответствующем фрагменте книги отсутствуют.

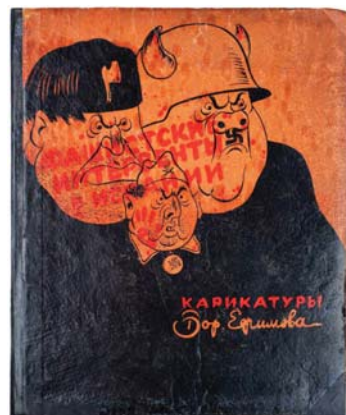
С. 42 ...зато два раза в сутки – в полдень и в полночь – ваш хронометр совершенно точно покажет время. Эту шутку тоже придумал не Н. Ее авторство приписывают то Льюису Кэрроллу, то австрийской писательнице Марии фон Эбнер Эшенбах (1830–1916), которая якобы сказала: «Сломанные часы дважды в сутки показывают верное время и по прошествии нескольких лет могут похвастаться целой чередой успехов». На самом деле, замечание о сломанных часах встречалось и раньше: специалисты проследили его английскую историю до начала XVIII века (Even a Stopped Clock Is Right Twice a Day // Quote Investigator: Exploring of the Origins of Quotations (<http://quoteinvestigator.com/2016/09/02/stopped-clock/>)).

С. 43 ...мы обогнули Бретань и вступили в Бискайский залив. Бискайский залив, как известно, прославился бурями, и недаром. Бретань – полуостров на северо-западе Франции. Бискайский залив – часть Атлантического океана, омывает берега Испании и Франции. Штормовые ветры западного направления вызывают столь сильные волнения у берегов Бискайского залива, что ту часть Испании, которая граничит с заливом, иногда называют Берегом Смерти.

С. 43 ...пока мы не вошли в Гибралтар. Речь в данном случае идет о Гибралтарском проливе, соединяющем Средиземное море с Атлантическим океаном.

С. 43 С английской крепости, как полагается, нас запросили... А вот теперь говорится о небольшом полуострове Гибралтар, с 1830 года – официальной заморской территории Великобритании. Полуостров с давних пор оспаривается Испанией (владевшей Гибралтаром до XVIII века). Англичанами Гибралтар был захвачен на закате Испанской империи, в 1704 году. Но испанцы долго не могли смириться с потерей, ведь Гибралтар расположен чрезвычайно выгодно стратегически. Поэтому неудивительно, что совсем скоро капитану Врунгелю доведется встретиться с эскадрой испанских боевых кораблей.

С. 44 Ну, я сразу понял: пираты неизвестной национальности... и далее. Хотя национальность пиратов Н. не называет, из дальнейшего становится абсолютно ясно, что против «Беды» ополчился военно-морской флот диктатора Испании (с 1939 по 1975 год), генералиссимуса Франсиско Франко (1892–1975). В ПКВ-1939 напавшие на судно молодчики названы «фашистами неизвестной национальности» (С. 58). В 1937 году обойти тему франкистской Испании Н. просто не мог – она была одной из центральных на страницах советской прессы. Сводки с Гражданской войны между левыми республиканцами и ультраправыми националистами, которых возглавлял Франко, с 1936 по 1939 годы печатались в советских газетах, без преувеличения, ежедневно. СССР, разумеется, поддерживал в войне республиканцев и даже неофициально снабжал их деньгами и оружием, а официально – продоволь-

Муссолини, Гитлер и Франко на обложке книги «Фашистские интервенты в Испании / Карикатуры Бор. Ефимова». [М.]: Изогиз, 1937

ствием. Тем не менее, победу в Гражданской войне в Испании одержали франкисты и в апреле 1939 года эта война была завершена.

В советских газетных репортажах военно-морские силы франкистов часто именовались «пиратами», как и в ПКВ. См., например, заметки: Минлос Б. Испанские пираты // Известия. 1936. 28 июля. С. 2; <Без автора>. В плену у фашистских пиратов // Известия. 1936. 24 декабря. С. 4; <Без автора>. Пираты // Известия. 1937. 4 сентября. С. 2, а также большую подборку материалов под общим заголовком «Обуздать фашистских пиратов!» (Известия. 1937. 5 сентября. С. 1).

Рецензенты ПКВ-1939 по-разному отнеслись к элементам политической сатиры в повести. Л. Кассиль с одобрением отмечал, что «Некрасов часто пользуется в своей книге сатирическими приемами. Вводит он такой материал умело и с тактом. А небылицы капитана Врунгеля становятся благодаря этому кое в чем похожими на международную действительность» (Кассиль 1939: 19). А вот по мнению И. Рахтанова, «политическая окраска» произведение Н. от провала не спасла (Рахтанов 1939: 23). Самому же именитому рецензенту повести, Виктору Борисовичу Шкловскому, и вовсе показалось, что никакой политической сатиры повесть Н. не содержит: «...мы должны относиться к себе, как к людям сталинской эпохи, т. е. очень требовательно. Нам мало говорят книги, с которыми мы легко могли бы ездить в трамвае или в автомобиле. Нам нужны книги, которые подтягивали бы нас к нашей эпохе. Что типично для нашей эпохи? Для нашей эпохи в науке типично единство теории и практики, т. е. немедленное теоретическое осознание практики и медленное внедрение в практику теоретического учения. Для эпохи Сталина классический тип ученого – это академик Лысенко, заново перерешающий основные вопросы генетики <...>

Интересна повесть Некрасова о капитане Врунгеле, но эта повесть полна веселой и необязательной фантастики, вранья. Писатель освободил себя от ответственности. Вранье героя никак не связано с его профессией. Преподаватель точной науки – навигации – врет, как мальчик, и врет не в материале своего ремесла. Тема облегчена. Книга написана талантливо, но фантастика капитана Врунгеля не равна фантастике Мюнхгаузена. Мюнхгаузен врал реалистически. Его мир имеет свои законы. Конь Мюнхгаузена оказался привязанным к вершине церкви, потому что вся местность была засыпана снегом; когда теплый ветер растопил весь снег и конь повис на вершине церкви, то Мюнхгаузен освободил лошадь удачным пистолетным выстрелом. Освобожденный конь спустился с крыши, осторожно ступая по черепице. Это внезапное восстановление реальности в фантастике увеличивает фантастику, обостряет ее. К сожалению, в одной из бесчисленных переделок редактор Детиздата выкинул эти реалистические черты. Книга Некрасова напоминает фантастическую книжку, уже побывавшую в переделке. Сатиры у Некрасова нет. Яхта «Беда» – бывшая «Победа» – плавает без нагрузки» (Шкловский В. Детиздат в 1939 году // Детская литература. 1939. № 12. С. 44–45).

В своем очерке «Советский флаг», опубликованном в Пионер-3 (где помещена и одна из частей журнального варианта ПКВ) Н. раскрывает реальную подоплеку комментируемого эпизода повести. Здесь рассказывается о том, как на танкер «Союз водников», капитаном которого был Иван Аристархович Попов, нападает пиратская подводная лодка: «У самого входа в Средиземное море по ле-

воту борту неожиданно вынырнул перископ и пошел наперекор танкеру. Потом серая, боевая рубка быстро поднялась из воды, и подводная лодка, неизвестно чья, без флага, обогнула корму и пошла позади, в кильватер» (С. 76). Впоследствии оказывается, что эта лодка была франкистской.

С. 44 *Вон, суньтесь-ка на восток, к Тайваню – того и гляди, попадёте пиратам в лапы. Ну, а в то время на Западе та же была картина. Сейчас чанкайшисты в Тихом океане шkodят, а в то время франкисты в Средиземном море бесчинствовали, а на поверку и те и те одним миром мазаны. Да и цена им одна – доллар за пару. А где доллар вмешался – там добра не жди.* В этом фрагменте, которого, конечно же, не было в ПКВ-1939, Н. говорит о многолетнем лидере Китайской республики (с 1928 по 1949 годы), генералиссимусе Чан Кайши (1887–1975), фигура которого была одной из главных мишеней советской пропагандистской критики 1950–1960-х годов. В 1949 году Чан Кайши вынужден был уехать из провинции Сычуань на остров Тайвань, где стал президентом и Верховным главнокомандующим вооруженных сил Китайской республики (как официально называется государство на Тайване). Свою политику и устройство своего государства Чан Кайши построил на противостоянии с коммунистическим Китаем Мао Цзэдуна. В этом ему активно содействовали США, которые после Корейской войны 1950–1953 годов открыто перешли к поддержке Тайваня в его вооруженном противостоянии с материковым Китаем. В декабре 1954 года был подписан договор о совместной обороне между Тайванем и США.

Вот как предвосхитил это событие Самуил Маршак (из рифмованного памфлета «Бездонный чан», Литературная газета, 16 января 1950 г.):

Теперь бездонную лохань
Прибило к острову Тайвань,
И там ее останки
Чинить собрались янки.

Но, дядя Сэм, ты свой карман
До дна опустоши,
А не спасешь дырявый чан,
Бездонный чан-кай-ши.

Поэтому Н. и упоминает в финале комментируемого фрагмента об «американском долларе», действуя в данном случае по добрым старым рецептам советской пропаганды: он косвенно обвиняет США не только в сотрудничестве с Чан

Кайши, но и в поддержке режима Франко в Испании. Между тем, до самого начала холодной войны США последовательно проводили антифранкистскую политику. Только в 1950-х годах, увидев в консервативной Испании противовес СССР,

Чан Кайши на обложке журналов Time (№ 10, ноябрь 1945, художник Борис Шаляпин)

«Китайские безделушки: фарфор (битый) гоминьдановской марки», Кукрыникисы)

американцы поспособствовали отмене экономических санкций против этой страны и заключили (в 1953 году) двустороннее испано-американское соглашение о сотрудничестве.

Переиздавая свою повесть после варианта ПКВ-1958, Н. переделал комментируемый фрагмент следующим образом: «Вон почитайте газеты: там самолет угнали, там корабль захватили, заложников взяли, выкуп требуют. Ну, в то время до самолетов еще не добрались, а на море кое-где шкодили, а кое-где и бесчинствовали» (ПКВ-1985: 49–50).

С. 44 ...свернули козьи ножки и принялись дымить... «Козьей ножкой» называют самодельную свернутую папиросу, которую сгибают г-образно, так что она, действительно, становится отдаленно похожей на ногу козы.

С. 44 Я тоже раздул своё кадило Речь, понятное дело, идет о трубке, которая иронически уподобляется специальному сосуду, используемому в церкви для воскурения ароматических веществ, ладана, в первую очередь.

С. 44 ...задраили все люки, наскоро, кое-как законопатили щели... Задраить: закрыть наглухо, герметически – иллюминаторы и люки на корабле имеют для этого специальную конструкцию; слово происходит от названия инструмента «драёк» (голл. draaien – вертеть), рычага, которым можно затягивать крепления (см. также «Толковый словарь...» Х.Б. Врунгеля). Конопатить – здесь: плотно затыкать щели между досками пропитанной смолой веревкой.

С. 45 Выставил над килем свою трубку... Можно предположить, что эту живописную деталь (трубка, высунутая над килем и обретающая, таким образом, сходство с перископом) Н. тоже перенес в текст повести с иллюстрации К. Ротова. Представляется, что без этой иллюстрации смысл маленькой хитрости Врунгеля может остаться для читателя непонятным.

С. 45 Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действий флота обнаружена бригада подводных лодок новейшей конструкции. Н. намекает здесь на весьма злободневные для 1937 года обстоятельства. Дело в том, что в это время в Средиземном море на торговые суда европейских государств стали нападать пиратские (то есть – лишенные опознавательных знаков) самолеты и подводные лодки, принадлежавшие армиям фашистских государств – Испании, Италии и Германии. Чтобы противостоять таким нападениям, представители СССР, Великобритании, Франции, Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии собрались в Швейцарии в местечке Нион и выработали коллективное соглашение о мерах борьбы с пиратскими действиями подводных лодок фашистских держав в Средиземном море. В результате пиратские нападения на европейские суда практически прекратились. В комментируемом фрагменте, как видим, вся ситуа-

ция перевернута с ног на голову: испанские пираты рапортуют о нападении на них бригады неизвестных подводных лодок.

С. 45 *Адмирал дон Канальо* Эту испанизированную юмористическую фамилию Л. Кассиль тоже посчитал слишком «прямолинейной» (Кассиль 1939: 19). Помимо понятных ассоциаций она содержит графический и фонетический намек на официальный титул Франко – «каудильо» (исп. caudillo – национальный лидер, вождь).

С. 46 *Сейчас Египет – страна как страна и народ как народ – своими ногами стоит на своей земле. В древности вот тоже Египет славился, и Александрия славилась на весь мир. А в тот наш заход порт этот не представлял для любознательного путешественника ровно никакого интереса. Только разговор, что, мол, Египет – страна фараонов и так далее.* В ПКВ-1939 чуть по-другому: «В древности, не спорю, Александрия славилась, а в наше время там и посмотреть нечего» (С. 61) – и далее весь абзац в настоящем времени. Разница между двумя редакциями комментируемого фрагмента объясняется легко: в 1954 году президентом Египта стал Гамаль Абдель Насер (1918–1970), который официально считался «другом Советского Союза», поскольку взял курс на сближение с СССР, стремясь обрести надежного партнера в своей борьбе с Израилем и США. Нужно, впрочем, отметить, что в Александрии, хотя она и второй по величине город Египта, действительно, сохранилось совсем мало древних достопримечательностей, поскольку многие из них затонули в Александрийской бухте после проседания грунта, произошедшего в результате землетрясения.

С. 46 *А зайдёшь – и посмотреть не на что. Порт как порт – обширная торговля, вывоз хлопка, у набережной глубина двадцать шесть футов. Флаг, правда, и тогда был египетский, но порядки стояли английские, и корабли английские, и полисмены английские.* Изображение Александрии ориентировано на фрагмент морского справочника, описывающего экономику порта, в который заходит судно. Завезенный в Египет в начале XIX века, хлопок, действительно, долгое время был важной статьёй египетского экспорта, привозным египетским хлопком, в частности, северяне заменили во время Гражданской войны в США сырьё из южных штатов. Однако впоследствии положение изменилось, и уже к тридцатым

слева: Александрия, 1930-е гг., ул. Фуада Первого; справа: Порт-Саид, британский унтер-офицер и пляжный фотограф, 1950-е гг.

годам XX века доля хлопка в экономике упала, так что Врунгель, видимо, пользовался устаревшим справочником. О государственном статусе Египта в 1937 году смотрите в нашем комментарии выше, на странице 205.

С. 46 *Другой работяга, землепашец, рыбак, чиновники даже и те босые ходили, а то, простите, почти что и без штанов!* Очередной идеологический штамп – описание бедственного положения «трудового народа», смягченный и даже несколько скомпрометированный упоминанием о чиновниках, которые в категорию угнетаемых богачами слоев населения отнюдь не входят. Уж не от жары ли все в Александрии ходят «почти что и без штанов», а вовсе не от бедности? Сравните с идеологически безупречным пассажем об Александрии из очерка советского профессора медицины В. Левита: «По берегу моря тянется великолепная широкая асфальтированная улица с прекрасными многоэтажными зданиями. Наряду с этим в других частях города улицы очень узкие, без света, с бельем на балконах и окнах, повсюду на улицах грязь. Бросаются в глаза измученные лица мужчин, женщин в чадрах и бледные лица оборванных детей» (Известия. 1936. 3 апреля. С. 2).

С. 46 *...поверите ли, чуть не половина табуна растерялась в пути!* и далее. Способ, с помощью которого капитан выкручивается из весьма щекотливой ситуации, отчасти похож на тот, что описан в финале классического стихотворения С.Я. Маршака «Багаж» (1926). Там, напомним, поездная бригада не уследила за маленькой собачкой, которую дама сдала в багаж в начале стихотворения, и вместо нее подсунула пассажирке огромного пса. Когда же дама попыталась предъявить претензии, ей было отвечено так:

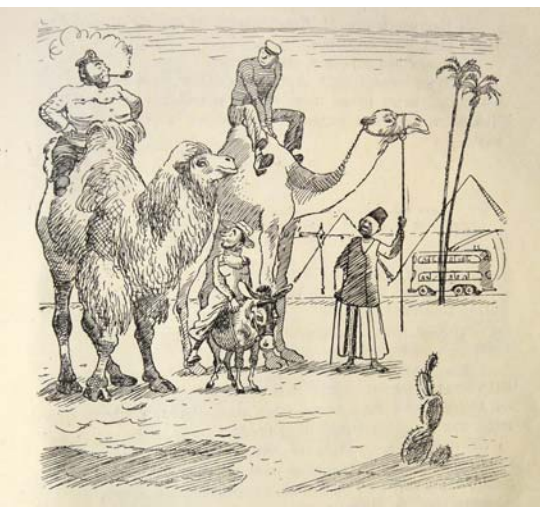
– Позвольте, гражданка,	Корзину,
На станции,	Картонку
Согласно багажной квитанции,	И маленькую собачонку.
От вас получили багаж:	Однако
Диван,	За время пути
Чемодан,	Собака
Саквояж,	Могла подрасти!
Картину,	

И. Рахтанов в разносной рецензии на ПКВ-1939 пишет о завершении сюжета с голландскими селедками так: «История кончилась, замók щелкнул. Однако как выловили стаю пополневших селедок из моря и каким образом они были привезены на склад – об этом в книге ни полслова. Мы отнюдь не занимаемся заготовкой голландских селедок, и интерес к ним у нас вызван только автором. Но на этом примере удобнее было показать, что у рассказчика от массы приключений пошла кругом голова. Где же тут завершить ситуацию, занимающую в книге одну треть!» (Рахтанов 1939: 22). Впоследствии сердитый рецензент решительно переменял свое мнение о ПКВ. В 1967 году Рахтанов так рассказывал о повести юным читателям: она «впервые была напечатана в журнале “Пионер” тогда, когда его читали даже не ваши папы и мамы, а дедушки и бабушки. Они читали ее и

весело смеялись над приключениями яхты «Беда» в кругосветном плавании так же весело, как будете смеяться и вы. Это потому, что есть книги неумирающие, такие, которым суждена долгая и светлая жизнь» (Рахтанов И. О человеке бывалом, писателя веселом // Пионер. 1967. № 9. С. 57).

С. 47 По пустыне там ходит троллейбус, но в троллейбусе ехать неинтересно, и мы решили воспользоваться местными средствами сообщения. Я сел на двугорбого верблюда, Лом – на одногорбого, а Фукс – на осла. Получилась довольно живописная группа. Шутка Н., которая помогает ему «разоблачить» ложные туристические представления о Египте как об экзотической стране, почти не затронутой влиянием современной цивилизации. Никакие троллейбусы по египетской пустыне, конечно, не ходили, а вот в Каире троллейбусное движение с 1950 по 1981 годы, действительно, было весьма оживленным. Впрочем, упоминание о троллейбусе есть уже в ПКВ-1939 (С. 62). Видимо, троллейбус для первых читателей должен был связываться с колониальным колоритом и британским проникновением в Египет: не случайно на иллюстрации К. Ротова изображен двухэтажный трехосевой «лондонский» троллейбус (кстати, один такой английский троллейбус ходил в тридцатые годы и по Москве, потом советская промышленность даже наладила производство своих двухэтажных машин, впрочем, так и не прижившихся).

Не менее фантастично и «туземное» средство передвижения, которое герои предпочитают колониальному. Продвинутые советские пионеры были прекрасно осведомлены о том что в Египте живут только одногорбые верблюды (дромадёры, они же – дромедары), а двугорбые (бактрианы) никогда в Африке не водились, будучи обитателями центрально-азиатских степей и полупустынь (поэтому, кстати, как видно и на иллюстрации, их шерсть гораздо длиннее). Хотя в Азии и есть места,

справа: Великобритания. Отгрузка троллейбуса English Electric для Москвы (маршрут – до Курского вокзала – уже обозначен на заднем стекле), 1937 год. Троллейбус морем доставили в Ленинград, а затем на буксире тащили по шоссе до Калинина (Твери) – размеры не позволяли разместить его на железнодорожной грузовой платформе

где используются оба одомашненных вида, но к Каиру это не относится. Врунгель выстраивает из верблюдов иерархию: двугорбого получает сам капитан, одногорбого седлает старпом Лом. Фуксу приходится довольствоваться банальным ослом (если бы Н. предпочел зоологическое занудство, он усадил бы шулера на родственницу верблюдов – южноамериканскую ламу). У этой зоологической путаницы есть серьезный литературный предшественник: Жюль Верн то и дело допускает в своих романах похожие нелепости, вовсе не имея в виду разоблачить рассказчика. Так в романе «Пять недель на воздушном шаре» (1863) в Африке рядом со львами обнаруживаются тигры.

Заметим: откровенная фантастичность сведений о Египте, сообщаемых читателем Врунгелем, заставляет усомниться и в его политических и экономических оценках и разглядеть за политически правильными штампами Н. возможность иронии.

С. 47 *А в Каире – вот там другое дело! Там и тогда был настоящий Египет, и от каждой пяди земли веяло ароматом глубокой древности. А как же! Там и пустыня Сахара, и бедуины, и финиковые пальмы, а главное – гробницы фараонов, сфинксы и другие памятники седой старины. Мы первым делом отправились осматривать пирамиды.* В столице Египта есть множество хорошо сохранившихся древних архитектурных памятников. Однако пирамид в Каире нет, самые знаменитые из них находятся в Гизе, неподалеку от египетской столицы.

С. 47 *Там, знаете, все так и стоит нетронутым пять тысяч лет.* Капитан и тут немного преувеличивает, округляя возраст пирамид. Подумаешь, лишние полтысячелетия!

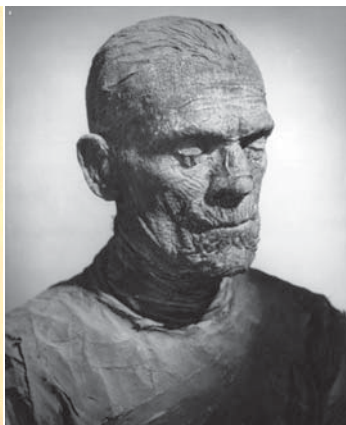
С. 47 *Обстановка великолепная: чистота, электрическое освещение, на каждом перекрестке – чистильщик сапог, на каждом углу – ларёк с мороженым... В общем, неплохо жили покойники.* Египетская пирамида оказывается похожей на советский парк культуры и отдыха, а заключительная шутка-оксюморон пародирует многократно высмеянный в советской печати жанр отзыва трудящихся о посещении музея (дворца, усадьбы или просто дома известного писателя). Сравните у И. Ильфа и Е. Петрова в «Двенадцати стульях» (1927): «Проверив наличность, Лиза пошла в вестибюль. Там она сразу наткнулась на человека в подержанной бороде, который, упершись тягостным взглядом в малахитовую колонну, цедил сквозь усы:

– Богато жили люди!

Лиза с уважением посмотрела на колонну и прошла наверх» (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Щеглов Ю. К. Комментарий. М., 1995. С. 230).

С. 47 *– Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! – захныкал Фукс... и далее.* Н. вновь играет (как и в случае с картами) с разными значениями одного слова. Фараонами в России называли не только египетских царей, но и (иронически) полицейских, то ли из-за некоторого внешнего сходства их головных уборов с шапками настоящих фараонов, то ли чтобы подчеркнуть враждебную народу суровость представителей власти. Фигуры фараонов-полицейских возникают, например, в русском переводе известного рассказе О. Генри

«Фараон и хорал» (в оригинале используется ставшее теперь русским слово «коп») и в детской повести Льва Кассиля «Конduit» (1929), где этот двойной смысл слова обыгрывается в названии главы «Фараон вызывает Иосифа». Одновременно Н. иронически пародирует сюжет «проклятия мумии», восходящий к весьма древним легендам о мести покойников грабителям захоронений. История об оживающей мумии была реанимирована в популярной культуре новейшего времени. Мумия оживает, например, в рассказе Э. По «Разговор с мумией» (впрочем, здесь она весьма добродушна и словоохотлива), потом – в рассказе Артура Конан Дойла «Номер 249» и в романе Брэма Стокера «Сокровище семи звезд». Фильм Карла Фройнда 1932 года «Мумия», где роль восставшего из мертвых жреца Имхотепа исполнил Борис Карлофф, произвел впечатление на современников и вызвал поток подражаний, пародий и перепевов, не иссякающий до сих пор.

С. 48 *Куда ни посмотришь – лотосы, папирусы...* Лотос – священный для древнего Египта цветок. Папирус – это не только писчий материал, использовавшийся в Египте, но и одноименное водно-болотное растение, из которого этот материал изготавливался.

С. 48 *...трудный переход по Индийскому океану...* Читатели, знакомые с творчеством писателей-маринистов, были осведомлены об опасностях плавания по этому океану. Вот, например, как писал о нем К.М. Станюкович («Вокруг света на «Коршуне», 1896): «Недаром про Индийский океан бежит худая слава. Самые опытные, поседевшие в плаваниях «морские волки» и те относятся к нему с почтительным уважением и даже с некоторым суеверным страхом, особенно в известные времена года, когда на нем свирепствуют жестокие, наводящие трепет ураганы. И горе пловцу, который по несчастью или по неосторожности попадает в центр циклона. В этом крутящемся вихре, в этом беснующемся водовороте нет кораблю спасения» (Станюкович К. Вокруг света на «Коршуне». Одесса, 1980. С. 157).

С. 48 *...приобрели пару солёных слоновых хоботов, ящик страусовых яиц, финики, саго, корицу, гвоздику и прочие пряности.* Африка в этом рассказе не имеет отношения к реальной географии (слоны по течению Нила не встречаются,

коричное и гвоздичное деревья в Африке не растут). Да и базар в африканском селении подозрительно напоминает европейскую лавку колониальных товаров.

С. 48 ...саго... Крупа из крахмала, получаемого из сердцевины ствола саговой пальмы, которая, кстати, тоже в Африке не растет.

С. 49 *Не подействовало мое внушение: опять согрешил малый. Видит – гуляет страус на свободе, ну, и, знаете, не стерпел...* Мы уже упоминали о сходстве героев Н. и пассажиров «Антилопы-Гну» из романа И. Ильфа и Е. Петрова. Эта сцена выглядит как перепев известного эпизода неудачного похищения М.С. Паниковским арбатовского гуся.

С. 49 ...Суэцким каналом ходить мне не впервой, я там каждый камушек знаю. Ну, и решил зря не тратиться – пошёл без лоцмана... Шутка, рассчитанная на моряков – пройти канал без профессионального лоцмана невозможно (по современным правилам за это еще и штрафуют на сумму, превышающую стоимость услуг лоцмана). В этом эпизоде, возможно, обыгрывается рассказ Д.А. Лухманова о постановке «Товарища» на якорь у Мадейры. Во всяком случае, у Лухманова дается представление об отношении капитанов к услугам лоцманов, поэтому процитируем: «Лоции дают точное указание пересечения пеленгов различных приметных мест, где следует становиться на якорь, и мы шли к якорному месту, строго придерживаясь этих указаний. Около нас все время вертелась шлюпка с громадным португальским флагом на носу. Со шлюпки неистово кричали и махали руками. Но мы, не обращая на них никакого внимания, держали курс прямо на форт Пико. Наконец, на глубине двадцати сажен, отдали якорь. С лодки зааплодировали. Лодка подошла к борту; из нее поднялся по трапу человек, назвал себя лоцманом и потребовал полтора фунта за постановку судна на якорь. Сторговались на фунте и полбутылке коньяку» (Лухманов 1936: 61).

С. 49 *Огонь так и пышет, в кастрюльках кипит...* Нелишним будет указать, что камбуз – кухня на судне – обычно оснащен специальными устройствами, позволяющими готовить при качке. В частности, плита (или то, что ее заменяет, например, примус) укреплена на специальной шарнирной опоре – кардановом подвесе.

Суэцкий канал вскоре после открытия в 1869 г.

С. 50 *И сделать ничего нельзя: свернуть некуда, канал узкий, по берегу не пойдёшь.* Бывалые моряки в 1930-е гг. еще помнили времена, когда Суэцкий канал действительно был очень узким. Как вспоминает Д.А. Лухманов (ходивший по каналу в 1901 г.), «чтобы пропустить встречный пароход, надо было швартоваться к специально устроенным в стенках канала впадинам» (Лухманов 1999: 316).

С. 50 ...ретирада... – (от французского *retirade* – отступление) – отступление войск и сигнал отступления.

С. 51 ...Суэц... Город и порт на северо-востоке Египта, расположен на северной оконечности Суэцкого канала Красного моря, у южного входа в Суэцкий канал.

С. 51 ...тут тропической лихорадкой пахнет! ...достал порцию хины... Препарата, изготовленного из коры хинного дерева, лекарства от малярии.

С. 52 ...нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодилы. А тут жара, да ещё Фукс сверху улёгся, высидел, вот они и полезли. Это одна из самых фантастических историй среди рассказанных капитаном в повести. Во-первых, яйца страуса не спутает с крокодильими даже дилетант, слишком они разные по цвету, размеру (страусиные от 15 до 20 см; крокодилы – 7–8 см) и весу (страусиные – 1,4–1,8 кг; крокодилы – 65–70 г). Во-вторых, человек, даже в самую сильную африканскую жару, конечно же, не может высидеть яйцо, не то что страусиное или крокодилье, но даже и перепелиное.

Мы не знаем, попадалась ли Н. на глаза опубликованная в 1925 году повесть М. Булгакова «Роковые яйца», но очень похоже, что попадалась: в ней тоже путают яйца птиц и рептилий (в частности, есть там и страусы, и крокодилы), только заканчивается все гораздо печальнее. И для людей, и для животных.

5 февраля 1936 года о крокодильих яйцах писала газета «Известия»: «10 января находящаяся в московском Зоопарке самка китайского болотного аллигатора (крокодила) отложила яйца. В Зоопарке аллигаторы откладывают яйца второй раз, но наблюдать это явление и сохранить яйца удалось впервые. Остальные три аллигатора сразу же попытались пожрать яйца, но самка, угрожающе ляская зубами, отгоняла их» (С. 6).

С. 52 Аден Город в Южной Аравии на берегу Аденского залива, сейчас расположен на территории Йемена, во времена Врунгеля – столица британского протектората Аден.

С. 52 Мы шли вдоль берегов Эритреи. Государство в Восточной Африке на побережье Красного моря. В 1939 году Эритрея была колонией фашистской Италии. В 1958 году она входила в федерацию Эфиопии и Эритреи.

Не откажем себе в удовольствии процитировать начало стихотворения Валентина Берестова 1984 года «Верблюд под паром», в котором упоминается эта страна:

О прекрасная моя марка Эритреи:
Отдыхающий верблюд с лебединой шеей.
Как ни странно, но у стран у колониальных
Марок не было тогда скучных и печальных...

С. 52 Гляжу – унтер-офицер в мокром виде. Звание младшего командного состава в итальянской и неко-

торых других армиях. В первом варианте повести было – сержант (ПКВ-1939: 72). В Красной армии звания сержанта во время создания первых вариантов повести не было, оно появилось лишь в 1940 году. Очевидно, редактируя текст, Н. хотел сохранить эффект чужеродности. В форму именно унтер-офицера (немецкой армии) нацистский лейтенант в 1945 году переодел итальянского фашистского итальянского диктатора Бенито Муссолини (1883–1945), безуспешно попытавшись оградить его от ареста и расстрела итальянскими партизанами (партизаны соглашались отпустить всех немецких солдат и офицеров, но требовали выдачи итальянцев). Возможно, чтобы напомнить об этой истории, Н. и выбрал во второй редакции повести новое определение чина спасенного итальянца.

С. 52 *Сержант итальянской армии Джулико Бандитто* Л. Кассиль назвал имя и фамилию сержанта первыми в списке «хорошо подобранных имен иностранных персонажей книги» (Кассиль 1939: 19). Именно фамилия «Бандитто» в 1976 году вдохновила Е. Чеповецкого на создание слов песни, которая была положена на музыку Г. Фиртичем, и стала главным хитом мультфильма Д. Черкасского «Приключения капитана Врунгеля» (цитируем в записи со слуха):

Мы бандито, гангстерито, мы кастето-пистолето (о йес),
Мы стрелянто, убиванто, украданто то и это (о йес),
Банко-тресто президенто ограблянто ун моменто (о йес),
И за энто режисенто нас сниманто в киноленто!

Мы бандито знаменито, мы стрелято пистолето (о йес),
Мы фиато разъезжато целый день в кабриолето (о йес),
Постоянно пьем чинзано, постоянно сыто-пьяно (о йес),
Держим banco миллионо и плеванто на законо!

Эта песня так полюбилась зрителям, что кто-то даже придумал к ней третий куплет, отсутствующий в мультфильме, но представленный в огромном количестве копий в интернете – однако мы не будем его цитировать, поскольку он гораздо слабее основного текста.

С. 52 *Прошу вас, капитан, высадить меня в любом месте на итальянском берегу.* В первом книжном варианте повести было менее радикально: «...ссадить меня в любом месте на африканском материке» (ПКВ-1939: 73).

С. 53 – *Италия везде, – перебил сержант, – И здесь, – показывает направо, – Италия, и здесь, – показывает налево, – Италия... Весь мир – Италия!* Пародируется следующий фрагмент нацистского марша «Завтра будем маршировать мы...» (1933, слова и муз. Х. Баумана): «Сегодня Германия – наша, // А завтра – весь мир!». «Четвертым берегом Италии» в 1939 году назвал побережья Ливии Муссолини. А в русском переводе эта геополитическая декларация более всего напоминает реплику гоголевского героя: «– Вот граница! – сказал Ноздрев. – Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес,

которым вон синее, и все, что за лесом, все мое» (Гоголь Н. Мертвые души // Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Кн. 7. М., 2012. С. 71).

С. 53 ...в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над народом и весь мир собирались к рукам прибрать. И достигли даже кое-чего: в Абиссинии, в Сомали, в Эритрее итальянский сапог в то время выше всего почитался. И невдомёк было этим джуликам и бандитам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесёт, что так, вверх сапогами, его и повесят... Развитая в этом фрагменте тема итальянского сапога, конечно, подсказана очертаниями этой страны на политической карте. Итальянская агрессия в Африке была едва ли не второй по значимости международной темой (после гражданской войны в Испании) в советских газетах конца 1930-х годов. Стремясь к созданию новой Римской империи, фашистская Италия в октябре 1935 года вторглась в Эфиопию (Абиссинию). В мае 1936 года итальянские войска вступили в ее столицу Аддис-Абебу и страна была объявлена частью Итальянской Восточной Африки, а король Италии Виктор Эммануил III, формально возглавлявший страну при Муссолини, принял титул Императора Эфиопии.

В финале комментируемого фрагмента (которого не было и не могло быть в ПКВ-1939) Н. прозрачно намекает на бесславный конец Муссолини: 28 апреля 1945 года его расстреляли партизаны на окраине итальянской деревни Меццегра, а потом труп перевезли в Милан и подвесили за ноги к перекрытиям бензоколонки на площади Лорето, обезобразив до неузнаваемости лицо бывшего диктатора.

слева: Плакат «После Туниса», 1943, Кукурыныксы
справа: «Крокодил» № 8, 1953 г. карикатура Бориса Ефимова «Высокие договаривающиеся стороны»

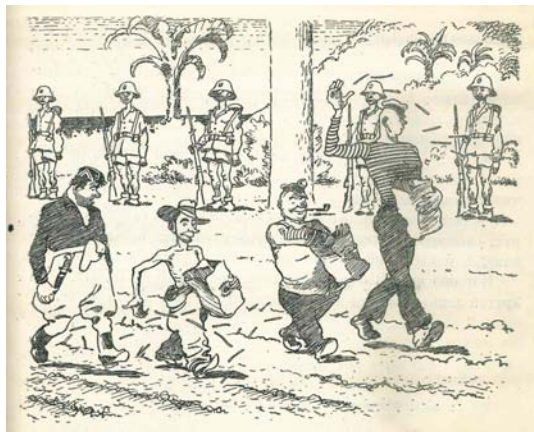
С. 53 ...как теперь янки Италию топчут. Очередной пропагандистский выпад против США, включенный во вторую редакцию повести (из последующих изданий ПКВ автор его убрал). Италия была членом НАТО с самого момента создания этого блока в апреле 1949 года. В 1948 году был подписан секретный двусторонний военный протокол, по которому предусматривалось использование итальянской территории американскими войсками в случае военных действий против третьей державы. Летом 1949 года США начали работу по возведению новых военных объектов, восстановлению и реконструкции старых аэродромов и портов в Италии. Таким образом, итальянские острова Пантеллерия и Лампедуза были превращены в опорные военно-морские базы США, а Италия постепенно превратилась в главный форпост США и НАТО на Средиземноморье и оставалась им в течение всего периода «холодной войны».

С. 53 *Подхватили нас под микитки* То есть – под грудь и ребра.

С. 54 *..дрянь едите и кукурузу сеете!* Видимо, этот пассаж перешел из ПКВ-1939 в ПКВ-1958 по недосмотру редакторов. Ведь еще в октябре 1955 года ЦК КПСС обратился к труженикам села с такими словами: «Колхозники и колхозницы, работники МТС и совхозов! Всемерно расширяйте посевы и повышайте урожайность кукурузы – важнейшего источника резкого увеличения производства зерна и создания прочной кормовой базы для животноводства!» (Призывы ЦК КПСС к 38-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1955. 26 октября. С. 2).

С. 54 *Да здесь можно такую макаронную плантацию развести, что на всю Италию хватит!* Карикатурные итальянские фашисты у Н. настолько антинародны, что не знают, откуда берутся макароны. Шутка про макаронные деревья (или деревья, на которых растут конфеты, булки, башмаки и прочие продукты пищевой и легкой промышленности) имеет солидные корни в фольклоре разных народов. Звездным часом «макаронного» варианта сюжета стал знаменитый телерепортаж о «деревьях спагетти», выпущенный в эфир BBC 1 апреля 1957 года и введший в заблуждение миллионы британцев. С учетом итальянского колорита русский читатель здесь должен вспомнить в первую очередь о денежном дереве, которое собирался вырастить на Поле Чудес Буратино в сказочной повести А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

С. 54 *Сам полковник пришёл.* Похоже, К. Ротов, изображая сцену посева макарон, держал в уме фотографию принимающего парад Муссолини.

С. 54 *И, представьте, через три дня взошли!* Все-таки Фукс – не простой шулер: ему ведомы секреты земледелия, недоступные всем прочим: в полевых условиях первые всходы овса появляются на восьмой-десятый день.

С. 55 *Вечером и полковник прибыл, тоже пригубил, и такое пошло веселье по всему лагерю: песни, шум, драки начались.* Обыгрывается очередной штамп: итальянцы – доверчивые и легкомысленные выпивохи, всему на свете предпочитающие макароны, спиртное, песни и потасовки.

С. 55 ...я обогнул мыс Гвардафуй... Располагается на северо-восточной оконечности Африканского Рога (полуострова Сомали).

С. 56 ...а главное – летучие рыбы. Замечательно красивые рыбки! Порхают над водой, как стрекозы, и дразнят душу старого моряка. Недаром, знаете, летучая рыба – символ океанского простора. Сравните с текстуально близким фрагментом в книге капитана Д.А. Лухманова: «...в ту же ночь на палубу “Товарища” залетела первая летучая рыба. А с рассветом мы увидели целые рои этих рыбок-стрекоз, то там, то сям взлетающих над лиловато-розовой поверхностью просыпавшегося океана <...> Летучая рыба – символ океанского простора» (Лухманов 1936: 47).

С. 56 *Экватор, как вам известно, линия воображаемая, однако вполне определённая. Переход её с давних пор сопровождается небольшим самостоятельным спектаклем на корабле: якобы морской бог Нептун является на судно и после непродолжительной беседы с капитаном тут же, на палубе, купает моряков, впервые посетивших его владения.* Капитан вновь правдив – традиция при пересечении экватора устраивать праздник Нептуна и «крестить» новичков в бочке с экваториальной водой, действительно, издавна существует на торговом флоте разных стран. Кроме того, несчастным испытуемым намыливают голову с помощью большой мочалки или малярной кисти, а затем бреют их громадным поварским ножом. Итогом процедуры, как правило, становится вручение моряку, «крещеному» экваториальной водой, специального шутивого диплома. Затем морской царь поздравляет экипаж с благополучным переходом в южные или северные владения и обещает ниспослать судну попутный ветер.

Приведем также описание пересечения экватора русскими моряками в начале XIX века, сделанное дотошным Владимиром Ивановичем Далем (в молодости – мичманом русского флота): «Почти у всех европейских народов заведено праздновать в море день перехода судна через экватор или равноденственный круг: это самая срединная полоса земного шара; середина жаркого пояса. При этом поздравляют, а иногда и купают или окачивают водою тех, кто в первый раз переходит из Северного полушария в Южное. Распоряжается всеми затеями обыкновенно первый мазопек [т.е. шут – *Коммент.*] и проказник между матросами, которому командир дозволяет явиться на шканцы [это помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, на один уровень выше шкафута, где обычно находился капитан – *Коммент.*] в наряде морского царя, или дедушки водяного. Первое русское судно перешло экватор 1803 года 26 ноября, под командой капитана И.Ф. Крузенштерна. Один только командир до этого бывал уже в Южном полушарии; остальные все были новички. Должность дедушки-водяного, который в пеньковом парике и тулупе наизнанку вышел встречать гостей своих, поручена была матросу Павлу Курганову. Он явился с острогой, или трезубцем, красно балагурил, много насказал о чудесах жарких стран и выпросил у командира по чарке вина на команду, так как у его самого для потчеванья и угощения дорогих гостей не было никаких запасов, кроме морской соленой воды. Этою водою он и окатил, на угощении, всю команду. Обыкновенно все это делается так: получив тайком позволение командира потешиться, морской царь засылает гонца, передового, разубранного флаг-

дуком [полотном, из которого шьют флаги – *Коммент.*] и расписанного в лице сажей и мелом. Гонец этот иногда ходит на деревяшке или на костылях и торопится вприпрыжку из-под бака на ют. По слову “милости просим” – выползает из форлюка сам морской царь, под вывороченным тулупом, в шутовской шапке, с остроугой в одной руке и с кузнечным мехом в другой: значит, он же и царь ветров. Иногда царедворцы сажают его на колесницу, из пушечного станка, в которую запряжены львы или медведи. У царедворцев его, у кого рыба в руках, у кого рак или раковина, и у всякого по ведру воды из-за борта.

Поезд этот тянется до сборного места, на шканцах или шкафутах [так называют среднюю часть палубы от фок-мачты до грот-мачты либо от носовой надстройки (бак) до кормовой (ют) – *Коммент.*]. Тут водяной допрашивает команду, зачем они пришли в царство его, и требует с них за это дань. После разных шуток он освобождает от дани всех тех, кто уже проходил царство его, то есть экватор, и платил пошлину прежде, а остальных окачивает водой.

Иногда водяной высылает после гонца звездочетов своих, которые берут высоту солнца, делают счисление и объявляют, что корабль вошел в царство водяного и вот сейчас только переваливается из Северного полушария в Южное. Конец всего этого – много шуток и смеху, да чарка вина» (*Даль В.И. Матросские досуги // Даль В.И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М., 2017. С. 270–271.*)

С. 56 ...и приказал Фуксу драить медные части. Моряки, чья обязанность во время вахты – наводить на судне порядок, начищают до блеска не только медные, но и вообще любые металлические детали его корпуса. Однако на морском жаргоне и это называется «драить медяшку».

С. 58 Тогда я предложил им шахматы. Это, как-никак, игра мудрецов, изоцряет ум, развивает стратегические способности. Сравните в книге капитана Д.А. Лухманова: «Спортивным состязаниям мешала жара, вечера самодеятельности не клеились. Держался еще кое-как шахматный кружок» (Лухманов 1936: 76).

С. 59 А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользит над водой спинной плавник огромной акулы. Сюжет преследования купальщика акулой и чудесного его избавления положен в основу хрестоматийного рассказа Л.Н. Толстого «Акула» (там мальчика-купальщика спасает его отец-артиллерист, метким выстрелом из пушки уничтоживший хищницу).

С. 60 У полюса же вы легко можете хоть пять раз в день обойти земную ось кругом, тем более что и дни там, на полюсе, бывают до шести месяцев продолжительностью. Полярный день на Полюсах длится даже дольше шести месяцев. На Северном полюсе его продолжительность составляет примерно 190 дней (с 19 марта по 25 сентября), на Южном, куда плывет «Беда» – 184 дня (с 21 сентября по 23 марта).

С. 60 – Земля на носу! В ПКВ-1939 Фукс сразу же кричал правильно, не путаясь в морском жаргоне: «Земля по носу!» (С. 82).

С. 60 *Огромный айсберг столовидной формы...* Для обозначения больших (могут иметь периметр во многие десятки километров) плоских айсбергов с вертикальными стенками используют устоявшийся термин «столовый айсберг».

С. 60 *Точно стены хрустального замка, возвышались над морем голубые уступы...* и далее. Пародируется выпренный слог описаний удивительных природных явлений в приключенческой литературе. Сравните с изображением айсбергов в романе Жюль Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса»: «— Полюбуйтесь, Джонсон, на это скопление льдов! Ни дать ни взять восточный город с минаретами и мечетями, освещенный бледными лучами луны! А там, дальше, длинный ряд готических арок, напоминающих часовню Генриха Седьмого или здание Парламента» (Верн Ж. Путешествие и приключения капитана Гаттераса. М., 1993. С. 40).

С. 61 *Айсберг совершил этакое салто-мортале...* Сальто-мортале – цирковой, акробатический трюк. Просто сальто (итал. скачок) – это прыжок с переворотом в воздухе. А мортале (итал. смертельный) означает, что переворачивается акробат не вперед, а назад.

С. 61 *И ничего удивительного нет, если айсберг переворачивается...* Вновь рады отметить: здесь Врунгель говорит чистую правду и его объяснение причин переворота айсбергов не расходится с данными науки. Ученые из Чикагского университета недавно подсчитали, что энергия, высвобождаемая при таком перевороте, сопоставима с небольшим землетрясением или взрывом атомной бомбы.

С. 62 *...мы поставили паруса, натянули шкоты и вместе с айсбергом полным ходом пошли назад, на север, поближе к тропикам.* На плывущей льдине совершают заключительную часть своего путешествия герои романа Жюль Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса». Но подобное происходит не только на страницах научно-фантастических романов: пусть и не верхом на льдине, но вместе, в связке с ней путешествуют «буксировщики айсбергов». Сейчас это случается, когда требуется отогнать айсберг подальше от морских путей (как на картинке), но уже давно разрабатываются также проекты доставки айсбергов как резервуаров пресной воды.

С. 62 *...и «Беда», как со стапеля, мягко стала на воду...* Стапель – сооружение (наклонная плоскость с кранами и другими инженерными устройствами) для постройки судна и последующего спуска его на воду.

С. 63 *...кашалот, понимаете, зашёл из Тихого океана, простудился во льдах Южного полюса, подхватил грипп, лежит тут и чихает.* Встреча с огромным китом (кашалотом, в частности) – еще один эпизод, часто изображаемый в «морской» приключенческой литературе. Есть такие эпизоды в романе Жюль Верна «Путешес-

твие и приключения капитана Гаттераса», страшная битва капитана Немо с кашалотами описана в «Двадцати тысячах лье под водой» того же автора. Вспоминается, конечно же, и великий роман Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит».

Действительно, и животные, и даже птицы могут болеть вирусными заболеваниями (например, гриппом) и даже заражаться друг от друга, в смысле – один биологический вид от другого. Однако в отличие от нас, сухопутных млекопитающих, дышащих так, как оно само собой выходит, киты сознательно регулируют свое дыхание, поэтому они не чихают даже при сильной простуде, но могут целенаправленно и осознанно откашливаться.

С. 63 *Аспирин рассыпался и вместо рта да в дыхало – в ноздри, так сказать. Кашалот вздохнул, замер на секунду, зажмурил глаза – и вдруг опять как чихнет, да прямо на нас.* Как писал только что упомянутый нами классик литературного китоведения Г. Мелвилл, «нос у кита вообще отсутствует, а то, что у него есть вместо носа – его дыхало, помещается, так сказать, на макушке...» (Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит // Мелвилл Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Л., 1987. С. 374). Таким образом, Врунгель сильно промахнулся.

С. 64 *Они, со своей стороны, объяснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания.* Как станет ясно очень скоро, подразумевается только еще оформлявшийся в 1937 году военный альянс агрессоров, позже получивший название «Ось Рим–Берлин–Токио». После того как Коминтерн в 1936 году заявил о создании Народного фронта, Германия, Италия и Япония подписали так называемый Антикоминтерновский пакт.

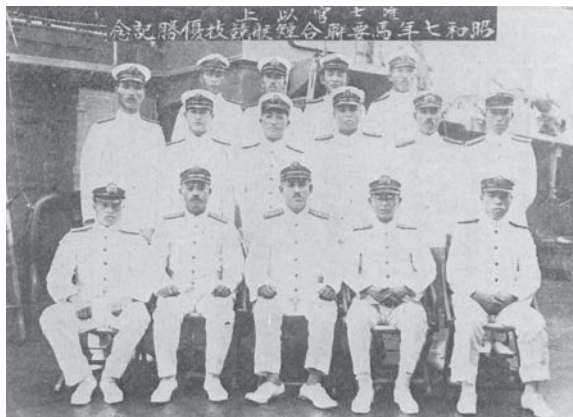
В своей рецензии на ПКВ-1939 Л. Кассиль отмечал: «Весь эпизод с международным комитетом по охране китообразных от вымирания написан Некрасовым мастерски и с умелым владением приемами политической сатиры. Речи Кусаки и Грабентрупа недвусмысленно напоминают часто произносимые в Европе «комитетские» речи...» (Кассиль 1939: 19). Добавим, что здесь вновь появляется перекличка с И. Ильфом и Е. Петровым: комитет защиты китов, выступающий как прикрытие какой-то иной, не природоохранной деятельности, живо напоминает карикатурно-монархический «Союз меча и орала» из «Двенадцати стульев», официальной своей целью объявлявший помощь беспризорным детям.

Что касается защиты китов, то первая конвенция, ограничивающая их истребление, была открыта для подписания в 1931 году и вступила в силу незадолго до создания повести, в 1935 году. Однако не подписали ее ни Япония, ни СССР, как раз разворачивавший свою китобойную тихоокеанскую флотилию. Обе страны впоследствии, уже после Второй мировой войны, стали крупнейшими истребителями этих морских млекопитающих.

С. 64 *...взял слово представитель одной восточной державы, адмирал Кусаки.* Речь, понятное дело, идет о Японии. Эта страна в конце 1930-х годов воспринималась в Советском Союзе едва ли не как главный идеологический, а потенциально – и военный противник. Сильный отпечаток в сознании японских и советских людей оставила русско-японская война 1904–1905 гг., в которой царская Россия

потерпела сокрушительный поражение. В 1918–1922 годы на Дальний Восток Советского Союза вторглись японские интервенты. Не улучшило отношений между двумя странами и создание Японией в марте 1932 года марионеточного государства Маньчжоу-Го на территории Северо-Восточного Китая (СССР это государство не признал). Маньчжурия послужила основным плацдармом для сосредоточения японских войск, готовившихся к нападению на Советский Союз. Их численность с 1931 по 1937 годы выросла с 65 000 до 200 000 человек. В 1936 году Япония подписала с Германией уже упоминавшийся нами Антикоминтерновский пакт. В 1938 году развернулся пограничный военный конфликт между СССР и Японией близ озера Хасан. Во время Второй мировой войны и холодной войны Советский Союз и Япония также оказались по разные стороны баррикад. Вот это многолетнее противостояние двух стран и воплотилось в ПКВ в параноидальном преследовании японским адмиралом Кусаки экипажа советской яхты «Беда».

Среди японских адмиралов можно найти двух вероятных прототипов этого героя, причем носили они еще более говорящую для русского читателя фамилию. Это изображенный на фотографии вице-адмирал Дзинъити Кусака (во времена создания ПКВ – контр-адмирал) и его кузен и тоже вице-адмирал Рюносукэ Кусака.

Дзинъити Кусака (на групповой фотографии – средний в нижнем ряду)

Чтобы фамилия не выглядела слишком русской, Н. пришлось ее «японизировать». Как можно предположить, при этом обыгрывалась часто встречавшаяся в советских газетах фамилия Кадзусигэ Угаки, японского генерала, военного министра, долгое время – генерал-губернатора завоеванной Японией Кореи, а в начале 1937 года – почти что премьер-министра (ему не удалось сформировать кабинет, и он стал министром иностранных дел, в 1944 г. отошел от политики, чтобы вернуться в нее уже после войны как депутат парламента).

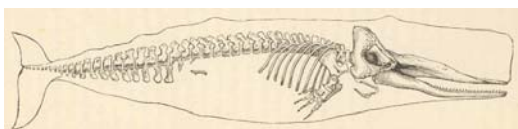
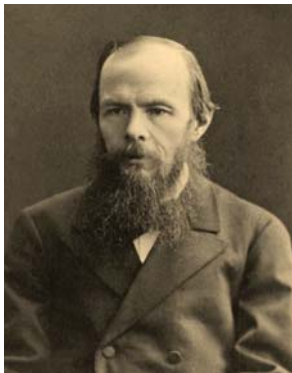
В образе адмирала спародирован еще один часто встречающийся в приключенческой литературе персонаж – страшный и могущественный враг главных героев, вроде профессора Мориарти из рассказов о Шерлоке Холмсе Конан Дойла, судового повара Негоро из «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна или кардинала Ришелье из «Трех мушкетеров» Александра Дюма. Впрочем, бравый адмирал Кусаки больше походит не на коварного и проницательного Ришелье, а на растяпу-

неудачника, вроде недалекого сыщика Фикса из романа Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». Нужно еще отметить, что, как и многие другие персонажи ПКВ, этот «злодей с политической окраской» (Рахтанов 1939: 23) иронически соткан из обывательских и пропагандистско-газетных штампов. Именно так «средний советский человек» представлял себе типового японца: маленького роста, агрессивный и упорный до маниакальности. Как раз портреты иностранцев в ПКВ и заставляют внимательного читателя всерьез усомниться в том, что преподаватель навигации из морского техникума действительно видел всех персонажей своих рассказов наяву (а не скомпоновал их образы из передовиц советских газет).

И.Г. Дубровской автор ПКВ рассказывал, что «самим своим появлением в повести» адмирал Кусаки обязан главному редактору «Пионера» Б.А. Ивантеру, «который советовал ему ввести «злодея», чтобы появился сюжетный стержень» (Дубровская: 152).

С. 64 ...*Грабен*труп... Пародируется фамилия многолетнего министра иностранных дел нацистской Германии (с 1938 по 1945 годы) Иоахима фон Риббентропа (1893–1946). Интересно, что как раз в том 1939 году, когда вышло первое книжное издание повести Н., фон Риббентроп приехал в Москву, был принят И.В. Сталиным и вместе с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым подписал договор о ненападении между Германией и Советским Союзом сроком на десять лет. Фамилия героя скрывает сразу два значения: корень русского глагола «грабить» и немецкий глагол *graben* – «рыть, копать».

С. 65 ...*кашалот*, в отличие от прочих китообразных, обладает черепом удлинённого строения. Таким образом, оскорбив кашалота, этот Врунгель оскорбил всю арийскую расу. Пародируется печально известная и псевдонаучная теория антрополога и расового теоретика Ганса Гюнтера (1891–1968), которая доказывала неравноценность человеческих рас и типов на основании якобы точных антропологических измерений: пропорций тела, лица, а также размера и типа черепа. В зависимости от результатов этих измерений Гюнтер относил человека к той или иной расе и каждой из них приписывал определенные психические и умственные качества. Высшим типом была объявлена нордическая арийская раса, которой, по Гюнтеру, не следовало смешиваться с другими, в первую оче-

Примеры строения черепов:
два удлинённых – кашалота
и «истинного арийца» (германский
министр пропаганды Йозеф Геббельс)
и круглый «неполноценного
представителя низших рас»
(русский писатель
Федор Михайлович Достоевский)

редь, африканскими и азиатскими цивилизациями. Концепция Гюнтера легла в основу нацистской расовой теории, которая широко использовалась для оправдания войны и массового уничтожения представителей «неполноценных», «низших» рас. Разоблачению нацистской расовой теории была посвящена специальная статья профессора А.М. Быховского «Существуют ли высшие и низшие человеческие расы?», опубликованная в Пионер-3 (С. 57–64), в не дальнем соседстве с одной из частей журнального варианта ПКВ.

С. 65 ...а яхту «Беда» с экипажем временно водворить на одном из близлежащих необитаемых островов... и далее до начала следующей главы. Здесь Н. в пародийно-сжатом виде конспектирует роман Ж. Верна «Таинственный остров»: все начинается с лишений, которые испытывают колонисты, затем смекалка и технические познания Врунгеля преобразуют безлюдный островок, а заканчивается все огненной катастрофой (в сравнении упоминается восходящий к сюжету Ж. Верна вулкан) и спасением героев с помощью подручных плавсредств.

С. 65 ...нанесло на этот островок обломков погибших кораблей. Намек на заглавие приключенческого романа Александра Беляева «Остров погибших кораблей» (1927)?

С. 65 Лом вспомнил, что в старину в таких случаях борщ из подмётков варили... Помимо матросских баек, источником сведений Лома мог стать великий фильм Ч. Чаплина «Золотая лихорадка» (1925), в одном из самых знаменитых эпизодов которого оголодавший золотоискатель поедает сваренный им кожаный ботинок и шнурки от него.

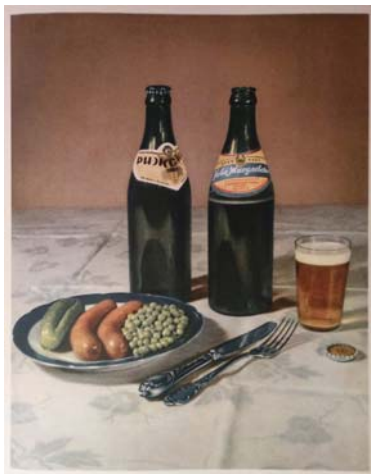
Приготовление и поедание ботинка в фильме «Золотая лихорадка»

С. 66 А с другой стороны, и упустить жалко: птички жирные, упитанные, так и просятся на жаркое. Полярники, действительно, употребляют мясо пингвинов в пищу. Не без грусти приведем здесь два фрагмента из популярной книги участника многих экспедиций Роберта Пристли «Антарктическая одиссея»: «Опыт этого года убедил нас всех в том, что экспедициям необязательно и даже излишне тратить энергию на то, чтобы запастись новозеландским мясом. По своим качествам мясо пингвинов Адели и тюленей ничуть не уступает баранине и говядине, пахнет

пингвинятина не хуже любой другой дичи, а тюленина вполне съедобна, хотя довольно безвкусна <...> Мясо пингвина Адели стало обязательной частью утренних похлебок и очень их скрасило. После того как удалось убить четырех императорских пингвинов, их мясо целый месяц облагораживало супы и утром, и вечером» (Пристли Р. Антарктическая Одиссея. Л., 1989. С. 50, 267).

С. 66 Я вспомнил – висит у нас в каюте картинка «Разварной судак под польским соусом». Это мне один художник подарил. Очень натуральное изображение. <...> Пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины. А вот это чистой воды вранье. Пингвины не обладают столь сильно развитым абстрактным воображением, чтобы соотнести изображение на картине и реальность. Зато истории про обманутых искусством птиц рассказываются издавна, поражая воображение слушателей описанием мастерства художника. О древнегреческом живописце Зевксисе известно, что однажды он так мастерски изобразил мальчика с виноградной лозой в руке, что птицы слетелись к картине клевать ягоды. Зевксис расстроился и сказал: «Значит, я плохо нарисовал мальчика, и птицы его не испугались».

Название замечательной картины неизвестного нам художника отсылает к поэтике названий рецептов в поваренной книге или блюд в ресторанном меню, но никак не живописных полотен. Польский соус – традиционная приправа к рыбным блюдам (топленое масло, измельченные вареные яйца, лимонный сок, свежая зелень).

Иллюстрации из «Книги о вкусной и здоровой пище» (1952), в которой нашла бы свое законное место картина неизвестного художника

С. 67 *Вдруг как грянет!* Отчасти сходная сцена описывается в романе Жюль Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», где отважный капитан падает в раскаленное жерло вулкана, но в последний момент спасается от неминуемой гибели. По наблюдению И.Г. Дубровской «в сцене гибели необитаемого острова есть, безусловно, момент пародирования сюжетного хода вышедшей в 1926 году книги В. Обручева “Земля Санникова”» (Дубровская: 159).

С. 68 ... *раз-раз сажёнками*... Так – выбрасывая попеременно вверх руки – плавают начинающие пловцы. Выносим это слово в комментарии еще и ради того, чтобы подчеркнуть: Врунгель произносил его по-старому, с ударением на втором слоге: не «са́женки», а «сажёнки».

С. 68 ...*как раз в эту ночь мы пересекли линию дат*... и далее Мы не беремся понятнее, чем капитан Врунгель, объяснить, что такое линия дат. Отметим только, что ее наличие играет сюжетобразующую роль в романе Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней». Герой этого романа Филеас Фогг сначала думает, что проиграл пари, прибыв в Лондон на день позже срока, а на самом деле у него в запасе был один день, так как Фогг пересек линию перемены даты на пути из Азии в Америку.

С. 69 *Вы вот ночь спали, а я тем временем по Рыбам произвёл определение*. Без приборов определить время пересечения линии дат совершенно невозможно, и созвездие Рыб никак не поможет решить эту задачу. Оно упоминается только для того, чтобы дальше его название было обыграно в шутке про созвездие Рыб и настоящих рыб.

С. 69 ...*не доска, а надир*. Надир (в астрономии) – направление «вниз», т. е. противоположное зениту. Но Фукс по незнанию произвел «надир» от глагола «нади-рать» или «надрать», т. е. отщеплять что-то (например, лыко или кору) от бревна или доски. Или: причинять мелкие телесные повреждения такой неровной доской.

С. 70 *По очертаниям – будто Сандвичевы острова. К вечеру подошли поближе, так и есть: Гавай*. Сандвичевыми островами Гавай (Гавайи) были названы открывшим их в 1778 году капитаном Джеймсом Куком в честь своего друга графа Сандвича – первого лорда британского адмиралтейства. Употребление этого устаревшего названия подчеркивает приверженность Врунгеля к миру классических дореволюционных приключенческих романов. В его времена Гавайи, аннексированные США в конце XIX века, имели статус самоуправляемой территории.

С. 70 *В старину, правда, здесь было не очень спокойно: кто-то кого-то тут ел. Капитана Кука вот съели*... Последнее не соответствует действительности, однако виноват в дезинформации читателя не капитан Врунгель (и не Владимир Высоцкий, много позднее написавший песню «Почему аборигены съели Кука...»), а устойчивая и давняя легенда. На самом деле гавайские аборигены и не думали есть капитана королевских британских военно-морских сил Джеймса Кука (1728–1779), в своем роде – предшественника Врунгеля, совершившего целых три кругосветных плавания. Увы, они, действительно, убили этого капитана, а потом, как предписывают их обычаи, кости Кука закопали в землю, а мясо и голову вернули «родственникам», т. е. членам команды капитана. Отсюда и родилась страшная легенда. Историки

Смерть Джеймса Кука. Цветная литография, 1832, Р. Вейбезал

до сих пор спорят, считали гавайцы Кука богом (вернее, воплощением божества изобилия и земледелия Лоно) или просто зарвавшимся чужестранцем.

С. 70 Ну, а теперь-то давно уже туземцы вымерли... Данное преувеличение, вероятно, лежит на совести официальной пропаганды, а не капитана Врунгеля. Потомки коренных гавайцев сейчас составляют около 6% населения островов, это около 80 000 человек (а если прибавить сюда представителей других тихоокеанских народов, набираются все 10%). Скорее всего, примерно такой картина была и во времена путешествия на «Беде». Когда Гавайи были открыты европейцами, население островов составляло 300 000 человек.

С. 70 А в остальном здесь рай земной: богатая растительность, ананасы, бананы, пальмы. А главное – пляж Уайкики. Самый известный пляж не только на Гавайях, но и во всем мире, Вайкики (Waikiki) был популярным местом отдыха гавайской знати еще в XIX веке. Сейчас на этой узкой полоске песка протяженностью чуть больше 3 км расположилось 175 высотных отелей и несчитанное количество баров и ресторанов, многие из которых были построены еще в 1920-х годах.

С. 70 Там прибой замечательный. На его волнах местные жители, стоя на досках, катались. Подразумевается сёрфинг (от англ. surfing – «катание (по поверхности)»), вид спорта, зародившийся на Таити примерно в IV веке нашей эры, когда полинезийцы, жившие здесь и на других островах, в поисках новых территорий начали осваивать Гавайи. Только самые отважные и ловкие мореходы добирались до новых берегов, неся древнейшие традиции полинезийских племен. Среди обычаев было и скольжение по волнам на доске. Долгое время сёрфинг считался занятием только для людей королевской и благородной крови. Потом сословные строгости ослабли, но еще в 1890-е годы восхищенную публику на пляже Вайкики удивляло мастерство катания на доске, проявляемое гавайской принцессой Каиулани. В 1920–1930-е годы катание на досках уже обрело статус популярного спорта, в частности, с 1928 года ежегодно устраивался чемпионат тихоокеанского побережья по сёрфингу в Корона-дель-Мар.

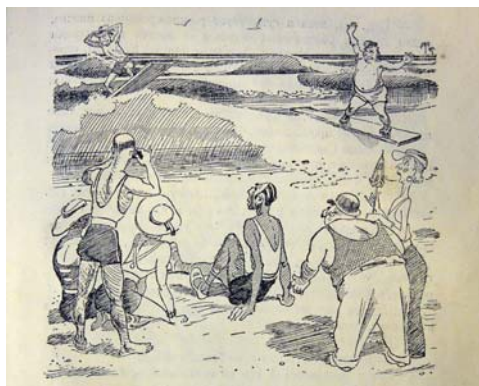

Принцесса Каиулани. 1897

С. 70 ... наподобие морских полубогов, мы несёмся в бурунах... В античном пантеоне полубоги – дети богов и смертных, т.е. боги ровно наполовину. Таким, например, был повелитель ветров Эол, сын нимфы Орсеиды (т.е. внук самого Океана) и Эллина, родоначальника греков.

С. 71 На берегу нас окружили какие-то дачники в купальных костюмах. Дачниками капитан Врунгель, как и почти все советские люди того времени, неиску-

шенный в цивилизованных, расслабляющих видах отдыха, называет курортников. На соответствующей иллюстрации К. Ротова к ПКВ они одеты в неуклюжие купальные и пляжные костюмы, сшитые по моде 1910-х годов. На самом деле на рубеже второго и третьего десятилетий XX века в западной индустрии как мужских, так и женских купальников произошла настоящая революция – шерстяную ткань заменил обтягивающий латекс, а степень допустимой оголенности тела если и не достигла нынешней, то решительно к ней приблизилась.

Гавайские курортники на иллюстрации К. Ротова к ПКВ-1939 и на картинке из модного журнала 1935 года

С. 71 ...или канаки, как их ещё называют... Канаками (фр. *kanak, canaque*) себя называли и называют сами коренные жители Гавайских островов. До наших дней сохранилось около 30 различных языков канаков.

С. 71 ...концерт на гавайских гитарах «Гавайской гитарой» во времена Врунгеля называлась не укулеле, но особая техника игры (и специально приспособленная для нее так называемая слайд-гитара), которая позволяла извлекать звуки, отдаленно напоминающие «плавающий» звук электрогитары. Вот как описывает свои впечатления от первой встречи с этим инструментом герой повести Бориса Балтера «До свидания, мальчики» (1963), действие которой происходит в советском предвоенном приморском городе: «Джон Данкер только еще укладывал на колени гитару. Он положил ее на колени плашмя – уже интересно: как можно играть на гитаре, когда она плашмя лежит на коленях? Потом он полез левой рукой в карман брюк и, вынув ее, приподнял на мгновение вверх: он показывал всем, что в руке у него белая металлическая пластинка, очень похожая на те, которыми врачи лазят человеку в горло. Он обхватил гриф рукой так, что пластинка и четыре пальца легли поверх струн, а большой – придерживал гриф снизу. Правая рука свешивалась вдоль стула. Джон Данкер поднял голову и некоторое время смотрел перед собой, и под его взглядом стихли аплодисменты. <...> Джон Данкер быстро поднял и опустил над струнами правую руку. В ночь проник странный щемящий и чистый звук. Мне показалось, что где-то мяукал котенок. Правая рука Джона Данкера обрела неожиданную легкость и энергичную силу движений. Она поднималась и падала, как будто клевала струны. Теперь не котенок, а здоровенный

кот на самых высоких кошачьих нотах предупреждал своего соперника о жестоких законах любви. Никогда не думал, что у кошек такие богатые голосовые данные. Просто они не умеют использовать свои возможности. Из обычных кошачьих верхних нот под руками Джона Данкера складывалась экзотическая мелодия. Она складывалась в воздухе из отдельных звуков где-то над нашими головами» (Балтер Б. До свидания, мальчики! М., 1965. С. 234–235).

Продавцы лей (цветочных гирлянд). Гонолулу, Гавайи, 1930-е гг.

С. 72 *«Тихий океан»* – первоклассная гостиница. Исключительно из комментаторской вьедливости отметим: «Pacific Beach Hotel» – одна из самых известных и долго существующих гостиниц близ пляжа Вайкики.

С. 72 *...украшили цветами...* Скорее всего, капитан Врунгель подразумевает леи – традиционное гавайское украшение в виде надеваемой на шею гирлянды из орхидей и перьев.

С. 72 *Сидела птичка на лугу...* и далее Автором этого поэтического шедевра, по-видимому, был сам Н. Гавайская песня Врунгеля и Фукса была замечена читателями и получила право на самостоятельное существование в русской речевой культуре. По словам главного героя «Веселого Романа» (1971) Владимира Киселева, эту «дурацкую песенку» «всегда поют наши мотогонщики перед кроссом» (Киселев В. Веселый роман // Дружба народов. 1971. № 5. С. 47). Цитируют песню и другие литературные герои, многочисленные вариации текста свидетельствуют о его бурной фольклорной жизни. По воспоминаниям Леонида Мезинова, поклонником этой песни (как и ПКВ в целом) был прекрасный детский писатель Юрий Коваль: «...в лирико-балладный строй врывается нечто ерническое и созвучное нам! <...> Андрей Сергеевич Некрасов, «Приключения капитана Врунгеля». Мы упиваемся крепким грогом этой дерзкой и веселой книги, хлещем ее по строчкам, смакуем по словечкам» (Мезинов Л. Острова памяти // Ковалиная книга. Вспоминая Юрия Ковалю. М., 2008. С. 37).

В журнальном варианте повести текст песни про корову отсутствовал. Там капитан рассказывал о своем выступлении так: «Ну, я закрыл глаза – будь что будет! – ударил по струнам – и басом, без слов, одну мелодию. Потом вышел на эстраду конферансье.

– Вот, – говорит, эта старинная гавайская песня, слова которой говорят о сборе плодов хлебного дерева, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...» (Пионер-7: 120).

Два самозванца (главный – в капитанской фуражке), которым, чтобы поправить свое финансовое положение и продолжить путешествие, приходится неумело

изображать людей искусства – эта ситуация может напомнить внимательному читателю соответствующие страницы «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Еще одним потомком Хлестакова и предшественником лжегавайцев на музыкальном поприще был пастух Костя Потехин из кинокомедии Григория Александрова «Веселые ребята» (1934) – не из его ли стада забрела в песенку коварная корова? «Дачники»-нэпманы приняли на пляже начинающего музыканта Костю за известного дирижера-иностранца. Герой был разоблачен, затем уже в Москве принят вторично за того же парагвайского дирижера, и, нелепо жестикуюлируя перед оркестром, снискал аплодисменты рафинированной буржуазной публики.

А птичку, конечно же, жалко!

Корова Марья Ивановна занимала почетное место в анимационной заставке фильма Александрова

С. 73 *«Пользуйтесь воздушным сообщением тихоокеанских линий. Регулярные рейсы в Штаты и в Бразилию»* Такой авиакомпании в 1930-е гг. на свете не было, и до первых рейсов из Бразилии на Гавайи оставалось еще много лет. В повести, однако, отразилось реальное событие – в ноябре 1935 года американская компания Pan American Airways (Pan Am) открыла регулярное трансокеанское сообщение, одним из рейсов был полет по маршруту «Лос-Анджелес–Гонолулу».

Самолет Martin M-130, выполнявший первые трансокеанские рейсы, садился на водную поверхность. Справа: пятеро пассажиров и две пассажирки первого рейса Hawai Clipper в сопровождении прекрасных гавайек

Чтобы оценить впечатление, которое новость могла произвести на современников, надо помнить, что еще за десять лет до того подобные перелеты были чрезвычайными событиями, связывались с именами смельчаков-пилотов и нередко заканчивались трагически. Но и первые пассажирские рейсы не всегда были безопасны. Незадолго до выхода в свет первого издания повести Н., в июле 1938 года, американский авиалайнер Martin-130 «Гавайский клиппер» исчез над океаном, и мы так и не знаем, что именно случилось с самолетом и его пассажирами.

С. 73 *...побежали к портному, а он, негодая, зашил, что ли, но только ничего не сшил.* Пьяница-портной – традиционнейший персонаж русской и мировой прозы. Для экономии места приведем здесь только одну классическую цитату –

из «Шинели» Н.В. Гоголя о портном Петровиче: «Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям» (Гоголь Н. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М., 1994. С. 114–115). Напомним, что Врунгель тоже намеревался заказать портному-гавайцу шинель.

С. 74 ...достаёт макинтош ... Первоначально – длинный плащ из прорезиненной водоотталкивающей ткани, изобретенной в дождливой Британии еще в 1823 году Чарльзом Макинтошем. Такие плащи получили широкое распространение после открытия метода вулканизации резины в 1840-х годах и стали узнаваемой приметой британского джентльмена, а потом распространились и на континенте. Впоследствии в России так стали называть любое летнее пальто сходного покроя.

С. 74 Встал тут же в тени баньяна... Баньян – это не вид дерева, а совокупное название для нескольких видов деревьев рода фикус семейства тутовых. Наиболее известен под этим названием фикус бенгальский (высота до 30,5 м). Одно дерево может занимать площадь до 5000 м², имитируя целую рощу. Вновь отметим точность и правдивость, которые в данном случае демонстрирует капитан: баньянов на Гавайях, действительно, много. «Аллея баньянов» – одна из главных достопримечательностей гавайского города Хило.

С. 74 Мы в этом макинтоше по одному билету вдвоём улетим. Билеты на авиарейсы были именными, так что у оказавшихся буквально без штанов героев не было возможности не то что вдвоем улететь по одному билету, но даже приобрести его. Если, конечно, не предположить, что потеряв все, Врунгель сохранил при себе советский паспорт.

С. 74 В самолете чистота, зеркала, различные удобства, публика вроде приличная... Билет на первый (как сейчас выражаются, «эксклюзивный») рейс «Лос-Анджелес–Гонолулу» стоил 3 000 долларов (в пересчете сегодня это эквивалентно сумме в 50 000 долларов!), но и в дальнейшем авиабилеты были недешевы, так что можно лишь позавидовать концертному гонорару капитана и Фукса. Пассажирские авиарейсы, особенно дальние, долго оставались дорогим удовольствием и обставлялись с ориентацией на атрибуты роскошных трансатлантических морских круизов. Даже современный «бизнес-класс» не приближается к этой обстановке. Но, конечно, самолеты того времени,

Джентльмен в макинтоше (каталог Carson's, 1893 г.)

Аллея баньянов в Хило

Слева: на борту самолёта Clipper Sikorsky S-42 американской авиакомпании Pan Am (Pan American), около 1935 г. Справа и в центре: Boeing 377 Pan Am, 1950-е годы

летавшие на небольшой высоте, постоянно попадавшие в «воздушные ямы» и зоны турбулентности, яростно гудящие всеми своими моторами, мало способствовали созданию беззаботной атмосферы, царящей на рекламных фотографиях.

С. 75 ...любуются видами Кордильер Эта самая длинная горная система Земного шара опоясывает западную окраину Северной и Южной Америки. Конечно, авторы приключенческих произведений не могли пройти мимо такой замечательной достопримечательности – глава «Спуск с Кордильер» есть, например, в романе Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

С. 75 Достал трубочку, набил, закурил... Запрет курить в салоне самолета появился сравнительно недавно, в 1970-х годах. А полностью запретили курение в полете еще позже, в 1990-х. Не забудем, впрочем, что в данном случае капитан закуривает тайком.

С. 76 ...устроили такое приспособление на самолётах. Называется: «Ступай вниз» и далее. Сходная система коллективного спасения вроде бы и на самом деле разрабатывалась в США в конце 1920-х годов, правда, дальше экспериментов с манекенами дело не зашло. Предполагалось, что по сигналу тревоги каждый пассажир пристегнет себя к самолетному креслу специальными ремнями, а затем летчик движением рычага раскроет люки и люди вместе с креслами выпадут из самолета. К креслам при этом должны были крепиться самораскрывающиеся парашюты.

С. 76 Вам, молодой человек, не приходилось плавать по Амазонке? Нет. Вот и прекрасно, и не стремитесь. Не рекомендую. Если подставить на место слушателя рассказа Врунгеля студента мореходного техникума, которого не так давно лишили кругосветного плавания на яхте «Красная звезда», то рекомендация капитана прозвучит едва ли не как откровенное издевательство. Или, по крайней мере, как грустная констатация ограниченных возможностей – как в стихотворении Р. Киплинга «На далекой Амазонке», в переводе С. Маршака (выполненном в 1930-х) заканчивающимся словами «Увижу ли Бразилию до старости моей?» Амазонка – крупнейшая река в Южной Америке – место действия не самого популярного романа Жюль Верна «Жангада. Восемьсот льё по Амазонке». Герой романа, много лет скрывавшийся от бразильских властей под чужим именем,

совершает очень тяжелое, но увлекательное путешествие по этой реке. Один из персонажей «Жангады», между прочим, рассказывает предание о том, что на Амазонке время от времени появляется громадный змей Миньокао и что вода в реке поднимается или убывает, смотря по тому, ныряет ли этот змей или выходит из воды, до того он велик.

С. 77 ...разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую тут с научной целью. А это мой слуга и проводник индеец Фукс. Врунгель находчиво использует здесь еще один штамп приключенческой литературы, в которой часто эксплуатировался парный образ мудрого профессора-путешественника и его простоватого слуги, представителя неевропейской народности. Вспоминаются, например, профессор Челленджер и его верный слуга и проводник – негр Самбо из «Затерянного мира» Артура Конан Дойла. Среди литературных профессоров географии, путешествовавших по Южной Америке, самый известный – жизнерадостный и рассеянный Паганель из «Детей капитана Гранта». Комическое сочетание «индеец Фукс», во-первых, напоминает о герое «Приключений Тома Сойера» Марка Твена – индейце Джо, и, во-вторых, если вспомнить сказанное выше о возможных еврейских корнях Фукса, оживляет в памяти многочисленные шутки, связанные с созвучием слов «индейский» и «иудейский».

С. 77... какой уж профессор в трусиках... Вплоть до 1930-х годов для соответствующей детали мужского туалета в русском языке преимущественно использовалось слово «трусика», а не «трусы», причем относилось оно как к нижнему белью, так и к пляжной и спортивной одежде, тем же словом называли и шорты. Ко времени написания и первой публикации повести это словупотребление еще не казалось странным.

С. 77 Ну, разобрали стропы... Здесь под стропами подразумеваются канаты, соединяющие купол парашюта и корпус кабины самолета.

С. 77 *Вира помалу...* «Поднимай медленно». Проникшая затем в профессиональный жаргон строителей морская команда итальянского происхождения. Слово происходит от глагола «virare» – «поворачивать» и первоначально относилось к подъему парусов и корабельных флагов. Такова же этимология команды «майна» («опускай», от итал. «ammainare» – «спускать паруса»).

С. 78 Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. У страха и бахвальства глаза велики! Пассажиры самолета наверняка встретились с самой большой в мире и в Южной Америке змеей – анакондой, чья максимальная длина достигает 11,43 м. Призываем читателя поверить на слово, что и эта длина – очень и очень впечатляет.

С. 78 И удав тоже нацелился. Разинул пасть, как пещеру... Челюстной аппарат у удавов устроен таким образом, что позволяет широко раскрывать пасть и проглатывать добычу, значительно превышающую ширину этой и так не узкой змеи.

С. 77–78 *А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась <...> Вдруг эта барышня опять становится в ту же позицию...* «Встать в позицию» – выражение из словаря балетной школы. Барышня как бы готовится совершить прыжок – становится на пуанты и располагает руки во второй и третьей позициях, что особо комично в соседстве с удавом и самозванным профессором географии в трусиках.

Отдельно стоит отметить, что эта безымянная барышня-пассажирка – единственный женский персонаж повести.

С. 78 *...снаряды-то эти были огнетушителями...* Даже строгий И. Рахтанов признал, что эпизод с огнетушителями был «очень хорошей выдумкой» автора ПКВ (Рахтанов 1939: 23).

С. 78 *Фукс вылез, любуется небывалым зрелищем, а пассажиры как услышали, что бояться нечего, бросились поздравлять друг друга...* Самым юным читателям на всякий случай сообщаем, что мобильных телефонов тогда не было, поэтому Фукс и другие пассажиры не могли сделать соответствующее селфи.

С. 79 *А тут, к счастью, и с костюмами дело уладилось. <...> Потом парусишки соорудили, мачту поставили, сделали руль.* Еще одно обращение к богатой традиции литературных робинзонад. Оказавшиеся среди дикой природы герои пользуются доставшимися им после крушения вещами и собственной смекалкой для налаживания цивилизованной жизни. Герои «Таинственного острова» Жюль Верна так же использовали оболочку своего воздушного шара и довольно скоро изготовили плавательные средства.

С. 79 *...промышляем черепах...* В Амазонке, действительно, водятся очень большие и, говорят, вкусные черепахи, которых называют тартаруга или аррау.

С. 79 *...и каучуковых деревьев...* Имеется в виду гевея бразильская, сок которой – основное сырье для получения натурального каучука.

Гигантская тартаруга, в длину достигает 2 м, а весом превышает 700 кг

С. 79 *...а мы ещё в дождливое время попали. Парит, как в бане, день и ночь туманы, жара, кругом комарьё тучами; хорошо ещё, лихорадку никто не схватил.* Подразумевается так называемый «сезон дождей», который длится в Бразилии с октября по апрель. В городах в этот сезон комаров становится как раз меньше, однако в местности близ Амазонки их очень много всегда, вне зависимости от сезона. Они не только больно кусаются и противно жужжат, но и разносят опаснейшую лихорадку.

С. 80 *...прибыли в порт Парá.* Так иногда называют город Белен – столицу бразильского штата, тоже именуемого Пара. Огромные доходы на рубеже XIX–XX веков

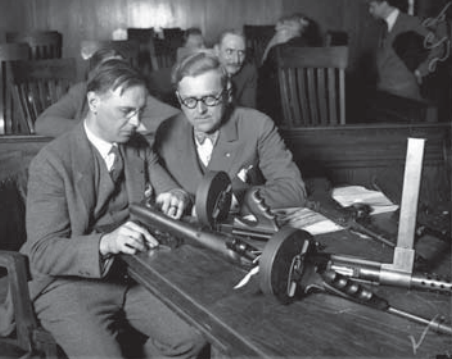
Белену принес каучуковый бум. В городе построили множество фешенебельных зданий, так что Врунгель не вполне справедлив, когда (почти цитируя знаменитый зачин повести М.Ю. Лермонтова «Тамань») говорит о том, что Пара «городишко, по совести говоря, неважный, так себе городишко». А вот уровень преступности в этом городе, действительно, всегда зашкаливал, даже по снисходительным бразильским меркам, вот капитан честно и констатирует: «...народ свирепый, воинственный, все с ножами, с револьверами, по улице пройти страшно...» В ПКВ-1939 город Пара описывался как место, схожее не только с лермонтовской Таманью, но и с гоголевским Миргородом: Врунгель там сообщал, что по его улицам бродят свиньи (ПКВ-1939: 114), а не собаки (как в ПКВ-1958).

С. 80 *Это что же теперь будет? Беспорядки, пожар, революция, выговор по службе?..* В январе 1938 года, согласно конституции Бразилии, ее президент Жетулиу Варгас (1882–1954) должен был навсегда оставить свой пост. Однако в сентябре 1937 года генерал Дутра представил Варгасу так называемый «план Козна» – фальшивку, содержащую детальный проект коммунистической революции в стране. Воспользовавшись этим предложением, Варгас не только остался властителем Бразилии еще на долгие восемь лет, но и из президентов перешел в разряд полуфашистских диктаторов. Как видим, губернатор Пара из ПКВ вольно или невольно подражает Варгасу и Дутре. Во вполне аполитичном Врунгеле он видит «представителя коммунистической Москвы» и поэтому восклицает: «Революция!» Через несколько абзацев губернатор пошлет банду полицейских расправиться с ни в чем не повинным капитаном – коммунистом, которые якобы готовили революцию в Бразилии, преследовал с помощью полиции и Варгас.

Настороженное отношение местных администраций к советским гражданам – общее место повествований о путешествиях в 1930-е гг. Д.А. Лухманов рассказывает о сложностях этого рода, с которыми экипаж «Товарища» столкнулся в Португалии (Лухманов 1936: 66–70). Разумеется, сообщая об этом, путешественники не забывали подчеркнуть восторженный прием, который оказали советским представителям «люди труда».

Прочитируем также зачин «известинского» фельетона 1936 года, в котором изображается начальник полиции Рио-де-Жанейро, боящийся нашествия морской армады большевиков: «Начальник бразильской полиции впал в состояние невменяемости и бредит. Ему мерещится, что он сидит на берегу океана и поджидает советскую морскую армаду, которая под командованием Бела Куна [венгерский и советский политический деятель, поднимавший коммунистические восстания в Венгрии (март–август 1919 года) и Германии (1921, неудачная попытка); расстрелян в СССР в 1937 году. – *Коммент.*] приближается к берегам Бразилии. «СССР решил завоевать Бразилию», – лепечет в бреду господин начальник полиции» (Известия. 1936. 3 июля. С. 2).

С. 81 *...с ручными пулеметами...* Слово «автомат» в значении «стрелковое оружие» вошло в лексикон незадолго до создания ПКВ-1939 и было еще в новинку, но и редактируя повесть для позднейших изданий, Н. не стал менять этого места, очевидно, потому что «ручной пулемет» звучит страшнее и нелепее, осо-

Справа: легендарный Tommy gun, пистолет-пулемет Томпсона, модель 1921 года. Слева: Tommy gun с дисковым магазином, применённый бандой Аль Капоне в ходе «Бойни святого Валентина», самого известного мафиозного столкновения времен «сухого закона», 1929

бенно если учесть, что объектами преследования являются Фукс и Врунгель в своем парашютном кителе с болтами и гайками вместо пуговиц. Надо заметить, что ручные пулеметы тридцатых годов весили около десяти килограммов, так что можно лишь позавидовать выносливости бразильских полицейских.

С. 81 *Я-то думал, бандиты, разбойники, охотники за скальпами, а оказалось – просто жандармы, только переодетые.* Н. использует еще один советский пропагандистский штамп: в капиталистических странах никакой разницы между полицией и бандитами нет.

С. 81 *...линчевать на всякий случай.* «Судом Линча» называют незаконную (без суда и следствия) казнь человека, лишь подозреваемого в совершении какого-либо преступления. Историки до сих пор спорят, кому из двух Линчей принадлежит сомнительная честь обессмертить свое имя столь страшным образом – судье Чарльзу Линчу, практиковавшему подобные расправы во время войны за независимость в США, или капитану Уильяму Линчу, который ввел закон о бессудных телесных наказаниях в Пенсильвании в конце XVIII столетия. В языке советской публицистики 1920–1930-х гг. глагол «линчевать» широко применялся по отношению к внесудебным расправам над революционерами и людьми левых политических убеждений.

С. 82 *– А вот, – смеётся он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакатик.* Судя по ловкости, с которой Фукс прикрепил на спину Врунгелю этот плакатик, он в свое время немало попрактиковался в любимой забаве школьников-озорников – цеплянии записок юмористического содержания («Нет коня – садись на меня» и прочих в том же духе) на спины сидящих впереди учеников.

С. 82 *Мы расположились по-барски и отправились в Рио-де-Жанейро пассажирами.* Таким образом, Врунгель и Фукс, сами того не подозревая, исполнили заветную мечту главного героя «Золотого тельца» Остапа Бендера и посетили тогдашнюю столицу Бразилии (этот свой статус Рио-де-Жанейро утратил в 1960 году).

С. 82 *...мы с Фуксом наняли местный экипаж – такую корзинку на колёсах, – подхлестнули волов, поехали.* Врунгель на удивление точно описывает тради-

Carros de bueyes, буквальный перевод – двуколки (двухколесные повозки), запряжённые быками. В Испании и Латинской Америке кузов повозки традиционно был плетеным

ционный латиноамериканский (а для Рио-де-Жанейро 1930-х годов, скорее, уже туристический) экипаж (называемый в испаноязычных странах «карро де бои»).

С. 82 ...человек двести негров таскают кофе и сахар со склада на берег и прямо мешками в воду: бултых, бултых... и далее. Что касается зерен кофе, то и это тоже не вранье (см. иллюстрацию, текст статьи в «Популярной науке») В период Великой экономической депрессии, в 1930 году на складах Бразилии скопилось 26 млн мешков кофе – на миллион больше, чем за предыдущий год потреблял весь мир. Чтобы не снижать цены на этот продукт, в стране тогда уничтожили 7 млн мешков с зернами кофе. Но это помогло мало, и в 1937 году в Бразилии было сожжено 18 млн мешков с кофе – почти две трети тогдашнего годового потребления кофе на Земле. Ситуация с сахарным песком (еще одним важнейшим экспортным бразильским товаром) никогда не была столь катастрофической – Н. добавил к кофе сахар, чтобы Врунгель потом мог ловко выкрутиться из, казалось бы, безвыходной ситуации с «Бедой» в порту Рио-де-Жанейро.

Леденящие душу картины массового уничтожения продуктов, сопутствующего капиталистической экономике с ее стихийным хозяйством и кризисами перепроизводства – неременная часть образной программы советской политграмоты.

USE COFFEE AS FUEL IN BRAZIL LOCOMOTIVES
COFFEE beans are now being pressed into compact briquettes and used for fuel in locomotives and factories in Brazil. Due to conditions in Brazil, which produces most of the world's coffee, there has been an enormous oversupply of the beans this year. Hundreds of thousands of sacks were dumped into the sea before the idea of using the coffee as fuel was suggested. The dried bricks are said to produce ample heat for the boilers.

Coffee pressed into bricks to be used as fuel in locomotives in Brazil

«Кофейные бобы ныне прессуются в компактные брикеты и используются как топливо локомотивов и на заводах Бразилии. В Бразилии, крупнейшем мировом производителе кофе, в этом году наблюдается огромный избыток урожая бобов. Сотни тысяч мешков были сброшены в море, прежде чем была предложена идея использования кофе в качестве топлива. Говорят, что высушенные кирпичи дают достаточно тепла для котлов». (журнал Popular Science, 1932)

С. 83 ...на боку косарь... Этим русским жаргонным словом Врунгель называет мачете – традиционный латиноамериканский нож с длинным лезвием и одно-сторонней заточкой.

Мачете «bolo»

С. 83 Прихожу к начальнику порта, «команданте дель бахия» по-ихнему Врунгель путает: в Бразилии говорят на португальском языке, а у него в кавычках вос-

производится искаженное испанское «El comandante de la bahía» (буквально: командующий бухтой). Капитан в данном случае зеркально воспроизводит ошибку Паганеля из романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» – французский географ, как известно, вместо испанского по ошибке выучил португальский.

С. 84 *...бежит команданте с саблей на боку, кричит:*

– *Не позволю!* Это уже в третий раз повторенное «Не позволю!», выкрикнутое команданте, возможно, должно было напомнить внимательному читателю знаменитое «Не потерплю!» градоначальника Брудастого из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

С. 85 *Миль по двести за сутки отсчитывали...* Такой результат при удачном стечении обстоятельств вполне достигим.

С. 85 *...и драит медную уточку.* Уткой на морском языке называется специальное двурогое приспособление для временного закрепления каната или троса на судне. Корабельная утка плотно привинчивается к палубе, а затем к ней с помощью специальных узлов приматывают канат. Крепления этого приспособления к палубе действительно чуть-чуть похожи на лапы настоящей утки.

С. 85 – *Согласно вашему приказанию, драю медные части так, чтобы огнём горело. Какие последуют распоряжения?* и далее. Работая в журнале «Пионер», Н. специализировался на немудрящих шутках подобного рода. Так в 7 номере журнала за 1936 год он без подписи напечатал короткий юмористический рассказ «Пропавший якорь», в котором один персонаж « всю ночь простоял на вахте», а «под утро ноги у него так устали, что он решил посидеть на ней» (С. 125). После команды боцмана «Отдай якорь!» этот персонаж в ужасе думает о том, что отдать якорь он не может, поскольку «он не брал его» (Там же). А боцман далее начинает «с ожесточением бить склянки. Он бил их одну за другой. Осколки со звоном разлетались по палубе и падали за борт, в мутную воду» (Там же).

По-видимому, именно такого типа шутки, щедро рассыпанные по страницам ПКВ, побудили влиятельного критика так откликнуться на публикацию журнального варианта повести: «...не все хорошо в “Пионере” <...> Слаб раздел юмора. “Приключения капитана Врунгеля” А. Некрасова могут рассмешить только самого непритязательного читателя» (Литвинов В. О журнале «Пионер» // За коммунистическое просвещение. 1937. 29 сентября. С. 4).

С. 86 *Ну, я поболтал с ними ещё и отправился прямо к капитану порта...* и далее. Отчасти сходный оправдательный монолог начальника (португальского) порта, обращенный к советскому капитану, приводит в своей книге о путешествии «Товарища» Д.А. Лухманов: «– Мне очень жаль, – сказал он, пожимая нам руки, – но я должен сообщить вам не особенно приятную новость: я докладывал губернатору о великолепном состоянии судна, дисциплине и прекрасном впечатлении, которое на меня произвел экипаж, но губернатор опасается пропаганды и за-

просил по телеграфу специальных инструкций из Лиссабона. Во всяком случае, он дал распоряжение полицмейстеру зорко следить за поведением ваших людей в городе и при малейшем инциденте немедленно прекратить всякое сообщение корабля с берегом» (Лухманов 1936: 66).

С. 86 *Я сам от таких адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не приказано ни помогать, ни противодействовать.* В ходе японо-китайской войны, начавшейся в 1937 году, западные демократии сперва заняли выжидательную позицию. Во время Брюссельской конференции, созванной в ноябре 1937 году и проигнорированной правительством Японии, не было принято никаких решений, предложение Китая о введении экономических санкций против агрессора не нашло поддержки, а резолюция выражала лишь надежды на то, что Япония пересмотрит свою позицию и уладит конфликт. Австралия, бывшая доминионом Британской империи и лишь шедшая к полной независимости, находилась в опасной близости к Японии с ее далеко идущими притязаниями, так что в интонациях капитана порта нет ничего удивительного. Заметим, что к 1939 году, когда вышло первое издание ПКВ, Австралия уже запретила импорт в Японию железной руды, обозначив свою позицию в конфликте. Однако Британия в июле 1939 года на переговорах в Токио признала японские территориальные захваты в Китае.

С. 86 *Сейчас, конечно, японский адмирал для нас не фигура.* Н. прозрачно намекает здесь на победу СССР в войне с Японией, одержанную в сентябре 1945 года (в ПКВ-1939 еще не было ни комментируемой нами сейчас хвастливой фразы, ни всего политического пассажа, частью которого эта фраза является).

С. 87 *А на востоке японские бояре (самураи по-ихнему) так же вот размахнулись – подай им весь Китай, всю Сибирь, пол-Америки...* О территориальных притязаниях Японии в 1930-е годы мы уже рассказывали на с. 225–226. К сказанному прибавим, что это время ознаменовалось постоянными вооруженными конфликтами между Японией и Китаем, возникавшими по инициативе Японии. В конце 1930-х годов это привело к полномасштабной и изматывающей войне двух стран, которую в Японии предпочитали называть «китайским инцидентом», и которая в советской прессе того времени подробно освещалась с полным сочувствием к китайской стороне. Что касается захвата «пол-Америки», то здесь Врунгель явно преувеличивает: таких намерений Страна восходящего солнца не имела. По-видимому, капитан подразумевает внезапное нападение японской авиации и подводных лодок под командованием вице-адмирала Тюити Нагумо на американскую военно-воздушную базу, располагавшуюся в гавайской гавани Пёрл-Харбор, 7 декабря 1941 года. В тот же день США объявили Японии войну.

Как выразительную параллель к комментируемому фрагменту приведем здесь отрывок из статьи генерала-майора Б. Антропова «Вторая мировая война завершена», напечатанной в газете «Известия» 9 мая 1945 года: «Четыре года грабили японские оккупационные войска наш Дальний Восток в результате интервенции, предпринятой в 1918 году. Лелея авантюристические планы о “великой

Японии” до Урала, самураи много позднее своими провокационными вылазками пытались прощупать крепость советских границ. В 1938 году Красной Армии пришлось вразумлять японскую военщину, посягнувшую на нашу священную землю в районе озера Хасан. Урок был внушительным, но уже через год Япония предприняла новое нападение в районе Халхин-Гола, чтобы через Монгольскую Народную Республику прорваться на советскую территорию. Все эти попытки спровоцировать Советский Союз на “большую войну” позорно провалились. На своей шкуре японские самураи убедились, как опасно затрагивать целостность границ советской державы» (С. 2).

Японские самураи, во всяком случае, при своем возникновении, были людьми служилыми, так что Врунгель неправ, когда уподобляет их русским боярам то есть – представителям родовой, и как раз не служилой аристократии. Именование «бояре», во-первых, отражало представление о Японии как стране глубоко отсталой, феодально-средневековой: оно относится к древнерусской старине (враги, которых большевики победили в 1917 году, именовались «помещиками и капиталистами»). Во-вторых, для советского читателя 1958 года образ бояр как «врагов народа» и заговорщиков был еще актуален: он пропагандировался в позднюю сталинскую эпоху, которая поднимала на щит разгромившего боярские права Ивана Грозного (первая серия знаменитого одноименного фильма Сергея Эйзенштейна вышла на экраны еще в 1945 году, вторая была показана лишь после смерти Сталина – в том же 1958 году, уже после развенчания тирана).

С. 87 *...поднимается на борт маленький человечек, по всем признакам японский кули.* Здесь обыгрывается еще один штамп – все японцы на одно лицо, стоит адмиралу переодеться кули, как его уже невозможно узнать. Слово «кули» с хинди переводится как «работник». Так называли бедняков – носильщиков, грузчиков и других чернорабочих восточных национальностей, в том числе, японцев в восточных владениях Великобритании.

С. 88 *...по мне, если уж брать арапа, так чёрного.* Врунгель издевательски играет с двумя значениями слова «арап» и, кажется, подразумевает третье. Первое значение: темнокожий человек, негр. Второе значение: лакей, прислужник в аристократическом доме. Третье значение: плут, мошенник, жулик.

С. 88 *Негра взял бы, папуаса взял бы, а вас, уж не обижайтесь, – не возьму.* Капитан не всегда различает «негров» (темнокожих представителей африканских народов) и «папуасов» (коренных жителей Новой Гвинеи и Индонезии, представителей австралоидного антропологического типа). «Неграми» и «папуасами» называет он иногда, как можно увидеть далее, австралийских аборигенов.

С. 88 *...сидит чистильщик-негр, а перед ним на четвереньках наш японец. И этот негр его начищает чёрной ваксой.* Персонаж в целях маскировки и с помощью ваксы перекрашивающийся в негра, часто встречается как в юмористической литературе, так и в кинокомедиях. Смотрите, например, главу «Не жалейте ваксы, Дживс!» романа П.Г. Вудхауза «Дживс, вы – гений!» (1934). В советской

детской литературе мнимый негр встречается, например, в пятой главе «Трех толстяков» Юрия Олеши (1924).

С. 88 ...*скачает старик, приглашает на завтра составить партию в гольф.* Эта спортивная игра была изобретена еще в древней Шотландии. Ее участники, соревнуясь между собой, загоняют маленький мячик в специальные лунки ударами клюшек, пытаясь пройти отведенную дистанцию за минимальное количество ударов. В Австралии – самом плоском и, следовательно, удобном для гольфа континенте на планете – традиции этой игры очень сильны. Первое поле для гольфа было построено здесь еще в 1839 году, оно считается старейшим в Южном полушарии. Австралийский гольф-клуб тоже был основан очень давно – в 1870 году.

С. 88 *По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры и больше ничего.* Лом, конечно, путает – одними гетрами при игре в гольф не обойдешься, но этот элемент спортивного костюма, действительно, используют многие игроки, хотя строгой и обязательной для всех формы в гольфе нет. Также приветствуются твидовые кепки с длинными козырьками от солнца и специальные брюки гольф-покроя – до колен.

Слева: Бертрам Вустер (в исполнении Хью Лори) в костюме для гольфа со своим верным слугой Дживсом (в исполнении Стивена Фрая). Великий комедийный английский сериал «Дживс и Вустер» (1990–1993). Внизу: герцог Виндзорский в костюме для гольфа. 1930-е годы

С. 89 ...*костюм есть, клюшка есть, теперь один мальчик остался...* Т.е. юный помощник, задача которого – носить за игроком мешок с клюшками. Впрочем, возраст «мальчика» никакими правилами не определен – ни в гольфе, ни в иных

ситуациях привлечения ассистента. Вспомним недоумение завхоза парохода «Скрябин» в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова:

«— Вот это ваш мальчик? — спросил завхоз подозрительно.

— Мальчик, — сказал Остап, — разве плох? Типичный мальчик. Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень!» (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Щеглов Ю. К. Комментарий. М., 1995. С. 337.)

С. 89 *Масса капитан, а масса капитан.* «Масса» — имитация обращения североамериканских чернокожих рабов к белым господам, известная русским читателям по многочисленным переводам, например, по «Приключениям Гекльберри Финна» Марка Твена, где негр Джим постоянно называет Тома Сойера «масса Том». Искорженное «master», т.е. «хозяин».

С. 90 *...прическа-перманент под каракуль...* Перманент — долгосрочная завивка волос (в отличие от завивки краткого срока действия — результата наматывания мокрых волос на палочки-бигуди или накручивания локонов горячими щипцами). в результате химической и термической обработки, изменяющей их структуру. Запатентован в начале XX века, широко распространился в конце 1920-х годов. В СССР термин «перманент» был вытеснен более понятным словосочетанием «шестимесячная завивка», или просто «шестимесячная». Каракуль — шкура ягнят особой каракульской породы. Ее упругие густые короткие завитки действительно напоминают шевелюры африканцев.

С. 90 — *Да, говорю, нужен, только не матрос, а бой для гольфа.* В журнальном варианте не «бой», а «грум», т.е. слуга, сопровождающий хозяина верхом или едущий на задке экипажа (Пионер-9: 119).

С. 90 — *Дядя Том, значит.* Врунгель снова издевательски разоблачает незадачливого адмирала: тот не нашел ничего лучшего, чем позаимствовать свое имя из классического американского романа Бичер Стоу «Хижина дяди Тома» (1852), направленного против рабства. При этом Том у Стоу — взрослый человек, вовсе не «бой», что усиливает комизм ситуации в комментируемом фрагменте.

С. 90 *Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу́.* «Табу» (слово полинезийского происхождения) — строжайший запрет, налагаемый на определенные действия под страхом кар небесных и земных. О табу читатели ПКВ могли предварительно узнать из романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта»; предоставим слово его автору: «Табу — в обычае у всех народов Полинезии, прежде всего это запрет прикасаться к определенным лицам или предметам. Религия маорийцев учит, что всякого, поднявшего святотатственную руку на кого-нибудь или на что-нибудь, отмеченное табу, то есть на то, что объявлено священным, разгневанное божество карает смертью. Причем, если божество отомстило за нанесенную ему обиду не сразу, то жрец сделает это за него. Вожди налагают табу иногда из политических соображений, но чаще табу обусловлено событиями личной, повседневной жизни. На туземца налагают табу во многих случаях на несколько дней; когда он стрижет себе волосы, когда

только что подвергся татуировке, когда сколачивает себе пирог или строит дом, когда смертельно болен и, наконец, когда он скончался. Если неумеренное вылавливание рыбы грозит опустошить реку, если туземцы начинают есть недоспелые сладкие пататы, что грозит опустошить плантации, то на рыбу и на пататы накладывается оберегающее их табу. Если вождь пожелает избавиться от назойливых гостей, то он накладывает на свой дом табу, если вождь пожелает монополизировать деловые сношения с каким-нибудь иноземным судном, то он наложит на него табу» (Верн Ж. Дети капитана Гранта. М., 2016. С. 547).

С. 91 ...вместо фирменной марки на ней туземный святой изображен. <...> ...вместо клюшек для гольфа я вчера бумеранги у папуаса отобрал. Врунгель вновь, на удивление, точен – возвращающиеся бумеранги, представляющие собой изогнутую пластину с нижней плоской поверхностью и верхней – выпуклой, используют именно аборигены Австралии. Правда, бумеранг не очень похож на клюшку для гольфа. И, разумеется, никаких святых у аборигенов Австралии нет.

С. 91 *Хамура Кусаки адмирал* «Хамура» – действительно, японское имя (а также название города на острове Хонсю), но в контексте игр со словами в повести Н. можно предположить здесь ассоциации с русским корнем: все происки адмирала доставляют мелкие неудобства, но в итоге не страшны героям, как комариные укусы.

Австралийский абориген с бумерангом

С. 91 *И такая получилась скачка с препятствиями, что до сих пор вспомнить весело.* Максимальная скорость передвижения кенгуру составляет около 55 км/ч, так что в данном случае капитан откровенно врёт – он безнадежно отстал бы уже в первые секунды преследования.

С. 93 *На восемьдесят третьем ударе я закончил игру...* Учитывая обстоятельства – отличный результат. Если считать, что игра велась на поле с 18 лунками (гольфый стандарт), то сегодняшние профессиональные игроки экстра-класса проходят его в среднем за 60 ударов. В любительском гольфе более чем полувековой давности (т.е. во врунгелевском случае) завершающим 83-м ударом можно было гордиться. Кстати, казус с кенгуру правила гольфа не нарушил – Врунгель играл в обстоятельствах, сложившихся на поле помимо его желания, т.е. следовал трем главным принципам этой игры: Play the ball as it lies, play the course as you find it, and if you cannot do either, do what is fair («Играй так, как выпало», т.е. не хитри, стараясь перед ударом подвинуть мяч поудобнее, «Играй на том (и таком) поле, где пришлось», «Во всех случаях поступай честно»). Отметим, кстати, что Х.Б. Врунгель следует этим правилам не только в гольфе.

С. 94 *Он меня в музей пригласил...* и далее. Под это описание идеально подходит располагающийся в Сиднее старейший Австралийский музей, один из лучших естественнонаучных музеев мира, в котором собрано более 18 млн экспонатов.

Капитан Кук впервые нанес на карту несколько сотен миль восточного побережья Австралии и открыл пролив между Австралией и Новой Гвинеей.

С. 94 *Там сделан этаким загончик, вроде как в зоопарке, разгуливает здоровенный папуас с удивительной причёской на голове...* Сравнение с зоопарком тут не случайно. Практика демонстрации за деньги в специальных увеселительных парках (а иногда и просто в зоологических садах) «дикарей», то есть жителей далеких колониальных территорий, продолжалась в Европе и Северной Америке вплоть до середины XX века, между прочим, одним из первых стал заниматься этим уже упоминавшийся нами на с. 194 зоопарк Хагенбека в Гамбурге. Иногда такие «человеческие зоопарки» назывались «этнологическими выставками», но это, конечно, не меняло их часто недобровольного и всегда унижительного (для живых «экспонатов») характера.

Что же до причёски папуаса, то напомним читателю: довольно долго считалось, будто волосы у папуасов и готтентотов растут пучками и это позволяет их отнести к низшей, примитивной расе, переходной от обезьяны к *Homo sapiens*. Этим вопросом специально занимался выдающийся русский этнограф и антрополог Н.Н. Миклухо-Маклай (1846–1888), проведший около трех лет в одиночных (только с одним слугой) экспедициях на северо-востоке Новой Гвинеи. «Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует... Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, как это можно прочесть во многих учебниках по антропологии, а совершенно так же, как и у нас. (Миклухо-Маклай Н.Н. Первое пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее // Собр. соч. в 6 т. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 139.)

Слева – реклама «колониальной выставки» в Штутгарте; справа – «человеческого зоопарка» Карла Хагенбека

С. 94 *...настоящий, сын вождя, учился в Оксфорде, в Англии. Окончил университет с золотой медалью, защитил диссертацию, получил звание доктора прав, вернулся на родину... А тут работы по специальности нет... Жить не на что, вот и поступил сюда...* Поскольку экономика Австралии очень сильно зависела от экспорта, на ней сокрушительно сказался мировой экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов. В 1932 году уровень безработицы в Австралии достиг рекордного показателя в 29%. В СССР в этот период много писали об угнетении белым населением аборигенов, насильно загнанных в резервации и миссии, о бесправии коренного населения (понятно, что в такой ситуации диплом доктора прав остается невостребованным).

Оксфордский университет – старейший англоязычный университет в мире, вплоть до недавнего времени здесь обучались преимущественно дети британской элиты. Первые коренные австралийцы появились среди студентов Оксфордского университета только в 2010 году. И конечно, Оксфорд – не средняя школа, и золотых медалей в нем отличникам не выдают.

Туземец, прекрасно усвоивший лучшие образцы элитарной европейской культуры, но при этом потерявший себя – такой сюжет часто возникал в мировой литературе XX века. Едва ли не самый известный пример: Дикарь – читатель У. Шекспира из романа О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932). Еще одна интересная параллель к комментируемому фрагменту – позднейший рассказ писателя из Ганы Камерона Доуду «Огорчения мистера Клода Тодда», опубликованный в СССР в переводе Л. Чернявской. Герой этого рассказа юный африканец Кофи Амининг мечтает учиться в университете Оксфорда, несмотря на увещания своего патриотично настроенного друга: «...скажи мне, Кофи, зачем тебе ехать в Оксфорд? У нас в Гане есть собственный университет. А ты все твердишь: Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Гарвард, на что они тебе?» (Огонек. 1961. № 51. С. 19). Впрочем, и сам этот друг признается: «...слова “Оксфорд”, “Кембридж”, словно магическое заклинание, вызывали во мне священный трепет. Так, я думаю, было со многими моими сверстниками, школьниками Ганы» (Там же). «Сначала, – продолжает рассказчик, – Амининг безоговорочно восхищался порядками в Англии и продолжал доказывать, что британские власти желают только добра африканцам» (Там же. С. 25). Но затем в сознании Амининга происходит решительный переворот («...все, чему вы меня учили – грязная ложь!» – пишет он своему преподавателю-англичанину (Там же)), и в итоге он отправляется с оружием в руках сражаться против белых угнетателей Африки.

С. 95 *...разбили мы бивуак...* Так называют временную стоянку путешественников (от фр. bivouac).

С. 95 *Есть отставить есть вашего старшего помощника!* и далее. «Папуасы» проявляют у Н. не только доброжелательность и общительность, но и удивительные навыки владения разными регистрами русского языка в его советском изводе. За этим комическим приемом стоит представление о легкости, с которой простые люди разных стран находят общий язык, оно, в свою очередь, имеет глубокие корни в русской (Лев Толстой) и европейской (Жан-Жак Руссо) культуре. Возможно, впрочем, что комментируемую реплику подает сам старший помощник Лом.

С. 95 *Куда, откуда, с какими целями?* Взрослые читатели ПКВ должны были оценить комическую неуместность этих протокольных вопросов в устах проявляющих внезапную бдительность дружелюбных аборигенов.

С. 96 *Но сейчас случайно есть небольшая партия бумерангов... <...> Если хотите, можете здесь пирогу зафрахтовать.* А тут аборигены неожиданно переходят с языка советских пограничников или милиционеров на язык портовых торгово-рыночных отношений. «Зафрахтовать» означает «нанять судно под перевозку груза». «Пирога» первоначально – название небольшой лодки южноамериканских индейцев-карибов, употребляется расширительно и для других экзотических плавательных средств.

С. 96 *Я выбрал посудину. И странная, доложу вам, посудина оказалась. Парус вроде кулька, мачта – как рогатина, а сбоку за бортом – нечто вроде скамеечки.* Вот так (как на фотографии слева) на самом деле выглядит лодка австралийских аборигенов, рассчитанная на нескольких человек. Длинная палка на переднем плане называется балансир – она придает пироге дополнительную устойчивость.

А то, что описывает Врунгель, похоже на лодки полинезийских мореходов, как их изображали на гравюрах XVIII–XIX века.

С. 97 *Только отошли, смотрю – за нами в погоню целый флот.* Водная битва европейцев со свирепыми туземцами, сидящими в боевых пирогах – еще одна пародическая дань Н. приключенческому жанру. Такая битва описана, например, в романе Джеймса Фенимора Купера «Колония на кратере».

С. 97 *...а на носу у неё мой странствующий рыцарь: сам адмирал Кусаки...* Странствующие рыцари – персонажи средневековых европейских романов, которым подражали многие более поздние романисты, например, испанские. А рыцарям из испанских романов в свою очередь подражал главный герой «Дон Кихота» Сервантеса, в итоге превратившийся в своеобразный эталон странствующего рыцаря. Если герои рыцарских романов и Дон Кихот вдохновлялись идеалистическими целями, посвящая свои подвиги высокой (так называемой «платонической») любви к прекрасным дамам, то японский адмирал не менее платонически вредит экипажу «Беды»: за его каверзами нет ни определенной цели, ни продуманного плана (по крайней мере, он не очевиден читателю), Кусаки перемещается вслед за Врунгелем и его командой (порой даже опережая их), безуспешно пытаясь помешать советским морякам (и примкнувшему к ним Фуксу) и неизменно попадая впросак.

Н. был не первым автором, сатирически использовавшим высокое определение «странствующий рыцарь» для характеристики ничтожного человечишки. Его предшественником в данном случае оказался сам М.Е. Салтыков-Щедрин, иронизировавший в очерке «Русские «гуляющие люди» за границей»: «Я – поляк...» – пропищал этот странствующий рыцарь, когда за него принялись поплотнее, и, конечно, не только не оправдался в глазах канканирующего мира, но еще более обвинил себя» (Салтыков-Щедрин М. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М., 1969. С. 91)

С. 97 *Попадёшься вот так, живьём сожрёт...* Типичный для ПКВ пример освежения стершейся метафоры: «сожрет живьем» – так говорят о нагоняе, нотации (сравните со сходной идиомой: «поедом ест»), однако в комментируемом фрагменте это выражение должно восприниматься едва ли не буквально. Особенно заметно это на фоне недавней ошибки Врунгеля, заподозрившего в людоедстве мирных аборигенов.

С. 97 *Идём на контркурсах.* В переводе с морского языка: навстречу друг другу.

С. 97 *...просемафорил ему: «С легким паром»...* Врунгель общается с адмиралом на «морском языке» – посылает ему сигналы с помощью так называемой «семафорной азбуки», где каждому условному знаку соответствует определенное положение рук матроса с флажками. «С легким паром!» – это поздравление, которого удостоивается человек, выбравшийся из банной парилки, а расширительно – вообще из бани. Не совсем понятно, откуда у Врунгеля на пироге взялись семафорные флажки, впрочем, если их нет, матрос может передавать сигналы с помощью бескозырки (или, в крайнем случае, фуражки, с которой капитан, кажется, не расстается в плавании никогда).

Юный матрос-сигнальщик.
ЛФЗ. 1955

С. 98 *Вдруг яхта, как волчок, закрутилась на месте, а секунду спустя ветер совершенно затих.* Явление, которое описывает Врунгель, иногда называют «глазом бури». Эта область в центре тайфуна может иметь диаметр до 30 км. Здесь стоит ясная и относительно тихая погода, когда вокруг все бушует и рушится.

Ураган «Катрина», 28 августа 2005 г. (вид из космоса)

С. 98 *И тут, вдали от больших океанских дорог, нас ждала страшная участь: мы годами могли болтаться среди океана.* Это тоже – один из штампов приключенческой литературы, едва ли накладывающийся на реальную карту морских путей, довольно оживленных в этом районе.

С. 98 *Ну а потом мы сварили клейстер...* Клейстер, то есть, самодельный клей, как правило, варят из крахмала, реже из муки.

С. 98 *Еще будучи мальчиком, я любил клеить и запускать воздушных змеев. Ну, и вспомнив об этом прекрасном занятии, я воспрянул духом. Змей! Бумажный змей – вот спасение!* Этот сюжетный ход, скорее всего, тоже восходит к рассказам Д.А. Лухманова. В своих воспоминаниях он описывает такой случай из своей каспийской практики: «Во время одного такого жестокого шторма лопнули один за другим два буксира <...>. Поставленный поперек волны «Чарджуй» с паровозами на палубе и наш «Михаил» так качались и их так бросало по крупной волне, что подойти на расстояние, с которого можно было бы перебросить вручную тонкий линь с «колотушкой», нечего было и думать. Спустить шлюпку и завести трос на ней нельзя было потому, что при спуске шлюпки ее разбило бы в щепы о борта нашего бешено качавшегося «Михаила». Сброшенные в воду поплавки с привязанной тонкой веревкой проносило мимо, и багры с «Чарджуя» не могли их поймать. Мне пришла в голову мысль попробовать подать на баржу конец посредством змея. Я вспомнил свои мальчишеские годы и соорудил большой змей из морской карты с хвостом из растрепанного куска веревки. Мы зашли с наветра и запустили змея на тонком лине. Линь был надставлен более толстым лотлинем, лот-линь – дюймовым тросом, к которому мы и привязали буксир. Этот способ увенчался успехом, буксир был подан» (Лухманов 1999: 211).

Интересно, что с помощью змея уже в конце 1970-х гг. вполне всерьез предлагал буксировать яхты московский инженер Г. Васильев (см.: Альтов Г. По подсказке капитана Врунгеля // Пионерская правда. 1980. 19 августа. С. 4). Не знаем, как яхты, а отдельные люди прекрасно передвигаются с помощью воздушных змеев по водной поверхности на досках (см. комментарий на странице 231). Этот вид активного отдыха называется «кайтсёрфинг», «кайтбординг» или просто «кайтинг».

Кайтсёрфинг у берегов острова Маврикий

С. 99 *...к берегам Страны восходящего солнца...* То есть Японии («Ниппон», «место, где восходит солнце», япон.), находящейся ближе всего из крупных евразийских стран к линии смены дат (смотрите о ней на странице 230).

С. 99 *...коралловый остров справа по курсу.* Так называют острова, возникшие в результате строительной жизнедеятельности коралловых полипов (внешние скелеты этих морских беспозвоночных миллионы лет лепятся друг к другу, выстраивая колоссальные конструкции, – например, Большой Барьерный риф у северо-восточного побережья Австралии длиной 2 500 км и площадью 344 500 км²). Большинство коралловых островов находится в Тихом океане.

С. 99 *...лагуна...* Здесь имеется в виду удобный для причаливания судна водоем внутри кораллового острова. Лагуны окаймляются атоллами, то есть кольцеобразными коралловыми рифами. В журнальном варианте остров так и назван «атоллом» (Пионер 11: 111).

С. 100 *Лезут под руки всё больше предметы туалета: галстуки, подтяжки...* Подтяжки – учитывая вругелеву комплектацию – наверное, действительно следовало брать с собой в плавание. Но галстуки? Парадная морская форма этот аксессуар предполагает, но один-единственный, строгий и скромный расцветки (черной, естественно). Может быть, Христофор Бонифатьевич предполагал, вслед за другими героями русской литературы, Онегиным и Чацким, попасть «с корабля на бал»?

С. 100 *...лебёдкой...* Лебедка – в данном случае не самка лебедя, а вращающийся барабан с намотанным на него канатом. С помощью лебедки поднимают и перемещают тяжелые грузы.

С. 100 *...наши топоры звенели, нарушая торжественную тишину девственного леса.* Очередная пародия на штампы приключенческой литературы. Как и во многих других случаях, Н. высмеивает здесь не конкретного автора, а усредненный стиль типового «романа про путешествия». Фразы такого типа имел в виду Илья Ильф, однажды заметивший в своей записной книжке: «Очень легко писать: “Луч солнца не проникал в его каморку”. Ни у кого не украдено и в то же время не свое» (Ильф И. Записные книжки. М., 2008. С. 364).

С. 100 *А с мачтой так просто прекрасно у нас уладилось, выбрали небольшую стройную пальмочку, выкопали вместе с корнями, да так и поставили целиком.* Эту деталь Л. Кассиль в своей рецензии на ПКВ-1939 перечислил в ряду «отличных придуманных» Н. (Кассиль 1939: 19).

С. 102 *...берите спасательный круг и плывите прямо на вост.* Капитан здесь использует традиционное для моряков название стороны света – West (Запад).

Священная гора Фудзияма на гравюре самого известного японского художника Хокуся. «Местность Умэдзава в Сосю». 1830

С. 102 *...там всё-таки берег, различные красоты, священная гора Фудзияма...* Фудзияма – гора идеальной конической формы на острове Хонсю (3776 м), слабодействующий вулкан, символ Японии. «Священная» – это официальный эпитет Фудзиямы, она служит предметом религиозного паломничества как буддистского, так и синтоистского культов.

С. 102 *...а по старой специальности, по карточной части, мы против них никуда не годимся.* История карточных игр в Японии отсчитывает свое начало с 1549 года, когда португальцы впервые познакомили жителей этой

страны с колодой «Хомбре», состоящей из 48 карт. Никаких особенных успехов в сравнении с европейскими коллегами японские шулера ни тогда, ни позже не достигли, Н. просто пользуется еще одной возможностью, чтобы обыграть штамп

о коварстве и вероломстве жителей Страны восходящего солнца. Может быть, именно здесь самое время и место напомнить, что в советской детской приключенческой литературе (и кинематографе) конца 1930-х годов параноидальная шпиономания часто проявлялась как раз тогда, когда дело доходило до Японии. Выразительным примером может послужить печатавшийся в «Пионерской правде» в 1938 году, а отдельным изданием вышедший в 1939 году роман Григория Адамова «Тайна двух океанов», в котором советская сверхсекретная и суперсовременная подводная лодка отправляется из Ленинграда (как «Беда»!) на Тихий океан, чтобы противостоять нарастающей мощи военного флота Японии и не дать ей развязать новую войну, показав «агрессору, что советские границы неприступны» (Адамов Г. Тайна двух океанов. М., 1984. С. 58). В 1937 году повесть «Шпион» о поимке японского вредителя на дальневосточной границе СССР опубликовал Рувим Фраерман. Сошлемся также на «Рассказ доктора Пулькина» Петра Сажина, в котором японского шпиона ловит советский эскимос. Этот рассказ был напечатан в Пионер-11 (С. 12–21), где опубликована одна из порций журнального варианта ПКВ.

С. 103 *И вот, чувствую, настает последняя минута: корма вздыбилась, корпус погружается, сейчас нырнет...* То есть, Врунгелю, в отличие от капитана норвежского парусника из третьей главы, все же удалось покинуть гибнущее судно, как положено, последним.

С. 103 *...но оказалось, что это просто «купец» – бродячий пароход под английским флагом. «...купцом называют у нас всякое купеческое судно...» (Григорович Д. Корабль «Ретвизан» (Год в Европе и на европейских морях). СПб., 1873. С. 82.)*

С. 103 *Капитан увидел слово «Беда» и принял его за призыв на помощь или за сигнал бедствия, что ли.* Выше мы уже отмечали, что Врунгель предстает в повести настоящим полиглотом. Не знаем, можно ли это сказать о капитане-англичанине с судна-«купца», однако из комментируемого эпизода следует, что как минимум русским языком (между прочим, не слишком популярным у европейцев) он владеет.

С. 104 *...объявления, комиксы, утки, сплетни, всякая дезинформация...* Такими представляла западные СМИ советская идеологическая доктрина. Кстати, термин «желтая пресса» по одной из версий своим появлением обязан всплеску ксенофобии антияпонской направленности в конце XIX века. Будто бы наголоватый герой первого в мире «газетного» комикса «Желтый малыш» (Yellow Kid), принесший

издателям – сначала газете New York World, затем New York Journal – огромный рост популярности и прибыли, а затем (и вследствие этого) вызвавший скандальное разбирательство, своим цветом и чертами лица эксплуатировал страх перед «желтой опасностью» (Yellow Peril), идущей с Востока.

С. 104 *А тут, понимаете, как это говорится, «земля разверзлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней.* Хотя Фудзияма и считается действующим вулканом, последнее ее извержение было зафиксировано в 1707–1708 гг. Однако Н. захотелось спародировать в ПКВ еще один штамп приключенческой литературы: внезапный природный катаклизм, резко изменяющий расстановку сил на страницах книги. Роковое извержение вулкана изображается, например, в романе Жюль Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса». Еще ближе к описываемой ситуации 15 глава 3 части «Детей капитана Гранта»; благодаря искусственно вызванному извержению вулкана героям удастся избежать неминуемой гибели (именно эти фрагменты романа легли в основу сатирической пьесы Булгакова «Багровый остров», 1927–1928). Прочитываем также финал пародийного описания страшного природного катаклизма из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (здесь иронически употреблен тот же штамп, что в комментируемом фрагменте – «земля разверзлась»): «...раздался третий удар, земля разверзлась и поглотила пощаженный первым толчком землетрясения и развороченный людьми гамбсовский стул, цветочки которого улыбались взошедшему в облачной пыли солнцу. Ипполит Матвеевич стал на четвереньки и, оборотив помятое лицо к мутно-багровому солнечному диску, завыл» (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Щеглов Ю.К. Комментарий. М., 1995. С. 401). Заметим, что у Ильфа и Петрова речь идет не об извержении вулкана, а о землетрясении. Может быть, и у Н. в комментируемом фрагменте – тоже?

С. 104 *А затем всё покрылось хлопьями сажи и мраком неизвестности.* Не знаем, стоит ли сообщать об этом, но у филологов есть специальное название даже для таких шуток (однородное соединение явлений, относящихся к принципиально разным рядам, например, реальной сажи и литературного мрака). Они называются «силлепсами»!

С. 105 *... у меня кочегаров мало, не справляются, еле пар держат* и далее. Кочегары обязаны «держат пар на марке», то есть обеспечивать постоянное давление в системе, следить за показаниями приборов, подбрасывать в топку и перемешивать там уголь, очищать решетки от шлака и сбрасывать его за борт. Первым читателям ПКВ, скорее всего, была известна посвященная тяжелой доле и нечеловеческим условиям труда флотских кочегаров фольклорная песня «Раскинулось море широко...» (цитируем по памяти):

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, –
Сказал кочегар кочегару, –
Огни в моей топке совсем не горят,
В котлах не сдержать мне уж пару.

Пойди доложи им, что я заболел,
И вахты не кончив, бросаю,
Весь потом истек, от жары занемог,
Работать нет сил, умираю!»

С. 106 *Фукс даже слезу проронил.* Мужественные герои ПВК, тем не менее, часто плачут. Три раза в повести «слезу пустил» сам Врунгель (справедливости ради, один раз «чуть не пустил»), а вот теперь «слезу проронил» и Фукс.

С. 106 *А за ним бегут шпики, жандармы, полицейские, мальчишки, собаки, рикши, автомобили...* Н. снова отдает дань представлению о Японии, как о стране, перенасыщенной соглядателями. Поэтому перечислительный ряд начинается в комментируемом фрагменте со «шпигов, жандармов, полицейских». Рикша (так в некоторых странах Азии называют человека, который, впрягшись в легкую двухколесную коляску, перевозит людей и грузы) явно упомянут для усиления восточного колорита, а мальчишки, собаки и автомобили – чтобы было веселее, шумнее и беспорядочней.

Юные читатели ПКВ в этом месте, скорее всего, вспомнят начало сказки Корнея Чуковского «Крокодил» (1916–1917). Сравните:

Гимназисты за ним,
Трубочисты за ним,
И толкают его,
Обижают его;
И какой-то малыш
Показал ему шиш,
И какой-то барбос
Укусил его в нос, –
Нехороший барбос, невоспитанный.

Оглянулся Крокодил
И барбоса проглотил,
Проглотил его вместе с ошейником.

На фотографии запечатлены сразу два «туристических» символа Японии: рикша под сенью цветущей сакуры

Рассердился народ,
И зовет и орет: – Эй, держите его,
Да вяжите его,
Да ведите скорее в полицию!

<...>

Подбежал городской:
– Что за шум? Что за вой?
Как ты смеешь тут ходить,
По-турецки говорить?
Крокодилам тут гулять воспрещается.

Усмехнулся Крокодил
И беднягу проглотил,
Проглотил с сапогами и шашкою.

С. 106 *Закопался в уголь и заснул.* Еще один часто встречающийся в приключенческой литературе ход: персонаж тайком пробирается на корабль, прячется в трюме и дожидается отплытия. Он используется, например, в романе Майн Рида «Морской волчонок» (главы «Я проникаю на корабль» и «Ура! Мы отчалили»). Можно предположить, что именно таким образом собирался добираться до Америки и читавшийся Майн Рида юный герой рассказа А. П. Чехова «Мальчики» Чечевицын.

С. 106 ...тридцать три процента экономии сил... Что-то подсказывает нам: производительность труда Лома много выше, чем у его коллег по кочегарному цеху.

С. 107 – Да там, – отвечают они, – в бункере, какая-то нечисть завелась. Возможно, Н. обыгрывает и пародирует здесь ходовую для описаний угольного бункера корабля метафору ада. Приведем здесь только одну, но выразительную цитату – из знаменитого рассказа И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (1915): «...мрачным и знойным недрам преисподней, ее последнему, девятому кругу была подобна подводная утроба парохода – та, где глухо гоготали исполинские топки, пожиравшие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени» (Бунин И. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. М., 2006. С. 92). Ср. также в процитированной выше песне «Раскинулось море широко»: «О, если бы мог кто туда заглянуть, / Назвал кочегарку бы адом». Не случайно матросы на русском флоте в старые времена обзывали кочегаров «духами» (сравнивая их с грешниками в аду). Впрочем, те не оставались в долгу и дразнили матросов «рогатыми».

С. 107 Я старший помощник и далее. Н. в этом эпизоде до некоторой степени восстанавливает справедливость – ведь Врунгель и Фукс в повести уже пели, а

«Азалия», корвет Королевских военно-морских сил Великобритании, спущен на воду 8 июля 1940 г.

Лом еще нет. «Корветом», то есть военным кораблем (в эпоху парусных судов – разведывательным, в новую эпоху – оборонительным) назвать «Беду» можно только с большой долей поэтического преувеличения.

Заметим, что песня Лома вообще отличается возвышенностью и литературностью (особенно на фоне гавайской импровизации его коллег). Стихотворный размер, которым она написана (четырёхстопный амфибрахий с мужскими рифмами) был канонизирован в русской поэзии зловещим стихотворением А.С. Пушкина «Черная шаль» (1820):

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль...

на которое потом было написано множество пародий. Самая известная и смешная – Козьмы Пруtkова, которая и строфически записана так, как Н. записал песню Лома:

На мягкой кровати
Лежу я один.
В соседней палате
Кричит армянин.

Автору ПКВ явно был памятен этот текст (сравните «лежу» и «сiju», «на мягкой кровати» и «на жестком угле»). Наверное, стоит вспомнить и другой хрестоматийный пушкинский текст, написанный тем же размером: «Узник» («Сiju за решеткой в темнице сырой», 1822).

Особо отметим, что «Черная шаль» Пушкина уже при жизни поэта стала известным романсом, то есть она, как и творение Лома, исполнялась вслух и на музыкальный мотив. Может быть, на кочегаров, которые «как ошпаренные» выбежали из угольного бункера, пугающе повлияла не только, так сказать, манера исполнения Ломом своей песни, но и самый ее ритм? (О стихотворении Пушкина и его влиянии на русскую поэзию XIX–XX вв. см. превосходную статью: **Вахтель М.** «Черная шаль» и ее метрический ореол // Русский стих. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. В честь 60-летия Михаила Леоновича Гаспарова. М., 1996. С. 61–80). И.Г. Дубровская предположила, что прообразом песни Лома послужили первые строки сходного по эмоциональному строю стихотворения Пьеро из «Золотого ключика, или Приключений Буратино» А.Н. Толстого: «Мальвина бежала в чужие края, // Мальвина пропала, невеста моя» (**Дубровская И.** Этот неутомимый Врунгель («Приключения капитана Врунгеля» А.С. Некрасова // Проблемы детской литературы: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1987. С. 90).

С. 107 *Хоть дредноутом назови...* Большой военный корабль первой половины прошлого столетия, вооруженный крупнокалиберным оружием, разновидность линкора. Если «корвет» – старое слово, получившее в эпоху пара новое значение, то «дредноут» – неологизм, появившийся в начале XX века. Название происходит от имени первого судна этого типа – британского линейного корабля Dreadnought («Неустрашимый»).

Линкор «Dreadnought», спущен на воду 10 февраля 1906 года

С. 109 *И вот наконец прибыли мы в Канаду.* Канадско-советские отношения до Второй мировой войны оставляли желать лучшего: хотя в 1931 года Канада обрела полную независимость от Великобритании и получила возможность самостоятельно определять внешнюю политику, первый советский посол в Канаде появился только через десять лет. Канадское правительство не без оснований подозревало СССР во вмешательстве в свои внутренние дела, а с 1931 по 1936 годы страны даже вели торговую войну, не приносившую, впрочем, особых убытков обеим сторонам конфликта в силу отсутствия реальной торговли между ними. Возможно, неудачное приобретение ездовых животных экипажем «Беды» – самый заметный эпизод этой странной войны.

С. 109 *...железных дорог нет, на автомобиле не проедешь. Пароходом – это надо ждать до весны...* Английский корабль-«купец», очевидно, прибыл в один из тихоокеанских портов Канады, крупнейший из которых – Ванкувер (иначе Врунгелю пришлось бы пройти Беринговым проливом мимо Аляски и заветных со-

ветских берегов). Прямого железнодорожного пути и/или автомобильной трассы до Аляски ни из одного из этих портов в описываемый период, действительно, проложено не было. В 770 километрах от Ванкувера, в канадском городе Принс-Руперт находится паромная переправа до Аляски.

Фритьофу Нансену и его спутникам приходилось обходиться и без ездовых животных. Гренландия, 1888 г.

С. 109 *Мы посоветовались и решили купить нарты...* Так на Севере называют длинные узкие сани, которые употребляются для езды на оленях или собаках. Сразу же отметим, что одновременно собак и оленей в упряжку не запрягают никогда.

С. 109 *...а Фукс взялся собак достать...* В русской литературе Фукс – не первый шулер-путешественник, перебирающийся из Канады в Россию через Аляску. Напомним: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом / И крепко на руку нечист» – так А.С. Грибоедовым был аттестован картежник и путешественник граф Ф.И. Толстой (Американец).

С. 109 *По снегу ещё кое-как, а на реку, на лед вышли – наш олень шагу ступить не может. Ноги так и разъезжаются.* Тут бы Врунгелю и его команде и вспомнить известную поговорку-сравнение: «Как корова на льду...»!

С. 110 *...ну, кое-как всё-таки обратали...* Обратать – заставить измениться, приручить.

С. 110 *И что бы вы думали? Припустил наш олень иноходью, только пятки сверкают.* Иноходь – способ быстрого бега на четырех конечностях (аллюр на языке собаководов, коневодов и всадников), когда обе правые и обе левые ноги оказываются одновременно то в воздухе, то на земле. Если вы встанете на четвереньки и попытаете побежать, вы начнете передвигаться именно иноходью.

В этом эпизоде опровергнутым оказалось не только правило про перемену мест слагаемых, но, кажется, и басня И.А. Крылова про Лебедя, Рака да Щуку. Кроме того, здесь Врунгель как никогда близок к своему прямому литературному предку барону Мюнхгаузену. С ним в России произошла очень похожая история: погнавшийся за санями волк слопал лошадь барона, да так неудачно, что доев ее на бегу, сам оказался в упряжке. Погоняя волка кнутом, герой книги Распэ и въехал в Петербург, изрядно удивив жителей столицы. Отметим гуманизм советского писателя: он заменил волка волчонком и для верности заставил героев запрячь обоих зверей, так что страх коровы и охотничий азарт хищника обеспечили высокую скорость без кровопролития и жестокого обращения с животными.

Случайно открытый путешественниками принцип передвижения – вариация на тему «осла и морковки».

С. 111 *У оленя пар из ноздрей, копыта сверкают и так это ловко печатают: «Б-Е-Д-А», как на «Ундервуде».* В кавычки заключено название самой известной американской фирмы («Underwood») – производителя печатных машинок (с 1895 по 1959 годы). Этим фрагментом восхитился в своей рецензии на ПКВ-1939 Л. Кассиль: «Типичная мультипликация, но придумано отлично!» (Кассиль 1939: 19).

Герой Луи де Фюнеса применяет на практике принцип «осла и морковки» («Мания величия», Gaumont, режиссер Жерар Ури, 1971)

С. 111 *Словом, не успели оглянуться – граница Аляски. Тут шерифы с винтовками, с флагами...* Граница между Канадой и США вот уже многие десятилетия не охраняется военными силами. Однако полицейский и таможенный досмотр на границе проводился весьма тщательно, особенно для не граждан этих двух стран.

Слово «шериф» понималось в советское время весьма расширительно – в значении «американский страж порядка, агрессивный, вооруженный и злоупотребляющий властью». На самом деле в США так называются начальники местной полиции (на уровне округов, единиц административного деления штатов). На государственной границе множеству шерифов делать решительно нечего.

С. 111 *И вот открывается форт Юкон за поворотом.* Речь идет о городе Форт-Юкон, крупнейшем населенном пункте американского штата Аляска. Ну, то есть, что значит – крупнейшем? В Форт-Юконе никогда постоянно и одновременно не жило больше 701 человека. Основным источником сведений о Форт-Юконе и Аляске для советских читателей был популярнейший в СССР американский писатель Джек Лондон, в «северных» рассказах которого Юкон предстает чрезвычайно отдаленным местом, куда ценой огромных усилий, рискуя жизнью, буквально прорываются золотоискатели. Каково же было изумление одного из комментаторов этой книги, когда он в детстве обнаружил, что Юкон находится на широте Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга).

С. 112 *У них там в этот день была зимняя гонка...* и далее Каждый февраль, начиная с 1894 года, в Канаде и США проходят самые знаменитые гонки на собачьих упряжках в мире – Yukon Quest. Длина маршрута гонки составляет 1600 км, а проложен он между канадским населенным пунктом Уайтхорс и американским городком Фэрбенкс (в штате Аляска). Здесь очевидна перекличка с «английским» эпизодом (традиционные гонки, в которых чужаки неожиданно для всех одерживают победу), а ещё чувствуется влияние Джека Лондона:

«– Вот это гонка! – как сквозь сон, услышал Смок голос инспектора, показавшийся ему далеким и слабым. – Вы оба выиграли. Вам придется делить между собой заявку. Вы – компаньоны.

Их руки поднялись вверх, потом опустились – в знак того, что это решение утверждено. Толстяк Олаф качал головой, задыхаясь. Наконец ему удалось заговорить.

– Проклятый вы чечако [новичок – *Комммент.*]! – выговорил он, но выговорил с восхищением в голосе. – Как это вам удалось – не знаю, но вам удалось!» Лондон Д. Смок Беллью // Собр. соч. в 13 т. М.: Правда, 1976. Т. 10. С. 120.

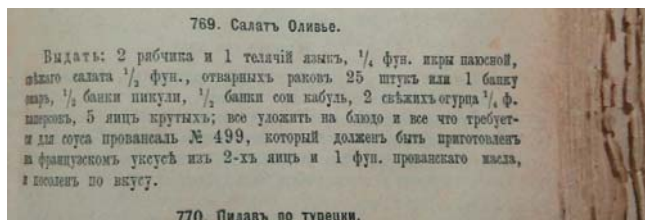
Может быть, Н. хотел закольцевать сюжет, а возможно, просто устал к концу повествования. Здесь снова можно вспомнить о романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», в котором жулики выдают свою легендарную автомашину за лидера автопробега.

С. 113 *До острова Лаврентия...* То есть, острова Святого Лаврентия в южной части Берингова пролива, в 80 км от полуострова Чукотка. Поскольку Н. проживал в стране победившего атеизма, слово «Святой» он из названия выпустил. Пропускали его и в большинстве советских книг того времени (хотя на картах и в атласах фигурировало полное название). Остров этот с 1867 года принадлежит США, хотя и располагается ближе к Чукотке, чем к Аляске. Открыл его 10 августа 1728 года русский мореплаватель Витус Беринг (1681–1741), а назван остров был в честь святого мученика архидиакона Лаврентия, память которого в этот день отмечается русской православной церковью.

С. 113 *Разбили ледовый лагерь под торосом.* Торос – нагромождение льдин (могут достигать высоты до 20 м).

С. 113 *...по дороге мы запаслись пеммиканом, рыбой, морожеными рябчиками.* Пеммикан – мясной пищевой концентрат, изобретение североамериканских индейцев, его упоминание добавляет рассказу Врунгеля «северной» экзотичности и достоверности (пеммиканом часто питаются персонажи того же Джека Лондона, например). Одна из многочисленных разновидностей птицы из рода рябчиков подсемейства тетеревиных отряда курообразных (рябчик воротничковый) и в самом деле водится на Аляске, однако у русских читателей вряд ли были сведения об этом. Зато они хорошо помнили рябчиков обыкновенных, обитающих в Евразии и бывших серьезной статьей дореволюционной русской внутренней торговли (а также экспорта в Европу). Зимой 1874/75 гг., например, только в Москву было доставлено полтора миллиона мороженных рябчиков, и еще миллион с небольшим – в Петербург (Данилкин А.А. Охота, охотничье хозяйство и биоразнообразие. М., 2016. С. 106). Мясо рябчиков считалось деликатесным, это запечатлел Маяковский в знаменитом двестишести 1917 года, с которым революционные матросы и солдаты шли на штурм Зимнего: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой послед-

Мясо рябчика, в частности, до революции входило в состав салата Оливье (наряду с осетровой икрой, раками, омарами и прочими деликатесами)

ний приходит, буржуй». Соединение изысканных рябчиков и экзотического (но, судя по описаниям, крайне невкусного) пеммикана выглядит в ПКВ особенно смешно. Вопрос о том, что делали с морожеными рябчиками Врунгель и его товарищи, покуда не была решена энергетическая проблема, остается открытым.

С. 113 *Ну, опять же и от коровы молочко.* Канадцы подсунили героям не просто бесхвостую, но еще и недавно отелившуюся корову. Иначе бы она не давала молока. Впрочем, суровое арктическое питание едва ли способствовало высоким надоям.

С. 113 *...а вот с холодом туго пришлось.* Средняя температура воздуха на острове Святого Лаврентия в январе, конечно, низкая (минус 14 градусов по Цельсию), но уж не настолько, чтобы впадать в отчаяние. Впрочем, матрос Фукс, привыкший к мягкой французской зиме, наверное, с этим бы поспорил.

С. 113 *... как-то я был в цирке, там один гипнотизер пристальным взглядом воду кипятил.* Гипноз – как бы его ни объясняли ученые – никак не распространяется на неодушевленные предметы. Однако популярность этого термина в XX веке была столь велика, что им стали обозначать любые сверхъестественные явления, демонстрируемые изумленной публике на эстраде и цирковой арене. Напомним читателю хотя бы о представлении в театре «Варьете», описанном в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

С. 113 *...проще сказать, фокус...* и далее. Очередное обыгрывание в повести разных значений слова «фокус» (цирковой фокус и фокус, как расстояние от преломляющего стекла до точки пересечения преломляемых лучей).

Этот эпизод – одна из наиболее откровенных в ПКВ пародий на Жюль Верна, в романе которого «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» находим такой эпизод: «– У нас нет зажигательной чечевицы, так постараемся ее сделать.

– А как? – спросил Джонсон.

– Из льда.

– Как? Вы думаете?..

– А почему бы и нет? Все дело в том, чтобы собрать солнечные лучи в одном фокусе, и кусок льда вполне может заменить зажигательное стекло.

– Возможно ли это? – спросил Джонсон.

– Вполне, только я предпочел бы пресноводный лед. Он прозрачнее и крепче, чем морской.

– Если не ошибаюсь, – сказал Джонсон, указывая на торос, находившийся шагах в ста, вон та темно-зеленая глыба вполне подойдет...

Все трое подошли к льдине, которая действительно оказалось пресноводной. Доктор велел отколоть от нее небольшой кусочек и стал вчерне обрабатывать его топором, потом он выровнял ножом поверхность льдинки и постепенно отполировал ее рукой. Получилась прозрачная оптическая чечевица, словно сделанная из лучшего стекла.

Потом он достал кусок трута и приступил к опыту.

Солнце светило довольно ярко; доктор подставил ледяную чечевицу под солнечные лучи и собрал их на куске трута.

Через несколько секунд трут воспламенился.

– Ура! Ура! – крикнул не веривший своим глазам Джонсон. – Ах, доктор, доктор!..

Старый моряк не помнил себя от радости и, точно полоумный, метался по сторонам.

Доктор вошел в ледяной дом; через несколько минут печь загудела, и аппетитный запах жаркого вывел Бэлла из мрачного оцепенения» (Верн Ж. Путешествие и приключения капитана Гаттераса. М., 1993. С. 221–222).

Столь точное следование пародируемому оригиналу, возможно, тоже свидетельствует об определенной усталости Н. от написания повести: ему легче было почти точно воспроизвести, чем придумать свое, новое. Кстати, и Жюль Верн не гнушался самоповторами, в том числе и детальными: историю с возжиганием огня посредством самодельной двояковыпуклой линзы, вызвавшим восторг простодушного моряка, он воспроизвел в романе «Таинственный остров». Только там линзу сделали не из льда, а из стекол карманных часов, а фамилия моряка была не Джонсон, а Пенкроф.

С. 114 ...подняли творение моих рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лёд, глядим – так и буравит, как в редьку...

Возможно, подразумевается техника приготовления известного народного средства от кашля – редьки с медом. Для того, чтобы заложить в черную редьку мед, в ней сначала выскабливают тонким ножом или ложкой углубление, оставляя по бокам примерно по три сантиметра. Вот «пучок лучей» и «буравит» льдину, как нож выскабливает редьку. Увы, других объяснений у нас в этом случае нет.

С. 114 Волка пеммиканом кормим, корову сеном. С пеммиканом у путешественников действительно проблем не было («запаслись по дороге»), а вот откуда на острове Святого Лаврентия сено?

С. 114 ...и помчались прямым курсом на Петропавловск. Речь идет не о городе Петропавловске в Казахстане, а о русском (тогда – советском) городе Петропавловске-Камчатском – неофициальной столице Камчатского края (еще его иногда называли Петропавловске-на-Камчатке). Вторую половину своего названия город обрел в 1924 году, как раз для того, что его не путали с казахским Петропавловском.

С. 114 ...за нашим походом следили по газетам... Отчеты о путешествиях советских исследователей Севера регулярно публиковались в газетах, обстоятельства этих походов очень волновали граждан страны Советов. Самыми «громкими» были неудачное плавание на пароходе «Челюскин» в 1933–1934 годах (пароход был раздавлен льдами, его экипаж – 104 человека, мужчины, женщины и даже ново-

рожденный ребенок – успел высадиться на льдину и был спасен советскими летчиками) и дрейф, т.е. движение вместе со льдами, станции «Северный полюс» в 1937–1938 годах, в ходе которого четверо исследователей во главе с И.Д. Папаниным тоже были вынуждены искать спасения (уже не у летчиков, а у моряков), когда раскололась несшая их станцию льдина.

С. 114 *Корову мы расковали, сдали в колхоз по акту...* Первые колхозы стали возникать в Советской России в 1918 году, а на Камчатке несколько позже – в начале 1920-х годов. «Сдать по акту» в данном случае означает, что Врунгель и его команда безвозмездно отдали или продали свою корову в колхоз, а в обмен получили бумагу, удостоверяющую акт дарения или продажи.

Кинули так назвали, когда мать отказалась кормить новорожденного львенка

С. 114 *...волчонка ребятам в школу подарили для живого уголка...* «Живой уголок» – что-то вроде небольшого школьного или детсадовского зоопарка и ботанического сада, практика организации живых уголков в советских школах восходит к 1920-м гг. Остается лишь гадать, что произошло, когда волчонок-маугли подрост (кажется, Н. рассчитывал на то, что читатели зададут себе этот вопрос). Напомним, что сюжет об опасном хищнике, мирно подрастающем даже не в живом уголке, а в частной квартире, был популярен в советской литературе для детей 1930-х годов. Самая известная история – о львице Кинули, воспитанной у себя дома работницей зоопарка Верой Чаплиной (в итоге

взрослую львицу все же перевели обратно в зоопарк). См., например: **Чаплина В. Кинули // Юный натуралист. 1935. № 8. С. 38–41.**

С. 114 *Когда на охоту – моржей пострелять...* Охота на моржей считалась национальным промыслом на Чукотке и Камчатке, что в итоге привело к значительному сокращению поголовья этих милых и почти беззащитных животных. Тем не менее, государственный промысел моржей был запрещен в СССР лишь в 1956 году.

Тех читателей, которые станут упрекать капитана Врунгеля, а заодно и самого Н. в смаковании жестокости (охота на моржей на Камчатке, порка нахал-тюленя и т.п.) просим вспомнить, что представление о допустимых степенях жестокости, господствовавшие в Советском Союзе, да и во всем мире, в 1920–1930-х гг., значительно отличалось от современного. То же, между прочим, касается и шуток про японцев, африканцев (слово «негр» тогда не считалось обидным) и представителей других народов. А также сцен курения и употребления алкоголя в детской литературе. Очень легко можно представить себе, какие эпизоды редакторы настойчиво посоветовали бы Н. убрать из повести, принеси он ее в журнал для детей не в 1937, а, скажем, в 2017 году.

Вот (см. следующую страницу), например, фрагмент инструкции из российского детского дореволюционного журнала «Мирок», бестрепетно разъясняющий малень-

кому читателю, каким образом ему нужно держать животное, чтобы оно не смогло вырваться.

С. 114 ...или медведя встретил... Бурый камчатский медведь – один из главных символов этого полуострова, и обойтись без его упоминания, пусть даже мимоходного, Н. просто не мог.

Фотография из ЖЖ lusika33@livejournal.com

С. 115 *А у мачты – я и команду подхожю.* и далее. Появление подставного персонажа, врага главного героя (в финале разоблачаемого) описывается во многих народных и литературных сказках. Встречи героев с двойниками-самозванцами изображаются в литературе в разных регистрах, от трагического до легкомысленного. Из ближайших по времени к ПКВ-1939 примеров упомянем пьесу Евгения Шварца «Тень», писавшуюся в 1938–1940 гг., а также (в который раз) «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова, где в кабинете советского чиновника встречаются мнимые дети флотского лейтенанта Шмидта. Кстати, «командую подходом» подозрительно напоминает рефрен Остапа Бендера: «Командовать парадом буду я».

Вместе с тем, на комментируемый эпизод можно взглянуть, как на кульминацию в пародийной (?) цепочке шпиономанских сцен ПКВ: высокопоставленный японский вредитель, окруженный подручными, под видом советского капитана и его команды пытается внедриться в дальневосточный флот Советского Союза.

Между прочим, только из этого эпизода и становится ясной главная цель Кусачи – не просто уничтожить ненавистного советского моряка, но и занять его место, а потом, понятное дело, посильнее навредить стране – потенциальному противнику.

С. 115 *Вот, знаете, кранцы выложили. Дали выброску, пристают.* Кранцами называют специально подготовленные для этого предметы (чаще всего, короткие куски троса или набитые чем-нибудь парусиновые круглые мешки), которые вывешивают («выкладывают») за борта судна, чтобы смягчить их удары о пристань или о другое судно. Выброска – это бросательный конец судна, то есть веревка, имеющая на одном конце парусиновый, набитый песком мешочек (грузик). С помощью выброски на причал перебрасываются швартовые тросы (канаты, которыми судно крепится к пристани).

Современные виды кранцев

С. 115 – *Ерунда! Не может быть никакого Врунгеля: я его сам потопил в Тихом океане.* Может показаться, что тут уж Н. переборщил с тупостью бравого адмирала. Однако японских (а также немецких, финских и иных) шпионов в советских книгах и фильмах часто изображали недалекими и на редкость самоуверенными фанфаронами. Еще более интересно то, что, судя по комментируемому фрагменту, адмирал очень чисто, безо всякого акцента, говорит по-русски.

Выдающий сам себя обманщик, не справившийся с внезапно изменившейся ситуацией – традиционный сюжетный прием, напомним читателю хотя бы о незадачливом Ване из рассказа Л.Н. Толстого «Косточка».

С. 116 *Тот упал, и глядим – у него вместо ног ходули торчат из брюк.* и далее. Интересно, что двойники команды Врунгеля варьируют даже технику обмана публики, использовавшуюся членами этой команды: вспомним, как Врунгель и Фукс на пару изображали высокого пассажира самолета, а ранее Врунгель мастерил себе бороду из швабры, готовясь выступить в роли морского царя Нептуна. Здесь вновь обыгрываются известные стереотипы: «японцы все малорослые» (на самом деле, далеко не все) и «у японцев не растет борода» (растет, конечно).

Два обладателя премии «Оскар» – высокий Акира Куросава (1990 год, приз вручают Джордж Лукас и Стивен Спилберг) и бородатый Хаяо Миядзаки (2014, награждает основатель студии Pixar Джон Лассетер)

С. 116 ...*а у меня никаких характерных признаков...* От растерянности Врунгель забывает про тот свой «характерный признак», на который он сам инстинктивно указывал своему слушателю буквально несколькими абзацами выше: «Пощупал живот: нет, и на берегу вроде я».

С. 116 *Харакири, самый самурайский аттракцион...* и далее К этому традиционному для японских самураев виду ритуального самоубийства прибегает, например, опозоренный враг СССР из романа Г. Адамова «Тайна двух океанов»: «...командир крейсера «Ямато» капитан Маэда, не перенес бесчестия поражения, учинил над собой харакири, в чем ему с сердечной дружбой и любовью помог лейтенант Тодзио» (Адамов Г. Тайна двух океанов. М., 1984. С. 442). Сопоставление этих двух фрагментов, как кажется, позволяет в полной мере оценить своеобразие метода «политической сатиры» Н.: потенциально зловещий эпизод оборачивается у него безобидной буффонадой, которая превращает страшного идеологического противника в комического и классического дурака-простака, наподобие дураков из комедий

Шекспира, безуспешно пытающихся разыгрывать из себя хитрецов. Образ карикатурного врага окажется впоследствии востребованным в советской культуре времен Великой Отечественной войны (кинокомедия, эстрадные жанры, карикатура и плакат): иногда подобным образом изображалась даже верхушка Вермахта (толстяк Геринг, обезьяноподобный Геббельс, похожий на крысу Гитлер и т.п.).

С. 116 Тут, знаете, кортик у него отобрали, взяли под белые руки довольно вежливо и повели. И команду его повели. А мы не успели опомниться, смотрим – качают нас. В ПКВ-1939 было чуть по-другому, без фольклорного оборота: «... взяли под ручки довольно вежливо...» (ПКВ-1939: 164). Безличные конструкции с глаголами третьего лица множественного числа в русском языке уже давно используются для изображения насильственных действий власти («его арестовали», «ее посадили»). Да и выражение «под белые руки» трактуется однозначно – насильственное задержание. Но интереснее в этом фрагменте другое: из него становится понятным, что предыдущее пребывание героев на Камчатке было чем-то вроде проверки: корову по акту у них приняли, но подлинный триумф наступил лишь после разоблачения коварного врага.

С. 117 Ну, заприходовали эту посудину, как полагается... Заприходовать – на канцелярском языке – «записать в графу поступлений», а здесь – оформить документы на японскую яхту как на советскую (так сказать, как на «боевой трофей»).

С. 117 Фукс исправился, поступил на кинофабрику злодеев играть: у него внешность для этого подходящая. Н. намеренно не проясняет бюрократические обстоятельства получения французским (вероятно) гражданином Фуксом советского гражданства и не рассказывает о малоприятных (как показывают прецеденты) этапах общения Фукса с инстанциями вроде НКВД – детская же книжка, чего от нее требовать! Впрочем, и в популярной советской кинокомедии «Цирк» (1936) Г. Александрова американка Мэри в исполнении Любви Орловой превращалась в советскую гражданку как-то неуследимо для зрителя.

Случаев, когда иммигрант из Западной Европы или США в 1930-е годы стал бы советским актером, единицы: припоминается только Вейланд Родд-старший,

Слева: Вейланд Родд в фильме «Великий утешитель» (Межрабпомфильм, режиссер Лев Кулешов, 1933). Справа: Юл Бриннер (Юлий Борисович Бринер) – американский актер русского происхождения, в культовом вестерне «Великолепная семерка» (1960)

сыгравший в нескольких кинофильмах (эпизодическая роль в «Цирке», Джим в «Томе Сойере» и самая известная, но более поздняя – Геркулес в «Пятнадцатилетнем капитане» 1945 года). Исполнитель роли негритенка в упомянутой выше комедии Джеймс Ллойдович Паттерсон – сын американского эмигранта – родился в Москве в смешанной семье (он потом стал офицером-подводником и советским поэтом). А вот обратное случалось весьма часто: многие эмигранты из советской России подвизались на западных кинофабриках в эпизодических ролях злодеев и шпионов, а некоторые из детей и потомков этих эмигрантов и вовсе стали звездами американского и европейского кинематографа.

С. 117 *А Лом там остался, командовать этой яхтой.* Прототип Лома, Иван Александрович Ман, с 1935 года служил капитаном парохода «Кола», а с 1936 – капитаном парохода «Правда», который совершил сквозной переход Северным морским путем.

Интересно, что, судя по журнальному варианту повести, приключения Врунгеля происходили не так уж давно. Там сказано: «Ну, а дня через три и пароход пришел. Мы с Фуксом уехали. Я вот, как видите, здесь. Фукс теперь в кино ушел злодеев играть: у него для этого внешность подходящая. А Лом остался на море, командует этой яхтой» (Пионер-12: 114). В ПКВ-1939 и ПКВ-1958 разница во времени между приключениями и рассказом о них была значительно увеличена автором.

С. 117 *А вы говорите, что я не плавал. Я, батенька мой, плавал, да ещё как плавал!* Здесь Н. очень точно воспроизводит композиционный прием, характерный для повествований этого рода. В финале старик-рассказчик повторяет молодому герою с вариацией яркую формулу зачина своего монолога (отделенного от начала текста некоторым вступлением). Стоит вспомнить, во-первых, пушкинского «Гусара» (1832) (в начале рассказа и в финале: «Ты, хлопец, может быть, не трус, Да глуп, а мы видали виды») и, во-вторых, «Бородино» (1837) Лермонтова («Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри – не вы!» и т.д.).

С. 118 *Так сказать, в назидание потомству и вообще...* Торжественная формула «в назидание потомству» (именно «в назидание потомству» рассказывает лермонтовский «дядя» о битве при Бородине) уже с середины XIX века употреблялась в русской литературе сугубо с ироническим оттенком. Сравните, например, в сатирическом очерке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Между делом»: «Да и читающая публика нынче равнодушна к эмпириям стала. Ничего не хочет знать, кроме газет. Прочтет кой-какие столбцы, а остальное время твердит: купить – продать, кассация – апелляция... Впрочем, это я об той части литературы говорю, деятели которой называются «разбойниками печати» и «мошенниками пера» (клички эти непременно надо сохранить в назидание потомству, как исторический документ)» (Салтыков-Щедрин М. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 15. Кн. 2. М., 1973. С. 249).

С. 118 *...как говорится, линьков отведаль.* Линёк – короткая смоленая веревка, служившая прежде на корабле для телесного наказания матросов и юнг.

С. 118 *Так что уж вы, батенька, потрудитесь: все морские слова в отдельный список, по порядку русского алфавита, подберите и мне представьте. А я на досуге займусь, обдумаю это дело и дам свои объяснения.* «Батенька» – обращение, которое в очередной раз выдает во Врунгеле человека прежнего времени. Персонаж, пишущий пояснения к отдельным непонятным словам, встречающимся в произведении, – по-видимому, именно из ПКВ этот прием был позаимствован братьями А. и Б. Стругацкими для их знаменитой повести-сказки «Понедельник начинается в субботу» (1965). Отметим, что словарь морских терминов, впрочем, вполне серьезный, был помещен и в конце книги Д.А. Лухманова «20 000 миль под парусами».

С. 119 *Христофор Бонифатьевич рассердился не на шутку, обозвал меня мальчишкой и дал понять, что дело это серьезное и торопиться с ним не следует.* Упрек, вопиюще несправедливый, особенно, если учесть, что тот, к кому он обращен, предоставил Врунгелю свой «объемистый труд» «вскоре» после окончания его устного рассказа.

С. 119 *Так и вышла книжка без словарика. И ничего, читали люди и, в общем, кажется, правильно всё понимали.* Подразумевается ПКВ-1939, где никакого словарика не было. Об истории его появления сам Н. рассказывал так: второе издание ПКВ готовилось «к печати новым методом безграничной [гранки – это предварительный, черновой типографский набор, который отпечатывают и отдают корректору и редактору для внесения последней, “чистой” правки – *Коммент.*] верстки. В результате просчета технического редактора несколько страниц в книжке оказались пустыми. Редактор предложил мне срочно расширить текст, а оставшееся место заполнить морским словариком.

Такое предложение никак не устраивало меня: расширить на несколько страниц рукопись, каждая строчка которой вынашивалась годами, я, конечно, не мог. Не мог я согласиться и на помещение в конце книги банального морского словаря. Мне казалось, да и сейчас я уверен в этом, что такой словарь в значительной степени обесценил бы книжку.

Сидя над корректурой набранного уже словарика, я думал о том, как выйти из создавшегося положения. Тут мне пришла на память забавная история слова «Анкерок», которым этот словарик открывался. Я стал вспоминать историю русской морской терминологии и вскоре убедился, что в этом источнике заложен богатейший материал для заключения книги в юмористическом ключе. Так родился «Толковый морской словарь...», а вслед за ним и вся заключительная глава повести» (Некрасов 1978: 247).

С. 120 *...вокабулы...* Врунгель сам применяет здесь затейливое существительное «вокабулы», вместо того, чтобы употребить его простой и всем понятный синоним – «слова».

анонс сначала «Кондуит», затем «Швамбрания»

Повести Льва Кассиля (1905–1970) «Кондуит» и «Швамбрания» выходили в таком виде – порознь, как были написаны, – только до 1935 года. Затем писатель объединил их, отредактировав, в одну повесть «Кондуит и Швамбрания». И с этого момента история о гимназии города Покровска, ставшей затем Единой трудовой школой, и о материке Большого Зуба (где вместе с туземными племенами швамбран, кальдонцев, бальвонцев и пилигвинов живут беглецы из Покровска – братья Лёля и Ося), бытует в нашей литературе в этом новом виде. Новом, но не окончательном: Кассилю много раз приходилось переписывать свою книгу, и чаще всего – вынужденно. История нашей страны, история семьи писателя содержит немало трагических страниц, и это отражает уже история «Кондуита и Швамбрании».

Публикация повестей Льва Кассиля в их первой редакции, прокомментированная и проиллюстрированная – и художественно, и документально, – представляет книги такими, какими они были изначально, по воле автора.

книга вышла в 2015 году

«– Ну-с, – дразнила она, – вот я и к евреям попала. Так, так, хорошее племя... А знаешь, что ваши древние... Христа к кресту прикнутили. Ваше племя бог проклял... И тебе на том свете крыса живот выест. Вот... А знаешь, как вас зовут? Жида вас зовут... Вот как.

– Вы юдофобка¹ и дура, – говорил я, чуть не плача. – Аннушка тоже говорит, что вы... пожилая хрычиха... Вот. И если вы ещё будете, то я маме пожалуюсь.

– Конечно, конечно, – говорила Августа Карловна. – Иди, иди. Жалуйся. Передавай, Иуда-предатель тоже из ваших был».

«– Турки, как и все мусульмане, отличаются бесчеловечной жестокостью, кровожадностью и зверством. Их священная книга Коран учит убивать христиан без всякой жалости, ибо чем больше “неверных” христиан убьёт турок, тем больше грехов ему простится. Но в сегодняшней войне турок перецеполяли в зверствах куль-тур-ные немцы. Они, немцы, варварски разрушили...

Класс оборачивается и укоризненно смотрит на Куфельда: Куфельд – немец. Класс возмущённо смотрит на Реклинга. Реклинг – тоже немец. Класс грозно смотрит на Крейберга, на Виркеля, на Фрицлера... Крейберг, Виркель, Фрицлер – все немцы. Враги! – неприятель в классе».

¹ Юдофобка – то же, что антисемитка.

Братья Кассили с жёнами, 1930-е. Одна из последних фотографий «Оськи», расстрелянного в 1938 г.

анонс Ташкент – город хлебный

Повесть Александра Неверова (1886–1923) «Ташкент – город хлебный» при жизни писателя выходила только один раз. Издательство «Земля и фабрика» вслед за автором адресовало её взрослому читателю, что естественно, учитывая трагизм описываемых событий – голод 1921–1922 годов в Поволжье – и достоверность, искренность этого описания. Неверов был не просто свидетелем голода, не только пережил его, но и проделал тот же путь в спасительный «хлебный город Ташкент», который в повести выпадет на долю героя – двенадцатилетнего крестьянина Мишки Додонова – и его спутников. Однако позднее эту повесть стали издавать в различных «Школьных библиотеках» – сериях книг для средне- и старшекласников.

Мы следуем этой традиции, не обсуждая её правомерность (книга, без сомнения, относится к числу самых ярких в русской литературе 1920-х годов, и это важнее всего), но снабдив повесть – для облегчения понимания читателем-подростком – большим справочным аппаратом и статьями-комментариями.

книга вышла в 2016 году

«– Ты что, мама, лежишь?
– Нездоровится мне нынче, сынок.
– А я хочу в Ташкент за хлебом съездить.
– В какой Ташкент?
– Город есть такой – две тысячи вёрст отсюда, и хлеб там больно дешёвый...»

Говорил Мишка спокойно, по-хозяйски, как большой настоящий мужик.

Мать смотрела удивлёнными глазами.

– Болтаешь, что ли, – не пойму я тебя!

Начал Мишка рассказывать по порядку. Ягоды много там и хлеба у каждого по горло. Зараз можно привезти тридцать фунтов. (Нарочно прибавил десятков, чтобы мать лучше поверила.) Рассказывал складно, словно по книжке. И что от мужиков слышал, и что сам придумал – всё выложил. Туда самое много, четыре дня, оттуда, самое много, четыре дня».

«Как в сказке, стоял перед ним Ташкент – город хлебный. Сады виноградные – во! Шутя можно урю-

ку карман нарвать. Всё равно, если ползком, никто не увидит. Говорили мужики – воздух очень горячий там – задохнуться можно – и этого не боялся Мишка. Наверное, речки есть, как у нас. А раз речки – можно купаться».

анонс Три повести о Васе Куролесове

«Детективные» повести о Васе Куролесове Юрий Коваль (1938–1995) писал около двадцати лет – «Приключения Васи Куролесова» вышли в 1971-м, а последняя из написанных книг цикла, «Промах гражданина Лошакова», – в 1989 году. Слово «детективный» мы взяли в кавычки: хотя сюжет здесь действительно острый и автор (как вы узнаете из затекстовых комментариев) использовал опыт своего отца, многие годы служившего в уголовном розыске, всё-таки трилогия о Куролесове – прежде всего памятник русской литературы XX века и блестящее описание московского и подмосковного быта 1960–1980-х годов. Реалии жизни героев книги не очень понятны современному подростку, поэтому книгу прокомментировали известные учёные, два профессора русской филологии – Олег Лекманов (НИУ ВШЭ, автор биографий Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, многочисленных исследований по истории русской литературы) и Роман Лейбов из университета г. Тарту (Эстония), главный редактор гуманитарного сайта «Ruthenia». книга вышла в 2016 году

«Ещё в сумерках Болдырев с Васей снова подошли к дому Рашпиля. Осторожно приоткрыв калитку, капитан вошёл в сад. Вася за ним. У поленницы дров капитан остановился и сказал негромко:

– Докладывайте.

– Всё в порядке, – неожиданно ответили дрова глухим еловым голосом, – пташка в клетке. Нет ли чего-нибудь пожевать?

– Подкрепляйтесь, – сказал капитан и сунул в поленницу бутерброд, завёрнутый в газету.

Дрова тихонько заворчали, шелестя газетой.

– Стань у сарая, – сказал Болдырев Васе, – и гляди в оба. Только не вздумай чего-нибудь делать. Стой, смотри и молчи.

– А если меня будут резать?

– Тогда кричи, – сказал Болдырев и растворился где-то за кустами смородины, за пчелиными ульями.

Вася стоял, прислонившись спиной к сараю. Справа от него была поленница дров, слева – смородина и помойка, прямо перед Васей – яблони и ульи, а за ними – дом».

«Научный аппарат» (комментарии и статьи) занимает в книге более 100 страниц.

анонс Рыцари и ещё 60 историй

Собрание «Денискиных рассказов» включает всё, что в этот цикл объединял их автор, Виктор Юзefович Драгунский (1913–1972). И при жизни, и после смерти его тексты постоянно редактировались – по цензурным и иным редакторским соображениям. Писателю часто удавалось справляться со стремлением «подправить» Дениску. Но в 1972 году Дениска своего защитника лишился, и с той поры авторские версии многих рассказов не издавались. То же можно сказать и про «авторский» состав, «авторскую композицию» цикла. Наше издание не только следует воле Виктора Драгунского – и текстологически, и по составу, – но и старается объяснить непонятное, рассказать про реалии жизни Дениски Кораблёва и его литературного «отца». Этому служат комментарии и статьи, завершающие книгу. Среди них и «книга в книге» – самая полная в нашем литературоведении биография Виктора Юзefовича, а ещё – рассказы о времени и месте действия рассказов, история чтения и понимания этой замечательной книги.

книга выходит в 2017 году

«Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

<...> Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У неё весёлые глазки, и маленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, он будет жить в ванной. Ещё я

люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

<...> Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

– Ты что скачешь?

А я сказал:

– Я скачу, что ты мой папа!»

Литературно-художественное издание
Серия «Руслит. Литературные памятники XX века»
Андрей Некрасов
Приключения капитана Врунгеля

Для среднего и старшего школьного возраста
В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
издание маркируется знаком

Иллюстрации Кирилл Чёлушкин
Макет, вёрстка Илья Бернштейн
Редактирование и корректура Лидия Шитова

Подписано в печать 16.10.2017. Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Гарнитура CharterC. Печ. л. 8 + 10. Тираж 3000 экз. Заказ №

ИП Бернштейн И.Э.

 Издательский проект «А и Б»®

Отпечатано в ООО «ТДС-Столица-8»

11024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, дом 11а, корп. 1.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Н48

Некрасов, Андрей

Н48 Приключения капитана Врунгеля: [для сред. и старш. шк. возраста] /
Андрей Некрасов; [ил. Кирилл Чёлушкин]. – М.: Издательский проект «А и Б»,
2017. – 128 + 160 с., ил. – (Руслит. Литературные памятники XX века).
ISBN 978-5-9906261-1-9

© ИП Бернштейн И.Э., 2017

© К. Чёлушкин, иллюстрации, 2017

© М. Свердлов, статья, 2017

© Г. Ельшевская, статья, 2017

© М. Терещенко, статья, 2017

© О. Лекманов, статья, комментарии, 2017

© Р. Лейбов, статья, комментарии, 2017

© И. Бернштейн, дизайн, составление серии, статья, комментарии, 2017

Здесь я подал (в 1927 г.) заявление о приеме меня в Комсомол, однако вступить в комсомол мне не пришлось.

В 1927 г. произошло крайне печальное для меня событие: Однажды в гостях у одноклассницы Веры Андреевны Ореховой, учившейся тогда во ВХУТЕМАСе зашел разговор о границах свободы советского гражданина. Поводом для этого разговора явилась газетная заметка о том, что в Италии была арестована группа молодежи за ношение красных звезд.

Я утверждал, что если любой гражданин Союза не участвующий в деятельности контрреволюционной организации надел бы, как украшение эмблему этой организации, пусть то будет даже свастика — он по советским законам не может быть осужден.

Завязался спор. В результате было решено, что В.А. Орехова закажет во Вхутемасе запонки со свастикой, а я надену их.

Некоторое время спустя в марте 1927 г., так и не увидев этих запонки, я был арестован и доставлен во внутреннюю тюрьму. На единственном допросе мне было предъявлено обвинение в связи с организациями, имеющими целью свержение советской власти. Я этого обвинения не признал.

Через несколько месяцев мне было сообщено решение по моему делу — 3 года высылки в Марийскую автономную область. В Краснококшайске, куда я прибыл в газете "Марийская деревня" было опубликовано мое стихотворение "Подарок".

Неделю спустя в газете "Известия" появилась статья Гр. Львовича "Краснококшайцы на чугунке", где целиком было приведено мое стихотворение. Гр. Львович между прочим писал, что "от этих стихов веет радостью пробуждающегося народа."

Прочитав эту статью я твердо решил стать писателем. Прочитав эту статью я был освобожден с правом свободного